

К.В. ТАТАРНИКОВ

РУССКАЯ ПОЛЕВАЯ АРМИЯ 1700–1730 гг.

ОБМУНДИРОВАНИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В.И. ЕГОРОВА

МОСКВА
2008

ВВЕДЕНИЕ

ЦАРСТВОВАНИЕ Петра Великого стало пограничной эпохой уже в сознании современников: глобальные внутренние преобразования, реформа армии, создание флота, громкие победы и выход России в число сильнейших держав Европы, прошедшие на глазах одного поколения людей, поражали ум и воображение... Богатое масштабными событиями Петровское время неоднократно привлекало и продолжает привлекать к себе интерес исследователей. Конечно же, не могла остаться без внимания армия. Много было написано о ходе Северной войны, ее отдельных кампаниях и сражениях, стратегии и тактике, механизмах управления и обеспечения войск, порядке комплектования, истории воинских частей, вооружении и так далее (список этих работ занял бы не одну страницу), однако уровень изученности материальной части армии остается чрезвычайно низким. Между тем, без знаний о предметном мире, который окружал *«служилого человека»* на войне и в повседневном быту, невозможно понять, как жил, действовал и менялся институт, призванный отстаивать интересы государства, а порой — его право быть.

Объектом исследования в настоящей работе является российская полевая армия 1-й трети XVIII века; предметом исследования — ее материальная часть, а именно обмундирование, вооружение, амуниция, конский убор и так называемая *«полковая арматура»* пехотных и драгунских полков.

Цель работы — всестороннее изучение данного комплекса предметов; основные задачи — на базе архивного материала составить его детальное описание за выбранный временной отрезок, а также проследить произошедшие изменения, выявив их причины и источники заимствований.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1700 по 1730 — от начала Северной войны, ход которой обусловил создание постоянной армии, до военных реформ правительства Анны Иоанновны (перемены 1720-х годов не имели принципиального характера).

Методологической основой работы является комплексный анализ документальных, нарративных и вещественных источников, основанный на применении описательного, сравнительного, системного, хронологического методов, статистического анализа данных массовой документации, текстологического анализа и комплексной критики источника.

Впервые в отечественной историографии проводится подробное и систематизированное описание материальной части постоянной русской армии в начальный период ее существования. В научный оборот вводится ряд неизвестных ранее документов.

Включенные в авторский текст документы и выдержки из них цитируются по правилам современной орфографии, с сохранением языковых и стилистических особенностей XVIII века. Транскрипция имен дана согласно подлиннику. Восстанавливаемые по смыслу слова или части недописанных слов заключены в квадратные скобки, опущенные места отмечены многоточием.

Материалы работы могут быть использованы в научных исследованиях, посвященных русской армии 1-й половины XVIII века; при чтении лекций и специальных курсов, создании изобразительных и предметных реконструкций, а также атрибуции и экспертизе произведений иконографии и вещественных памятников.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ

ДО настоящего момента единственной серьезной попыткой дать цельную картину облика русской армии остается широко известный труд *«Историческое описание одежды и вооружения российских войск...»*, первое издание которого включало 30 частей или томов, вышедших с 1842 по 1862. Периоду от начала Северной войны до конца правления императрицы Анны Иоанновны был отведен весь 2-й том. Для работы над текстом и рисунками составители *«Описания...»* привлекли массу вещественных и письменных источников: подлинные вещи из собрания Кунсткамеры, Санкт-Петербургского Арсенала, Московской Оружейной палаты и прочих древлехранилищ, гравюры и медали той эпохи, найденные в архивах официальные документы, мемуарные свидетельства.

Несмотря на столь широкую источниковую базу, в *«Описании...»* содержится весьма значительное число пробелов, неточностей и ошибок, порой весьма грубых. Причин этому несколько. Во-первых, это было ведомственное издание, над которым, сменяя друг друга, работало несколько составителей, не имевших специальной подготовки и к тому же ограниченных во времени. Во-вторых, необходимая в рамках столь масштабного проекта стандартизация — повествование начиналось с *«древнейших времен»* и достигало эпохи Николая Первого! — не позволяла воспользоваться столь разноплановыми источниками в полной мере.

Описание униформы и снаряжения полевой армии времен Северной войны 1700–1721 уместилось ровным счетом на пяти страницах. Пересказать их содержание вкратце можно так: за рядом незначительных исключений обмундирование и всё прочее в пехотных полках *«совершенно сходствовало»* с гвардейским, при *«чрезвычайной пестроте»* в цветах форменных вещей; драгуны, кроме того, имели экипировку, необходимую для верховой езды. Вся конкретика (практически единственное, чему было уделено внимание, — расцветка одежды) оказалась вынесена в примечания. Да и «гвардейский» раздел при внимательном прочтении вызывает массу вопросов. В общем, собранный материал изложен в форме не приведенного в систему набора частных фактов. Назвать подобную работу исследованием нельзя. Достаточно сказать, что в одном из архивных дел, упомянутых в списке источников, остался незамеченным мундирный регламент... Текст, охватывающий 1720-е годы, представляет собой фрагментарный пересказ нескольких базовых документов (штаты, табели) и отдельных указов.

Следует отметить еще один принципиально важный момент, оставшийся без внимания со стороны тех, кто работал над 2-м томом *«Описания...»*. Говорить о русской армии, как о некой цельной системе, с едиными источниками комплектования и обеспечения, можно лишь с 1712–1713, когда ее финансирование было возложено на губернии, а заготовление обмундирования, амуниции и прочих вещей — на две мундирных канцелярии (одна для пехоты, другая для кавалерии). До этого армейские полки содержались десятком различных учреждений, каждое из которых самостоятельно решало, как экипировать «свои» части (такими учреждениями были Военный, Разрядный, Монастырский, Сибирский, Поместный, Земский приказы, Ратуша, Ингерманландская губерния и др.). Во всех подобных случаях должно применять исключительно прецедентный подход. Тем более, что ряд полков находился на

особом положении. Так, в течении нескольких лет почетным командиром Ростовского драгунского полка был стоявший во главе Разрядного приказа боярин Тихон Стрешнев, Азовского драгунского — думный дьяк Поместного приказа Автомон Иванов, Каргопольского драгунского — глава Монастырского приказа боярин Иван Мусин-Пушкин. Строевое платье и амуницию их подчиненные имели на порядок лучшего качества, чем в других армейских полках. То же самое относится к шкwadронам светлейшего князя Александра Меншикова и фельдмаршала графа Бориса Шереметева. И уж тем более недопустимо ставить знак тождества между лейб-гвардией и армейскими частями.

Попытки дополнить или каким-либо образом исправить *«Историческое описание...»* (подобные идеи высказывались неоднократно) представляются занятием бесперспективным. В итоге обработки превосходного по своей информативности и значимости материала получился столь обобщенный текст, что разбирать его отдельные неточности и фактические ошибки просто не имеет смысла. Работа, представленная с нашей стороны, является результатом повторного и более тщательного изучения того круга архивных материалов, который был выявлен при составлении *«Описания...»*. По большому счету, она представляет собой «ревизию» одного из разделов этого труда.

Достоверность сведений, приведенных в *«Историческом описании...»*, стала вызывать сомнения уже давно. В равной степени это касалось и текста, и сопровождавших его иллюстраций. Художник Д.Н. Кардовский, используя *«Описание...»* в качестве основного источника, в начале XX века создал серию рисунков, изображающих солдат Петровской эпохи в более реалистичной манере, чем они были показаны в упомянутом труде. Однако, благодаря недостаткам *«Исторического описания...»*, работы Кардовского представляют интерес исключительно с художественной точки зрения.

Из всего массива военно-исторической литературы, появившейся за последние полтора десятка лет, достойны упоминания лишь несколько работ. Одной из первых попыток реконструировать военный костюм XVIII века, опираясь на архивные документы, является небольшая статья С.В. Карпущенко *«О мундирном довольствии русских артиллеристов в Северной войне 1700–1721»*, вышедшая в 1990 в сборнике исследований Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (далее — ВИМАИВиВС). Продолжения эта работа, увы, не получила.

Первые по-настоящему профессиональные исследования по истории русского военного мундира XVIII века принадлежат С.А. Летину. На сегодняшний день его описательные и изобразительные реконструкции, основанные на подлинных вещах из музейных собраний, иконографических источниках (гравюрах, портретах, батальной живописи), иностранных аналогах, а также мемуарной литературе и опубликованных к настоящему времени архивных документах, следует считать наиболее достоверной попыткой воссоздания облика русских солдат и офицеров «эпохи Просвещения». Подобная методика имеет один серьезный недостаток: неточность в атрибуции (явление для живописных произведений, увы, нередкое, а для музейных вещей — и вовсе заурядное) автоматически приводит к ошибкам, иногда весьма существенным. Использование в качестве основы для реконструкции архивных документов хотя и не дает столь впечатляющей подробности в деталях, однако сводит к минимуму вопросы с датировкой и определением принадлежности изучаемого объекта, а также позволяет ознакомиться с терминологией, что необходимо для любой научной работы. По своей сути архивный документ есть самодостаточный источник; в

отличие от музейных вещей или иконографических произведений, атрибуция которых, как правило, невозможна без привлечения документов или написанной на их основе литературы, сами документы крайне редко нуждаются в каких-либо уточнениях — другие виды источников лишь дополняют содержащуюся в них информацию, обогащая ее новыми деталями. Всё вышесказанное отнюдь не умаляет ценность работ Летина (речь идет лишь о достоинствах и недостатках различных методов исследования). Наверное, сейчас нет ни одного автора или, особенно, художника, кто бы так или иначе не постигал военный мундир XVIII столетия через его работы. Главная заслуга Летина, на наш взгляд, состоит не столько в создании новой методики исследования военного костюма, сколько в привлечении для этой работы широкого круга первоисточников, ранее практически не задействованных в рамках вспомогательной исторической дисциплины, именуемой униформология или мундироведение.

Эпохе Петра I Летин посвятил несколько статей. Первая, под названием *«Гвардия Петра Великого 1702–1725 годов»*, вышла в 1992 на страницах журнала *«Орел»*; следующая, *«Служилое платье от Петра Великого. Гвардейские мундиры преображенцев и семеновцев»*, была опубликована в 2000 в журнале *«Родина»*; статья *«Война камзолов и телогреек»*, помещенная в 3-м номере альманаха *«Империя истории»* за 2002, оказалась последней — 25 ноября 2005 исследователь ушел из жизни. В более общих чертах обмундирование и снаряжение указанного периода рассматривались им в книге *«Русский военный мундир XVIII века. Краткий исторический очерк»*, вышедшей ограниченным тиражом в 1996 по заказу Министерства обороны РФ. Особую ценность этой работе придают многочисленные иллюстрации: репродукции живописных произведений и фотографии предметов из собраний ВИ-МАИВиВС, мемориального музея А.В. Суворова, Государственного Исторического музея (далее — ГИМ), Государственного Русского музея и Государственной Третьяковской галереи.

Обзор историографии будет неполным, если не упомянуть о проводившейся в Российском государственном военно-историческом архиве (далее — РГВИА) в 1994–1996 научно-исследовательской работе по теме *«Русский военный мундир XVIII века»*. Помимо выявления шифров дел из фондов архива, в ходе данной работы были сняты копии с наиболее содержательных документов, а также подготовлен ряд выписок и черновых набросков по различным аспектам истории военного костюма 1-й четверти XVIII столетия (практически все эти материалы учтены и использованы в настоящем исследовании). В рамках той же темы один из наиболее активных участников проекта В.И. Егоров опубликовал на страницах периодического издания *«Цейхгауз»* несколько статей и заметок, представлявших собой попытку реконструировать обмундирование и снаряжение времен Петра I на основе архивных документов, — *«Протазаны и алебарды русской пехоты. 1719–1730»*, *«Солдаты Смоленских полков. 1-я четв. XVIII в.»*, *«Русские драбанты»* и др. Отдельного внимания заслуживают иллюстрации к этим статьям, выполненные петербургским художником Н.В. Зубковым. На наш взгляд, сегодня данные работы являются лучшими по реалистичности и точности в деталях изображениями петровских солдат. К сожалению, в силу ряда причин выявление материалов по истории военного костюма в РГВИА было приостановлено...

Вполне правомочным представляется включить в настоящий обзор две работы Е.Ю. Моисеенко: *«Опись гардероба А.Д. Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России»* и *«Платье рубежа XVII и XVIII веков*

из «Гардероба Петра I» (названия говорят сами за себя); первая из них вышла в 1977, другая — в 1981. Чрезвычайно интересна также небольшая статья, написанная сотрудником реставрационного отдела ВИМАИВиВС В.Н. Малышевым «Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX веков»; найти ее можно в сборнике исследований музея за 2006.

Как видим, форменная одежда, оружие и дополнявшая его амуниция периодически привлекали внимание исследователей. Что же касается остальных предметов, которые сопровождали «служилого человека» при исполнении им своих профессиональных обязанностей, начиная конским убором и заканчивая так называемыми «полковыми вещами», то все они были воистину преданы забвению в отечественной историографии. Исключение составляют знамена и штандарты, традиционно имевшие характер главных воинских регалий. Первой работой, в которой им были отведены соответствующие разделы, является неоднократно упомянутое нами «Историческое описание одежды и вооружения российских войск...». Примерно полвека спустя, на рубеже XIX–XX веков, вышел трехтомный труд полковника Н.Г. Николаева «Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии», основанный на архивных документах и знакомстве с подлинными вещами; до настоящего времени он остается наиболее серьезной работой, где рассмотрены знамена и штандарты российской армии XVIII столетия. Особого внимания заслуживает изданный в 1903 каталог знамен, штандартов, труб, литавр и прочих воинских регалий, хранившихся тогда в собрании Артиллерийского исторического музея: подробное описание каждого предмета сопровождалось указанием его инвентарного номера, источника поступления, атрибуцией и датировкой, современным названием некогда владевшей им воинской части или, если эта часть была расформирована, — краткой справкой о ее истории. Небольшое количество документов из архива Оружейной палаты о постройке в первые годы XVIII века знамен для солдатских и драгунских полков опубликовал в своем знаменитом труде «Русские старинные знамена» Л. Яковлев.

В советское время ряд статей, посвященных символике русских знамен 1-й четверти XVIII века, написали сотрудники Государственного Эрмитажа К.К. Мамаев и Г.В. Вилинбахов. Первому принадлежит статья «Символика знамен Петровского времени», опубликованная в 1970, а также раздел о знаменах в музейном каталоге, вышедшем в 1966; второй является автором множества публикаций по геральдике, из которых к теме настоящей работы относятся только две: «Отражение идей абсолютизма в символике петровских знамен» (1981) и «Эмблематика барокко на русских знаменах первой четверти XVIII века» (1998).

В заключение хотелось бы отметить высокий уровень научно-популярной книги О.Г. Леонова и И.Э. Ульянова «Регулярная пехота 1698–1801. Боевая летопись, организация, обмундирование, вооружение, снаряжение» — очерк, дающий цельное представление об армии в указанный период. Пока такая работа остается единственной, как по тематике, так и по широте охвата материала.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

ГЛАВНЫМ источником для настоящей работы послужили документы Российского государственного военно-исторического архива. Прежде всего, это фонд № 2 «*Военная коллегия*» и, в особенности, его 12-я опись, где хранятся фрагменты делопроизводства Военного приказа и ряда подчиненных ему учреждений; а также 2-я опись фонда № 490 — коллекция так называемых «*полковых сказок*» — справки о собственной истории, представленные Военной коллегии от армейских полков в 1720–1721. Сведения об обеспечении армии денежными средствами, заготовке мундирных, амуничных и полковых вещей, начиная с 1718, содержатся в фонде № 12 «*Комиссариатское повытье Военной коллегии*». Кроме того, привлечены отдельные дела из фондов № 3 «*Военная контора*», № 5 «*Артиллерийское повытье Военной коллегии*», № 15 «*Мундирное повытье Военной коллегии*», № 23 «*Воинские комиссии Военной коллегии*», № 24 «*Кабинетские дела*», № 456 «*Северная война 1700–1721*», № 846 «*Военно-ученый архив*» и др. Значительная часть использованных в данном исследовании материалов РГВИА выявлена специалистами архива В.И. Егоровым, А.В. Канунниковым, А.П. Капитоновым в 1994–1996, в рамках научно-исследовательской работы по теме «*Русский военный мундир XVIII века*».

В меньшей степени были задействованы материалы Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА). В первую очередь, это фонд № 1209 «*Поместный приказ*», описи № 4 и № 73 — документы комиссии, работавшей на Генеральном дворе в селе Преображенском, где формировались новые полки; и фонд № 26 — «*Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I*», 2-я опись которого содержит отрывки делопроизводства Ингерманландской (позднее — Ижорской) мундирной канцелярии. Помимо этого, использованы некоторые дела фондов № 20 «*Дела военные*», № 248 — «*Сенат и его учреждения*», № 396 — «*Архив Оружейной палаты*».

Перечисленные выше архивные фонды содержат в себе все основные виды делопроизводственной документации тех лет: подлинники и копии высочайших указов; поданные на имя правящего самодержца доклады и доношения разных лиц и учреждений; текущее делопроизводство Военного приказа, Военной коллегии и ее структурных подразделений (высочайшие и сенатские указы, рапорты и доношения подчиненных лиц и учреждений, промемории от учреждений равных по положению, справочные выписки по различным вопросам, итоговые определения и составленные на их основе указы, расписания полков и «*командующего генералитета*», штаты и вещевые таблицы полевых и гарнизонных войск, реестры образцовых вещей и проч.); переписка служащих Кригс-Комиссариата по вопросам комплектования и обеспечения войск, срочная полковая отчетность (рапорты, ведомости, списки и таблицы о состоянии воинских частей), делопроизводственные материалы Генерального двора (рописи чинов и вещей формирующихся пехотных и драгунских полков, памяти в различные приказы и учреждения по вопросам набора, размещения, обучения и снабжения солдат и драгун, отписки с мест, следственные дела и др.); хозяйственные документы Ижорской канцелярии, касающиеся материального обеспечения армейских драгунских полков и гарнизонных частей Ингерманландской губернии etc. Столь широкая подборка нормативной, отчетной и хозяйственной документации позволяет с большой степенью точности воссоздать картину становления и развития материальной части российской полевой армии рассматриваемого периода.

Архивные материалы имеют первостепенное значение для исследований в данной области благодаря тому, что подлинных вещей 1-й трети XVIII века практически не осталось; хранящиеся в музейных собраниях предметы армейского обмундирования и амуниции этого времени можно буквально пересчитать по пальцам. Не многим лучше, к слову сказать, обстоит дело с иконографическими материалами. При всём их обилии, достоверных изображений солдат и офицеров российской армии крайне мало, ибо гравёры и живописные мастера тех лет предпочитали создавать портреты и аллегорические композиции в барочном стиле или переделывать иностранные батальные гравюры. Так, одна из известнейших работ Петра Дени Мартена, изображающая битву при деревне Лесной (28 сентября 1708), на самом деле показывает нам сражение при Флерюсе, произошедшее между французскими и испано-австрийскими войсками 1 июля 1690, только место маршала Франсуа Люксембургского занимает царь Петр и его свита; весь остальной фон остался прежним. На основе гравюры XVII века создал конный портрет князя Меншикова в битве при Калише и Питер Пикарт... Примеры подобного рода можно продолжить.

Большая часть использованных в настоящей работе документов РГВИА вводится в научный оборот впервые; исключение составляют разве что полковые сказки (фонд № 490, опись № 2), которые были широко задействованы еще при написании юбилейных полковых историй в конце XIX — начале XX веков. Дела из фондов РГАДА, напротив, давно известны исследователям (что вполне закономерно, ибо ведомственные архивы, вошедшие в состав нынешнего РГАДА, начали разбираться и систематизироваться уже в XVIII веке). Подробнейшую характеристику документов Генерального двора (свыше 40 страниц!) содержит 5-я книга *«Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции»*, вышедшая в 1888. В советское время к делам Генерального двора обращался М.Д. Рабинович, опубликовавший небольшую заметку *«Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны»*. Материалы 26-го фонда послужили основой для статьи А.И. Юхта *«Русская промышленность и снабжение армии обмундированием и амуницией»*, вошедшей в 1959 в юбилейный сборник *«Полтава. К 250-летию Полтавского сражения»* (все упомянутые в этой статье дела были нами просмотрены).

Следует также иметь в виду, что архивы воинских частей и существовавших в 1700-е — 1710-е годы учреждений, которые так или иначе были связаны с обеспечением армии, в силу ряда объективных причин и случайностей понесли довольно серьезные потери. За весь XVIII век не сохранилось ни одного мало-мальски полного архива армейского полка (при отсутствии постоянных мест квартирования, результат, в общем, закономерный); в 1737 в грандиозном пожаре Москвы погибли архивы Стрелецкого, Военного, Пушкарского приказов и Ратуши, в 1700-е годы державшей большую часть полков армейской пехоты. Из делопроизводства Военного приказа на сегодняшний день уцелело меньше одного стеллажа документов, и то, видимо, лишь благодаря тому, что в свое время они понадобились Военной коллегии в качестве справочного материала. Дела генеральских походных канцелярий периода Северной войны (во всяком случае, в РГВИА) исчисляются и вовсе единицами. Массовое делопроизводство, если говорить о военных учреждениях XVIII века, появляется только в 1718 — с началом работы Военной коллегии. Отчасти эти утраты компенсирует то, что сведения по довольно широкому кругу вопросов «военного» характера отложились в делопроизводстве высших государственных учреждений, таких, как Ближняя канцелярия, Кабинет Его Величества, Сенат. Столь фрагментарная сохранность материала потребовала, в ряде случаев, отказаться от

строгое последовательного описания предметов обмундирования и снаряжения, построив повествование в виде нескольких самостоятельных разделов, располагающихся в хронологическом порядке («Обмундирование 2-й половины 1700-х годов», «Обмундирование 1711 — начала 1712», «Обмундирование 1712–1720», «Обмундирование 1720–1730»; раздел «Венгерское платье» включает сведения о форменной одежде, вооружении, амуниции и прочем имуществе армейских полков в начальный период их существования — 1699 и 1700).

Из опубликованных источников необходимо, во-первых, отметить 13-томное издание *«Письма и бумаги императора Петра Великого»* — выборку документов из собрания кабинета царя-преобразователя (ныне РГАДА, фонд № 9), где сосредоточены материалы из всех областей военной и государственной деятельности, привлекавших его внимание; а также труд Н.П. Волынского *«Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра...»*, снабженный двумя томами приложений в виде публикации архивных материалов, выявленных автором. Значительный массив документов по истории отдельных кампаний и операций русской армии времен Северной войны включают сборники военно-исторических материалов, составленные под редакцией преподавателей академии Генерального штаба Д.Ф. Масловского и А.З. Мышлаевского в конце XIX века.

Важную информацию о состоянии российских войск содержат донесения и бумаги английского посланника Чарльза Витворта, изданные в трех томах сборника Императорского русского исторического общества; записки датского посланника Юста Юля; доклад датского посланника Георга Грунда, который впервые был опубликован Ю.Н. Беспятым в 1992. Эти дипломаты имели возможность не только лично наблюдать армию, но и общаться с представителями ее высшего командования.

Раздел об оружии основывается, в первую очередь, на фундаментальных работах сотрудников Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Стараниями Л.К. Маковской в 1990-е годы вышли каталог и определитель ручного огнестрельного оружия XIV–XVIII веков, хранящегося в собрании музея; А.Н. Кулинскому принадлежит целая серия работ по коллекции холодного оружия ВИМАИВиВС, первые из которых увидели свет еще в конце 1980-х годов. Примерно в это же время, в 1987, в сборнике трудов Государственного Исторического музея была опубликована статья Ю.В. Шокарева *«Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII века»*. Описание целого ряда оружейных вещей XI–XIX веков из коллекции ГИМ содержит краткий определитель М.М. Денисовой *«Русское оружие»*, изданный в 1953. Подробная характеристика образцов холодного оружия, в конце XIX века находившихся в собрании Московской Оружейной палаты, приведена в отдельной описи, вышедшей в 1885. Вопросы закупок оружия за границей рассматриваются в работе В.Н. Захарова *«Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I»*. В силу того, что оружиеведение является отдельной вспомогательной исторической дисциплиной, а также фактической недоступности музейных коллекций для исследователей «со стороны», данный раздел содержит сведения самого общего характера, обойтись без которых в настоящей работе просто нельзя. Амуничные вещи описаны почти исключительно на основе архивных документов.

Источниками для написания главы о тактике послужили строевые уставы, отдельные воинские инструкции и военно-судебные законоположения 1-й трети XVIII века; большая часть из них была издана еще в конце XIX — начале XX столетий.

Основой раздела о полковой артиллерии являются книги по артиллерийскому делу, вышедшие в России при Петре I, и опубликованные к настоящему времени материалы архива ВИМАИВиВС. Из числа последних использованы 2-я часть Исторического каталога Санкт-Петербургского Артиллерийского музея, вышедшая в 1883 под редакцией Н.Е. Бранденбурга, а также изданные в течение 2004–2006 три тома писем и бумаг генерал-фельдцейхмейстера Якова Брюса, подготовленные к публикации сотрудниками музея С.В. Ефимовым и Л.К. Маковской. Снять копии с некоторых документов Артиллерийского приказа, хранящихся в архиве ВИМАИВиВС любезно согласилась его заведующая И.А. Вознесенская.

Еще один немаловажный источник — мемуарная литература. Это широко известные записки голландского путешественника Корнелия де Бруина, воспоминания английского инженера капитана Джона Перри, путевые записки князя Бориса Куракина. Страницы их сочинений донесли до нас уникальные сведения, не зафиксированные в официальных документах, — личные взгляды, оценки и наблюдения людей, в большинстве своем довольно интересных и любознательных. Впрочем, собственно армия и военное дело интересовали их, увы, довольно слабо.

Не менее ценной, чем архивные документы, литература, разнообразные музейные и выставочные каталоги, оказалась помощь коллег и специалистов. Автор выражает глубокую признательность В.И. Егорову за предоставление собственных наработок (рукописей, черновиков, выписок, копий) и шифров дел из фондов РГВИА; О.А. Курбатову и А.В. Малову — за консультации по истории русской армии XVII века; В.С. Курмановскому — за помощь в работе с документами РГАДА и консультации по холодному клинковому оружию; П.А. Муравьеву — за консультации по истории музыкальных инструментов XVIII века; Е.И. Юркевичу — за консультации и предоставление материалов по истории артиллерии. Без их содействия эта работа лишилась бы многого.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

УСТРОЙСТВО, ОБМУНДИРОВАНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ И ТАКТИКА ПОЛЕВОЙ АРМИИ

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. УСТРОЙСТВО ПОЛЕВОЙ АРМИИ

ПРЕЖДЕ чем обратиться непосредственно к выбранной теме, следует в общих чертах рассказать об устройстве полевой армии. Включавшая в себя пехоту и кавалерию, она являлась основной частью сухопутных войск, в состав которых, помимо нее, входили также: лейб-гвардия — собственная охрана государя; гарнизонные войска, служащие для поддержания порядка внутри страны; ландмилиция, расположенная по южным границам Украины; артиллерия, инженерный корпус и многочисленные иррегулярные войска (казаки, национальные части). Каждый из этих корпусов имел собственную систему управления, источники комплектования, финансирования и материального обеспечения. Постоянный состав — 40 пехотных и 33 драгунских полка — полевая армия получила только в 1712.¹ До этого момента воинские части создавались и распускались по мере необходимости. Одних драгунских частей с 1698 по 1706, согласно исследованиям Н.П. Волынского, было сформировано не менее 50.² Установить точное количество пехотных полков, существовавших в 1700-е годы, — еще более трудноразрешимая задача. В 1700 их насчитывалось около 30, в 1706 — не менее 40, в 1711, вместе с полками Ингерманландской губернии, — 50.³

Подсчет воинских частей, кстати, вызывал затруднения уже тогда. В 1711 три различных учреждения располагали разными сведениями о числе драгунских полков: табель Правительствующего Сената показывает их 33 (без учета конных гренадер), табель Кабинета Его Величества — 35, ведомость Походной канцелярии — все 40...⁴ Подробно останавливаться на изменениях в составе и численности армии в рамках настоящего исследования, на наш взгляд, будет лишним. Тем более, что данной теме посвящен ряд специальных работ (наиболее обстоятельная из них — справочник М.Д. Рабиновича «*Полки петровской армии 1698–1725*»). Руководствуясь этими соображениями, мы приведем только необходимый минимум сведений, обойтись без которого нельзя.

Установленный в 1712 состав армии оставался практически в неизменном виде до царствования Анны Иоанновны, при этом численность армейской пехоты во 2-й половине 1720-х годов выросла весьма значительно — почти на треть. Дело в том, что пехотные полки, ставшие основой так называемого «*Низового*» или же «*Персидского*» корпуса, считались сверхштатными, то есть не входящими в состав полевой армии. С 1724 по 1728 их было сформировано 17.⁵

Здесь, во избежание неясностей в дальнейшем, необходимо разобраться с терминологией. В 1-й половине 1700-х годов пешие полки полевой армии чаще всего именовались «*солдатскими*», какими они и были по понятиям XVI века, а их рядовой состав — «*солдатами*».* Позднее, когда многообразие видов пехоты

* В XVII веке под названием «*солдатских*» подразумевались устроенные по западно-европейскому образцу пехотные полки, набранные из даточных, вольных и гулящих людей. Первоначально почти все офицерские должности в этих полках занимали нанятые на русскую службу иноземцы, однако с течением времени всё большее число офицеров стали выбирать из русских. Находящиеся на полном государственном обеспечении, солдатские полки создавались только на время войны.

Московской Руси уходит в прошлое, пешие полки стали называться просто «*пехотными*» или, на иноземный манер, «*инфантерскими*», а рядовые в них — «*мушкетерами*» или «*фузилерами*» (по присвоенному им оружию), либо, как прежде, «*солдатами*», однако теперь это понятие обозначает уже не принадлежность к одной из категорий «*служилых людей*», а является лишь синонимом слова «*пехотинец*». Реже пехотные полки именовали «*мушкетерскими*» или «*фузильерными*» — по основной массе нижних чинов. В драгунских полках рядовые назывались «*драгунами*», в пеших и конных гренадерских полках и ротах — «*гренадерами*» (слово «*солдат*» в значении «*нижний чин*», безотносительно к роду оружия, вошло в употребление только в эпоху Екатерины II). В целом, можно сказать, что понятия «*солдат*» и «*драгун*» служили для определения рода войск — соответственно, пехоты и кавалерии, а понятия «*гренадер*», «*пикинер*», синонимичные «*фузилер*» и «*мушкетер*» — воинской специальности внутри него (то есть и солдаты, и драгуны могли быть как фузилерами, так и гренадерами).

Изначально армейские полки, за редким исключением, назывались по именам своих командиров. Кроме полного имени полковника, допускалось употребление его фамилии в родительном падеже: полк Томаса Юнгора — Юнгоров полк, Ивана Англера — Англеров и т.п. Смена командира тут же влекла за собой перемену в названии самого полка, что порой серьезно затрудняет попытки проследить его историю. Лишь в 1708 армейским полкам были даны постоянные имена по названиям городов и местностей Российского государства: Московский, Сибирский, Тверской etc.⁶ Пешие и конные гренадерские полки, имевшие характер сводных, то есть фактически временно созданных частей, вплоть до своего расформирования в 1725 обозначались по номерам либо по именам своих командиров — давать такой части постоянное название не имело смысла.

Указ о переименовании полков по городам, на наш взгляд, является одной из важнейших вех военного строительства. По сути, он означал, что российская регулярная армия стала постоянной. Весьма показательно и то, что это решение было принято лишь на восьмой год войны — скорее всего, создавать постоянную армию изначально не предполагалось. Традиционные способы комплектования и финансирования для такой армии подходили плохо. Образцом для их реформирования послужила шведская система индельты. Сущность последней заключалась в замене периодических рекрутских наборов постоянной повинностью населения содержать войско. Для этого все земли, принадлежавшие короне, были разделены на участки, называвшиеся «*индельтами*». Крестьянские дворы, входившие в состав индельты, должны были выставить на службу и обеспечить содержанием одного пехотинца или кавалериста, а в случае его ухода на войну — найти нового человека на замену. Полк носил имя той провинции, в индельтах которой он формировался и квартировал, а его знамена несли изображение провинциального герба.

Указом от 16 февраля 1727 армейские полки были названы по именам тех провинций, в которых им назначались «*вечные*» (постоянные) квартиры. Если в одной провинции квартировало несколько полков, они различались между собой по номерам. К примеру, Московских пехотных полков стало восемь (1-й–8-й Московские);

С наступлением мира, нижние чины возвращались к своим прежним занятиям, а офицеры-иностранцы могли оставить службу или же дожидаться следующей кампании, перейдя в число «*заполюшных*» (то есть находящихся «*за полками*» — без места) и получая небольшое жалованье. Немецкое слово «*Soldat*», производное от итальянского «*soldare*» — нанимать, платить деньги, — очень четко показывает, что именно представлял из себя тот, кого им обозначали.

Белгородских драгунских — четыре; Новгородских, Переяславских и Ярославских пехотных, Нижегородских, Свияжских, Шацких драгунских — по три; Владимирских, Калужских, Костромских, Пермских, Рязанских, Санкт-Петербургских, Смоленских, Тверских, Угличских пехотных — по два и т.д. Из всех армейских полков старое имя сохранил лишь Псковский пехотный.⁷ Просуществовала такая система, однако, совсем недолго. Указом от 11 ноября 1727 Петр II вернул армейским полкам их прежние названия по городам. Вместе с этим по «званиям» городов были переименованы все гарнизонные, ландмилицкие и немногие армейские полки, ранее состоявшие «под именами полковников».⁸

Первое время пехотные полки не имели единой организации. В 1700 на Москве формировались полки из 12 мушкетерских рот, в низовых городах Поволжья — из одной гренадерской и восьми мушкетерских.⁹ За несколько следующих лет структура полков претерпела целый ряд изменений. В «московских полках» количество рот вскоре начало сокращаться, а число людей в них — увеличиваться. Так, в 12-ротном полку Николая Балка (позднее — Новгородском) одна рота была «разобрана в тот же полк» в 1702, одна — в 1703, еще одна — в 1704.¹⁰ Полк Томаса Юнгора (Владимирский), при формировании также имевший 12 рот, уже в 1701, судя по перечню полученных им вещей, состоял из одной гренадерской и девяти мушкетерских рот.¹¹ Дело в том, что у шведов пешая рота насчитывала 150 одних только нижних чинов и таким образом оказывалась почти вдвое сильнее русской, которая, с учетом хронического некомплекта, могла выставить в строй не более 70–80 человек.¹² К концу 1702 существовали полки, включавшие в себя по 10 рот — одну гренадерскую и девять мушкетерских.

В 1704–1705 по предложению фельдмаршала Георга Огильви пехотные полки были разделены на два четырехротных батальона по 600 рядовых и капралов в каждом.¹³ Несколько полков, командирами которых считались представители высшего генералитета (в частности, полк самого Огильви), имели усиленный состав — по три батальона общей численностью 1.800 человек. Сверх того, при каждом полку находилась гренадерская рота, которая была примерно на треть слабее мушкетерской (около 100 нижних чинов), и артиллерия — по одной пушке на батальон.

Усиленный трехбатальонный состав получили и полки «вспомогательного корпуса», направленного к польскому королю Августу II.¹⁴ 20 апреля 1705 командир корпуса князь Никита Репнин писал адмиралу Головину: «Государь мой Федор Алексеевич, здравствуй. Известно тебе чиню: господин губернатор и кавалер Александр Данилович приказал мне указом в генеральстве моем во всех полках учинить по 12 рот с знамены, по 1 роте гренадерской. А у меня в полках: в моем — 9 рот с знамены, а в других пяти полках — по 8 рот с знамены. И в прибавку надобно знамен: в мой полк — 3 желтых, в Бутырский — 4 малиновых, в Шарфов — 4 дымчатых, в Гулицов — 4 красных, в Деидютов — 4 темно-зеленых, в Резеров — 4 красных. Изволь, мой государь, те знамены с дротики и с чехлы и с древки прислать, не помешкав».¹⁵ Артиллерии в этих полках было вдвое больше, чем обычно, — по две пушки на батальон.¹⁶

К началу кампании гренадерские роты, как правило, отделяли от полков и сводили в несколько временных частей. Так, в кампании 1706 участвовало шесть гренадерских батальонов, в кампании 1707 — по-видимому, столько же (один из них, состоящий из 10 рот, поступил под команду «нововыезжего» полковника-иноземца Ефима Бука).¹⁷ Наконец, в 1708 из гренадерских рот пехотных полков было

сформировано четыре гренадерских полка (по одному на дивизию), а в 1710 — еще один, пятый по счету.

По Штату 1712 года пехотный полк делился на два батальона, каждый из которых насчитывал по четыре роты. При Астраханском и Ингерманландском полках в виде исключения было оставлено по одной гренадерской роте. Ингерманландский полк, помимо этого, сохранил третий батальон. Гренадерские полки также имели по два батальона из четырех рот каждый.¹⁸ С 1725, после переформирования гренадерских полков в фузилерные, все 40 пеших полков полевой армии, кроме Ингерманландского, состояли из одной гренадерской и семи фузилерных рот.¹⁹

Пехотные полки Низового корпуса некоторое время имели устройство, отличное от штатного. Из девяти полков, сформированных в 1724, восемь насчитывали по девять рот — одну гренадерскую и восемь фузилерных, один полк — только восемь фузилерных рот. В 1726 полки корпуса были приведены в одинаковый состав с прочими полками — одна гренадерская рота и семь фузилерных.²⁰ Количество нестроевых чинов в Низовом корпусе также разнилось от предписанного штатом. Указ от 7 февраля 1724 предписал содержать неслужащих *«против положения половину, а достальных поверстать в солдаты»*.²¹

Регулярной (линейной) кавалерии в ее чистом виде русская армия до 1730-х годов не имела; роль ее выполняли драгуны. Изначально *«драгунами»* называлась посаженная на коней пехота, для которой лошади служили лишь средством передвижения, — прибыв к месту боя, драгуны оставляли их. Главным достоинством этого вида войск являлась большая в сравнении с обычной пехотой мобильность. Позднее драгуны превратились в особый род войск — нечто среднее между пехотой и конницей, обученный действовать как в конном, так и в пешем строю, а впоследствии — и вовсе утратили свое первоначальное значение, став одной из разновидностей кавалерии, сохраняя при этом, как дань традиции, признаки пехотного устройства. В России в 1-й трети XVIII века драгунские полки, оставшиеся единственным видом регулярной кавалерии, считались *«кавалерскими»* (кавалерийскими).

Необходимо отметить, что драгунской в настоящем смысле этого слова русская кавалерия стала только в 1710-е годы, после того как в нее начали поступать люди податных сословий. Драгунские полки, набранные в 1-й половине 1700-х годов, по своей сути были чисто кавалерийскими: формировались они главным образом из копейщиков и рейтар, да и первый драгунский устав, созданный в конце 1701 — начале 1702, действий в пешем строю не предусматривал вовсе. На принадлежность конных полков к *«драгунской службе»* указывали только внешние признаки — деление на роты (вместо эскадронов), капитаны и прапорщики (вместо ротмистров и корнетов), знамена (вместо штандартов), барабаны (вместо труб), укороченные ружья (вместо карабинов). Даже штыки, необходимые для боя в пехотном строю, были впервые положены драгунам только в 1712.

Перенесение на русскую почву иностранных военных традиций не всегда давало желаемый результат. Заимствованные у кавалерии западно-европейских стран конский убор, вооружение и экипировка всадников оказались слишком тяжелы для низкорослых ногайских лошадей, которые поступали в конные полки российской армии. По единодушному свидетельству соотечественников и иностранцев, на протяжении всего XVIII века качество русской регулярной кавалерии оставляло желать лучшего: с конницей европейских стран она не могла соперничать из-за малого роста лошадей (что в полной мере показала Семилетняя война 1756–1763), а с

конницей восточных и кочевых народов — из-за недостатка подвижности. Учреждение в 1730-е годы кирасирских полков, задуманное еще при Петре I, не исправило положения, так как, благодаря стоимости содержания, они оставались слишком малочисленны (созванная в 1742 Воинская комиссия даже предлагала вовсе расформировать их). Собственно говоря, впервые линейная кавалерия появилась в России только при Екатерине II, с созданием карабинерных полков.

В 1-й трети XVIII века структура драгунских полков существенно не менялась. За рядом отдельных исключений и кратких периодов, обычный драгунский полк насчитывал 10 фузильерных рот; при этом с середины 1700-х годов тактической единицей являлась не рота, а составленный из двух рот эскадрон (несколько лет в драгунских полках был даже специальный чин шквадрон-майора, который присваивался эскадронным командирам).

Некоторое время драгунские полки имели в своем составе подразделения копейщиков и гренадер. По-видимому, впервые копейная рота численностью 96 рядовых драгун была создана в 1702 в полку генерал-майора Николая фон Вердена (позднее — Московском). Такие же, одиннадцатые по счету, копейные роты *«для скорых посылок и конфузий над неприятели»* предполагалось *«учинить»* и в остальных существовавших тогда восьми драгунских полках.²²

Был ли реализован этот проект, нам неизвестно. Но, во всяком случае, с уверенностью можно сказать, что в некоторых драгунских полках действительно состояли копейщики. Так, полк Григория Сухотина (Тверской) получил 100 копий в 1703, полк Ивана Горбова (Пермский) — 83 копия в 1704. Два года спустя, в 1706, копия с древками были выданы по крайней мере пяти драгунским полкам: 100 штук — Нетлегорста (Астраханскому), 187 — князя Александра Волконского (Вятскому), 186 — графа Шауенбурга (Нижегородскому), 200 — Николая Ифланта (Псковскому), 187 — Михаила Шульца (Тверскому); в 1707 еще двум: 100 штук — Никиты Мещерского (Новгородскому), 260 — Пфлуга (Сибирскому); сформированный в 1707 полк Моисея Мурзенка (Олонецкий) также имел 96 копий.

Первые гренадерские роты были сформированы в 1705 при полках, приписанных к Ингерманландской губернии, — Василия Монастырева (Вологодском), Ингерманландском и Ивана Паура (Нарвском). Немного позднее, в 1707, одиннадцатые по счету гренадерские роты создаются при большей части драгунских полков. В начале 1709 эти гренадерские роты были сведены в три полка конных гренадер.

По Штату 1712 года драгунский полк насчитывал 10 фузильерных рот, конный гренадерский — 10 гренадерских.²³ Исключением являлся Луцкий драгунский полк, также приписанный к Санкт-Петербургской (прежде — Ингерманландской) губернии, — гренадеры оставались в нем по крайней мере до середины 1720-го года. После того, как в 1725 конные гренадерские полки были переформированы в драгунские, все 33 полка армейской кавалерии состояли из одной гренадерской и девяти фузильерных рот.²⁴

Устройство пехотных и драгунских полков было почти одинаковым (собственно говоря, разница заключалась только в числе рот и количестве чинов). Общее руководство полком осуществлял *«полковой штаб»* — совет из старших полковых офицеров — полковника, подполковника и майора. В пехотных полках, которые насчитывали три батальона, майоров, для *«лучшего управления»*, было двое.²⁵ С 1712 по 1720 в каждом пехотном и драгунском полку по штату числилось два майора: премьер- и секунд- — первый (старший) и второй. Последний являлся командиром

1-й роты (вместо капитана), а потому состоял в числе ротных офицеров (речь о них пойдет ниже). Все офицеры чином от полковника до майора обобщенно назывались «штаб-офицерами».

Обязанности полковника определялись в самых общих чертах: «...полковнику подобает великое попечение имети, чтоб ему добрых начальных людей, и благообученных солдат, и иные добрые порядки и строи имети».²⁶ Необходимым считалось также, чтобы полковник был «благовзрачным мужем» — «дабы свой почтенный чин мог с благопристойною честью тако вести, чтоб полку своему во всех случаях не гнусен был».²⁷ Подполковник являлся помощником и заместителем полкового командира, а также возглавлял один из батальонов. Майору доставалась «наибольшая работа» в полку: «...всегда во учении и учреждении караулов; он осматривает полк — в добром ли состоянии обретаются, как в числе солдат, так и в их оружии, амуниции и мундире... надлежит ему благопримечати, чтоб всё порядочно шло. И подобает особливо во осмотрении иметь, дабы майор воинские дела, которые в полку надлежат, благоразумел, и притом також де здоров и не стар был».²⁸

Помимо старших офицеров, при штабе состояли все чины, которые не входили в ротный комплект и занимали в полку административные и хозяйственные должности. Иногда эта группа чинов назвалась «малый», «нижний» или «унтер-штаб». Старших офицеров в таком случае именовали «высшим» или «обер-штабом».

Итак, в состав унтер-штаба входили все «полковые офицеры»: квартирмейстер, аудитор, адъютант, обозный, писарь, лекарь и профос (в ряде ведомостей его показывают отдельно, не включая в категорию офицеров), а с 1712 — еще комиссар, провиантмейстер и фискал. Особняком стоял не имевший воинского звания священник — полковой поп. В драгунских полках при штабе числились также полковые музыканты — литаврщик и трубачи (чаще всего, состоявшие на этих должностях, а равно полковые лекари, были вольнонаемными иностранцами). В 1724 штаты пехотного и драгунского полков пополнил новый чин — полковой барабанщик или же барабанный староста.²⁹

Полковой квартирмейстер занимался размещением полка в лагере и на квартирах; должность его требовала знания арифметики, геометрии, географии и умения рисовать. Полковой аудитор отвечал за судопроизводство в полку. Полковой адъютант состоял при майоре и был его главным помощником; «...сей есть трудный чин, но бывают из сих людей обыкновенно добрые начальные люди».³⁰ Полковой обозный смотрел за исправностью подъемной части — ротных телег, патронных ящиков etc. и порядком их движения на марше. Полковой писарь заведовал делопроизводством. Полковой профос следил за соблюдением чистоты в месте расположения полка, содержанием арестованных и исполнением наказаний. На комиссара и провиантмейстера возлагалось обеспечение полка провиантским, денежным и вещевым довольствием, на фискала — контроль за расходом полковой казны и соблюдением «интереса» Его Величества; все трое находились в ведении Комиссариата и — воистину мудрое распоряжение — не подчинялись полковому начальству.³¹

Основу роты составляли рядовые. Количество их менялось от штата к штату: пешие роты в разное время насчитывали от 96 до 144 человек, конные — чуть меньше 100. Внутри полка роты различались по порядковым номерам; если при полку состояла гренадерская рота, то ей, как единственной в своем роде, номера не присваивалось (в ведомостях и именных списках полка гренадерская рота обычно стоит на почетном первом месте).

Во главе роты стоял капитан. С 1704 по 1712 капитаном 1-й роты считался полковник, 2-й — подполковник, 3-й — майор, но действительными командирами этих рот были капитан-поручики. Изначально капитан-поручик занимал место поручика, а с 1708 — капитана. В первом случае количество офицеров в роте не менялось, так как капитан-поручик занимал место нижестоящего офицера (поручика); во втором случае капитан-поручик замещал самого капитана и, таким образом, в «штабской» (штаб-офицерской) роте номинальное число офицеров было на одного больше, чем в обычной. Помощниками и заместителями ротного командира являлись поручик и прапорщик, нередко именуемый на немецкий манер «*фенрихом*» или «*фендриком*» (от «*Fähnrich*» — знаменосец). Впрочем, главной обязанностью последнего было контролировать уход за больными и ранеными солдатами, а при построениях и во время боя — носить и защищать знамя; «...ему подобает великую любовь к солдатам имети, и егда они в наказание впадут, тогда за них бить челом». ³² С 1707 в мушкетерских и гренадерских ротах пеших полков и ротах конных гренадер прибавилось по одному офицеру в чине подпоручика. ³³ В ряде драгунских полков во 2-й половине 1700-х годов пять рот вместо капитанов возглавляли шквадрон-майоры — командиры эскадронов. Все ротные офицеры от капитана до прапорщика относились к категории «*обер-офицеров*» — «*высших начальных людей*». Для наименования обер-офицерских чинов служил также термин «*ротный штаб*», однако чаще им обозначалась вся совокупность строевых чинов в роте. Существовала также иная, более дробная градация обер-офицеров: капитаны, стоявшие во главе рот, выделялись в самостоятельную категорию, а все остальные — поручики, подпоручики и прапорщики — попадали под определение «*субалтерн*- или, говоря по-русски, «*подчиненных офицеров*».

Сержанты (в драгунских полках с 1712 их стали называть «*вахмистрами*»), подпрапорщики, каптенармусы и фурьеры (в драгунских полках — квартирмейстеры), считавшиеся «*нижними начальными людьми*», обобщенно именовались «*урядниками*» или, на немецкий лад, «*унтер-офицерами*». Сержант (вахмистр) был старшим унтер-офицером в роте. «*Чин его суть: надлежит в службе, и в походе, и в городах по все вечера восприимати слово (пароль — Авт.) от майора или от полкового адъютанта и, приняв то слово, приносить [его] в роту начальным людям — вначале капитану, [затем] поручику [и] прапорщику; и что ему сверх того иногда приказано бывает от майора или от полкового адъютанта, и то [приказание] он купно с тем словом возвещает капитану*». ³⁴ Помимо этого, в обязанности сержанта входило ежедневно, утром и вечером, рапортовать капитану о состоянии роты, а также смотреть за порядком в ней. С 1715 в каждой мушкетерской роте пехотного полка сержантов стало двое — старший и младший. Подпрапорщик был помощником и заместителем прапорщика. Каптенармус следил за исправностью вооружения и амуниции, заведовал раздачей пороха и свинца, а во время боя подносил солдатам патроны. Фурьер (квартирмейстер) занимался размещением роты по квартирам или в полевом лагере. Капралы, считавшиеся отдельной категорией чинов, возглавляли капральства — четвертую или шестую часть роты (20–25 человек). В пехотных полках, кроме того, из числа рядовых выбиралось несколько ефрейторов. В качестве кандидатов на капральскую должность, от несения караульной службы они освобождались и смотрели только за порядком ее отправления — сменяли караулы, а во время боя следили за солдатами в своем ряду. ³⁵

Отдельно следует упомянуть гренадер. По традиции знамена им не полагались. Соответственно, ни прапорщиков, ни подпрапорщиков в гренадерских ротах не

было. У конных гренадер вместо прапорщиков числились подпоручики, а вместо подпрапорщиков — младшие вахмистры. В пеших гренадерских полках с 1715 в каждой роте состояли старшие сержанты или, как их называли по-другому, «фельд-фебели».

«Нестроевые» или «неслужащие» чины подразделялись на две неравных категории. В первую входили те, кто во время боя становились в строй вместе с солдатами — гобоисты, барабанщики и флейтчики (последние с 1712 были только в гренадерских полках), а также те, кто занимали административные и хозяйственные должности — ротные писари, лекари (они же лекарские ученики или цирюльники), профосы, обозничие, кузнецы, слесари, плотники, седельники, коновалы. Вторую категорию нестроевых чинов составляли извозчики (они же подводчики, погонщики или фурманщики) и офицерская прислуга — денщики, хлопцы. Из числа последних каждый ротный офицер выбирал себе одного «лейбишца» или же «оберегательного стрелка», в обязанности которого входило передавать приказания своего начальника и защищать его, а в случае ранения — выносить из боя. За капитаном во время сражения следовали два «лейбишца». Роль посыльных могли исполнять также барабанщики и флейтчики. С 1724 гобоисты, трубачи, литаврщики, барабанщики, ротные писари и цирюльники, *«понеже они всегда бывают при баталиях и акциях»*, стали считаться строевыми чинами.³⁶ Обязанности большинства вышеперечисленных чинов понятны из названия занимаемой ими должности. Добавим только, что ротный писарь, кроме работы по канцелярии, читал солдатам воинские артикулы, а ротный лекарь, помимо помощи полковому лекарю в уходе за больными и ранеными, брил солдат не реже одного раза в неделю.

Некоторые чины просуществовали лишь недолгое время. К примеру, в середине 1700-х годов в полках находились так называемые «ротные денщики» или «тележники». В двухбатальонном пехотном полку их было 25–27 человек, в 10-ротном драгунском — около 50.³⁷ Несомненно, именно о них в марте 1705 писал английский посол Чарльз Витворт, лично наблюдавший русскую армию: *«Русские лагеря бывают очень пространны вследствие закона, которым на каждые 6 пехотинцев полагается повозка, лошадь и слуга, ненужные в день боя и сильно мешающие передвижениям, что, впрочем, сознается, и эти порядки будут, кажется, изменены в настоящую или в следующую кампанию»*.³⁸ В апреле 1707 Петр велел упразднить в пехотных полках алебардщиков и «прочих бездельных чинов».³⁹ В число последних, видимо, вошли и тележники.

Четкой границы между различными категориями чинов не существовало. Капралов нередко причисляли к урядникам, а барабанщиков и ротных писарей — к строевым чинам. В драгунских полках в начале 1700-х годов урядниками, помимо капралов, считались полковые и ротные писари и каптенармусы, а также профосы.⁴⁰

Следует иметь в виду, что не только количество, но и состав полковых чинов отнюдь не всегда соответствовали официальным предписаниям. Так, в 1719 из двух десятков пехотных полков Финляндского корпуса положенное по штату число капитанов (семь) и сержантов (16) было только в Лефортовском и Невском полках; в остальных, кроме семи капитанов, состояло по одному капитан-поручику, а сержантов числилось всего восемь.⁴¹ Штатное количество чинов в пехотных и драгунских полках представлено в таблице.

АРМЕЙСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК				
ЗВАНИЕ ЧИНОВ	1700	1712	1720	1724
полковой штаб:				
обер-штаб —				
полковник	1	1	1	1
подполковник	1	1	1	1
премьер-майор	1	1	1	1
секунд-майор	-	1	-	-
унтер-штаб (полковые неслужащие) —				
квартирмейстер	-	1	1	1
адъютант	1	1	1	1
обозный	1	1	1	1
лекарь	1	1	1	1
аудитор	-	1	1	1
комиссар	-	1	1	1
провиантмейстер	-	1	1	1
писарь	1	1	1	1
фискал	-	1	1	1
поп	-	1	1	1
профос	-	1	1	1
комиссарский подъячий	-	1	1	1
провиантский подъячий	-	-	1	1
ротный штаб:				
обер-офицеры —				
капитаны	9	7	8	8
капитан-поручик	1	-	-	-
поручики	11	8	8	8
подпоручики	-	8	8	8
прапорщики	12	8	8	8
унтер-офицеры, капралы и рядовые —				
сержанты	36	8	16	16
фурьеры	-	8	8	8
каптенармусы	12	8	8	8
подпрапорщики	12	8	8	8
капралы	48	48	48	48
рядовые	1152	1152	1152	1152
обозные	-	-	-	8
неслужащие чины:				
писари	12	8	8	8
гобоисты	-	8	8	8
полковой барабанщик	-	-	-	1
барабанщики	24	16	16	16
сиповщики	24	-	-	-
лекари	-	8	8	8
профосы	-	8	8	8

кузнец	-	8	4	4
слесарь	-	8	4	4
плотник	-	8	4	4
денщик	46	58	56	56
извозчик	-	80	80	80
всего в полку:	1406	1489	1484	1493

Колонка за 1700 год показывает первоначальный штат полков, набравшихся в Москве; уже при формировании штатное число рядовых сократилось до 986 человек.⁴² Пешие гренадерские полки с 1712 имели такой же штат, как мушкетерские, но без прапорщиков и подпрапорщиков, так как знамен в гренадерских полках не состояло, а вместо гобоистов были флейтчики.⁴³

АРМЕЙСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК				
ЗВАНИЕ ЧИНОВ	1702	1712	1720	1724
полковой штаб:				
обер-штаб —				
полковник	1	1	1	1
подполковник	1	1	1	1
премьер-майор	1	1	1	1
секунд-майор	-	1	-	-
унтер-штаб (полковые неслужащие) —				
квартирмейстер	1	1	1	1
каптенармус	1	-	-	-
адъютант	1	1	1	1
обозный	1	1	1	1
лекарь	-	1	1	1
аудитор	-	1	1	1
комиссар	-	1	1	1
провиантмейстер	-	1	1	1
писарь	1	1	1	1
фискал	-	1	1	1
поп	-	1	1	1
профос	1	1	1	1
комиссарский подъячий	-	1	1	1
провиантский подъячий	-	-	1	1
ротный штаб:				
обер-офицеры —				
капитаны	10	9	10	10
поручики	10	10	10	10
прапорщики	10	10	10	10
унтер-офицеры, капралы и рядовые —				
вахмистры	10	10	10	10
квартирмейстеры	-	10	10	10
каптенармусы	10	10	10	10
подпрапорщики	10	10	10	10

капралы	40	40	40	40
рядовые	960	920	920	920
обозный	-	-	-	-
неслужащие чины:				
писари	10	10	10	10
гобоисты	-	10	10	10
трубачи	-	2	2	2
литаврщик	-	-	1	1
полковой барабанщик	-	-	-	1
барабанщики	10	20	20	20
цирюльники	-	10	10	10
профосы	-	10	10	10
кузнецы	-	10	4	10
седельники	-	-	10	10
коновалы	-	10	10	10
слесари	-	10	4	4
плотники	-	10	10	10
денщики	59	56	56	56
извозчики	-	100	50	50
всего в полку:	1148	1303	1253	1260

Конные гренадерские полки с 1712 имели такой же штат, как драгунские, но вместо прапорщиков были подпоручики, а вместо подпрапорщиков — фельдфебели (они же младшие вахмистры), так как знамен в гренадерских полках не состояло.⁴⁴

Высшие воинские соединения — бригады, дивизии, корпуса — не имели постоянного состава. Бригада включала от двух до пяти полков, дивизия — три-четыре бригады; корпус редко насчитывал больше двух дивизий. Последние являлись наиболее устойчивыми формированиями. В начале войны дивизий было три, в конце 1700-х годов — четыре, затем снова три; все они состояли из одной пехоты. В 1722 полевые пехотные и драгунские полки были расписаны на пять дивизий смешанного состава.⁴⁵ Назывались дивизии по фамилиям их командиров.

В начале 1710-х годов полевая армия разделилась на две основные части: Финляндский и Украинский корпуса. Первый действовал против Швеции и состоял в основном из пехоты; второй, служивший заслоном от нападения турок и крымских татар, включал в себя больше половины всех драгунских полков. В Северной Европе в 1-й половине 1710-х годов находился многочисленный Померанский корпус. Войска, оставшиеся в отвоеванных у Персии провинциях, получили название «*Низового*» или «*Персидского*» корпуса; к 1730 он насчитывал 17 пехотных полков.⁴⁶

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕНГЕРСКОЕ ПЛАТЬЕ

С конца 1699 в России шла интенсивная подготовка к новой войне. На Москве, в Новгороде, Пскове, Смоленске и низовых городах Поволжья спешно формировались солдатские полки: комиссии осматривали добровольцев и приведенных помещиками даточных людей; дворяне, стольники и офицеры, присланные из Разрядного и Иноземного приказов, на скорую руку обучали их воинской экзерциции... К осени 1700 в поход были готовы выступить около 30 пехотных и два набранных из московских дворян драгунских полка. Попробуем представить себе, как они выглядели в то время, оставив без внимания коллизии, которыми сопровождалось их создание.

а. Обмундирование и снаряжение пехоты в начале 1700-х годов

Наибольшее количество документов оставила после себя комиссия, работавшая на Генеральном дворе в подмосковном селе Преображенское. Дела комиссии детально освещают процесс создания «*новоприборных*» полков, начиная от обеспечения будущих солдат продовольствием и квартирами, заканчивая назначением в готовые полки офицеров и разборком всякого рода происшествий.⁴⁷ Деятельность комиссии завершилась в июне 1700, после передачи сформированных полков генералам Автомену Головину и Адаму Вейде.⁴⁸

Итак, по мере поступления людей, из них составлялись отряды численностью около 200 человек. Каждый отряд поступал в ведение одного из полковников, который занимался его обучением. С декабря 1699 по апрель 1700 на Москве было создано не менее 27 таких учебных частей, различавшихся между собой по цветам кафтанов. В отрядах Николая Балка, Николая фон Вердена, Мартина Польшмана, Матвея Фливерка, Ефима Гулица и Александра Гордона носили темно-зеленые кафтаны; Виллима фон Делдина, Остафья Польшмана, Ивана фон Делдина, Ивана Лесли и Ивана Сака — зеленые; Федора Балка, Ирика фон Вердена, Виллима фон Залена, Филиппа Кара и Николая Балка — красные; Кашпира Гулица, Томаса Юнгора, Захария Кро — голубые; Михаила Колмана фон Страусберга, Филиппа Синебиря и Павла Бернера — вишневые.⁴⁹

К апрелю 1700 все учебные части были переформированы в семь «*тысячных*» солдатских полков. Каждому из них назначался особый цвет платья: полку Гордона — темно-зеленый, Кашпира Гулица — голубой, Николая Балка — красный, Томаса Юнгора и Ирика фон Вердена — зеленый (видимо, они различались цветом приклада или металлического прибора), Матвея Фливерка — зеленый с темно-зеленым, Остафья Польшмана — вишневый.⁵⁰

По-видимому, в это же время решился вопрос с покроем форменной одежды. В мае 1700 на Генеральном дворе «*для образца*» были сделаны 15 «*французских*» и 15 «*венгерских*» кафтанов. На их изготовление в Суконном ряду взяли два сорта «*разных цветов*» сукна: 89 аршин «*узкого... что слывет яренок*» и 95 аршин шиптухового; «*на приклад*» купили 69 портищ (дюжин) оловянных пуговиц «*разными образцами*», 12 пятинок «*разных цветов*» нитей, 587 аршин желтого гарусного шнурка, 602 аршина белого мишурного и 49 аршин «*цветного*» галуна. Немного позднее Генеральный двор приобрел еще одну партию материалов для постройки образцовых вещей; роспись показывает тот же набор приклада, но позволяет уточнить некоторые детали: оловянные пуговицы были плоские, нити — зеленые, лазоревые или белые (очевидно, в цвет сукна).

Сукна на каждый французский кафтан требовалось либо по пять аршин шиптухового, либо по восемь аршин полтора вершка яренового, оловянных пуговиц — три портища (36 штук); на расшивку одного из образцовых кафтанных пошло 49 аршин цветного «*пестрого*» галуна, на 14 других — по 43 аршина белого мишурного. На венгерский кафтан сукна считалось ровно столько же, как на французский — пять аршин шиптухового или восемь аршин полтора вершка яренового, — зато расход приклада был гораздо меньше: 20 пуговиц и 39 с четвертью аршин гарусного шнура.

Все французские кафтаны обошлись в 36 рублей 3 деньги, венгерские — в 29 рублей 26 алтын 4 деньги. Главным образом, разницу в цене составляла стоимость приклада — у французских кафтанных она оказалась выше почти в четыре раза. Выбор был сделан в пользу венгерского платья, и на несколько следующих лет оно стало форменной одеждой русской армии.⁵¹

То, что приведенный документ является раскладкой материалов на пошив именно солдатского мундира, однозначно утверждать нельзя. В том же году на Генеральном дворе были построены образцы женской одежды, для наглядного примера выставленные по городским воротам вместе с венгерскими и французскими кафтанными. Но в любом случае, ценность этой информации несомненна, ведь по своему покрою военный костюм в то время мало отличался от гражданского.

Помимо кафтанных, солдаты получили красные шапки-«*курпеки*», кушаки, сафьянные сапоги, «*чирики*» (башмаки), чулки, серые «*носильные*» кафтанны из сермяжного сукна.⁵²

Для солдат, набранных из вольницы, мундир строился за казенный счет. После приведения к присяге и занесения в полковые списки, на руки им выдавалось сукно, деньги на приклад и оплату услуг портного: «...солдату Григорию Маркову на строевой кафтан дано сукна пять аршин, да на отделку того кафтана денег шесть алтын четыре деньги, и делал де тот кафтан, он, Григорий, сам».⁵³ В некоторых случаях солдаты получали только деньги: «...полковнику Тихону... Гунтермарку на дачу новоприборным солдатам, которые присланы с Костромы и написаны у него в списке... 15 человек, на кафтаны, на шапки, на кушаки [дано] по 2 рубля».⁵⁴ Для даточных первый комплект форменных вещей оплачивался их бывшими хозяевами.⁵⁵ Царедворцы, дворяне и дворянские недоросли, записанные в Преображенский драгунский генерала Адама Вейде полк, набранный на Москве в том же 1700, получали по четыре рубля на приобретение темно-зеленого кафтана, красной шапки и красного кушака.⁵⁶

Офицерские кафтаны, если судить по описи вещей из гардероба князя Меншикова, украшали «*накладные*» петли с кистями, расшивка золотым или серебряным шнуром и позументом «*по швам и вокруг*», «*плетеные*» (обтяжные) золотые или серебряные пуговицы. Подкладкой были тафта или атлас, а в холодное время — соболь мех.⁵⁷ Служивший в полку Адама Вейде прапорщик Лев Протопопов, после драки с солдатами возле Яузского моста в феврале 1700, лишился красной шапки «с сободем», поясного кушака, рукавиц, тесака, перстня и 20 алтын денег.⁵⁸

То, что современники называли «*венгерским платьем*», не следует понимать как копирование венгерской одежды. К примеру, голландский путешественник Корнелий де Бруин (очевидно, неспроста) принял увиденные им костюмы за польские: «...в тот же год обнародован был указ, воспрещавший всем русским выходить за городские ворота не в польском кафтане или не в нашей (голландской) одежде, чулках и башмаках».⁵⁹ Официальные разъяснения на этот счет более чем лаконичны.

Указ от 4 января 1700 предписал всему населению Московского государства, исключая духовенство и крестьян, *«на Москве и в городах... носить платье венгерское: кафтаны верхние — длиною по подвязку, а исподние — короче верхних, тем же подобием»*. Все остальные подробности желающие могли видеть на образцовых «чучелах» у городских ворот.⁶⁰ Судя по сохранившемуся в собрании Королевской Оружейной палаты трофейному русскому кафтану, захваченному под Нарвой, и рисункам из доклада майора Преображенского полка Адама Вейде, на венгерские корни костюма, бытовавшего в России на рубеже XVII и XVIII веков, указывают разве что галунные или выложенные шнуром петли, располагающиеся в несколько рядов по бортам кафтанов и камзолов.⁶¹

Любопытное замечание о происхождении так называемого «венгерского платья» сделал С.А. Летин. *«Трудно с уверенностью сказать, что определило выбор Петра. Возможно, его привлекло внешнее подобие венгерского костюма русскому традиционному, возможно — слава венгерских воинов, заслуженная ими в сражениях освободительных антитурецких войн последней четверти XVII века. В пользу последнего предположения свидетельствует и появление в европейских армиях гусарских формирований из венгров и волохов, одетых в национальные костюмы»*.⁶²

Каждый новоприборный полк, сформированный при участии Генерального двора, должен был получить 12 «полковых» и 12 «походных» знамен, 24 алебарды, 36 полупик (судя по штату, полупики предназначались сержантам, алебарды — подпрапорщикам и каптенармусам), 1.152 фузеи с багинетами и патронными лядунками для рядовых, 24 барабана, 24 сиповки (точнее — 12 сиповок и 12 флейт), 12 пулечных форм.⁶³ Всё остальное приобреталось полком самостоятельно, на выданные от казны деньги.

Вооружение рядового и капрала состояло из фузеи с багинетом. Сегодня термином «багинет» обозначают клинковое оружие с колюще-режущим клинком, рукоять которого можно было вставлять в канал фузейного ствола. Принятые на вооружение ряда европейских армий во 2-й половине XVII столетия, багинеты стали заменяться штыками уже в конце XVII — начале XVIII веков. При работе с документами этого времени необходимо помнить, что слова «багинет» и «штык» тогда были синонимами, отчего не всегда можно понять, какое именно оружие имеется в виду; реже для обозначения штыка и багинета употреблялось слово «нож». В данном случае речь идет о багинетах в современном значении этого термина.

Русский багинет образца 1700 года имел деревянный черен (рукоять), прикрепленный к пяте клинка железными гвоздями с заклепками; между клинком и рукоятью насаживался медный крыж, а на черене была пружина, которая «закрывалась» в петлю на конце ружейного ствола (похоже, что рукоять данного багинета вставляли именно в эту петлю, а не в ствол).⁶⁴ Отомкнутый багинет носился в кожаных ножнах с медными крючком и наконечником. Патронная сума вмещала деревянную лядунку (колодку) и жестянку с маслом. Багинетные «поясы» (ремни), перевязи патронных сум и ружейные нагалища делали из «красной» яловичной кожи. В роговой натруске хранился порох для затравки.⁶⁵

Из Стрелецкого приказа в каждый полк поступило 24 полупики и 24 протазана. Последние были самых «разных образцов»: прорезные и «прописанные» золотом, с разноцветными шелковыми, золотыми или серебряными кистями и всевозможными древками — витыми, резными, выкрашенными «разными красками», золотом и

серебром, обтянутыми бархатом, красным или синим сукном, с «нижними копейцами» и без таковых; часть протазанов не имела древков вовсе.⁶⁶

Каптенармусская сума — «*пороховой каптенармусовый мешок, в чём порох и пульки носят*», — кроилась из яловичной кожи. В мае 1700 стрелец Максим Попов подрядился сделать для полка Кашпира Гулица 12 «*строевых пороховых сум красной юфти добрые, а во дне вишивать ему подошвы, а ширина во дне и вверху по пяти вершков кругом, а длиною аршин, без опушки. Ремни красные той же кожи, с пряжки железными*».⁶⁷ В одних полках каптенармусы имели по одной суме, в других — по две.

Остальные вещи можно лишь назвать. Во всех полках были палатки, ружейные пирамиды, котлы, железные уполовники, топоры для рубки свинца. Полк Николая Балка приобрел счеты, четыре немецких замка, «*ножные железа*», «*одношейную цепь*».⁶⁸ Из Пушкарского приказа отпускались «*порох... свинец, фитиль, пушки (по две на полк — Авт.), ядра, картузы, ящики, пушкарей и на пушкарей орудия — жестянки разные, в чём носят затравки, свечи, фитиль, трубки для скорой стрельбы; натруски; коробки, в чём носят мякоть; пальники большие и меньшие и зерцалы, шпаги или палаши; гранодирам — ядра нарядные*» (в данном случае речь идет о дивизии Репнина; напомним, что полки сформированные в Москве, не имели в своем составе гренадер).⁶⁹

Больше всего подробностей известно о знаменах. В июне 1700 Оружейная палата получила указание изготовить для 15 новоприборных полков камчатые знамена «*образцом против прежних*», по 12 штук на полк, «*в том числе у одиннадцати знамен ветви, и облака, и кресты кавалерские апостола Андрея Первозванного, и ручки к палашу вишивные камчатые, а палаши серебряные, крыжи [у них] золоченые, цепь золотая; а второе на десять (двенадцатое — Авт.) — белое камчатое, с вишивным орлом. Мешочки и чехлы суконные полукармазиновые. Древки писанные. Гротики медные, в том числе к орловым золоченые, а к полковым луженые*». Двум полкам были выданы красные знамена, двум — песочные, двум — «*дикого*» (оттенок серого) цвета, трем — «*сверобориные*», по одному — желтые, светло-малиновые, светло-зеленые, «*рудожелтые*», зеленые, «*на железный цвет*». Ленты, андреевские кресты, ручки палашей, ветви и венцы делались из белой, осиновой и зеленой камки; орлы на белых знаменах — из лимонной.

Помимо камки, для работы мастера приобрели 22 фунта «*составной гулфы*», скипидар, «*карлуковый*» (рыбий) клей, «*виницейскую ярь*», чернила (они использовались для обводки изображений); большие, средние и меньшие кисти; щетину к ним, льняное масло, олифу, листовое сусальное золото, листовое же серебро, гвозди, ветошки, хлопчатую бумагу, ножницы, горшочки разводить краску и проч.

Древки знамен были выкрашены в зеленый цвет, а с нижнего конца усилены металлическими «*втоками*». К боковому краю знаменного полотнища пришивался красный или алый «*мешочек*» из полукармазинового либо яренового сукна, который надевался на древко. Гвоздями он не фиксировался, что, в случае необходимости, позволяло снимать полотнище.

Свернутое вокруг древка знамя покрывал красный яреновый чехол, имевший три с половиной аршина в длину и шесть вершков в ширину. Отдельный чехол для дротика вырезался из красной кожи. Хранились знамена в деревянном дощатом ящике, с железными петлями и «*закладками*».

Походные знамена выдавались с Генерального двора. Первое было белым, цвет остальных, по-видимому, совпадал с колером солдатских мундиров. Так, в полк

Матвея Фливерка, который имел зеленые кафтаны, с Генерального двора поступили зеленые камчатые знамена. В Оружейной палате расцветка полотнищ, кажется, выбиралась произвольно — тот же полк Фливерка получил от нее вишневые знамена.⁷⁰ Чем именно походные знамена отличались от полковых, остается только предполагать. Те и другие имели полотнища из камки, однако первые, несомненно, делались проще и дешевле. Разница, вероятнее всего, была в способе нанесения изображений: на полковых знаменах они вырезались из цветной камки, на походных — рисовались краской (позднее для армейских полков строили только *«рисованные»* знамена).

Хранящиеся ныне в собрании Государственного Эрмитажа образцы знамен этого типа имеют форму прямоугольника со сторонами от двух с половиной до трех аршин, причем в длину полотнища, как правило, несколько больше, чем в ширину, но есть и чисто квадратные знамена. По этим образцам видно, что от полка к полку менялись не только цвета самих полотнищ, но и пальмовых ветвей. Привести конкретные примеры цветосочетаний до проведения реставрационных работ, увы, нельзя — к настоящему времени все знамена изрядно выцвели, и какими они были первоначально, сказать затруднительно (например, орлы на первых знаменах, сделанные из лимонной камки, сегодня выглядят коричневыми). Практически все элементы изображения вырезаны из камок разных цветов и, при необходимости, дополнительно обведены или прорисованы красками, золотом и серебром; впрочем, некоторые детали, такие, например, как орденская цепь и лезвие меча, могли быть просто рисованными. Кроме того, на некоторых знаменах под пересечением ветвей нашта цифра («2», «5») — очевидно, это номер роты. Суконные мешочки, посредством которых полотнища надевалось на древко, чаще всего малиновые или красные (в данном случае различие в оттенках, вероятно, объясняется степенью сохранности материала), реже — зеленые.⁷¹

Барабаны документы делят на *«золоченые»* и *«простые»*. Перевязи к ним могли быть из шелковой *«разных цветов»* тесьмы с золочеными пряжками, запряжниками и наконечниками, либо кожаные — лосиные или красные телятинные. Остальной прибор к инструментам — козловые (боевые) и опойковые (подструнные) кожи, кленовые обручи, спуски, сыромятные петли (бунты), кольца, *«разные краски»* (*«бакан»*, голубец, *«ярь-медянка»*, желть, белила), олифа, льняное масло, сажа, кисти — приобретался на выданные из казны деньги. Сиповки-*«шипоши»*, *«шелмои»* и флейты просуществовали в солдатских полках до начала 1710-х годов; инструменты двух первых видов затем исчезают вовсе, а флейты остались только у гренадер.

Полковой артиллерией заведовал Пушкарский приказ. К марту 1700 на Пушечном дворе в Москве было 46 пищалей на *«волоковых»* станках, калибром от одного до четырех фунтов; 38 пищалей *«на станках с вертлюгами»*, калибром от двух до шести фунтов; 80 трехфунтовых пищалей на волоковых станках, *«литья 207-го (1699 — Авт.) году»* (они, очевидно, и поступили в новоприборные полки); а также шесть двух- и трехфунтовых пищалей на *«турецких»* станках (видимо, трофеи Азовских походов) и два дробовика.⁷²

В конце августа вновь сформированные полки выступили под Нарву, где утратили почти всё свое имущество. Так, полк Матвея Фливерка потерял девять из 12 знамен, все протазаны, 21 алебарду, 1.068 фузей, 1.092 патронных суммы, 1.030 багинетов и портупей, по шесть сиповок и флейт, все барабаны, 22 каптенармусских суммы и обе полковых пушки.⁷³

В. Обмундирование и снаряжение драгун в начале 1700-х годов

В течение 1701 Золотой палатой было сформировано девять драгунских полков. Про их обмундирование нам удалось выяснить только то, что *«образцовое драгунское платье и сапоги»* обошлись казне в 10 рублей 10 алтын.⁷⁴

Экипировка драгун мало отличалась от солдатской. Рядовой имел фузею с багинетом, реже — карабин; погонную перевязь с железным крюком, патронную ля-дунку, пару пистолетов и саблю. Унтер-офицеры были вооружены тесаками, копьями, алебардами. Каптенармус носил пороховую и пулечную суммы. Для 500 драгун, посылаемых к Архангельску, Новгородский приказ в июле 1701 затребовал из Оружейной палаты пять знамен с древками и *«втоками»*, пять барабанов с ремнями, крюками и *«чемоданами»* (чехлами), 10 алебард, 490 фузей, 490 патронных сум с перевязями, 245 бердышей *«с ратовищи»* (древками) и 245 копий.⁷⁵ В 1702 указ предписал *«в драгунских полках у каптенармусов вместо протазанов, и у подпорчицков и у ротных писарей вместо алебард и тесаков быть копьям»*.⁷⁶ Из музыкальных инструментов у драгун упоминаются только барабаны, по одному на роту. Седла — русского образца, с войлоками, паперстями, пахвями, ольстрами, бушматами, переметными сумами и уздами.⁷⁷ В драгунском полку Ефима Гулица (позднее — Московском) к апрелю 1701 находилось 30 *«лат с шишаки»*; судя по количеству, они принадлежали ротным офицерам.⁷⁸

Каждая рота имела собственное знамя. На 80 знамен для восьми драгунских полков, отправившихся в *«Свейский поход»*, в 1701 было куплено 240 аршин тафты: 50 аршин белой, по 27 аршин красной, *«рудожелтой»*, желтой, голубой, зеленой, вишневой и черной *«струйчатой»*. Не трудно рассчитать, что на каждое полотнище приходилось по три аршина материи; первое знамя, как обычно, делали белым, остальные — особого цвета в каждом полку.⁷⁹

Строились эти знамена по образцу изготовленных годом ранее для драгунского полка Адама Вейде. Согласно ведомости, поданной генералом в Оружейную палату в июне 1700, возглавляемому им полку следовало *«...сделать драгунские знамена камчатые: одиннадцать знамен зеленые, мерою в длину по два аршина, в ширину по полтора аршина знамя; в них вишивные против ознаменки ветви — желтой, кресты — белой, с сиянием над крестами, свитки — белой же камки, с подписанием «сим знаком побеждаю», по углам знамен по звезде. Второе на десять — мерою против того ж, белое, камчатое ж, с вишивным прописным орлом. И обшить по краям те знамена бахромою золотною,* и к ним двенадцать шнуров с кистями зеленого шелку с золотом. По размеру [знамен] чехлы и мешочки суконные»*. Орел на белом знамени, так же как в пехотных полках, вырезался из лимонной камки; чехлы и мешочки шились из алого сукна-полукармазина. Золотые с зеленым шелком шнуры имели такие же кисти, а общая длина шнура с кистями равнялась полутора аршинам.⁸⁰

Знамена драгунских полков Золотой палаты несли те же самые изображения — двуглавый орел на белом знамени, равноконечные кресты с сиянием, пальмовые ветви и свитки с надписью на ротных, — только все они были не вырезанные из камки, а *«малеванные»* золотом и серебром. На сохранившемся первом знамени орел нарисован золотом и тушью; на полотнище черного цвета крест и пальмовые ветви золотые, а лента для надписи — серебряная; на белом знамени крест и лента серебряные, ветви — золотые. Цвет суконных мешочков сегодня можно определить как

* «Золотной» (архаичн.) — золоченый, позолоченный.

малиновый; дротик у черного знамени — в виде плоского железного копия. Бахрома и шнуры с кистями, если таковые были, не сохранились. Нет на этих полотнищах и звезд по углам.⁸¹

Для драгун, посылаемых в Архангельск, также следовало сделать пять зеленых камчатых знамен по образцу полка Вейде, *«...да к тому числу вместо орлового... шестое знамя с крестом золоченым, а свитки серебряные на гулфарбе, и обшить те знамена бахромою шелковою соломенного цвету; шнуры зеленые, кисти желтые шелковые, в том числе одна кисть и шнур с золотом»*. Добавим, что шестое знамя было белого цвета, пальмовые ветви — желтые камчатые, мешочки и чехлы — из алого сукна-полукармазина, *«втоки»* на древках — медные, а шелковой бахромы на каждое полотнище считалось по шесть аршин. Кроме того, купчина Родион Исаев *«...купил к вышеписанным втокам шесть ремней сыромятных тянутых сшивных, по два ремня с пряжки и с наконечники и с запряжки, и за те ремни со всем [прибором] доведется ему дать по три алтына по две деньги, итого двадцать алтын»*.⁸²

ГЛАВА ПЯТАЯ. ОБМУНДИРОВАНИЕ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗЦА

МУНДИРЫ венгерского покроя просуществовали недолго. Уже в начале 1700-х годов они стали постепенно заменяться одеждой западно-европейского образца. Первой переделалась гвардия. В октябре 1702 на 500 солдат Преображенского и Семеновского полков было велено сделать *«французское платье»*: темно-зеленого цвета — для первых, темно-василькового или лазоревого — для вторых; пуговицы на кафтанах и камзолах обшивались тем же сукном, из которого были скроены эти вещи. Дополняли новый мундир шляпы и красные чулки.⁸³

Голландский путешественник Корнелий де Бруин, 4 декабря 1702 наблюдавший торжественный вход гвардии в Москву после взятия Нотебурга, оставил подробное описание увиденного: *«...впереди шел полк гвардии* в восемьсот человек, под начальством полковника Риддера, родом немца. Половина этого полка, шедшая впереди, одета была в красное, по-немецки, а другая половина — по-русски, потому что за недостатком времени не успели покончить им новые платья... и шла рота гренадер, одетых в зеленые кафтаны с красными отворотами, на немецкий покрой, за исключением шапок, обшитых медвежьим мехом, вместо шляп. Это были первые гвардейские гренадеры ...Потом Его Величества Преображенский полк, числом в четыреста человек, одетых в новые немецкие кафтаны из зеленого сукна с красными отворотами и в шляпах, обшитых серебряным белым галуном ...Затем следовал отряд Семеновского полка, также гвардии Его Величества, одетый в голубые кафтаны с красными отворотами»*.⁸⁴

Облик армии был приведен к европейскому стандарту несколько позднее. Указ о ношении немецкого и французского платья, касающийся также солдат и стрельцов, традиционно датируют концом 1701.⁸⁵ Этот момент и считается началом повсеместного распространения в России западно-европейской одежды. Между тем, вопрос с покроем обмундирования оставался открыт еще довольно долгое время. В марте 1703 командир одного из драгунских полков Карл Ренне писал царю: *«...прошу покорнейше, как его, Великого государя, изволение есть, чтоб полк каким платьем построить, понеже о том еще указу нет»*.⁸⁶ Очередной раз об употреблении европейской одежды напоминалось 22 декабря 1704: *«...по прежнему своему... указу... и драгунам и солдатам и стрельцам... носить платья: генваря с 1 числа 1705 года по*

* Очевидно, речь идет о Бутырском или Лефортовском пехотных полках.

*светлое Христово Воскресенье — верхнее саксонское, а исподнее, [а именно] камзолы и штаны и сапоги и башмаки — немецкие... а летом носить одно французское... а русского платья... отнюдь никому не носить».*⁸⁷

Момент появления в армии европейского костюма можно попытаться определить, приняв во внимание срок службы форменных вещей. Для полков, сформированных к середине 1700, время выдачи новых мундиров подошло как раз к концу 1702 — началу 1703. К этому периоду относятся и письмо Ренне и, по-видимому, последовавший после этого письма указ о ношении европейского платья, еще раз подтвержденный в конце 1704. Таким образом, одежда венгерского покроя была получена армейскими полками один или два раза: в 1700, при формировании и, быть может, в 1703. Вероятнее всего, армейцы стали облачаться во французское платье вслед за гвардией, по мере износа прежних мундиров.

Процесс этот шел не так уж скоро. Английский посол Чарльз Витворт в своем письме от 31 января 1705 рассказывает о вступлении в Вильно пехотного полка, *«который... шел в отличном порядке: офицеры все были в немецком платье, а рядовые хорошо вооружены мушкетами, шпагами и штыками, но одеты в платье русского покроя из какой-то холщовой материи»*; а спустя месяц, в Смоленске, он видит *«роту гренадер, прекрасно одетую и вооруженную по немецкому образцу»*. Продолжение второго письма Витворта особенно интересно: *«Значительная часть гарнизона, который состоит приблизительно из 3.000 человек, одета точно так же, и царь, говорят, решил поставить всю армию свою на ту же ногу»*.⁸⁸ Спустя год-другой регулярные полки русской армии по внешнему виду почти не отличались от европейских.

Постараемся вкратце описать одежду того времени. В конце XVII — начале XVIII веков в Европе господствует французская мода. Естественно, в каждой стране были свои варианты «французского» платья, имевшие, тем не менее, общие для всех черты.

Основной деталью костюма был свободного покроя «верхний» кафтан длиной до колен или чуть ниже. Начиная от лифа, центральный и два боковых шва спины переходили в разрезы, достигающие самого низа пол, причем материя по краям боковых разрезов могла собираться в несколько глубоких складок (за счет этого нижняя часть кафтана сильно расширялась, придавая фигуре характерный силуэт в виде колокола). Пуговицы и петли, при помощи которых кафтан застегивался, допускалось ставить как на одном, так и на обоих бортах; в первом случае кафтаны назывались *«об одних пуговицах»*, во втором — *«с двойными пуговицами»*. Борта кафтана могли отворачиваться наружу, образуя лацканы различной величины и формы: у одних кафтанных были широкие прямые лацканы, доходящие до самого низа пол; у других — треугольные, длиной только до пояса; у третьих — совсем небольшие, лежащие против груди, подобные лацканам современных пиджаков. Просторные рукава заканчивались широкими обшлагами. Спереди на полах находились карманы, вертикальные или горизонтальные вырезы для которых закрывали клапаны различной формы. В теплое время года и для удобства при верховой езде полы кафтана подворачивали кверху и скрепляли между собой.

Для начала века характерны заниженная линия талии, отсутствие воротника, широкие обшлага, карманы в самом низу пол и большое количество пуговиц. К концу 1700-х годов, под влиянием моды, на кафтанах появляются воротники, рукава стали уже, а обшлага — меньше; карманы поднимаются ближе к талии. Сами кафтаны стали однобортными, с пуговицами и петлями только до пояса.

Камзол в целом повторял покрой кафтана, только делался немного короче, без обшлагов и складок в боковых швах. У запястья рукава застегивались на несколько пуговиц. Воротника камзол, как правило, не имел.

Штаны были длиной чуть ниже колен. Широкий пришивной пояс спереди застегивался на две–три пуговицы, а сзади имел разрез, который позволял регулировать размер штанов по фигуре человека. Стягивался этот разрез при помощи обычного шнура или одного–двух хлястиков с пуговицами либо пряжками. Ниже пояса, на задней части штанов, материя собиралась в несколько глубоких складок, делавших штаны просторными и не стесняющими движения ног. Спереди у пояса крепился откидной клапан-лацбант, закрывавший собой тот разрез, где у современных брюк помещена ширинка. Внизу, на внешних швах штанин, были разрезы, застегнутые на несколько пуговиц. Под коленями штанины стягивались по ноге завязками или ремешком с пряжкой.

Главным убором служила валяная из шерсти или пуха шляпа с полями, отогнутыми к тулье. На ноги надевались чулки, тупоносые башмаки либо сапоги. Нижнее белье включало портки и рубашку из холста или полотна. На шею, поверх воротника рубашки, повязывался галстук различной формы и материала.

В ненастную погоду поверх кафтана надевали епанчу — длинный круглый плащ без рукавов. У шеи, где находился широкий отложной воротник, епанча застегивалась на пуговицу или крючок с петлей. Существовала еще одна разновидность епанчи в виде просторного плаща с рукавами и застежкой на пуговицы по борту.⁸⁹

Интересный факт: упоминая о появлении европейского костюма в России, все иностранцы говорят, что это было платье именно их страны. Англичанин Джон Перри называет его «английским», Корнелий де Бруин — «немецким» либо «голландским», датчанин Георг Грунд — «немецким», в России этот образец считался «французским» (лишнее подтверждение тому, что в европейских странах тогда носили примерно одинаковую одежду).⁹⁰

В 1700-е годы главным поставщиком шляп для армии был Московский шляпный завод, построенный за рекой Яузой, на месте разоренных слобод стрелецкого полка Мартемьяна Сухарева. Сначала завод находился в ведении Земского приказа, в 1706 перешел под управление Ингерманландской канцелярии, а в 1709 был передан «Кавалерской» канцелярии мундирных дел, снабжавшей драгунские полки. После того, как в сентябре 1710 завод сгорел, шляпы для армии приобретались у частных подрядчиков. Услуги их, впрочем, понадобились нескоро. Готовые шляпы уцелели от огня и продолжали поступать в полки еще в течение нескольких лет. В 1712 их было отпущено 33.839 штук, в 1713 — 94, в 1714 — 6.612, в 1715 — 6.375. Кроме того, в 1710-е годы основным видом головного убора в армии стали суконные карпузы.

Материалом для изготовления шляп служила свалянная и пропитанная клеем овечья шерсть. Вместо шерсти можно было использовать пух, но такие шляпы обходились на порядок дороже и в армию поступали редко. Готовые шляпы красили в черный цвет при помощи чернильных орешков. Внутрь тульи, имевшей округлую или цилиндрическую форму, ставилась подкладка из холста или крашенины. «По обычаю» тех лет «крылья» (поля) с трех сторон отгибали вверх и, для более надежной фиксации, притягивали к тулье шнуром. В 1700-е годы поля были невелики; впоследствии, под влиянием моды, они стали больше. Забегая за рамки темы, скажем, что неоднократно встречающиеся в приказах нареkania на размер полей

привели к тому, что Регламент 1731 года ограничил их ширину тремя вершками. Края полей могли обшиваться белой шерстяной или нитяной тесьмой, которая, помимо чисто декоративной функции, защищала «крылья» от повреждений. Иногда в качестве обшивки употреблялись другие материалы: например, белое полотно или даже сукна от старых кафтанов. Еще одним украшением шляпе служила свернутая из ленты «розетка» или «репей», позднее получившая название «бант»; широкого распространения эта деталь не получила. Дешевая и простая в изготовлении шляпа с точки зрения функциональности была малоприспособленной вещью — от холода она защищала плохо, а влаги не переносила совсем. Попадая под дождь шляпа теряла и форму, и цвет: «...когда шляпу обмочит раз-другой дождем, то выступит из нее клей, и становится сера, и крылья все обвиснут».⁹¹ Несмотря на это, шляпа считалась наиболее престижным головным убором. Драгунские полки, стоявшие в привилегированном, по сравнению с пехотой, положении, обеспечивались ими в первую очередь.⁹²

Необходимые для изготовления шляп материалы подробно перечислены в документах. К примеру, Ярославский шляпный двор в 1709 на каждую сотню шляп расходовал четыре пуда овечьей шерсти, 20 фунтов синего сандала, фунт «яри-медянки», 10 фунтов купороса, три фунта чернильных орешков, 40 аршин черной крашенины, 115 аршин черного шелкового шнура, пять колодок черных нитяных пуговиц, одну «пятинку» черных ниток, а также «мездриный» клей, коровье масло, ржаную муку, угольё, тонкие веревки, толстые и тонкие струны, березовые дрова, дрожжи (для последней группы компонентов указана только цена).⁹³

В конце 1700-х годов в армии появляется еще один вид головного убора — заимствованный у шведов карпуз («картуз», «карпус», «карбус»). Состоял он из округлого суконного «верха»-тульи с пришитыми к нему спереди и сзади отворотами, которые назывались «опушкой», «подбоем» или «полем»; передний отворот, по-видимому, могли именовать еще «козырем», хотя, вероятнее всего, козырь был отдельной деталью. В ненастную погоду отвороты опускались вниз, закрывая уши и шею от холода, а в подвернутом виде скреплялись между собой при помощи пуговиц или крючков и петель. Как правило, верх и отвороты были разных цветов, нередко вовсе отличных от мундира. Украшались карпузы выпушками, расшивкой из шнура или тесьмы, реже — кистями. Основой верха могла служить тулья от старой шляпы. Наверное, единственным недостатком этого практичного головного убора была дороговизна, что, впрочем, не помешало ему к концу 1710-х годов почти целиком вытеснить шляпы и в пехоте, и в кавалерии.

Словом «мундир» в 1-й половине XVIII века обозначался весь комплект верхней одежды — кафтан, камзол, штаны и, иногда, епанча. Основным материалом для изготовления мундирных вещей было сукно различного качества, начиная от дорогого и добротного иностранного — английского, голландского, гамбургского или прусского, до дешевого отечественного — «абы» (абинкового), шиптухового и даже сермяжного. Материя, предназначенная на выкройку воротника, нагрудных отворотов и обшлагов к рукавам — тех деталей, которыми «прибирали» (украшали, отделяли) форменную вещь, — называлась «прибор» или «приклад». Как правило, цвет приклада был отличен от той материи, из которой делался сам кафтан или епанча. Подкладочные материалы любого происхождения обобщенно именовали «подкладкой» или «подбоем». На отделку и подкладку кафтанов и епанеч обыкновенно употреблялись шерстяные ткани: на отделку чаще всего шло сукно; на подкладку — байка, каразея, двойные и «одинакие» (одинарные) яренок и стамед. Все

перечисленные выше подкладочные ткани в случае нужды могли использоваться как для выкройки приборных деталей, так и для пошива карпузов, камзолов, штанов — вещей второстепенных по значимости и требованиям к их внешнему виду. Для драбантов и подобных им временных парадно-церемониальных команд, украшавших собой разнообразные торжества, на приклад к кафтанам нередко приобретали бархат и трип. Камзолы и штаны приборных деталей не имели и в большинстве случаев подбивались холстом. Последний, будучи пригоден как для подкладки всех без исключения предметов одежды, так и для постройки целого ряда вещей, наверное, являлся самым универсальным материалом из всех, которые использовались в мундирном деле. Документы упоминают множество сортов холста, с названиями в зависимости от места изготовления, плотности и предназначения: «*ростовский*», «*тонкий*», «*средний*», «*толстый*», «*суровый*», «*хрящевый*», «*крученный*», «*ровный*», «*простой*», «*кафтаный*», «*камзольный*», «*штаный*», «*рубашечный*», «*порточный*», «*галстучный*», «*штиблетный*», «*палаточный*» и проч. Материи на основе холста (крашенина, клеенка, вощанка, кумач) и различное полотно (парусина, равендук, каламенок) использовались не менее широко, чем шерстяные ткани и были столь же разнообразны.

Чаще всего для постройки мундирных вещей в 1-й четверти XVIII века применялись материи, окрашенные в зеленый, синий и красный цвета, либо производные от них темные и светлые оттенки — крапивный, лазоревый, алый, вишневый, гвоздичный etc. Другие «*колеры*», к примеру, желтый или коричневый, встречались гораздо реже. Во 2-й половине 1700-х годов, благодаря перебоям с поставками из-за границы, в «*мундирном строении*» стали широко использовать белые и серые сукна отечественного производства. Несмотря на то, что цветов было не так уж много, армия выглядела довольно пестро, так как употребляли их в самых разных, если не сказать беспорядочных сочетаниях. Единая цветовая гамма военного костюма окончательно сложилась только в 1720-е годы. Необходимо отметить, что старинные цвета темнее своих современных названий. Судя по сохранившимся образцам материи, красный цвет сегодня назвали бы темно-красным или даже краповым, вишневый — коричневым; васильковый, он же лазоревый, можно охарактеризовать как темно-синий, почти что черный.

Несколько первых лет XVIII века продолжает существовать традиция различать полки по цветам мундиров.⁹⁴ Однако похоже, что в отличие от прежних времен, когда у каждого полка был свой собственный цвет платья, количество мундирных цветов предполагалось сократить до пяти: зеленый, темно-зеленый, голубой, красный и вишневый — именно из таких сукон строились солдатские кафтаны в 1700. Конечно, о том, чтобы полк из года в год получал униформу одних и тех же цветов, не могло быть и речи. Твердо установленную расцветку имели очень немногие полки: зеленый с красным — Преображенский, васильковый с красным — Семеновский, красный с желтым — Бутырский. Для основной массы воинских частей требования к единообразию ограничивались тем, чтобы при выдаче нового обмундирования весь полк был «*под одним цветом*», а проще говоря — хотя бы одинаково одет. И тем не менее, если позволяли обстоятельства, каждый раз для полка старались делать такое же платье, каким было предыдущее. С конца 1700-х годов мундирным вещам назначали цвета общие для всего рода войск.

Остальные вещи — рубашки, порты, галстуки, чулки, обувь — обобщенно назывались «*унтер-мундиром*». Кстати, обувь в то время считались не только сапоги и башмаки, но и чулки. Иногда слово «*обувь*» употреблялось и в значении

«пара» — «...а довлеет против указу в год солдатам отдать по 3 обуви»; «...на покупку второй обуви надобно денег» и др. Четких границ между различными категориями вещей не существовало. Так, строившиеся в мундирных канцеляриях суконные карпузы и триповые галстуки, имевшие равный срок службы с кафтанами и штанами, нередко включались в число *«мундирта»*. Иногда *«мундиром»* называли весь набор предметов одежды и обуви, положенных *«служилому человеку»*.

Пуговицы делались из металла, кости или дерева. В последнем случае их, как правило, обтягивали той материей, из которой была пошита вещь. Металлические пуговицы отливались из меди или олова; те и другие могли быть как выпуклыми, так и плоскими, с гладкой поверхностью или украшенные каким-либо изображением (например, гербом) или простым узором. На мундиры пехоты, наиболее многочисленного рода войск, до середины 1710-х годов обычно ставились более дешевые оловянные пуговицы; драгуны чаще всего получали пуговицы из меди. Впрочем, о четкой зависимости сорта пуговиц от рода оружия говорить нельзя. Случалось, что на кафтанах у драгун были медные, а на камзолах, которые считались второстепенным предметом обмундирования и делались из материалов худшего качества, — оловянные пуговицы. Роговые пуговицы могли быть тисненные или резные. К одежде пуговицы крепились при помощи тонкого ремешка из сыромятной кожи, пропущенного с изнанки сквозь пуговичные ушки, вставленные в специально пробитые для них отверстия.

а. Обмундирование 2-й половины 1700-х годов

Самая ранняя из известных нам раскладок материала на пошив обмундирования европейского образца для армии относится к 1706. На каждый из 2.000 солдатских кафтанов, сделанных в Ингерманландской канцелярии, пошло 3 аршина 14 вершков основного сукна (цвет его не указан) и 14 вершков *«с пол-пол вершком»* красного сукна на воротник, нагрудные отвороты, обшлага, передние полы и под клапаны карманов. Задние полы подкладывались стамедом, каразеей или байкой, остальное (рукава, карманы и др.) — холстом. *«Мелочные расходы»* на шитье одного кафтана — мочка сукон, нитки, иглы, воск — составляли шесть алтын. Пять алтын стоила работа портного.

Ратуша, на содержании которой находилась большая часть пехотных полков, построила 2.303 темно-зеленых и 1.000 лазоревых солдатских кафтанов. На первые основного сукна выходило по 3 аршина 13 вершков, на вторые — по 3 аршина 9 вершков. К тем и другим требовались красный яренок на воротники, обшлага и *«подпушку»*, по 11 вершков *«с пол-полувершком»* красного сукна на отвороты и восемь аршин две четверти холста на подкладку (судя по количеству материала для отворотов — ширина кусков сукна была более или менее стандартной, около двух аршин, — получается, что кафтаны имели весьма широкие лацканы длиной до самого низа пол). Мелочный расход на *«ратушские»* кафтаны оценивался в два алтына с деньгой, услуги портного — в пять алтын. О пуговицах для кафтанов в этом документе почему-то не сказано. Из других источников известно, что на драгунские кафтаны, пошитые в Ингерманландской канцелярии в том же 1706, ставилось по 36 медных пуговиц.⁹⁵

Камзолы и штаны оба учреждения делали почти одинаковые — из красного сукна с холстинной подкладкой. Пуговиц на каждый камзол ставилось два портища — 24 штуки. Разница состояла только в том, что в канцелярии расход материалов на камзолы и штаны был немного больший: Ратуша отпускала два аршина

сукна на камзол и аршин сукна на штаны, канцелярия — два аршина один вершок и аршин с полувершком соответственно.⁹⁶

Подробнее представить внешний вид кафтанов того времени помогают иконографические источники. На гравюре Петра Пикарта *«Менишиков в битве при Калише»*, выполненной, предположительно, в 1707, позади фигуры самого князя показан человек его свиты, несущий герб светлейшего. Несмотря на довольно небольшой размер изображения, хорошо видны фигуры щитодержателей — солдат по краям гербового поля. Кафтаны этих солдат однобортные, с пуговицами и петлями до низа пол и небольшими треугольными отворотами на уровне груди, а клапаны карманов расположены в самом низу пол.

Первое обнаруженное нами документальное упоминание о постройке однобортных кафтанов относится к началу 1708 года. 20 февраля царь приказал изготовить на Преображенский полк новое платье: кафтаны на этот раз было велено *«сшить об одних пуговицах, и прорезать у них, у большой руки* по двенадцати, а у средней — по одиннадцати петель на поле только по пояс»*.⁹⁷ Вслед за гвардией, надо полагать, сменили покрой и армейские мундиры.

При недостатке импортного сукна приходилось использовать отечественные материалы. Первый раз большие затруднения с поставками заграничных сукон русская армия испытала во 2-й половине 1700-х годов. Сначала из них было решено строить одни кафтаны. *«А для нынешней дороговли сукон, — в январе 1707 инструктировал царь командира одной из дивизий князя Репнина, — покупать или подрывать на камзолы и на штаны простые сукны. Буде крашенных не сыщется, то хотя белые и серые, токмо единые бы были верхние кафтаны сделаны у всех из заморских сукон»*.⁹⁸ Однако, как оказалось, иностранной материи не хватит даже на это. Месяц спустя, в феврале, Петр велел Репнину принять в Киеве *«подрядные и покупные абинные сукна, а именно: крашенных трех колеров — красного, зеленого и синего шестьдесят тысяч, да белого — сорок восемь тысяч аришин. И вели делать солдатам платье: из крашенных — на Бутырский, на Чамберсов и на свой полки, а из белых сделать платье на бывший Агилвиев полк, с обилагами красного сукна. А достальное белое сукно отдать в который ни есть полк также на кафтаны. А камзолы делать из иных сукон русских, или из старых верхних кафтанов»*.⁹⁹

В августе 1708, при учреждении *«Инфантерской»* мундирной канцелярии, для 28 полков армейской пехоты, которые находились на содержании Ратуши, был сочинен мундирный регламент. Известно о нем немного. Каждые три года солдату надлежало давать кафтан из английского (предпочтительно зеленого) сукна, английского же сукна штаны (цвет их не оговаривался) и епанчу из серого или белого русского сукна с крашенной подкладкой; на два года — шляпу, *«а лучше... буде мочно убраться»*, — карпуз и, в каждый год, — по три холстинных рубашки с портками, *«короткий»* черный триповый галстук, *«чтоб застегивать»* (судя по данной фразе, с пряжкой или крючками), две пары башмаков с ременными завязками вместо пряжек, две пары чулок и одну пару сапог. Стоимость всех вещей вычиталась из солдатского жалованья. Камзолы шили в полках из старых кафтанов и епанеч. Кроме одежды и обуви, на *«вычетные мундирные деньги»* было определено готовить портупею, патронную суму *«по прежнему обыкновению»* и перевязь с пряжкой к ней; перевязь и портупея кроились из телятиной кожи *«на лосиное дело»*.¹⁰⁰

* «Рука» (архаичн.) — размер.

Доношение мундирной канцелярии позволяет уточнить еще ряд деталей. В «разные числа» 1708–1709 четырем полкам были отпущены красные и зеленые епанчи из гамбургских и английских сукон, шести полкам — епанчи из серого русского сукна с красным, зеленым и голубым подбоем. 12 полков получили шляпы, причем у трех полков они были «обиивные» белым галуном; шесть полков — в 1709 — карпузы. На три гренадерских полка канцелярия заготовляла «3-х манеров» шапки, гранатные сумы с перевязями и фитильными трубками, патронные лядунки и лосиные портупей. Среди оставшихся материалов упоминаются «разных цветов» английские и гамбургские сукна (последние предназначались на епанчи), яренок, байка, олово для литья пуговиц, свыше 100 пудов меди на дело пряжек. Кафтаны, как значилось в документе, — «все из агленских сукон», однако, помимо таких, упомянуты 1.203 сермяжных, с красными отворотами и обшлагами.¹⁰¹ В конце 1700-х годов в пехоту начинают поступать штаны из козлиной кожи.

Драгуны в середине 1700-х годов также были вынуждены переодеться в абинок и крашеную сермягу. В феврале 1708 Ижорская канцелярия, строившая обмундирование драгунским полкам, получила указание «изготовить сукон на двенадцать тысяч кафтанов разных цветов, в которых больше б было белых недорогой цены, и те сукна покупать и на суконных заводах делать, а буде такого числа на Суконном дворе нет и закупить невозможно, то хотя простые русские белые сермяжные сукна закупать, чтоб помянутое число [кафтанов было], также и на обшлагаи красного и подкладки красной, сколько надобно, промышлять». К началу 1709 было готово 8.400 кафтанов для семи полков: 1.200 — из синего сукна, 1.200 — из синей каразеи, 1.200 — из белых сермяжных сукон, 4.800 — из серых сермяжных сукон, окрашенных в зеленую краску.¹⁰² На 1 мая 1709 в канцелярии состояло 1.200 белых сермяжных кафтанов с оловянными пуговицами, красными яреновыми обшлагами и отворотами и 1.200 кафтанов из серого сермяжного сукна, окрашенного темно-зеленой краской, с медными пуговицами, обшлагами и отворотами из красного яренка.¹⁰³ В 1709 было приказано заготовить еще 12.000 драгунских кафтанов. Строились они в Брянске и Севске из белых абинных сукон поставки Саввы Рагузинского. На подбой пошло помокшее «оберточное» сукно, предварительно окрашенное в лазоревый цвет, и того же колера «однорядное» сукно. Несколько тысяч аршин каразеи и оловянные пуговицы, по два портища на кафтан, прислала Ижорская канцелярия. Отечественные материалы, конечно, обходились намного дешевле, чем заграничные, но и качество вещей в том и другом случае было соответствующим.¹⁰⁴

Камзолы и штаны драгунам первоначально шили точно такие же, как для солдат — из сукна, с застежкой на пуговицы. Во 2-й половине 1700-х годов вместо него в «камзольном и штанном деле» стала использоваться кожа «замшеной выделки», чаще всего — козлиная, реже — лосиная и оленья. Подкладкой под суконные и кожаные вещи равно был холст. Застегивались кожаные камзолы на пуговицы или на крючки и петли. Так как светлая замша легко пачкается и довольно плохо отчищается, сделанные из нее вещи, чтобы они не теряли вид, периодически приходилось натирать вохрой — желтой земляной краской. Образец кожаного камзола конца XVII — начала XVIII веков показан на портрете, хранящемся в собрании музея-усадьбы «Куское». Судя по этому портрету, а также описи вещей князя Меншикова, офицеры могли окладывать свои камзолы и портупей золотым или серебряным позументом.¹⁰⁵

Епанчи у драгун покроем не отличались от солдатских. Летом 1708 года 15 драгунских полков велено снабдить епанчами *«из сукон всех цветов, токмо б было из каждого цвету на целый полк, и все те епанчи делать из немецких сукон»*. В большинстве закупленные стамеды и сукна оказались красными (21.304 аршина) и голубыми (4.560 аршин). С июня 1708 по май 1709 красные епанчи получили Лейб-регент, Сибирский, Ингерманландский (подбой васильковый), Тверской (подбой синий) драгунские, а также Астраханский, Ингерманландский и Нижегородский пехотные полки. Тогда же были пошиты голубые епанчи с красным подбоем, желтые епанчи с зеленым подбоем и синие епанчи.¹⁰⁶

Распоряжение о цветах драгунской униформы состоялось в мае 1709: кафтаны для *«кавалерских полков»* отныне следовало делать темно-зеленые или белые, а епанчи — красные.¹⁰⁷

Подборка сведений о материалах, использованных для постройки обмундирования в 1708–1709, дает любопытную картину: для пехотинцев кафтаны делались из цветного импортного сукна, епанчи — из белого или серого русского (камзолы, напомним, солдаты шили сами, из выслуживших срок кафтанов и епанеч); драгунам, напротив, из дорогого заграничного сукна строились епанчи, кафтаны же шили из дешевого отечественного сукна — как правило, просто белого или окрашенного в зеленый цвет сермяжного. Объяснить это можно тем, что для кавалериста епанча была гораздо более важным предметом, чем для пехотинца, ведь в непогоду она закрывала не только самого всадника, но и седло с переметными сумами, всю прочую поклажу и, что наиболее важно, — оружие (кремневые замки пистолетов и фузей требовали крайне бережного обращения). Помимо этого, качество кафтанов, хотя бы отчасти, компенсировалось практичными и долгими в носке кожаными камзолами и штанами.

О других форменных вещах конкретных сведений и того меньше. Нижнее белье — рубашки и портки — строились из холста или полотна разных сортов. Галстуки, как в пехоте, так и у драгун, в основном были триповые, черного или красного цвета, реже — белые холстинные; совсем редко на изготовление галстуков шли другие материалы — кумач, креп, китайка, выбойка, крашенина. Плотные чулки из овечьей шерсти — белые, серые, красные, лазоревые — стягивались подвязками под коленом. В сухую погоду солдаты надевали *«тупоносые»* башмаки с медными или железными пряжками либо *«ременными завязками»*, а в холодную и ненастную — остроносые *«солдатские»* сапоги высотой до колен.

Для верховой езды драгуны имели специальные *«драгунские»* или же *«конные»* сапоги — твердые, тяжелые, на толстой, усаженной гвоздями подошве, с высокими каблуками, плоскими тупыми носами, широкими негнущимися голенищами, большими, закрывающими колени, раструбами, железными пристяжными *«острогами»* (шпорами) *«с цепочки и с пряжки»* и кожаными накладными клапанами к ним. Чтобы ноги всадника не могли выпасть из просторных, похожих на трубы голенищ, поверх чулок либо наматывались *«подвойки»* или *«подвертки»* — кожаные полосы, подшитые холстом; либо надевались так называемые *«фальшивады»* (они же, по-видимому, *«ледры»*) — плотные кожаные голени, сделанные точно по форме нижней части ноги (кстати, с немецкого слово Falschwade буквально переводится как *«фальшивая икра»*). Спереди у фальшвады был продольный разрез по всей длине, а внизу — штрипка, проходящая под стопой. Типичный образец кавалерийских сапог

с фальшвадами носил Карл XII — комплект вещей, в котором он погиб под норвежской крепостью Фридерикстен, сегодня является одной из главных реликвий Королевской Оружейной палаты.¹⁰⁸ Ходить пешком в таких сапогах было практически невозможно, да и снять самому довольно затруднительно, но зато они защищали ноги всадника подобно доспеху. Для пешей службы драгунам с конца 1700-х годов стали давать такие же, как у пехотинцев, башмаки. В 1700-е и 1710-е годы сапоги и башмаки кроились из яловичной кожи, выделанной дегтем, «на лицо гладкие» — личной стороной наружу.

Еще одной деталью солдатского гардероба были штиблеты, они же «штивлеты», «штиверы», «штивени» — высокие холстинные, полотняные или кожаные голенища, носимые поверх чулок и башмаков, застегнутые пуговицами на внешней стороне ноги и стянутые подвязками под коленом. Первое документальное упоминание о них относится к декабрю 1707. «Из кож, которые воли биты, — писал фельдмаршал Борис Шереметев генерал-лейтенанту Якову Брюсу, — приказать сделать штебелеты для зимнего походу; из овчин и из козлин, сколько их есть, солдатам приказать сделать душегрейки».¹⁰⁹ Насколько широкое распространение получил этот предмет, сказать трудно. В число табельных (то есть периодически выдаваемых от казны) вещей штиблеты не входили, следовательно, и отчитываться за них не было необходимости. Строились «штиблеты» при полках, от случая к случаю, буквально из подручных материалов. Так, Белгородский, Бутырский, Пермский, Черниговский и Ярославский пехотные полки в 1713 пошили штиблеты из старых холстинных палаток и ружейных пирамид; годом раньше таким же образом поступили по крайней мере два полка — Новгородский и Смоленский. Судя по всему, массовое использование штиблет начинается именно в эти годы — все вышеназванные полки входили в состав Померанского корпуса, действовавшего в Северной Европе, где «*Stiefeletten oder Gamaschen*» носили и военные, и гражданское население.

Зимой солдаты надевали овчинные или бараньи шубы и рукавицы. В 1712 вместо шуб солдатам было велено давать полушубки сроком на два года.¹¹⁰ Носился полушубок, судя по всему, под кафтаном.

в. Обмундирование 1711 — начала 1712 года

К началу 1710-х годов система финансирования армии кардинально изменилась. В результате проведения губернской реформы (1708–1710), сбор большинства статей государственных доходов, до этого поступавший в различные центральные учреждения (приказы, канцелярии etc.), передавался во вновь образованные губернии, к каждой из которых было приписано определенное количество полков. Изначально предполагалось, что с 1712 губернии возьмут на себя не только их финансирование и комплектование, но и материальное обеспечение, в том числе форменной одеждой. Необходимость в существовании учреждений, централизованно заготавливающих для армейских полков строевое платье и амуницию, таким образом, отпадала. Для окончательного выяснения ситуации Сенат затребовал от «Инфантерской» и «Кавалерской» мундирных канцелярий подробные ведомости о состоянии дел. В конце 1711 обе представили необходимые сведения, детально расписав все имеющиеся у них на тот момент вещи и материалы. Помимо большого количества фактической информации, документы подобного рода ценны тем, что позволяют увидеть картину в общем.

Из затеи переложить все заботы по обеспечению войск на губернии, скажем сразу, ничего не вышло. Уже в конце 1711 форменное платье было велено по-

прежнему делать в мундирных канцеляриях. В течении 1712 губернии действительно снабжали приписанные к ним полки всем, кроме оружия и одежды, однако по целому ряду причин от этого пришлось отказаться. С 1713 все мундирные, амунические и большинство прочих вещей строили мундирные канцелярии; собранные на это в губерниях деньги сначала передавались им через Военную канцелярию, а с 1720 — от Комиссариата. Оружие производили несколько казенных заводов.

Итак, в конце 1711 Мундирная канцелярия от инфантерии построила новое форменное платье для 23 пехотных полков, что составляет примерно половину от их общего числа:

ПОЛК	КАРПУЗ		КАФТАН
	ТУЛЯ	ПОДБОЙ	
ДИВИЗИЯ ВЕЙДЕ			
гренадерский полк	шапки с чехлами		зеленый
Лефортовский	красный	желтый	красный
Ренцелев	зеленый	красный	зеленый
Шлиссельбургский	зеленый	красный	зеленый
Тобольский	зеленый	красный	зеленый
Копорский	шляпы		зеленый
Ивангородский	новые мундиры выданы 1 декабря 1710		
ДИВИЗИЯ КНЯЗЯ РЕПНИНА			
гренадерский полк	шапки с чехлами		красный
Бутырский	желтый	красный	красный
Киевский	новые мундиры и шляпы выданы 25 мая 1710		
Новгородский	белый	зеленый	зеленый
Ростовский	шляпы		зеленый
Белгородский	желтый	красный	васильковый
Тверской	новые мундиры и шляпы выданы 25 мая 1710		
Нарвский	новые мундиры и шляпы выданы 23 июля 1710		
ДИВИЗИЯ АЛАРТА			
гренадерский полк	шапки с чехлами		синий
Московский	красный	васильковый	красный
Казанский	красный	васильковый	синий
Сибирский	шляпы		зеленый
Псковский	шляпы		зеленый
Нижегородский	зеленый	красный	зеленый
Вологодский	белый	зеленый	зеленый
ДИВИЗИЯ ВЕЙДЕ (ПРЕЖДЕ ЭНЦБЕРГА)			
Воронежский	красный	желтый	зеленый
Вятский	шляпы		зеленый
Черниговский	шляпы		зеленый
Великолуцкий	белый	красный	белый, обшлага синие
Рязанский	шляпы		зеленый

Подобный срез информации позволяет сделать ряд интересных наблюдений. Весьма показательное соотношение карпузов и шляп — оно составляет почти два к одному (первые достались 13-ти полкам, вторые — семи), при этом в большинстве случаев цвета карпузов совпадают с кафтанными. Не менее характерно количественное распределение цветов сукна, использованного для постройки мундира: 15 полков (65,2% от общего числа) получили зеленые кафтаны, четыре — красные (17,3%), три — синие и васильковые (13%), один — белые (4,3%). Цвет отделки (синяя) указан только для одного полка, который, в виде исключения, имел белые кафтаны. Объясняется это, вероятнее всего, тем, что у большинства кафтанов (зеленых и синих), отделка была традиционного красного цвета и поэтому не конкретизировалась, как сама собой разумеющаяся. Обратите внимание также на то, что гренадерские полки носят разные кафтаны, своего цвета в каждой дивизии: у Вейде — зеленые, у Репнина — красные, у Аларта — синие.

«В остатке от отпуску» состояло 4.048 шляп, 2.414 карпузов, 8.504 триповых галстука, 42.634 аршин 1 четверть английских и 1.660 аршин гамбургских сукон; из подкладочных материалов числится 26.588 аршин «двойных и одинаких» яренок, 21.943 аршина каразеи, 18.497 аршина 3 четверти байки. На четыре полка были построены красные, зеленые и васильковые епанчи. Подробностей о других форменных и амуничных вещах — гренадерских шапках, галстуках, рубахах, портках, сапогах, башмаках, чулках, патронных и гренадерских суммах, лядунках — не сообщается. Все портупей и перевязи, 14.291 и 5.248 соответственно, сделаны из яловичных «на лосиное дело» кож, 4.828 пряжек к ним — железные. Фитильные трубки для гренадер — медные.¹¹¹

Дивизия Вейде получила этот мундир в январе 1712. «Ведение» (опись), которое сопровождало обновы, добавляет целый ряд существенных деталей. Гренадерский полк принял шапки «с орлами», красные триповые галстуки, зеленые кафтаны с медными «гербовыми» пуговицами, красные штаны, красные чулки, башмаки, белые рубахи, синие пестрядинные портки, «широкие» перевязи к гренадерским сумам (при каждой два железных крюка), медные фитильные трубки, лядунки «с склянки и с поясками».

Лефортовскому полку досталось 1.207 желтых карпузов «в красном поле» (с красными отворотами) для рядовых и неслужащих, 97 шляп для унтер-офицеров, черные триповые галстуки, красные кафтаны с оловянными пуговицами, красные штаны, синие чулки, башмаки, белые рубахи и портки, портупей с железными пряжками, патронные сумы со склянками для ружейного масла.

Остальные полки — Ренцеля, Шлиссельбургский, Тобольский, Копорский, Ивангородский — мало различались между собой: у всех одинаковые красные триповые галстуки, зеленые кафтаны с оловянными пуговицами, красные штаны, белые рубахи и портки, портупей с железными пряжками. Трем первым полкам было выдано по 1.207 зеленых «в красном поле» карпузов и 97 шляп, двум другим — шляпы для всех чинов. Полк Ренцеля имел чулки красного цвета, Шлиссельбургский, Тобольский и Копорский — белого, Ивангородский — серые. Как видно, из общего ряда выбивается только Лефортовский полк, по традиции носивший красно-желтое обмундирование.

Осмотрев привезенные ему вещи, Вейде написал в Сенат: «Мундир, который прислан на дивизию мою с господином Лодыженским, состоит мало не во всех вещах зело плохой материи, а особливо солдатские сумы — тако худы, что оные принимать никоими мерами не смею, с которой же причины ради свидетельства и

довольственного уверения послал до вашего светлейшества несколько образцов. Вначале — сделаны все зело плохого товару, во-втором — патронные гнезды вельми мелки, третье — сверх патронов подбою нет, пряжки пришиты зело высоко и мешают покрывать, а особливо средние закрышки весьма скудны. Вкратце всё покорно доношу, что зарядов от мочи сохранить невозможно. А какая есть в том нужда, чтоб порох сух и благосохранен был — ваши светлейшества сами милостиво расположат, что то во время дела с неприятелем может быть зелишая (злейшая — Авт.) худоба. Чего же ради, покорно прошу, чтоб вместо оных сум милостиво повелеть прислать иных. Тоже покорно прошу, чтоб и прочие полковые зело надобные вещи по желаемым табелям пожаловать указать выслать благоверменно. А каков нынешний мундир, о том ко вашему светлейшеству посылаю образец, точию показать — сделанных из байки, которых не токмо носить два года, но, воистинно, не выдержат шести месяцев».¹¹²

В «Ижорской от кавалерии канцелярии мундирных дел» к 1 ноября 1711 находилось:

29.092 шляпы, в том числе 27.571 шерстяных и 1.521 пуховых.

6.653 карпуза из английского сукна, в том числе 2.820 желтых, 2.003 синих и 1.830 темно-зеленых, все с красным подбоем. На карпузы же предназначалось 20.959 «колпаков», 3.970 железных «кругов» (каскеты?) и 7.940 железных колец (соотношение шляп и карпузов примерно четыре к одному).

16.886 триповых галстуков.

4.048 пар рубах с портами и, отдельно, 572 портов.

4.347 готовых кафтанов, в том числе 2.887 темно-зеленых с красным подбоем, 114 васильковых, 58 крапивных и 43 светло-зеленых, все из английских сукон; 1.061 синий кафтан с красным подбоем из сукон московского дела; 164 кафтана из серых сукон, окрашенных в темно-зеленую краску; 20 кафтанов из белого сермяжного сукна.

3.198 камзолов, в том числе 1.812 темно-зеленых яренковых, 1.128 козлиных, 255 темно-зеленых суконных, два оленьих камзола с белой крашенинной подкладкой и медными пуговицами, один олений камзол с железными крючками.

6.877 штанов, в том числе 6.067 лосиных, 558 козлиных, 240 темно-зеленых суконных и 12 оленьих.

852 пары «рукавиц перчаток», в том числе 729 пар яловичных и 123 пары лосиных.

4.532 епанчи из английского сукна, в том числе 2.031 синия, 1.385 красных и 1.116 темно-зеленых; 20.060 пар медных епанечных «плащей» (застежек).

Количество и процентное соотношение наличного сукна показаны в таблице.

ЦВЕТ	КОЛИЧЕСТВО	% ОТ ОБЩЕГО ЧИСЛА
АНГЛИЙСКИЕ СУКНА		
белое	101.517 аршин 5 вершков	64
синее	27.122 аршина 1 четверть	17
красное	25.132 аршина 1 вершок	16
темно-зеленое	3.207 аршин 1 четверть	2
алое	248 аршин 2 четверти	0.1
желтое	350 аршин 13 вершков	0.2

коричневое	299 аршин	0.1
ГОЛЛАНДСКИЕ КАРМАЗИНЫ		
желтый	754 аршина	59
темно-зеленый	468 аршин	37
красный	53 аршина 13 вершков	4

Итого, около трех четвертей готовых кафтанов (а также почти треть картузов и около трети епанеч) были «положенного» зеленого цвета, примерно треть — синего. Из оставшегося сукна почти две трети — свыше 100.000 аршин — белое (наверняка его используют для постройки кафтанов) и примерно треть — синее и красное, около 27.000 и 25.000 аршин соответственно. Незначительное количество зеленого сукна объясняется тем, что оно было израсходовано на пошив мундирных вещей.

Помимо сукон, в запасе имелось 29.308 аршин 1 четверть немецких яренок — почти все темно-зеленого цвета, но есть также красные, «маковые» и васильковые; 9.031 аршин 1 четверть темно-зеленой, синей и, совсем немного, желтой импортной каразеи, а также 10.533 аршина 9 вершков красной и 1.811 аршин 3 четверти синей каразеи «московского дела»; 20.730 аршин 2 вершка красной, 19.139 аршин 1 четверть синей и 2.850 аршин черной крашенины (последняя предназначалась на подкладку шляпных тулей). Есть «парчи» (материи) и других цветов, но их очень мало.

Большинство кафтанных пуговиц — 16.543 портища 9 штук — медные (из них 94 портища 2 пуговицы плоские позолоченные), 4.571 портище — оловянные (из них 98 портищ «с орлами»). С пуговицами для камзолов ситуация прямо противоположная: 30.121 портище оловянных (в том числе 33 портища «с коронами») и 3.603 портища 3 штуки медных.

Обувь представляли 2.525 пар сапог, 3.890 пар шпор, 7.879 пар клапанов, 2.927 пар подвой, 7.107 пар башмаков, 4.068 пар чулок, 2.693 пары башмачных пряжек.

Позумента — 4 фунта 80 золотников, в том числе 3 фунта 13 золотников 2 четверти золотного и 1 фунт 66 с половиной золотников серебряного.

Подавляющая часть амуниционных вещей — солдатские и драгунские портупей, перевязи, лягуночные ремни — сделана из яловичной кожи, с медной или железной полуженной «приправой» (прибором). Лосиная амуниция, как правило, имела медный прибор, впрочем, ее было совсем немного. Кроме того, в запасе находилось значительное число кож, выделанных разными способами (сыромятных, «известных»): 20.321 козлиных, 4.482 яловичных, 863 оленьих и 82 лосиных, а также 17.392 сырых козлин (из козлиных кож шились камзолы и штаны). В числе амуниционных вещей значились также 5.626 драгунских лягунок, 1.386 солдатских лягунок «с сумами», 3.000 гренадерских сум с перевязями, 3.000 «гранат с палмы (пламенем — Авт.) точеных медных» и 27 каптенармусских сум.

Конский убор включал седла 5.225 «со всеми уборами», 1.000 овечьих войлоков с крашенинной опушкой, 2.526 пар ольстр и 28 телятинных наметов на седла.¹¹³

Подобный объем сведений позволяет нарисовать портреты «среднестатистических» солдат и драгун конца 1700-х годов. Пехотинец носил картуз или шляпу, триповый галстук черного либо красного цвета; кафтан из зеленого или синего английского сукна, с красным прикладом, оловянными пуговицами и подбоем из яретки, каразеи или байки; сделанный из старого кафтана или епанчи камзол; красные суконные или кожаные штаны; белые, серые или красные чулки; тупоносые башмаки,

остроносые сапоги. Епанча — из белого или серого русского сукна, а если повезет — цветная, из английского. Перевязь и портупея — из яловичной *«на лосиное дело»* кожи, с железным прибором.

Драгун имел шляпу, реже — карпуз; черный или красный триповый галстук; белый, зеленый или синий кафтан с красным прикладом и медными пуговицами; сделанный из козлиной кожи камзол с оловянными пуговицами и козлиные же штаны, сапоги со шпорами и подвоями, чулки, башмаки. Портупея, перевязь и лядуночный ремень — из яловичной кожи, с медным, а иногда железным полуженым прибором.

с. Обмундирование 1712–1720 годов

В конце 1712 армейская пехота и кавалерия получили новый мундирный регламент. Собственно говоря, ничего нового в нем не было — обе мундирных канцелярии представили *«исчисления»* стоимости всех заготавливаемых ими на тот момент предметов обмундирования и амуниции, а также ряд своих предложений, не имевших принципиального характера. Что касается *«исчисления»* для пехоты, то, по-видимому, перед нами детально расписанный Регламент 1708 года. Драгунское *«исчисление»*, вероятнее всего, появилось в 1709, когда входившее в состав Ижорской канцелярии *«мундирное дело»* было преобразовано в самостоятельное учреждение, названное позднее *«Мундирной канцелярией от кавалерии»*.¹¹⁴

Итак, согласно *«исчислению»*, мушкетеру пехотного полка каждые два года следовало давать новые карпуз, триповый галстук, кафтан, штаны и епанчу; *«годовая дача»* включала в себя три рубахи, трое портков, две пары башмаков с чулками и одну пару сапог. Гренадеры взамен карпузов носили суконные шапки.

Карпуз общей стоимостью 12 алтын 3 деньги строился из одного аршина ка-разеи и двух четвертей аршина байкового подбоя. Гренадерская шапка была немногим дороже: три вершка *«с малою долею»* английского сукна, без четверти вершок яренка, один аршин семь вершков абинка, клеенчатый чехол, работа и *«приклад»* вместе обходились в 15 алтын 2 деньги. На пошив солдатского кафтана расходовалось три аршина две четверти английского сукна, *«пол 2 портища»* (18 штук) оловянных пуговиц и 10 аршин крашенины на подкладку. Кафтан grenадера отличался тем, что его подбой состоял из двух аршин байки и восьми аршин крашенины, а пуговицы были медные, с изображением герба. На штаны считалось полтора аршина *«широкого»* яренка и четыре с четвертью аршина подкладочного холста, на епанчу — шесть аршин два вершка *«анбургского»* (гамбургского) сукна и два аршина байки. *«От дела»* (за пошив) карпуза портной мастер получал 2 алтына 3 деньги, кафтана — 3 алтына, штанов — 6 денег, епанчи — 8 денег. Камзолы солдаты по-прежнему шили себе сами, из выслуживших срок кафтаны и епанеч.

Помимо мундира, каждому человеку выдавались амуничные вещи: мушкетеру — патронная сума на *«узкой»* перевязи и портупея с пряжкой; grenадеру — ля-дунка с ремнем, портупея с пряжкой, гранатная сума с *«широкой»* перевязью, два погонных крюка и медная фитильная трубка к ней. Портупеи у мушкетеров и grenадер, судя по цене, были одинаковые.

При рассмотрении в проект были внесены некоторые коррективы. Срок службы всех суконных вещей и галстуков увеличился до двух с половиной лет, а ежегодная дача сократилась до двух пар рубах с портками, пары сапог, башмаков и чулок. Крашенина осталась только в рукавах кафтана; вся остальная подкладка стала яреновая, *«понеже яреновый подбой крепче и теплее»*. Штаны было велено делать

из сукон московской работы и давать их *«в пол третья годы, с мундиром равно, ибо те сукна могут держать против мундиру, токмо оные подкладывать холстиною надлежит»*. Карпузы впоследствии также стали шиться из сукна, как более прочного в носке материала.

Для гренадера драгунского полка в Кавалерской мундирной канцелярии готовились: шапка с чехлом, триповый галстук, кафтан, вохренный камзол из козлиной кожи; лосиные, оленьи или козлиные штаны; епанча, две пары рубах с портками; пара сапог с клапанами, шпорами и парой подвоев; пара башмаков с чулками, пара *«рукавиц перчаток»* из яловичной кожи, портупья, перевязь с погонным крюком; гранатная сума с перевязью, двумя погонными крюками и медной фитильной трубкой; седло с убором. У драгуна шапку заменяли карпуз или шляпа, а гранатную суму — патронная лядунка.

На гренадерскую шапку выходило семь вершков английского *«разных цветов»* сукна и пять вершков яренового подбоя; *«клеенковый»* чехол к ней стоил 10 денег, шелковая кисть — один алтын три деньги. Вся шапка, включая работу и *«приклад»*, оценивалась в 19 алтын с полуденьгой.

Головным убором драгуна, как уже говорилось выше, могла быть сваленная из овечьей шерсти шляпа с крашенинной подкладкой в тулье, либо карпуз. Материалами для изготовления последнего служили семь с половиной вершков английского сукна, 10 с половиной вершков яренка *«на подбой под полы»*, некий *«колпак»* ценою три алтына одна деньга, шесть вершков крашенины *«на подкладку»*, одна кафтанная и шесть камзольных пуговиц. На расшивку употреблялось три разновидности *«плетешка»* (тесмы): две четверти аршина широкого — *«на окладку козыря»*, два аршина среднего — *«на окладку колпака»* и один аршин две четверти узкого — *«на петли»*. Общая стоимость такого карпуза составляла 22 алтына 2½ деньги.

Кафтан также строился из английского сукна — *«3 аршина 3 чети с полувершком, и что в мочке сядет»*; еще восемь вершков сукна было необходимо на воротник, обшлага и оторочку петель. Для подкладки пол, карманных клапанов и задних прорех требовалось два аршина шесть вершков яренки, в спину и фалды — четыре аршина три вершка крашенины, в рукава и карманы — три аршина три четверти холста. На каждый кафтан выходило два портища (24 штуки) медных пуговиц, еще три камзольных пуговицы предназначались *«на воротник»*.

Самым дорогим предметом одежды была епанча. 4 аршина 11 вершков английского сукна, два вершка сукна на воротник, *«2 аршина с вершком и с малою долею вершка»* яренового подбоя, медные *«плащи»* и работа портного в итоге составляли 3 рубля 20 алтын 3 деньги.

Часть вещей готовилась подрядным способом. *«Седло: арчак на русских известях жилен по ставам, подушка яловичного товару, медная головка, козырь пришивной, пристуги, подпруги, путлищи с стремянами, чепрак, войлок с крышкою и платом сермяжным, ольстры, сумы переметные, бушмак с ремнем, подушечка подпаховная, оголовь с уделы, с паперстью, с пахви — 3 рубли 15 алтын; лядунка драгунская [со] склянкою жестяною — 3 алтына 2 деньги; сума каптенармусская — 10 алтын»*.

Амуницию и для пехоты, и для драгун — портупей, перевязи, лядуночные ремни — делал Портупейный завод, принадлежащий Кавалерской канцелярии. Большая часть амуниционных вещей изготовлялась из яловичной, реже — лосиной кожи; *«приправа»* — пряжки, наконечники — могла быть медная либо железная.¹¹⁵

Среди бумаг Военной канцелярии сохранилось описание амуниционных вещей, датированное маем 1713: «...драгунские с медным убором: перевязь строченая, подшита тесьмою нитяною, с двумя медными пряжками и с наконечником; узкий лядуночный [ремень] с медною пряжкой, строченый, подшит такую же [как перевязь] тесьмою; портупей с медною же пряжкой, подшит такую же тесьмою. Солдатские: перевязь, портупей с железною пряжкой и с крюком». В том же документе значатся «камзол и штаны с медными пуговицы, [камзол] обшит тесьмою», но кому они принадлежали — солдатам или драгунам — неясно.¹¹⁶

В конце 1712 выбор сукна на пошив мундирных вещей был ограничен тремя цветами — зеленым, синим и красным. «Полки имеют быть строены из сукон зеленого цвету, а будет такого цвету не изберут, то, кроме белых, — и иных цветов, а именно синие [или] красные, а в который полк цветом какие прилучатся, токмо в полный комплект быть имеет в присылке».¹¹⁷ На зеленых и синих кафтанах отделка (воротники, обшлага) практически всегда была красная; подбой — стамед, байка, каразея, крашенина — по большей части синего и красного, иногда зеленого цветов. Драгуны, несмотря на запрет, нередко носили белые мундиры с красной или синей отделкой. Полки, находившиеся за границей, в Польше и Померании, одевались там в мундиры из белого и синего сукон. К концу 1710-х годов в кавалерии появляются васильковые кафтаны с белым прикладом и подбоем.

Прежде всего, внимание обращали на кафтан; цвет остальных мундирных вещей и даже подкладки самого кафтана выбирался достаточно произвольно. Так, в феврале 1715 гренадерский полк дивизии Вейде получил 1.296 новых зеленых кафтанов с красными обшлагами и гладкими медными пуговицами; у 524 кафтанов подбой был зеленым, у 570 — васильковым, у 202 — красным.¹¹⁸ Изредка под кафтаны ставилась желтая подкладка. Оловянные пуговицы на пехотном обмундировании к концу 1710-х годов вытесняются медными.

Карпузы имели самую разнообразную расцветку. Триповые галстуки, считавшиеся мундирными вещами, могли быть только двух цветов — черного или красного. Солдатские штаны, как правило, делались красные либо васильковые, реже — зеленые, еще реже других цветов — желтые, белые, «дикие». В 1715 из-за недостатка сукна в пехотные полки вновь было разрешено отпускать штаны из козлиной кожи.¹¹⁹ Епанчи (в 1710-е годы их стали называть «плащами») для солдат шили зеленые, красные или васильковые; для драгун — в основном красные; воротники и подбой у епанеч могли иметь красный, синий, зеленый, реже — белый или желтый цвет.

Камзолы в солдатских полках делались из старых кафтанов и епанеч, поэтому чаще всего они были зеленые и васильковые, немного реже встречались красные камзолы и, совсем редко, — белые. Иногда в документах упоминаются и вовсе неожиданные варианты. К примеру, в 1721 после умершего в Санкт-Петербургском госпитале рядового 1-го гренадерского полка остался черный камзол.¹²⁰ Также вполне допустимым было, что солдаты одного полка носят камзолы разных цветов — собственно говоря, нет никакой разницы, как выглядит вещь, которую почти не видно (практика использовать в летнее время камзол без кафтана, в качестве верхней одежды, вошла в обыкновение только в конце 1730-х — начале 1740-х годов).

Пожалуй, наиболее существенным нововведением за эти годы стала отмена карпузов, казалось бы, прочно обосновавшихся в войсках. В июле 1719 последовал указ «на всю Его Царского Величества армию, как на конные, так и на пехотные

полки, готовить шляпы. А карпузам не быть, понеже оные как драгунам, так солдатам, не способны, а наипаче (особенно — Авт.) в жары и в ненастливые дни. А для способу от стужи вместо тех карпузов делать парики из украинских овчин. И наперед, для пробы, сделать по одному парикку из белой и серой овчин, и во что станет, о том подать в Военную коллегию доношение». Впрочем, карпузы носились еще в начале 1730-х годов.¹²¹

Несколько месяцев спустя, в октябре 1719, по инициативе обер-штер-кригс-комиссара Василия Новосильцева, последовала еще одна важная перемена. «В мундирных канцеляриях, — писал он, — делаются на кавалерию штаны и камзолы козлиные, а на инфантерию — одни штаны, подрядом, которые к носке непрочны для того, что те козлины дела русских мастеров и от воды скорбнут и ломаются. Да на инфантерию ж штаны делают в Мундирной канцелярии из сукон московского дела, которые в маршах солдатам неспособны, понеже те сукна толсты и в летнее время солдатам в маршах бывает труд немалый». Взамен предлагалось готовить эти вещи из лосиной или оленьей кожи, «против нарвской и ревельской работы», а более высокую стоимость компенсировать за счет увеличения срока службы. Тогда Военная коллегия разрешила делать из лосины одни штаны — «а камзолам пристойно только быть на керасирах», — но уже в мае следующего, 1720, Главный Комиссариат заключил контракт на поставку в течение шести с половиной лет 34.980 пар лосиных камзолов и штанов для драгун, «по учиненным образцам... токмо крочки пришивать толще и длиннее».¹²²

d. Обмундирование 1720–1730 годов

В 1720 были утверждены новые штаты, табели и образцы мундирных вещей для полевой армии и гарнизонных войск. Однако, если для перемены обмундирования требовалось дожидаться лишь окончания сроков службы наличных форменных вещей и выполнения немногих ранее заключенных с поставщиками контрактов, то введение новых штатов и табелей пришлось отложить на несколько лет, вплоть до окончания переписи населения, так как установленный в 1720 расход на полевую армию и гарнизонные войска — четыре миллиона рублей — определялся, исходя из суммы подушного оклада. Содержать армию по новым штатам и табелям начали только в 1725.

Здесь будет не лишним сказать, что прочно укоренившееся в военно-исторической литературе выражение «регламент 1720-го года», было изобретено Воинской комиссией Анны Иоанновны и, на самом деле, обозначает не некий отдельный документ, а всю совокупность узаконений 1720-х годов, касавшихся полевой армии и гарнизонных войск, — тот результат, от которого аннинская комиссия отталкивалась в своей работе.

Итак, в качестве головного убора солдатам и драгунам была положена черная шерстяная шляпа. Края полей следовало обшивать галуном и, немного отступя, — шнуром из белой шерсти. Образцовая драгунская шляпа, присланная в Главный Комиссариат из Мундирной канцелярии в 1721, помимо шнура и галуна имела еще и «кистки» (очевидно, в боковых углах).¹²³ Впоследствии, по-видимому, кистки остались у одних пехотинцев: в 1723 солдатская шляпа, представленная на утверждение Военной коллегии, стоила 34 копейки, драгунская — только 25, тогда как в 1721 их цена была почти одинаковой (36 копеек солдатская шляпа, 35¾ копеек — драгунская).¹²⁴ Ведомость 1724 года назначает солдатам и драгунам одинаковые шляпы, украшенные только белыми галуном и шнуром, однако в 1725 в пехотные батальоны

Низового корпуса было отправлено свыше 8.000 солдатских шляп с кистями.¹²⁵ Во 2-й половине 1720-х годов вместо кистей на шляпах стали носить банты из белых лент — эмблему, официально утвержденную в качестве «*российского полевого знака*» в царствование Анны Иоанновны. В 1728 шляпы с бантами были в Рязанском, а также, по-видимому, Бутырском, Воронежском, Выборгском, Сибирском и Суздальском пехотных полках, состоявших под командой генерал-майора князя Ивана Борятинского.¹²⁶

В случае нехватки шляп, солдаты и драгуны, как прежде, получали суконные карпузы. Упоминания о них встречаются в документах вплоть до начала 1730-х годов, однако в число образцовых вещей этот предмет последний раз был включен в 1721. Тогда «*инфантерский*» карпуз из английского сукна стоил 63 копейки.¹²⁷

Пешим и конным гренадерам назначалась суконная шапка с кистью и клеенчатым чехлом. «*Драгунская*» гренадерская шапка образца 1721 года, имевшая синий «*стриук*» или, как его называли по-другому, «*верх*», красные «*отвороты*» и шелковую кисть, стоила 50¼ копеек; «*солдатская*», у которой были красный верх, белые отвороты, абинковый подбой и шерстяная кисть — 42¼ копейки. С 1724 такие же красные с белыми отворотами шапки отпускались в конные гренадерские полки.¹²⁸ Для гарнизонных полков Санкт-Петербургской губернии с 1720 по 1723 Мундирная контора строила гренадерские шапки из английского сукна, «*орел и пальма и бомба и цветки*» на них расшивались «*разными шелками*»; стоила такая шапка 39¼ копеек, а сукна на нее выходило пять вершков с четвертью.¹²⁹ Аналогичным образом украшались шапки армейских полков. В мае 1725 подрядчик Матвей Игнатьев предлагал сделать для гренадерских батальонов Низового корпуса 945 красно-белых шапок с гранатами, вырезанными из зеленого сукна.¹³⁰ Драгунская, солдатская и гарнизонная гренадерские шапки образца 1723 года стоили одинаково — по 52¼ копейки; равную цену для солдатской и драгунской шапок — 46½ копеек — назначала и Ведомость 1724 года.¹³¹ Все нестроевые чины гренадерских полков и рот, за исключением извозчиков и денщиков, получали такие же шапки, как у строевых гренадер.

По «*закрою*» 1722 года на 10 с четвертью галстуков Мундирная контора расходовала отрез черной фланели один аршин в длину и один аршин два с половиной вершка в ширину; на каждый галстук, таким образом, ее выходило «*1 вершок с полу и с 1-ю долею вершка*». В 1723 длина образцового галстука была увеличена до 10 вершков. Застегивался фланелевый галстук на крючки.¹³² 1 мая 1728 Военная коллегия приказала солдатам и офицерам пехотных полков носить белые холстинные галстуки, завязывающиеся сзади.¹³³

Нижнее белье — рубашки и портки — делалось из холста. «*Рубашечный*» холст был потоньше и подороже, «*порточный*» — немного грубее и дешевле. Каждый год солдаты и драгуны получали холст обоих сортов на две пары рубах с портками.¹³⁴

Цвет кафтана зависел от рода войск. Нижние чины армейской пехоты сохраняли кафтаны из зеленого сукна. На «*исподний*» воротник и обшивку пуговичных петель также требовалось зеленое сукно, на «*верхний*» воротник и круглые обшлаги — красное. Полы образцового солдатского кафтана подбивались красной карзеей, фалды и обшлаги — крашениной, рукава и карманы — холстом. Драгунам в 1720 были присвоены синие кафтаны со стоячими «*кавалерскими*» воротниками синего цвета, обшлагами и оторочкой петель из белого сукна. Полы драгунского кафтана надлежало подшивать белой карзеей «*московского дела*»; фалды, рукава, обшлаги и карманы — холстом. Медных пуговиц и на солдатские, и на драгунские кафтаны полагалось по 24 штуки. Добавим, что крашенина была синего цвета, холст

именовался «кафтанным», а пуговицы в 1720 Комиссариат подряжал «дутые».¹³⁵ Позднее, как свидетельствуют рассуждения Военной комиссии 1731 года, воротники на драгунских кафтанах стали белые: «...по прежним определениям кафтаны деланы: в полевые драгунские — васильковые, с обшлагами и воротниками из белого сукна».¹³⁶

На практике регламент соблюдался лишь в той мере, насколько позволяли обстоятельства. Как и прежде, расцветка мундирных вещей зависела от наличия того или иного сукна. Драгуны могли получить зеленые, а пехотинцы, наоборот, — синие и даже красные кафтаны. Так, в 1723 Новгородскому, Троицкому и Ярославскому драгунским полкам достались зеленые кафтаны; причем в Троицком полку подбором кафтанов был красный, а в остальных, по-видимому, — положенного белого цвета.¹³⁷ В 1725 Мундирная контора отправила в Низовой корпус 4.013 красных солдатских кафтанов с синими воротниками, обшлагами, погонами и синим каразейным подбоем и только 2.289 кафтанов положенной расцветки — зеленых с красным прикладом.¹³⁸

Каразею могли заменять стамедом или байкой, а медные пуговицы — оловянными (последнее, впрочем, случалось довольно редко). С 1722 по 1724 в пехотные полки отпускались зеленые кафтаны с красным прикладом и синим подбоем «*московской работы*»; количество пуговиц на них зависело от роста человека: на кафтан «*большой руки*» их ставилось 19 штук, «*средней*» — 18, «*меньшей*» — 17; из этого числа по борту нашивали по девять, восемь или семь пуговиц соответственно.¹³⁹ С 1725 солдатские кафтаны подбивались красной каразеей, а пуговиц к ним, несмотря на рост, стали отпускать по 18 штук.¹⁴⁰ Каждый такой кафтан весил около восьми фунтов. На драгунский кафтан «*большой руки*» по закрою 1722 года ставилось 25 пуговиц, «*средней*» — 24, «*меньшей*» — 23; количество пуговиц по борту было таким же, как на солдатских кафтанах.¹⁴¹ С 1725 на драгунские кафтаны всех размеров отпускали по 24 пуговицы.

Помимо кафтана, солдатам были положены штаны из сукон «*московского дела*» или козлиной кожи; вместе с последними нередко давались и козлиные камзолы. Контракт на постройку 1.312 пар замшевых козлиных камзолов и штанов на пехотные полки, заключенный в 1721, предъявлял к подрядчикам следующие требования: «...камзолы с подкладкою холстинною хотя образцовых и суровее, токмо б не толще, а у штанов пояс с подкладкою рядной холстины. А козлыны б в тех камзолах и штанах были выделованные против ревельской и нарвской работ... во всё против образцов, а наставок в длину, кроме тех, которые по описи на образцовых, не было, а были б цельные, каковы и во образцовых. А хотя некоторая часть в тех камзолах в полах явится козлиная малым чем тоне образцовых, и оные принимать не возбраняется. А что у образцовых камзолов приставлено в клиньях и в плечах, а у штанов внизу и в гнездах, как наперед, так и назади вкось, и такие наставки к поставке чинить же не запрещается, токмо б не больше тех наставок были».¹⁴² Образцовые штаны, данные подрядчикам от Главного Комиссариата, выглядели так: «...у оных на левой сопле наперед разрезано наось, где быть сшивке, назади наставка. На правой сопле наперед наставка, внизу назади разрезано, в гнезде две вставки мелкие. Возле пояса на левой стороне у кармана наставка. На поясу с обеих сторон наставки, и на оных разрезах и наставках припечатано печатьми обер-штер-кригс-комиссара Новосильцева».¹⁴³

Красноселец Иван Симонов в октябре того же 1721 обещал поставить в течение четырех лет 10.000 пар замшевых козлиных камзолов и штанов на пехотные полки,

по 2 рубля 20 копеек пара, *«по учиненным образцам во всём, как в материи, так и в выделке кож и в шитье и в прикладе, и тех камзолов и штанов в длине и в ширине, каковы [образцы] в Военном Комиссариате учинены и утверждены с обеих сторон печатями, токмо крючки пришивать толще и длиннее, по четырнадцати крючков на камзол... а поставить, конечно, против образцов во всём, а наставок бы в длину, кроме тех, которые по описи на образцовых козлиных, не было, а были б целые, каковы и во образцовых. А хотя некоторая часть в тех камзолах в полках явится козлиная малым чем и тоне образцовых, и оное принимать не возбраняется для того, что всем против образцовых толщиной изобразить на множестве не мочно. А что у образцовых камзолов приставлено в клиньях и в плечах, а у штанов — внизу и в гнездах, как наперед, так и назади вкось, и такие наставки чинить же не запрещается, токмо б не больше тех наставок, каковы и на образцовых были»*.¹⁴⁴

По указу от 21 марта 1722 солдатам было велено давать камзолы и штаны из белой льняной каламенки, подложенные холстом; последний был немного тоньше, чем в кафтанах и назывался «камзольным» или «штаным». Пуговицы на каламенковые камзолы и штаны ставились черные роговые, 21 штука на камзол и три на штаны.¹⁴⁵ Впрочем, и таких не всегда хватало. В 1723 гренадерские полки Ласси и Кампенгаузена, Нарвский, Пермский, Смоленский и Ярославский пехотные полки получили к каламенковым камзолам медные пуговицы.¹⁴⁶ Общий вес камзола и штанов в 1725–1728 составлял 9 фунтов 41 золотник.

В октябре 1726 Комиссариат предложил делать в солдатские полки камзолы и штаны из сукна, которые будут *«перед каламенковыми прочнее и видом лучше»*, а возросшую при этом стоимость мундира компенсировать за счет увеличения сроков службы составляющих его вещей: с трех до трех с половиной лет — для епанеч, и с двух с половиной до трех лет — для кафтанов, камзолов и штанов. В целом, Военная коллегия не возражала, однако, чтобы не разорить полотняную фабрику, которая уже заготовила 78.000 аршин каламенки на следующий год, предписала принять ее и отправить в Низовой корпус, *«на тамошние пехотные 10, да на командированные 5 полков, а на другие полки той каламенки до указу не отпускать»*. Вопрос с солдатскими камзолами и штанами Военная коллегия и Комиссариат решали довольно долго (речь шла о десятках тысяч казенных рублей) и, в итоге, предпочли обратиться в высшие инстанции. Дело дошло до Верховного Тайного совета, указ которого от 7 октября 1727 предписал *«о строении в армейские драгунские и пехотные полки верхнего мундира с прибавкою сроков, а вместо того о прибавке сверх таблицы нижнего мундира и обуви, чинить по мнению оной коллегии и по представлению Кригс-Комиссариата»*. В конце-концов, солдаты стали получать камзолы и штаны из красного сукна, с холстинной подкладкой. Пуговиц на камзол, как и раньше, полагалось 21 штука, но теперь они были медные.¹⁴⁷ Впрочем, уже в мае 1729 из-за недостатка красного сукна Военная коллегия приказала Комиссариату вновь принять с Полотняной фабрики каламенок на дело камзолов и штанов для Низового корпуса, а также на штаны для солдат гарнизонных полков (взамен козлиных).¹⁴⁸

Драгунам в 1720 были положены камзолы и штаны из лосиной кожи, сроком на шесть лет. Общий вес одной пары составлял 10 фунтов 1 золотник. Камзол застегивался на крючки. Однако, чаще всего драгуны, как и раньше, получали *«толченые в сале»* вохреные камзолы и штаны из козлиной кожи или оленьи штаны. Те и другие в 1723 были исключены из числа образцовых вещей — *«коротки и узки... также и мочи (влаги — Авт.) терпеть не могут»*.¹⁴⁹ В январе 1724, когда выяснилось, что подрядчики не могут поставить обещанного количества кожаных камзолов и штанов

ни из лосины, ни из козлиной кожи, Военная коллегия приказала сделать их «из аглинских или Московской фабрики сукон, которые приняты, а против других кафтаных и епанечных сукон по образцам ниже, и на приклад к тем камзолом и штанам, что надлежит, отпустить при тех же сукнах. А ежели в отпуску тех суконных камзолов и штанов в цене против оных подрядных камзолов и штанов явится какая передача, и тое передачу... и за недоставку оных на сроки по контрактам надлежащий штраф взять на оных подрядчиках, понеже оному суконному отпуску учинится за непоставкою камзолов и штанов от них, подрядчиков».¹⁵⁰ Согласно этому приговору, в 1724 в драгунские полки следовало выдать 5.148 суконных камзолов и 9.163 штанов. Впрочем, по одной из ведомостей Главного Комиссариата, за период с 1722 по 1729 камзолы и штаны из сукна получили всего пять полков: Архангелогородский, Московский, Новгородский, Ростовский и Рязанский — все в 1728. Козлиные камзолы и штаны, судя по тому же документу, встречались еще реже: два полка — Сибирский и Ярославский — приняли их в 1723, один — Псковский — в 1724. Остальные полки, как и положено, были обеспечены «лосиным мундиром».¹⁵¹

Согласно Ведомости 1724 года, на мундирные вещи отпускалось следующее количество материалов:

	АРШИНЫ	ВЕРШКИ
КАФТАН ПЕХОТНЫЙ:		
зеленого моченого сукна шириной 1 аршин 11 вершков	3	7
красного моченого сукна на воротник и обшлага	-	5
красной каразеи шириной 1 аршин 3 вершка	3 ² / ₄	-
крашенины в фалды и под обшлага	2 ² / ₄	-
холста в рукава и карманы	2 ² / ₄	-
медных пуговиц	2 портища	
КАФТАН ДРАГУНСКИЙ:		
синего сукна	3	7
белого сукна на обшлага и оторочку петель	-	5
белой каразеи шириной 1 аршин 3 вершка	3 ² / ₄	-
холста в фалды, рукава, под обшлага и на карманы	5 ² / ₄	-
медных пуговиц	2 портища	
КАМЗОЛ ПЕХОТНЫЙ:		
каламенки	4	-
холста	6 ² / ₄	-
роговых пуговиц	21 штука	
ШТАНЫ ПЕХОТНЫЕ:		
каламенки	2	-
холста	2	-
роговых пуговиц	3 штуки	
ЕПАНЧА СОЛДАТСКАЯ И ДРАГУНСКАЯ:		
красного сукна на епанчу и исподний воротник	4	10
синего сукна на верхний воротник	-	2
синей каразеи шириной 1 аршин 4 вершка	1	14½
медные крючок и петля	1 пара	

Образцы башмаков, солдатских и драгунских сапог не менялись с 1716. Все они кроились из *«дегтярного товара»* — яловичной кожи, выделанной с помощью дегтя. Согласно доношению Военной конторы от 10 декабря 1723, обувь в 1721 было велено подрывать по существующим на тот момент образцам, но не из дегтярного, а из *«сального товара»* — кожи, обработанной ворваньим салом. Башмаки, кроме того, теперь следовало делать *«с отменною двойною подшивкою»*.¹⁵² Впрочем, еще в декабре 1720 Комиссариат выдал задаток в 2.000 рублей Матвею Пояркову и Науму Гагнину, обещавшим поставить в 1721 и 1722 по 15.000 пар башмаков из белой или черной кожи, выделанной с ворваньим салом, *«против образцов с прусского манеру»*.¹⁵³

Строившиеся солдатам и драгунам с 1722 башмаки *«нового манеру»* были смазные, на помповой подошве. Первый контракт на поставку таких башмаков получил красноселец Иван Симонов. В течении трех лет, в 1722, 1723 и 1724, он обещал сдать в Мундирную канцелярию 236.888 пар башмаков, *«против четырех образцов двух рук, по равному числу, которые утверждены со обеих сторон печатьми, — из яловичного товару деланных кож из ворванья сала смазных, которые смазывают ворваньим салом с воском, и чтоб смазка была подобна как у аглинских и у прусских башмаков, а ушивать потайною или явною вервью, с какою ушивкою угодно Главному Комиссариату... с помповою ж подошвою российской работы... и изнутри вколачивая сквозь каблук по два гвоздя железных, а сверху, на каблуках, для закрывания тех гвоздей и крепости каблуков, наколодки набивать помповой кожи и подошву помповую класть другую»*. Каблуки к башмакам, как раньше, делались из ветхой амуниции. 7 августа 1722 Военная коллегия, рассмотрев несколько таких башмаков, приказала *«по тем образцам башмаки принимать, токмо велеть те башмаки делать доле, а в подъемах бы они были ниже»*. В октябре 1723 Симонов получил новое указание от Военной коллегии, гласившее, чтобы впредь все поставляемые башмаки были смазаны воском и говяжьим салом *«для того, что они... ворванных явились лучше и прочнее»*.¹⁵⁴ По свидетельству штаб-офицеров, служивших при Мундирной конторе *«у брака и приему вещей»*, кожа, смазанная воском и говяжьим салом, *«глянц имеет и от воды прочнее, а от ворванья сала колер отменяет и от воды промокает»*.¹⁵⁵ В 1723 Мундирная контора представила на *«усмотрение»* Военной коллегии шесть пар башмаков с помповой подошвой: три пары — с *«наружною подшивкою»* и три — с *«потайной»*.¹⁵⁶

В фондах РГВИА сохранился целый ряд дел о поставке обуви за 1720-е годы. 21 октября 1729 содержатель Санкт-Петербургской кожевенной фабрики Христофор Рихтер заключил в Главном Комиссариате контракт на поставку в течении пяти лет в каждый год по 30.000 пар башмаков *«за своим клеймом, против объявленных от него трех пар образцов из яловичного товару деланных кож из ворванья сала с воском, с помповою подошвою российской работы, и на каблуках, для крепости каблуков, наколодки набивать помповой подошвы кожи... А которые привозу его к отдаче башмаки товаром с образцами сходны, а в подшивке покажутся подозрительны, и из таких подошву, каблук и прочее подпарывать изо ста пар по паре, и ежели которые по усмотрению явятся в тех башмаках под подошвою лубок, береста или прочий какой фальш, и за то мастеровым людям, которые такие башмаки сделают и учинят фальш, чинить наказание, и для того тем мастерам свои литеры на башмаках накладывать, по чему б можно признать, чьего дела те башмаки»*.¹⁵⁷

Драгуны пристегивали к сапогам железные шпоры с цепочками, пряжками и кожаными клапанами, а ноги обматывали подвоями. Для пешей службы драгунам

полагались такие же, как у солдат, башмаки. Пряжек к башмакам ни в одном реестре образцовых вещей не значилось, однако некоторые полки всё равно требовали их.¹⁵⁸

Вместе с сапогами и башмаками солдаты и драгуны носили шерстяные белые или серые чулки (либо того, либо другого цвета во всём полку). Солдатам полевых полков с 1720 по 1723 давали по одной паре валяных чулок *«московской работы»*, которые, как оказалось, были не только *«зело тяжелы»*, но и дороже, чем две пары прежних *«простых»* (то есть неваляных) чулок. Образцы последних, представленные на рассмотрение Военной коллегии в 1723, определялись как *«сканные»* или *«несканные»*. 26 ноября, взвесив все «за» и «против», коллегия согласилась вернуться к старым нормам отпуска: *«...на инфантерские полки к предбудущему 1724-му году в Москве в Мундирную контору чулки подряжать по две пары на человека в год, большой и средней рук, против присланных образцовых — сканные, а в ступнях против тех образцовых гораздо больше и в длину длиннее перста на два, понеже оные образцовые в ступнях малы и отчасти коротки»*.¹⁵⁹ Драгуны получали по одной паре неваляных чулок в год.

1 мая 1728 Военная коллегия приказала солдатам и офицерам пехотных полков носить белые холстинные штиблеты с медными пуговицами и черными ременными завязками с медными пряжками, *«точно у офицеров чтоб штиблеты были из хорошего полотна, а на оных пуговицы, також у подвязок пряжки, вызолоченные»*.¹⁶⁰

Епанча солдатам и драгунам была положена из красного сукна, с синим суконным же воротником. На *«исподний»* воротник (то есть подкладку *«верхнего»*) отпускалось красное сукно; на подбой в полах, под оплечья и на прореху — синяя каразая. У воротника епанча застегивалась на медные крючок и петлю. Образцовые крючок и петля к солдатской епанче весили девять золотников, к драгунской — 11 (для сравнения, дюжина образцовых пуговиц весила 16–17 золотников). Всё остальное — покрой, размеры, стоимость епанеч — было абсолютно одинаковым.¹⁶¹

При нехватке нужного количества красного сукна, разрешалось делать синие или зеленые епанчи с красными воротниками и подбоем, *«только чтоб было каждого цвету на число [людей] в полку полного комплекта»*. В 1722 васильковые епанчи получили Вологодский и Кроншлотский драгунские полки, в 1723 — Нижегородский, Тверской и Троицкий драгунские, причем у последнего подбой епанеч был зеленый.¹⁶² Для пехотных батальонов Низового корпуса Мундирная контора в 1725 изготовила 4.533 красных епанчи с синим прикладом и 3.731 зеленую епанчу с прикладом красного цвета.¹⁶³

В 1720-е годы армия, конечно, выглядела более единообразно, чем прежде, но и тогда не все воинские части удавалось обеспечить однотипным обмундированием. Случалось, что даже внутри одного полка были разные кафтаны, епанчи и штаны. К примеру, в 1-м батальоне Санкт-Петербургского пехотного полка в 1725 числилось 653 шляпы, 549 зеленых и 107 красных кафтанов, 653 каламенковых камзола, 656 козлиных штанов и 721 красная епанча.¹⁶⁴ И при Петре, и долгое время после него, изготовление мундирного сукна было проблемой, решать которую приходилось на уровне высших государственных учреждений. Ежегодный расход сукна на полевую армию и гарнизонные войска в 1720-е годы превышал 400.000 аршин, при этом собственная промышленность не могла произвести и четвертой части необходимого... В 1723 положение, видимо, было настолько плохо, что Военная коллегия рассматривала образец солдатского мундира, целиком сделанный из серого сермяжного сукна — кафтан, камзол, штаны и епанчу с синим байковым прибором, холстинной подкладкой и роговыми пуговицами.¹⁶⁵ Не стоит также забывать о

постоянной нехватке средств в казне. Именно этими причинами объясняется бóльшая часть происходивших в 1720-е годы перемен в обмундировании, сводившихся, главным образом, к увеличению сроков службы вещей и замене сукна более дешевыми материалами (кожаные камзолы и штаны в кавалерии, каламенковые — в пехоте).

В завершение главы о мундире, хотелось бы особо отметить одну из многочисленных находок, сделанных при выявлении материалов для настоящей работы — приведенные в Реестре образцовых вещей 1723 года сведения о размере всех деталей, составляющих кафтаны и епанчи. Ценность данной находки особенно велика благодаря тому, что подлинных мундирных вещей нижних чинов за рассматриваемый нами период, кажется, не сохранилось вообще, и все предпринимавшиеся до настоящего времени попытки реконструировать их покрой основывались либо на иностранных аналогиях, либо на сведениях о гражданском костюме, что вкупе со слабой изученностью вопроса в целом неизбежно вносило в такую работу значительную долю условности. Для удобства восприятия вся содержащаяся в реестре информация о покрое кафтанов и епанеч сведена в две таблицы.¹⁶⁶

КАФТАНЫ ПЕХОТНЫХ И ДРАГУНСКИХ ПОЛКОВ ПО ЗАКРОЮ 1722 ГОДА						
	БОЛЬШИЕ		СРЕДНИЕ		МЕНЬШИЕ	
	АР.	ВЕР.	АР.	ВЕР.	АР.	ВЕР.
ДЛИНА КАФТАНА:						
от гривенки по заду	1	10	1	9	1	8
от гривенки до фалд	-	14	-	13 ² / ₄	-	13
фалды от пуговиц до подолу	-	12	-	11	-	10
ШИРИНА КАФТАНА:						
в грудях	1	10	1	10	1	10
в поясу	1	8	1	8	1	8
в подоле по округу	7	-	6	14	6	12
РУКАВА:						
длина по переднему шву*	-	10 ² / ₄	-	10 ¹ / ₄	-	10
длина по заднему шву*	-	14 ² / ₄	-	14 ¹ / ₄	-	14
ширина в корени	-	6	-	6	-	6
ширина в локти	-	4 ³ / ₄	-	4 ³ / ₄	-	4 ³ / ₄
ширина в запястье	-	4 ² / ₄	-	4 ² / ₄	-	4 ² / ₄
ОБШЛАГА:						
длина по рукаву	-	5	-	5	-	5
ширина в корени, где нашиты пуговицы	-	5	-	5	-	5
ширина в запястье	-	4 ² / ₄	-	4 ² / ₄	-	4 ² / ₄
ВОРОТНИКИ КАВАЛЕРСКИЕ СТОЯЧИЕ:						
длина	-	12	-	12	-	12
ширина вдвое	-	³ / ₄	-	³ / ₄	-	³ / ₄
ВОРОТНИКИ ИНФАНТЕРСКИЕ И ГАРНИЗОННЫЕ:						
длина по притачке	-	10 ² / ₄	-	10 ² / ₄	-	10 ² / ₄
длина по верху воротника	-	13	-	13	-	13
ширина в мысах	-	2 ² / ₄	-	2 ² / ₄	-	2 ² / ₄
ширина по заднему шву	-	2	-	2	-	2

КЛАПАНЫ:						
длина в среднем мысу	-	3 ² / ₄	-	3 ² / ₄	-	3 ² / ₄
длина по крайним мысам	-	3	-	3	-	3
ширина внизу	-	5	-	5	-	5
ширина сверху	-	4	-	4	-	4

* «длина по притачку крашенины, кроме обшлагов»

ЕПАНЧИ ПЕХОТНЫХ И ДРАГУНСКИХ ПОЛКОВ ПО ЗАКРОЮ 1722 ГОДА						
	БОЛЬШИЕ		СРЕДНИЕ		МЕНЬШИЕ	
	АР.	ВЕР.	АР.	ВЕР.	АР.	ВЕР.
ДЛИНА И ШИРИНА:						
длина пол от ворота до подолу	1	10	1	9	1	8
длина по заднему шву	1	13	1	12	1	11
ширина в подоле по округу	8	8	8	2	7	10
ВОРОТНИК:						
длина по ободу сверху	1	7	1	7	1	7
длина кругом шеи	-	12	-	12	-	12
ширина по заднему шву и между мысов	-	2 ³ / ₄	-	2 ³ / ₄	-	2 ³ / ₄
ширина в мысах и в углах	-	3 ¹ / ₄	-	3 ¹ / ₄	-	3 ¹ / ₄
ПОДБОЙ:						
на поле —						
ширина внизу	-	8 ² / ₄	-	8 ² / ₄	-	8 ² / ₄
[ширина] сверху у округи, в узком месте	-	5 ¹ / ₄	-	5 ¹ / ₄	-	5 ¹ / ₄
оплечье —						
от воротника кругом	-	8 ¹ / ₄	-	7 ¹ / ₄	-	7 ¹ / ₄
на прорехе —						
длина	-	8	-	8	-	8
ширина сверху на стороне	-	1 ¹ / ₂	-	1 ¹ / ₂	-	1 ¹ / ₂
ширина внизу	-	2 ¹ / ₂	-	2 ¹ / ₂	-	2 ¹ / ₂

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВООРУЖЕНИЕ И АМУНИЦИЯ

ОСНОВНЫМ оружием солдат и драгун было гладкоствольное дульнозарядное ружье с кремневым замком. Для обозначения кремневого ружья в 1-й четверти XVIII века чаще всего использовалось слово «фузея», производное от французского «fusil» (именно Франция тогда играла роль законодателя военной моды); в 1700-е годы, параллельно с ним, продолжало широко употребляться и перекочевавшее из XVII века «мушкет». Не затрагивая технические характеристики — желающие ознакомиться с ними могут найти специальные работы, — мы лишь в общих чертах опишем принцип действия и особенности данного типа оружия.¹⁶⁷

Процесс заряжания фузеи выглядел так. Первым делом солдат взводил курок на предохранитель, открывал полку замка, сыпал на нее порох из натруски и закрывал полку крышкой-огнивом. Затем ставил ружье прикладом на землю, доставал из сумы патрон, зубами скусывал кончик бумажной оболочки, высыпал из нее порох в ствол, после клал туда же пулю и бумагу (последняя становилась пыжом), потом вынимал шомпол и несколькими ударами прибивал им заряд в стволе. Вставив

шомпол обратно в ложу, солдат поднимал ружье и ставил курок на боевой взвод; теперь можно было прицелиться и по команде «*стреляй!*» одним или двумя пальцами дернуть за спусковой крючок. Под действием пружины курок с зажатым в нем кремнем с силой бил по огниву, подбрасывая его, а высеченные при ударе искры попадали на порох в полке, который через запальное отверстие воспламенял заряд в стволе.

Другие типы ручного огнестрельного оружия обладали тем же принципом действия и различались только рядом конструктивных особенностей. Драгунская фузея была немного короче солдатской, а с левой стороны к ее ложе крепилась железная погонная скоба со скользящим по ней кольцом, за которое цеплялся крюк от перевязи, надетой через плечо всадника. Карабин — традиционное оружие линейной кавалерии — был значительно короче и легче ружья и также снабжался погонной скобой; в русской армии в 1-й трети XVIII века карабины практически не использовались. Штуцера и «*винтовальные пищали*», выдававшиеся гобоистам и, иногда, барабанщикам, имели нарезы внутри ствола; при большей дальности и меткости стрельбы в сравнении с гладкоствольным оружием, они обладали существенным недостатком — длительным процессом заряжания. Мушкетон, предназначенный для стрельбы дробью, характеризуют короткий ствол, крупный калибр и, в ряде случаев, расширенное дуло, благодаря которому картечь разлеталась веером. В войска мушкетоны поступали редко и в очень небольших количествах. По свидетельству датского посланника Юста Юля, к 1710 в каждой роте «*царской гвардии*» их было всего по 8–10 штук.¹⁶⁸ Единственный случай массового поступления этого оружия в армию относится к 1712 — Азовский, Архангелогородский, Выборгский, Санкт-Петербургский и Троицкий пехотные полки получили тогда по 140 мушкетонов. В дальнейшем их выдача носила единичный характер. Драгуны, кроме фузей, имели на вооружении «*пистолы*» (пистолеты): сначала — по два, с 1712 — по одному. Все виды ручного огнестрельного оружия обобщенно именовались «*мелким ружьем*» (примерно до середины XVIII века слово «*ружьё*» было собирательным понятием, которое служило для обозначения оружия в целом).

По современным меркам такое оружие можно назвать очень несовершенным. Порыва ветра хватало, чтобы задуть искру, и даже при ясной погоде осечки случались нередко. В дождь кремневые замки не действовали вовсе. Скорострельность заряжающихся со ствола ружей не превышала одного–двух выстрелов в минуту, а дальность прицельного огня равнялась всего сотне шагов. Пуля имела меньший диаметр, чем канал ствола, да и порох, как известно, горит достаточно медленно, поэтому неплотно прибитый заряд с шипением вылетал из ствола подобно ракете и падал на землю в нескольких шагах от стрелка. К тому же результату приводил отсыревший или слежавшийся порох. Гладкоствольное подкалиберное оружие, а в особенности — армейское оружие массового производства, в принципе не рассчитанное на «*цельную*» стрельбу, становилось эффективным только при условии его одновременного задействования в большом количестве и на короткой, в полторы–две сотни шагов, дистанции (знаменитое суворовское выражение «*пуля — дура*» до середины XIX века было не столько метафорой, сколько очевидным фактом). В силу этого, прицельного огня от солдат не требовалось — мишенью служил весь вражеский строй; инструкции ограничивались предписанием метить примерно в середину фигуры человека. К тому же, после нескольких залпов, противники окутывались клубами порохового дыма и почти переставали видеть друг друга. В первую очередь, офицеры следили за тем, чтобы стрельба велась непрерывно — при большой

неточности каждого отдельного выстрела, частота пальбы была гораздо важнее меткости. Недооценивать оружие того времени, однако, не стоит. Умелое его применение давало поистине впечатляющие результаты. Под Полтавой огонь со стороны русских был столь силен, что шведы, по их собственным словам, падали, *«точно трава под косой»*.

Патрон состоял из бумажной оболочки, внутри которой помещались порох, круглая свинцовая пуля или того же веса заряд дроби. С 1715 масса порохового заряда в ружейном патроне равнялась четырем золотникам, пули — семи с половиной, в пистолетном патроне — двум с половиной и пяти золотникам соответственно. В каждом полку было несколько чугунных котлов, где растапливался свинец; железные *«чумичи»* (половники), которыми его черпали; медные или железные *«фурмы»* для отливки пуль и картечи. По Табели 1720 года в пехотном полку следовало иметь четыре *«пулечных»* (они же — *«фузейные»*) и четыре *«картечных»* формы *«о 12 пулях»*, в драгунском полку — 10 железных форм *«о 6 пулях»*.¹⁶⁹ Существовали также формы на 20, 24 и даже на 50 мест. Особые формы требовались для штуцеров, мушкетеров и пистолетов (вообще, оружию каждого вида, а точнее — калибра, были необходимы собственные формы). Чугунный котел, согласно составленному в 1723 реестру образцовых вещей, весил 21 фунт 78 золотников.¹⁷⁰

Фузею дополнял целый набор необходимых ей *«припасов»*: багинет или штык с ножнами, пыжовник, трещотка, *«затравка»*, отвертка для ружейного замка, нагалице или полунагалице, пороховая натруска.

Багинеты практически сразу начинают заменяться штыками и шпагами. Уже в 1702 мастера Оружейной палаты делали медные эфесы с *«перевивными»* (обвитыми проволокой) череньями и ножны к шпажным полосам, *«кривые»* трехгранные *«багинеты с трубками»* и *«привертными»* шурупам в них. Главное отличие штыка от багинета заключалось в том, что у штыка клинок крепился не к рукояти, а к трубке, которая надевалась на конец ружейного ствола — такая конструкция позволяла вести стрельбу, не снимая штык. Для удобства заряжания, клинок соединялся с трубкой посредством так называемой *«шейки»* J-образной формы, благодаря которой в примкнутом состоянии штык находился на некотором отдалении от ствола, не мешая кисти руки с зажатым в ней шомполом доходить до самого дульного среза. Первоначально клинки штыков делали по образцу багинетных — ножевидной или тесачной формы, пригодные как для укола, так и для рубящего удара, однако практически сразу штык превратился исключительно в колющее оружие. Штык, примкнутый к ружью, чаще всего находился справа от ствола.

Образцы штыков менялись неоднократно. Так, в марте 1707 Петр писал фельдмаршалу Шереметеву: *«...послан к вам багинет образцовый, против которого вели... делать сколько возможно, только покорооче образцового вершка на полтора или на два, и к старым трубкам приваривать... которые багинеты не толико что против неприятеля будут изрядны, но еще и иной есть в них выгод: вместо топора мочно ими рубить на фашины лесу и прочее. И для того положить довольно укладу, и сделать на них ножны по самый заворот (как и у прочих багинетов водится)»*.¹⁷¹ В 1710-е годы армейским полкам выдавались плоские штыки с коленчатой прорезью в трубке (вместо шурупов). Определением Военной коллегии от 19 октября 1724 штыки было велено делать *«троегранные и острые»*.¹⁷²

Драгунам штыки были положены только в 1712, поэтому многие полки впервые получили их в середине 1710-х годов, а некоторые — и вовсе под конец войны. Так, Вятскому и Невскому полкам полный комплект штыков достался в 1718,

Ингерманландскому и Московскому — в 1720. Однако гренадерские роты, состоявшие при драгунских полках, как правило, штыки имели. Ведомости арсеналов и цейхгаузов дают массу определений хранившихся в них штыков: «*долгие*», «*короткие*», «*широкие*», «*плоские*», «*трехгранные*»...

Трещотка — железный скребок — предназначалась для чистки канала ствола от порохового нагара, пыжовник — он выглядел как конусообразный штопор — для извлечения из ружья невыстреленного заряда; перед употреблением оба предмета крепили на конец шомпола. «*Затравкой*» или «*протокой*» называлась железная игла для чистки запального отверстия; документы упоминают этот предмет довольно редко. Замочная отвертка, она же «*завертка*», «*вывертка*» или «*повертка*», была необходима для отладки и мелкого ремонта ружейного замка.

И нагалище, и полунагалище, представляли собой кожаный чехол, который защищал ружье от грязи и влаги во время похода; первое закрывало ружье целиком, второе — только замок и часть ствола «*до половины фузеи*». Полунагалище называлось также «*коротким*» или «*малым нагалищем*». Нагалища, как правило, получали кавалеристы, полунагалища — пехотинцы, однако бывало и наоборот. Судя по всему, нагалища выходят из употребления уже в 1710-е годы. Изредка полунагалище именовали «*оберткой*», «*заверткой*» или «*закрышкой*» для замка. До 1718 нагалища и полунагалища делались из кожи, выделанной с дегтем, после — с ворваньим салом.¹⁷³

Натруска, она же «*подсыпка*», «*насыпка*» и «*пороховой рожок*», служила для хранения пороха или пороховой мякоти, насыпавшейся на полку ружейного замка. Как правило, натруска изготовлялась из коровьего рога, реже — из дерева, и имела железную оправу. В случае необходимости из натруски мог пополняться заряд в стволе. Рисунки солдат, выполненные в начале XVIII века, показывают, что носили натруску, подвесив ее ремешок к поясной портупее, справа от пряжки.

Во время похода солдат носил ружье за спиной или на плече, при помощи кожаного «*погонного*» (ружейного) ремня, крепившегося к двум металлическим петлям-антабкам, одна из которых находилась в цевье, другая — в нижней части приклада или спереди от спусковой скобы. Ремень образца 1713 года был сделан из сыромятной кожи и застегивался железной пряжкой.

Драгуну для ношения ружья была положена погонная перевязь — надевавшийся через левое плечо широкий ремень с железным крюком, который цеплялся за скобу на левой стороне ружья, не позволяя ему упасть на землю при стрельбе с лошади. Металлический прибор перевязи, помимо погонного крюка, включал пряжку, петлю и запряжник; как правило, они были медные.

Патроны к ружью солдат хранил в суме из яловичной кожи, выделанной при помощи дегтя. Называлась такая сума «*патронной*» или «*солдатской*», либо, реже, по своей основной детали — «*лядункой*»; такими же словами — «*патронная*», «*солдатская*» — обозначалась и перевязь сумы. В 1718 крышки к патронным и капте-нармусским суммам было велено делать «*из кож нового товару*» — обработанных ворваньим салом. Внутрь сумы помещались: деревянная, оклеенная жилами, «*лядунка*», она же «*патронница*» или просто «*дерево*» — колодка с выточенными в ней гнездами для 20 или 24 патронов; несколько запасных кремней и жестяная склянка с ружейным маслом. Последняя имела множество названий: «*смазная фляжка*», «*смазная трубка*», «*смазница*», «*оливница*», «*оливеца*», «*жестянка*», «*жестяная склянка*», «*сумная жестянка*». По-видимому, обычным делом было подшивать крышки сум какой-либо недорогой материей, окрашенной в желтый цвет, например,

мешковиной (имитация натуральной кожи?). Вероятнее всего, это служило для предохранения патронов от влаги. Застегивалась крышка с помощью ремешка, пришитого у нее с внутренней стороны, и небольшой железной пряжки на корпусе сумы. Как выглядели и для чего предназначались некоторые детали, можно только предполагать. Так, в ведомости Киевского цейхгауза, составленной в 1723, среди прочего имущества упоминаются 3.333 «подплечиков к сумам».¹⁷⁴ Изредка на перевязях солдатских сум бывали медные или железные пряжки.

Патронная сумка у драгун имела объем одинаковый с пехотной,^{*} однако чаще всего ее называли «лядункой». По Табели 1720 года у драгунской лядунки был «*долгий с коротким*» (стычный) ремень с медными пряжкой, запряжником и наконечником.¹⁷⁵ Гренадерская и пистолетная лядунки отличались меньшим размером (на 8–12 патронов); надевали их на пояс либо через плечо. В первом случае ремень лядунки мог именоваться «*пояском*».

В 1700-е годы перевязи патронных сум прижимались к корпусу поясной портупей. Князь Борис Куракин, в августе 1705 проезжавший Кенигсберг, написал в своих путевых заметках: «*Лейб-гвардии полк пехоты колер носят: кафтаны синие и камзолы, а отвороты белые; а имеют три перемены в год платья, а шляпы и во всем ружье против нашего, только перевязи от сум портупеями не привязывают — сверх портупей просто висит*». Таким же образом носили амуницию и прочие полки Прусского королевства.¹⁷⁶

В 1720 патронные сумы для солдат армейских полков было велено делать по образцу, выписанному из Берлина. Сумка «*берлинского манера*» стояла в два с лишним раза больше, чем прежняя (43 копейки против 18), а на перевязи у нее находились медные наконечник и пряжка с запряжником.¹⁷⁷ По тому же образцу Военная коллегия в 1721 предписала строить патронные лядунки для драгун и grenадер: «*...а делать лядунки в конные в драгунские и фузилерные в пехотные в grenадерские [полки] против прежнего лучше, в той мере, как делают в патронных суммах с прусского образца: [колодки] жилые, и закрышки чтоб были из толстой кожи, острачиваемые*».¹⁷⁸ В 1725 Кригс-Комиссариат приказал Мундирной конторе разослать во все пехотные полки, наряду с прочими образцовыми вещами, пряжки к перевязям патронных сум и ремням grenадерских лядунок.¹⁷⁹

В 1715 на каждого солдата и драгуна было положено по 50 ружейных патронов: 30 — с пулями, 20 — с картечью; из этого числа 24 заряда находились в сумке, остальные — в патронном ящике. Драгуны, пикинеры и унтер-офицеры пехотных полков, имевшие на вооружении пистолеты, получали к ним по 20 патронов с пулями. Драгуны, по-видимому, носили пистолетные патроны в седельных ольстрах; пикинеры и унтер-офицеры — 12 в лядунке и восемь в патронном ящике.¹⁸⁰ Впоследствии норма отпуска патронов изменилась: в 1722 находящийся в Низовом походе батальон Ингерманландского полка требовал по 40 патронов с пулями и 20 патронов с картечью на каждое ружье и по 10 патронов с пулями на пистолет.¹⁸¹

«*Белым*» или же «*студеным ружьем*» солдат были шпаги. Массовая выдача их в армейские полки началась не ранее 1703. Драгуны, как правило, получали палаши, но иногда — более длинные и тяжелые, чем у пехотинцев, шпаги; к началу 1710-х годов последние оказались почти целиком вытеснены палашами. Однако, считать палаши исключительно кавалерийским оружием не стоит: в период с 1712 по 1714 ими была обеспечена примерно четвертая часть армейской пехоты — Бутырский,

* Данный вывод основан на том, что количество патронов солдатам и драгунам полагалось одинаковое.

Воронежский, 1-й (Вейде) и Кампенгаузена гренадерские, Лефортовский, Пермский, Смоленский, Троицкий, Черниговский, Шлиссельбургский и Ярославский полки (похоже, что все эти палаши — из одной партии в 24.600 штук, которую привез в Россию голландский купец Иван Любс в 1712).¹⁸²

Для шпаги — оружия, имеющего западно-европейское происхождение, — характерны прямой колюще-рубящий клинок и симметричная рукоять с гардой. Палаш — производное от восточного меча — отличается прямой широкий массивный клинок и, как правило, сабельная (то есть с наклоном в сторону рабочего лезвия) рукоять; в основе конструкции эфесов русских и западно-европейских палашей конца XVII — 1-й половины XVIII веков чаще всего лежат венгерские прототипы. В первую очередь, палаши были рубящим оружием, поэтому нередко их клинки имели широкий конец без четко выраженного острия. Сильно утрируя, можно сказать, что палаш — это «тяжелая сабля с прямым клинком». Почему в качестве холодного оружия для драгун были выбраны именно палаши — гораздо менее удобные при рубке, чем традиционные сабли, и не настолько универсальные, как шпаги, да и вообще редко употреблявшиеся в России прежде — объяснить непросто. По-видимому, основная причина заключалась в том, что сабля выглядела слишком не «по-европейски». К тому же, как известно, русская кавалерия предпочитала рубить, а не колоть. В этих условиях палаш становился неким компромиссным вариантом между требованиями к внешнему виду и привычной тактикой рукопашного конного боя (позднее, при Анне Иоанновне, в соответствии с положениями Воинского штата 1731 года, драгунские и вновь учрежденные кирасирские полки были вооружены шпагами).

«Полосы» (клинки) у находящихся в музейных собраниях шпаг и палашей имеют самую разнообразную форму: есть клинки заточенные с одной стороны и обоюдоострые, ромбовидного, шестигранного и линзовидного сечения, с долами и без долов. Выявить здесь какие-то закономерности на основе анализа единичных экземпляров трудно, однако, по-видимому, в большинстве случаев клинки палашей и шпаг 1-й трети XVIII века были обоюдоострые; у палашей клинки, как правило, линзовидного сечения, просто гладкие или с долами; у офицерских шпаг, по моде того времени, — шестигранного, реже ромбовидного; клинки солдатских шпаг могли иметь любую форму, однако, как кажется, чаще всего они бывали ромбовидные или линзовидные (наиболее простые и дешевые в производстве). Размерные характеристики, напротив, довольно постоянны: длина клинков, как шпаг, так и палашей, колеблется в пределах от 80 до 100 сантиметров, ширина — от 2 с половиной до 4 сантиметров у шпаг и от 3 с половиной до 5 сантиметров у палашей (офицерские вещи обыкновенно несколько меньше «ординарных» и более тщательно отделаны). Как видно, при сходной длине шпажные и палашные клинки различаются главным образом шириной — у последних она больше, что естественно для рубящего оружия. В 1710-е годы для офицеров пехоты и кавалерии на Олонецких заводах стали делать шпаги по шведским образцам.

По древней воинской традиции, холодное клинковое оружие рассматривалось не только как профессиональный инструмент, но и выступало в качестве знака почета и отличия. Не случайно даже нижние чины при отставке, в награду за долгую и верную службу, получали право носить мундир и шпагу до конца их жизни. Благодаря подобному отношению, кроме клейма производителя и года выпуска («*Olonez, 1718; Olonez fabric, 1721*»), на клинках шпаг и палашей нередко помещались различные изображения — гербы, вензеля, воинская арматура, фигуры святых,

аллегорические рисунки; надписи — «*виват*», «*верь и сомневайся*», «*аз в миру и в войне*», «*правда всё преможе*», «*глория Петру*», «*за Бога и царя Петра*», «*voor Got und keiser Peter*», «*vivat zaar Peter Alexevitz. Anno 1716*» и т.д.

Эфесы на шпаги и палаши могли ставиться как медные, так и железные. До середины 1710-х годов медных эфесов было довольно мало. К примеру, в 1711 в Оружейной палате находилось 31.820 палашей с железными эфесами и всего 232 — с медными (соотношение в высшей степени показательное).¹⁸³ Однако затем, на протяжении 2-й половины 1710-х годов, в пехотные и драгунские полки поступают шпаги и палаши почти исключительно с медными эфесами. Чаще всего эфес имел деревянный «*черен*» или же «*гриф*» (рукоять), обшитый кожей и обвитый поверх нее медной либо железной проволокой. Кстати, железная проволока вполне могла быть и на черене медного эфеса (не отсюда ли пошла мода на офицерские шпаги с позолоченными эфесами и серебряными грифами, широко распространенные в конце 1720-х и 1730-е годы?). Также, впрочем, есть образцы офицерских шпаг с железными эфесами, рукояти которых обвивает позолоченная медная проволока. Реже встречались медные эфесы с литыми черенями.

Кисть руки защищала «*обережь*» (по современной терминологии — гарда). У шпаг она обычно состояла из сердцевидной или округлой формы чашки, передней дужки и крестовины, иногда еще с двумя кольцами между крестовиной и чашкой (последнее является характерной деталью пехотного, в первую очередь — офицерского оружия, близкого к «гражданским» образцам). Бывали также эфесы без дужек, только с крестовиной, кольцами и чашкой, а у палашей, наоборот, эфесы более сложного устройства — с несколькими дужками или щитком, закрывавшим всю кисть руки. В 1700-е и 1710-е годы, по традиции XVII века, на палаши нередко ставились эфесы сабельного типа. К началу 1720-х годов эфесы палашей стали делать по образцу шпажных (позднее название «*палаши*» закрепилось за холодным оружием тяжелой кавалерии, вне зависимости от формы его эфеса).

Кожаные ножны черного, белого или натурального цвета имели деревянную основу, металлические (медные или железные) наконечник в нижней части и устье с крючком в верхней; крючок этот цеплялся за лопасть на портупее. Штыковые ножны изготавливались таким же образом. Данная конструкция ножен была наиболее распространенной, однако в собрании Государственного Исторического музея есть палашный клинок образца 1718 года, на ножнах которого, взамен крючка, помещены две обоймицы с кольцами для пасовых ремней.¹⁸⁴ Иногда на ножны мог дополнительно надеваться кожаный чехол (в 1730-е годы делать такие ножны «с двойной кожей» для пехотных и кавалерийских шпаг стали в обязательном порядке).

По Табели 1720 года солдатская шпага и драгунский палаш должны были иметь медный эфес «с головкою и с череном» и кожаные ножны с медными крючком и наконечником.¹⁸⁵ Клинки к палашам с 1720 подряжались как «облые» (гладкие), так и с долами.¹⁸⁶ Однако, если драгуны в 1720-е годы, действительно, получали палаши с эфесами, вылитыми из меди, то к солдатским шпагам на всех оружейных заводах тогда делались исключительно железные эфесы. Ситуация начинает меняться только в конце 1720-х годов. По справке Мундирной конторы, у всех без исключения палашей и шпаг, отпущенных в армейские полки в 1728, были медные эфесы.¹⁸⁷ 13 февраля 1728 Военная коллегия приказала делать к солдатским шпагам и драгунским палашам медные эфесы с «*рожками*» и обшитыми одной черной кожей рукоятями, без проволочной обвивки.¹⁸⁸

На эфес, как драгуны, так и пехотинцы, повязывали темляк, вырезанный, обычно, из старой амуниции. Этот предмет представлял собой кожаную или матерчатую петлю, надевавшуюся на кисть руки. Пехотинцу темляк был в общем не нужен, драгуну — просто необходим: он не только не давал палашу во время боя упасть на землю, но и позволял стрелять из фузеи или пистолета, не убирая холодное оружие в ножны.

И шпагу, и палаш носили на портупее — кожаном поясном ремне, на левой стороне которого находилась V-образная лопасть с карманом, куда вкладывали ножны. В 1-й половине XVIII века портупеею обычно именовали в мужском роде — «*портупей*» или «*протупей*», а в 1700-е годы нередко просто «*поясом*». Штык, как правило, носился в портупейной лопасти вместе со шпагой, но иногда — на отдельной лопасти или особом ремне, надетом через плечо. Застегивалась портупея металлической пряжкой. До середины 1710-х годов пряжки солдатских «*портупеев*» чаще всего были железные, после — медные. По Табели 1720 года к солдатской портупее полагались медные пряжка, крюк и петля; к драгунской — медная пряжка с железным крюком и медная петля.¹⁸⁹ Драгуны могли носить свои палаши на портупеех с пасовыми ремнями, подобно саблям.

Портупей, перевязи, лядуночные и прочие амуничные ремни по большей части вырезались из яловичной кожи, реже — для офицеров и немногих привилегированных частей — из более дорогой и качественной лосиной. Существовало несколько способов выделки кож. Изначально вся амуниция была юфтевая — изготовленная по традиционной русской технологии с использованием дегтя; обработанная таким образом кожа получала красноватый оттенок, благодаря которому вещи из «*юхты*» называли «*красными*». С конца 1700-х годов деготь заменяется рыбьим жиром или же «*ворванным салом*»; такая кожа называлась изготовленной «*на лосиное дело*». Иногда амуницию делали замшевую — в результате обработки кожа получалась мягкой и бархатистой. Как правило, вещи сохраняли свой естественный цвет и время от времени натирались вохрой, но могли быть и черными. По внутренней стороне амуничных ремней, для укрепления краев, обычно нашивалась белая или «*пестрая*» нитяная тесьма; однако дешевая солдатская амуниция и узкие ремни драгунских лядунок могли обходиться без «*подшивки*».

Металлические детали на амуниции — пряжки, запряжники, наконечники, крюки — обобщенно именовались «*приправой*» или «*прибором*». Делался прибор из меди или полуженого железа; последнее, однако, во 2-й половине 1710-х годов практически выходит из употребления. Исключение составляли лишь погонные крюки на перевязях у драгун и гренадер, которые всегда были железными. Часто в одном и том же полку находилась самая разнообразная амуниция (впрочем, это можно сказать обо всех вещах).

Первое время армия почти целиком обеспечивалась иностранным (чаще всего — голландским) оружием. По подсчетам В.Н. Захарова, только за 1701–1710 в Россию было ввезено свыше 200.000 фузей, фузейных стволов и замков, почти 20.000 пар пистолетов и более 200.000 клинков к шпагам и палашам.¹⁹⁰ Продолжали службу в русских полках и взятые у шведов трофеи. Полностью отказаться от закупок оружия за границей удалось лишь во 2-й половине 1710-х годов.

На протяжении всего XVIII века большая часть производимого в России оружия приходилась на долю Тульских заводов. Начиная с 1715, казна давала им ежегодный заказ на 2.000 фузей для лейб-гвардии, 8.000 фузей для прочих солдатских

полков, 5.000 драгунских фузей, 2.000 пар пистолетов и 1.209 пикинерских копий. Позднее эта норма несколько изменилась: с 1720 взамен 138 фузей каждый год стали делать по 100 штуцеров, а в 1723 к «*годовому числу ружья*» добавили 250 мушкетонов, которыми предполагалось вооружить часть солдат в каждом полку.¹⁹¹

Тогда же были определены параметры оружия, обязательные для всех казенных заводов. «*1715 года мая в 24 день Великий государь... указал: По именному своему, Великого государя, указу на оружейных Тульских и Олонецких заводах делать драгунские, драбантские, солдатские фузеи и пистолеты калибром против присланных от Его Царского Величества медных образцов, чтоб те медные образцы в стволы входили до самого хвостового шурупа, а именно б те калиберы были: фузейный — в семьдесят восемь сотых доль, пистолетный — шестьдесят восемь сотых доль английского инча, или дюйма. Длинною стволы снаружи: солдатской фузеи — в три фута в четыре инча, а с прикладом — в четыре фута восемь инчев; а драгунские и драбантские — по-прежнему. Пистолетный [ствол] длиною четырнадцать инчев и едина десятая доля. А в стенах те стволы драгунские, драбантские и солдатские фузеи толщиною, також и замки, приборы, штыки делать против прежнего ж, как деланы на Тульских заводах*».¹⁹² Находящиеся в музейных собраниях ружья и пистолеты образца 1715 года имеют ложи из березового дерева, железный прибор и деревянные шомпола.¹⁹³ У ружей предыдущих образцов калибр был несколько меньше, поэтому в позднейших ведомостях и реестрах ружья модели 1715 года характеризуются как обладающие «*большим*», а прежние — «*малым*» калибром.

Производили оружие также Олонецкие (они же — Петровские), Липецкие и Сестрорецкие заводы, находившиеся в ведении Адмиралтейства. Доля их продукции, впрочем, была невелика. Так, на Липецких заводах с 1720 по 1724 сделали 4.571 солдатских, 1.342 гренадерских и 986 драгунских фузей, а также 43 пистолета. Сестрорецкие заводы с 1724 по 1727, помимо офицерских вещей и единичных образцов, изготовили 3.176 солдатских фузей, 225 мушкетонов, 148 пистолетов, 4.965 шпаг с железными эфесами и всего 4 шпаги с медными. С Олонецкого завода в 1726 отписали о наличии 690 солдатских и 100 драгунских фузей, 7.632 солдатских шпаг с железными эфесами и 397 палашей с медными эфесами. Кроме этого, в 1726 в адмиралтейских магазинах, за исключением офицерских вещей, находилось 5.909 солдатских фузей, 780 пар пистолетов и 111 солдатских шпаг с медными эфесами.¹⁹⁴

В 1720 на Олонецких заводах для Преображенского и Семеновского полков делались солдатские фузеи с трехгранными штыками; для армейских полков — солдатские фузеи, бóльшая часть которых имела стволы с восьмигранной «казной» и «долгие» багинеты «*по шведскому манеру*»; подробностей о драгунских ружьях и мушкетонах «*олонецкого дела*» документы не сообщают. Полкам лейб-гвардии предназначались шпаги с медными эфесами, армейским полкам — с железными; помимо шпаг в ведомости упомянуты 529 «солдатских» сабель с железными эфесами.

Липецкие заводы в том же 1720 выпускали ружья трех разновидностей: «солдатские», «драгунские» и «гренадерские»; для драгун здесь делались палаши с медными эфесами.¹⁹⁵ В 1722 на Липецких заводах оружие изготовлялось по следующим расценкам: солдатская фузея в черной ложе для полков лейб-гвардии стоила 1 рубль 25 алтын, солдатская фузея в красной ложе для армейских полков — 1 рубль 18 алтын, драгунская фузея в красной ложе для «генеральных полков» — 1 рубль 24 алтына 2 деньги, гренадерская фузея в черной ложе — 1 рубль 16 алтын, мушкетон — 1 рубль 11 алтын 2 деньги, пара пистолетов — 1 рубль 16 алтын 4 деньги.¹⁹⁶

Походное снаряжение пехотинца включало ранец и водоносную флягу. Солдатский ранец, а точнее — *«ранцу»*, поскольку предмет этот зачастую именовался в женском роде, шили из кожи. Еще одно название ранца — *«провиантская сума»*. В 1712 ранцы было велено делать юфтевые с холстинной подкладкой, в 1718 — опойковые, однако *«сыскать»* опойковых кож тогда не удалось и ранцы приказали шить *«из кож, из каковых делаются сапоги и башмаки»*. Подрядить опойки на дело ранцев Комиссариат не мог по крайней мере до конца 1723, а потому, как и прежде, солдатские ранцы кроились из яловичной кожи *«с дегтем»*.¹⁹⁷ Цвет ранцев, видимо, не оговаривался: ведомости цейхгаузов показывают красные, черные и белые юфтевые ранцы и провиантские сумы.¹⁹⁸ Носили ранец на кожаном ремне с пряжкой, надетом через плечо; в некоторых ведомостях пряжки к ранцам счисляются парами.

Драгуны возили свои вещи в переметных суммах, притороченных к седлу. В 1722 взамен ранцев, которые не успели подрядить вовремя, в пехотные батальоны Низового корпуса было приказано отправить переметные сумы, по одной на человека, *«а от тех переметных сум середки вырезать, а вместо их к каждой суме приделать ременья такие ж, какие делаются к ранцам»*.¹⁹⁹ В ведомостях полкового имущества такие ранцы названы *«одинакими сумами»* (к седлу переметных сум полагалось по две).

Водоносная *«фляжа»*, она же *«манерка»* или *«манирка»*, как правило, сворачивалась из жести, полуженной оловом с обеих сторон; обработанная таким образом жечь называлась белым *«листовым»* или же *«двойным»* железом. Изредка солдаты получали более прочные медные фляги. В 1712 фляги было приказано обтягивать кожей.²⁰⁰ Раскасованный в том же 1712 Устюжский пехотный полк сдал фляги *«с шурупам»*.²⁰¹ По Табели 1720 года драгунам были положены фляги *«против солдатских»* — *«из двойного белого железа»*.²⁰² Урядники и нестроевые чины стали получать казенные фляги только с 1724.²⁰³ Носилась фляга на красном яловичном ремне с железной пряжкой.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Конский убор

В первые годы войны драгуны ездили на так называемых *«русских»* седлах, устройство которых было заимствовано у восточных кочевых народов. Однако практически сразу эти седла стали заменяться более тяжелыми *«немецкими»* — их прототипом являлись седла европейской рыцарской кавалерии. *«Немецкую»* седловку можно описать довольно подробно.

Итак, главной деталью конского убора было седло. Основой ему служил деревянный арчак с передней и задней луками, оклеенный жилами и кожей. Еще одной непременной составляющей седла являлись *«крылья»* с набивкой из конского волоса. Под седло на спину лошади клали потник, он же — *«седельный»* или *«подседельный войлок»*. Преимущественно он делался из коровьей шерсти, с суконным или холщовым *«подметом»* (подкладкой); изредка в документах встречаются упоминания о чисто холщовых потниках. Между войлоком и седлом клалась кожаная, как правило, юфтевая крышка, называемая, соответственно, *«войлочной»* или *«подседельной»*, а также *«кровлей»*, *«наметом»* или *«наметной кожей»*. На теле лошади седло держалось при помощи нескольких ремней. Брюхо обхватывала подпруга — широкой ремень, вырезанный из той же кожи, что и остальная сбруя, такая подпруга называлась *«ременной»*; либо сплетенная из пеньки, волоса или нитей, в зависимости от плотности она могла быть тройная, двойная или одинарная. Кроме подпруги,

седло удерживали паперсь, она же *«поперсть»* или *«передок»*, — нагрудный ремень, и пахви — нахвостник. Подошвы сапог всадник упирал в железные стремяна, подвешенные на путлицах — стремянных ремнях. С правой стороны седла у рядовых драгун, вооруженных фузеями, находился *«бушмак»* (бушмат) — подвешенный на ремне кожаный стакан, куда в конном строю вкладывался приклад или конец ружейного ствола.

Чепрак, он же плат, который подкладывали под заднюю часть седла, на спину лошади, в большинстве случаев делался просто из черной яловичной кожи. В некоторых привилегированных полках были суконные чепраки, украшенные *«вырезью»* (аппликацией) из сукна другого цвета, шнуровой расшивкой или тесьмой. Как правило, суконный чепрак дополняли суконные же чушки — чехлы на ольстры, выполненные в одном стиле с чепраком; иногда их называли *«сорочки»* или *«пистолетные наметки»*. Ведомости цейхгаузов показывают также стамедные, пониточные и карзейные чепраки. Нередко в документах упоминаются чепраки с *«наметами»*.

К задней луке седла с помощью подвязочных ремней крепились переметные сумы, где всадник хранил свой багаж и прочую поклажу. Чтобы набитые тяжелой кладью сумы не осадняли спину лошади, под них вкладывалась кожаная подушечка, называемая *«подпахвенной»*, *«подпаховной»*, *«подчепрачной»* или *«подсумной»*. Для увязки иной поклажи (кроме переметных сум) служила пара торочных ремней, они же *«тороки ременные»*. На седле перевозился и шанцевый инструмент — топор, лопата или кирка.

На металлические скобы, прибитые к седлу у передней луки, при помощи ремней подвешивались одна или две ольстры (*«олистры»*, *«ольстреди»*) — деревянные, оклеенные кожей кобуры для пистолетов. Сверху ольстреди и лежащий в ней пистолет закрывала кожаная крышка, она же — *«kozyрь»* или *«колпак»*. В ольстрах могли помещаться и *«патронницы»* — гнезда для пистолетных патронов.

В холодное время на спину лошади, дабы избежать переохлаждения и простуды, надевалась попона, она же — *«бисяга»*; с той же целью попоной покрывали расседланную лошадь, разгоряченную после скачки. Материалом для изготовления этого чисто утилитарного предмета могли служить шерсть, сермяжное сукно, на худой конец — рогожа; но преимущественно попоны были шерстяные, с шерстяными же попонными подвязками, которые имели ременные наконечники и застегивались железными пряжками.

На голову лошади надевалась оголовь с поводками. При русских седлах оголовь была уздечная, при немецких — мундштучная, то есть с железным мундштуком. Часто *«муштуком»* называли всё оголовье сбруи немецкого типа. На конюшне или при отводе лошадей на водопой, оголовье заменялось недоуздкой с недоузdkовыми кольцами и длинным поводом. Спешившись, драгуны смыкали лошадей морда к морде при помощи *«смыка»* — смычного ремня с железными кольцами. На пастбище передние ноги лошадей связывали треножными ремнями.

В 1709 один из подрядчиков так описывал свой товар: *«...седло с стебенки и с подкладкою, с подушкою, с накрышки на ольстры — все яловичные, с гвоздьми медными и железными, с холстом, с клеенки, с тесьмою, и с шерстью, и с ветошкою, и с клейстером, и с мастерством — по рублю по двадцати по пяти алтын; путлица, пристуги — по шести алтын по четыре деньги; крышка яловичная с войлоком овечьим, обшивным крашениною — по семнадцати алтын по две деньги; чепрак яловичный, подложен холстом — одиннадцать алтын четыре деньги; к седлу головка медная — по два алтына; сумы переметные — по полтине; ольстры с*

отворотом — по четыре гривны; подпруги — по четыре алтына по четыре деньги; бушмак — по гривне; подпаховная подушка — по два алтына по четыре деньги; ко всякому седлу железных всяких уборов по десяти алтын». Подпруги у этих седел были из пеньковых веревок, платы под войлоками и отвороты к ольстрам — из сермяжного сукна.²⁰⁴

«Государевы» (казенные) лошади делились на две основные категории: строевые и подъемные. Первые, обычно их называли просто «драгунскими», принадлежали строевым чинам драгунских полков; вторые, как правило, именовались по той «тягости», в которую их впрягали — «тележные», «палубные», «фурманские», «ящичные», «аптечные», «церковные», «пушечные», «артиллерийские». Масть значения не имела, ежегодно из ногайских степей для армии пригонялись тысячи лошадей самой разнообразной расцветки: серые, чалые, рыжие, соловые, игреневые, вороньих, гнедые, саврасые, бурые, карие, глинистые, буланые, каурые etc.²⁰⁵ Единственное, что требовалось — пригодные для службы «мера» (размер) и возраст. Утвержденный в декабре 1711 регламент Кригс-Комиссариата разрешал принимать «под драгун» лошадей трех ростов: два аршина (высота мерялась в холке), два аршина без полувершка и два аршина без одного вершка, а возрастом — от пяти до 10 лет.²⁰⁶ Принятых в полк лошадей «пятали» (клеймили), а их приметы заносились в специальные книги.

Жизнь казенной лошади ценилась невысоко. Не счесть, сколько их «повалилось» (пало) от болезней, бескормицы, непосильной работы, утонуло на переправах, было убито и искалечено в боях, пристрелено, пропало без вести... До своего последнего дня государева лошадь принадлежала армии, а порой продолжала службу и после смерти, когда из «коневого юфтевого товару» выкраивалась сбруя для нового скакуна. В степных и восточных кампаниях некоторые полки заменяли часть подъемных лошадей верблюдами.

Для заготовки сена на строевых и подъемных лошадей в полках состояли косы. В 1712 на каждый пехотный полк было положено 20 «сенокосных» кос, на драгунский — 100. Упоминаются в документах складные «рейтарские» косы. В некоторых полках косы заменялись серпами. Скреблиц с ручками, которыми чистили лошадей, по Табели 1712 года следовало иметь всего 100 штук на полк; с 1720 скреблицы выдавались по числу строевых лошадей — 1.001.²⁰⁷

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ГРЕНАДЕРЫ

ГРЕНАДЕРАМИ именовались солдаты и драгуны, обученные метанию ручных гранат (слово «гранодир» французского происхождения, производное от «grenade» — граната). Этот снаряд представлял из себя полое ядро, начиненное порохом, весившее от одного до восьми фунтов. Существовали одно-, полутора-, двух-, двух с половиной-, трех-, трех с половиной-, четырех-, пяти-, шести- и восьмифунтовые ручные гранаты, но наиболее распространенными были гранаты весом в два и три фунта.²⁰⁸ Чаще всего гранаты делались из железа, однако в документах встречаются упоминания о стеклянных, чугуновых, свинцовых и даже медных гранатах. В отверстие на корпусе снаряда вставлялась выточенная из дерева запальная трубка, набитая горючим составом и заклеенная бумагой с наружного конца.

Сума для ношения гранат по виду напоминала патронную, однако делалась гораздо основательнее последней. Каркасом «гранодирской» суме мог служить железный обруч (другое название — «дуга»), а по бокам у нее были пришиты два

железных кольца, за которые цеплялись железные погонные крюки, укрепленные на концах широкой (в отличие от узкой у мушкетер) перевязи. Кроме того, на перевязи гранатной сумы находилась медная или, что бывало реже, жестяная фитильная трубка. Ружейные патроны гренадеры носили в «патронной» или же «фузейной» лядунке, надетой на пояс или через плечо. В остальном их снаряжение не отличалось от мушкетерского.

Гранаты и фитиль, точно так же как другие боеприпасы, выдавались в строго определенном количестве. В апреле 1722 гренадерская рота Ингерманландского полка требовала по три гранаты урядникам и капралам, по пять — рядовым гренадерам; фитиль отпускался по числу гранат: три сажени — унтер-офицеру, пять — гренадеру; капралы, у которых были специальные ночники для ношения запасного фитиля, получали его по 10 сажен.²⁰⁹

В двух словах процесс кидания гранаты выглядел так. Окончив стрельбу, гренадер при помощи погонного ремня надевал ружье через плечо, затем правой рукой доставал из сумы «гранат», срывал зубами бумагу с запальной трубки и зажимал последнюю большим пальцем; потом, вынув из фитильной трубки тлеющий фитиль, дувал его, отступал правой ногой назад и по команде «*зажигай и бросай*» метал снаряд в цель. Обыкновенно это оружие употреблялось при штурме или обороне укреплений, в полевых сражениях его использовали не часто (противники старались не подпускать друг друга ближе, чем на дистанцию ружейного выстрела, а во время рукопашной схватки гранаты становились в равной степени опасны и для своих, и для врага).

Как действовали конные гренадеры, сказать в настоящий момент трудно. Впрочем, судя по драгунской Экзерциции 1720 года, гранаты метали, не слезая с лошади: роты строились в две шеренги и по очереди, начиная со второй, сначала кидали гранаты, а затем стреляли.²¹⁰

Занимавшие во время боя самые опасные места, такие, например, как фланги линейных порядков или головы атакующих колонн, гренадеры почитались «*рангом выше всех солдат*», а в некоторых армиях даже стояли наравне с гвардией. Поступивший на русскую службу в 1707 с чином полковника Ефим Бук, до этого долгое время командовавший гренадерами в Польше, Пруссии и Голландских штатах, со знанием дела писал, что «*сей чин гренадерский в войске за прибылейнейший... считают и мало в том стареют*».²¹¹ Набирали гренадер из опытных солдат или «*лучших*» — высокорослых и физически сильных — рекрут.

Граната сама по себе была весьма опасным снарядом и при неосторожном обращении с ней могла разорваться прямо в руках. Упражняться гренадерам приходилось постоянно. «Пустых» (учебных) гранат — они назывались «*шлаги*» или «*маршлаги*» — расходовалось в несколько раз больше, чем боевых. На изготовление маршлагов брался холст (вполне годились старые «гнилые» палатки, рубашки и портки); мера пороха, равная двум фузейным патронам; смола, селитра, горячая сера, ржаная мука, пенька и вино. В гренадерском полку Бука в 1708 было сделано 96 «больших» маршлагов, по полфунта пороха в каждом.²¹² Реже учебные гранаты вытачивались из дерева.

Обычно в армию поступали уже готовые к употреблению, так называемые «*чиненные*» или «*нарядные*» гранаты, но иногда их приходилось снаряжать на месте. Маршлаги всегда делали при полках. В феврале 1714 гренадерская рота Рижского гарнизона, помимо пеньки, холста, пороха, серы, селитры и фитиля, требовала 2.000 деревянных запальных трубок, сито «для спуска составов», две жестяных шуфлы

(совка), пять набойников, две столярных доски *«разбивать [пороховую] мякоть»*, два котла мерою в три и в пять ведер; *«иготь»* (ступка), чтобы толочь серу; фунтовые весы, ножицы, 20 фунтов нитей и сотню игл.²¹³

Пистолеты и древковое оружие гренадерами практически не использовались. В 1-м (с 1712) и 2-м (с 1717) гренадерских полках состояло по 16 пистолетов. Кому именно они принадлежали, в документах не указывается, но, всего вероятнее, что барабанщикам. До 1709 в некоторых пехотных полках унтер-офицеры гренадерских рот имели алебарды.

В 1700-е годы в драгунские полки поступали ручные *«мортирцы»*, предназначенные для стрельбы гранатами. По виду такая мортирца напоминала ружье с обрезанным почти до замка стволом, на конце которого был широкий *«котел»*, куда вкладывали гранату. Перед выстрелом приклад упирался в землю или какой-либо массивный предмет (слишком велика была отдача), однако, возможно, что стреляли прямо с коня, уперев приклад в специально оборудованное *«мортирное»* седло. Широкого распространения это оружие не получило и довольно скоро вышло из употребления. Некоторые, впрочем, находили его весьма полезным. В апреле 1715 фельдмаршал Шереметев доносил царю: *«Преж сего в конных полках были мортирцы малые, которые в действии неприятелю вредительны. Ныне оным повелите ль быть? А в полку по капральству было»*.²¹⁴ Резолюции Петра на этот пункт нет. Дальность стрельбы из ручной мортиры составляла 400–500 шагов.²¹⁵

Статус гренадер подчеркивало качество их обмундирования и снаряжения — заграничное сукно, добротная лосиная кожа... В 1700-е годы в некоторых драгунских полках весь металлический прибор на амуниции, пуговицы на одежде и гербы на шапках золотились даже у рядовых гренадер, а ремни амуничных вещей обшивались сукном и позументом. Офицеры взамен сукна нередко употребляли для обшивки амуниции бархат. Наверное, только у гренадер и солдат гвардии сумы и лягушки украшали медные *«гербы»* (бляхи) с чеканными изображениями корон, гербов и воинской арматуры. На походе обшитые цветной материей и позументом сумы, под сумки и перевязи закрывались воцанеными чехлами. Гвардейские гренадеры в конце 1700-х годов носили гранатные сумы с крышками, обтянутыми бобровым мехом.

Главным форменным отличием гренадер были особого вида шапки. Сказать что-либо конкретное о них трудно — слишком скупы и отрывочны сохранившиеся описания. Так, во Владимирском пехотном полку в 1703 *«на гренадерские шапки изошла одна половинка красного сукна мерою 28 аршин, из того сукна сделано 100 шапок медвежьих»*; Азовский полк в 1707 построил в Нарве 102 суконных шапки, *«шитых разными шелками»*. Украшением могли быть медные, оловянные или железные бляхи-гербы, аппликации из сукна, выкладка позументом, шитье золотыми, гарусными или шелковыми нитями, а на верх шапки, как правило, крепилась кисть. По-видимому, первое время наибольшее распространение получили образцы с меховой опушкой (в гвардии, которая задавала тон военной моды, такие продержались по крайней мере до 1711). Постепенно они выходят из употребления и заменяются разнообразной формы суконными колпаками. Сохранившиеся в музейных собраниях русские и шведские гренадерские шапки начала XVIII века имеют ряд общих черт: все они состоят из тульи, скроенной на манер горохового стручка, выгнутого в сторону затылка, и трех отворотов: двух передних — высокого и низкого, и одного заднего; обязательным элементом декора являются изображения герба и пылающих гранат.²¹⁶

В 1710-е годы меховые уборы разонравились войскам окончательно. Гренадерский полк Вейде, в августе 1715 получивший шапки «с медведными опушки», возвратил их обратно, объяснив свой поступок тем, «что они старого манеру, которым быти ныне не мода и в чужих краях показатися с оными непристойно».²¹⁷ Зато для офицеров этого полка в марте 1715 были заготовлены вполне приличные головные уборы и амуниция. «Четырем штабским офицерам: шапки и сумы с перевязьми золотом и серебром шито по бархату красному — полковнику, подполковнику, двум майорам. Да двадцати семи человекам обер-офицерам сделано тож шапки и сумы с перевязьми — по красному сукну шито золотом и шелком и обложены золотными позументами, а именно: всем капитанам, всем поручикам и подпоручикам. На то всё — за золото, за серебро, за позументы золотые, за бархат, за сукно, за шелк, за кожи лосиные, за сафьян, за юфть и за всё, что к тому принадлежало... тож за работу и за провоз, — стало денег четыреста шестьдесят четыре рубли семь гривен три копейки».²¹⁸ Примерно в ту же сумму — 424 рубля 11 алтын 4 деньги — обошлись Военному приказу шапки офицеров 2-го гренадерского полка, сделанные в начале 1715 «по объявленному модели того полку полковника господина Кампенгаузена».²¹⁹ Как видно, цена шапок в обоих полках примерно одинакова и можно предположить, что при их создании руководствовались неким общим образцом. На походе, для предохранения от непогоды и случайных повреждений, шапки закрывали вощаными чехлами.

И хотя точно так же, как прочие форменные вещи, гренадерские шапки обладали самой разнообразной расцветкой, предпочтение явно отдавалось наиболее ярким красным материям. В 1743, по указу императрицы Елизаветы Петровны, на рассмотрение членов Сената были представлены 13 шапок времен «блаженные и вечнородостойные памяти государя императора Петра Великого», причем, что характерно, ни об одной из них не удалось отыскать ровным счетом никаких сведений: «...в которых годах и на которые полки деланы — неизвестно». Итак, две «суконных» шапки передал Копорский полк; в цейхгаузе Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии отыскиались кожаная шапка «без герба, с медною гранатою» и шапка «красного и зеленого бархатов, с позументом, без гербов». Находившаяся в Москве контора Главного Комиссариата представила семь шапок: «...обер-офицерских: синяя с белую опушкою, с шитым гербом и с кистью и с позументом — 1; синяя с красною опушкою, с шитым гербом и с кистью и с позументом — 1; красных с васильковою опушкою, с шитыми гербы, с кистьями и с позументами — 2; красная бархатная, шитая золотом и по краям обложена позументом, без кисти — 1; лазоревая бархатная, с бархатною с красною опушкою, шитая золотом и обложена позументом, без кисти — 1; рядовая суконная, шитая гарусом красным, с белую опушкою — 1». В Санкт-Петербургском мундирном магазине, по-видимому, хранились образцовые пехотная и драгунская шапки 1720-х годов: «...красная суконная с белую опушкою, с шитым гербом, с шерстяною кистью — 1; суконная ж синяя с красною опушкою, с шитым гербом, с шерстяною кистью — 1».²²⁰

Еще одним характерным предметом экипировки гренадер были кожаные перчатки. Использовали их как конные, так и пешие гренадеры. Последним перчаток от казны не полагалось, что, впрочем, не мешало время от времени требовать их наряду с другими не обозначенными в табелях, но, тем не менее, необходимыми вещами, такими, например, как подвязки к чулкам, шубы, зимние рукавицы, вохру для чистки амунических ремней; белые «запоны» (фартуки), оловянные миски, готовальни с бритвами, ножницы и мыло для цирюльников и проч.²²¹

Кроме внешних отличий, гренадерские полки имели особый мотив барабанного боя, так называемый *«гренадерский бой»*, флейтчиков вместо гобоистов, а также некоторые особенности в экзерциции — *«мушкетам и багинетами обходятся гренадеры, как и все солдаты, только когда идут строем, то носят они фузеи свои на левой руке»* (причиной для последнего отличия, скорее всего, стала гранатная сума, которая висела на правом боку и мешала обращаться с ружьем).²²²

Завершая главу про гренадер, не лишним будет сказать, что одним из главных внешних достоинств для них (и вообще любых отборных частей, будь то гвардия или всевозможные отряды драбантов) считался высокий рост — свидетельство физической силы и крепкого здоровья. Известны случаи, когда *«за малоростом»* людей десятками переводили из гренадерских полков в обычные пехотные. Порой, однако, высокий рост гренадер становился источником дополнительных проблем. В 1720, когда в пехотные полки Финляндского корпуса вместо готового мундира были отправлены материалы для его постройки, выяснилось, что из *«определенной меры»* сукна — трех аршин — *«на великорослого кафтана не выходит»*, а в гренадерских полках *«малорослых нет, ибо выбираются все великорослые»*. На образцовый кафтан для великорослого солдата, сшитый по приказу генерала князя Михаила Голицына, сверх установленной меры требовалось еще не менее двух вершков сукна. Военная коллегия согласилась с этим и 9 марта 1720 приказала Главному Комиссариату отпускать в гренадерские полки Финляндского корпуса *«перед мушкатерными в кафтан к трем аршинам сукна по два вершка»*.²²³ Позднее расчетная норма выдачи сукна на постройку кафтанов увеличилась еще более — до трех аршин трех вершков на сам кафтан и, отдельно, пяти вершков *«на обилага»* к нему. Впрочем, и этого было недостаточно. В августе того же 1720 князь Репнин вновь доносил Военной коллегии, что *«из такой меры кафтанов сделать невозможно»*. В ответ коллегия распорядилась: *«...на гренадерские полки... перед фузилерными на каждый кафтан сверх трех аршин трех вершков прибавить, кроме обилагов, по полшеста (пять с половиной — Авт.) вершка на кафтан»*.²²⁴

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПИКИНЕРЫ

В 1707 часть солдат в каждом мушкетерском полку вооружили пиками. *«Получа сей указ, — 3 февраля писал генералу Репнину царь, — учреди в пехоте восьмую долю солдат с копьями, и для того вели ныне заранее делать деревья из сухого соснового или елового дерева длинные, и к концу, который будет в руках, потолще. А железа копейные, которые на деревья насаживать, взять от рогаток, с одну сторону, которая от себя или от обозу поставится»*. Такое же письмо два дня спустя было отправлено фельдмаршалу Шереметеву.²²⁵

Восьмую долю солдат в пехотном полку составляли 144 человека (фактически — комплект рядовых одной роты). Ружья и патронные сумы у них отобрали, а взамен выдали *«пикинерные копь»* или же *«солдатские пики»*, состоявшие из древка длиной около четырех метров, железного подтока (нижнего наконечника) и собственно железного копья, которое крепилось на древко при помощи *«помочей»* или *«припайных прутьев»* — двух железных полос, припаянных к основанию острия. Сами помочи фиксировались на древке железными гвоздями.

Помимо копья, каждый пикинер имел пистолет и лядунку для патронов, носимую на перевязи через плечо или на пояском ремне. Точно так же, как к фузее, к пистолету полагались нагалище или полунагалище, пыжовник, трещотка, пороховая натруска, смазная склянка и, кроме того, *«пистолетный ремень»* с пряжкой.

Последний, видимо, представлял собой надевавшуюся через левое плечо кожаную перевязь с карманом на нижнем конце, куда вкладывали пистолетный ствол, и свободно скользящей по ремню металлической погонной скобой, за которую цеплялся крюк, приделанный к рукояти пистолета (подобные ремни использовались в саксонской армии). При отсутствии ремня, пистолет, по-видимому, просто затыкали за поясную портупею. Датский посланник Юст Юль, находившийся в Нарве в конце 1709, отметил в своих записках, что стоявшие у него на карауле пикинеры из полка Фихтингейма носили пистолеты *«за поясом»*.²²⁶ Изредка вместо пистолетов пикинеры получали иное оружие для самообороны. Так, в августе 1708 часть пикинеров Преображенского полка вооружили пистолетами, а часть — карабинами с обрезанными стволами; к тем и другим были приделаны крюки.²²⁷ В остальном снаряжение солдат с копьями не отличалось от обыкновенного мушкетерского.

Пики или же копья поступали в солдатские полки и прежде, однако как часто это происходило, сказать на основе имеющихся в нашем распоряжении данных нельзя. Известно, например, что полк Ивана Англера (впоследствии Пермский) получил 192 пики в 1700, полк Данилы Купера (Троицкий) — 436 солдатских копий в 1701, причем 120 из них убыло уже в следующем 1702, а остальные 316 — в 1706. Кстати, тот факт, что некие вещи выдавались, еще не означает их использования.²²⁸

В 1711 в полках, выступивших в поход против Турции, пикинерские копья распилили пополам, превратив их в *«полтичные»* копья для рогаток. Солдатам вернули ружья, а отобранные у них пистолеты приказали раздать сержантам, каптенармусам, подпрапорщикам и капралам, *«понеже [они] огненного ружья не имеют, а ежели за тем что будет в остатке — то и фуриерам»*.²²⁹ Резон в этом был: во-первых, строй прикрывали рогатки; во-вторых, огневая мощь полка разом увеличивалась почти на полторы сотни ружейных стволов.

В 1712, сразу после *«Турецкой акции»*, новые пикинерские копья получили не менее 12 полков: Великолуцкий, Вологодский, Воронежский, Выборгский, Казанский, Московский, Нарвский, Нижегородский, Новгородский, Санкт-Петербургский, Сибирский и Троицкий; в 1713 не менее двух — Рязанский и Черниговский; в 1714 — Владимирский; причем Владимирскому, Вологодскому, Казанскому, Московскому, Нижегородскому, Новгородскому, Сибирскому и, по-видимому, Пермскому полкам копий было отпущено по 400 штук — на всех солдат передней шеренги, или же на третью часть рядовых — как у шведов.

В Преображенский, Семеновский, Ингерманландский, Астраханский, Бутырский, Белгородский, Вятский, Киевский, Лефортовский, Нарвский, Невский, Пермский, Ренцелев, Ростовский, Смоленский, Черниговский и Ярославский полки (лейб-гвардия, дивизии Вейде и Репнина) копья и пистолеты на восьмую часть солдат вновь были выданы в 1715.²³⁰ К 1720 пикинеры состояли во всех 20 мушкетерских полках Финляндского корпуса — Азовском, Архангелогородском, Великолуцком, Вологодском, Воронежском, Выборгском, Галицком, Казанском, Копорском, Лефортовском, Московском, Нарвском, Нижегородском, Псковском, Рязанском, Санкт-Петербургском, Сибирском, Тобольском, Троицком и Шлиссельбургском.

Некоторые полки получили копья лишь после Северной войны. К примеру, Владимирский и Галицкий в 1723 рапортовали Военной коллегии, что не имели *«пикинерского ружья»* с самого момента формирования.²³¹ В 1729, когда Военная коллегия в очередной раз потребовала завести во всех полках положенные по штату пикинерские копья, выяснилось, что их полный комплект есть только у 12 полков; в

трех полках (Белозерском, Великолуцком и Муромском) копий нет вовсе, а в остальных полках их не хватает по 20–30 (а то и больше) штук.²³²

Необходимо отметить, что пикинерские копья и пистолеты были дополнительным комплектом вооружения — фузеи и патронные суммы отпускались на всё число рядовых солдат. 10 сентября 1723 Петр указал иметь в каждом полку полный комплект фузей, чтобы *«когда начнется война с турками, тогда у пикинеров пики и пистолетам не быть, а быть фузеям с штыками с принадлежащею амунициею, как у прочих фузилеров»*.²³³ В гренадерских полках и ротах пикинеров не было.

Альтернативой пикинерам выступали рогатки — сцепленные между собой продольные брусья, в отверстия которых крестообразно вставлялись рогаточные копья. Использовались рогатки с самого начала войны: прежде всего, они служили защитой от кавалерии. Во время боя их переносили передние шеренги солдат, а случае длительной остановки лагерем или осады (как, например, под Прутом) — по самые брусья засыпали землей, превращая в бруствер со штурмфалами. В 1707 на каждую роту считалось по три рогатки.²³⁴

«По получении сего велеть в полку вашем, — писал адмирал Апраксин полковникам Нелидову, Григорову, Балсыру и подполковнику Крюкову в апреле 1711, — делать по четыре звена рогаток на роту (то есть по одному на плутонг — Авт.), у которых бы бруски были длиною по четыре аршина с двумя вершки, и в них по двадцати спиц длиною по три аршина без трех вершков... И чтоб те рогатки были с замками».²³⁵

По Табели 1712 года на всякий мушкетерский и гренадерский полк полагалось 3.072 «верхних» и «нижних» железных рогаточных копья (наконечника) и 64 бруса. В роте, таким образом, состояло восемь брусков, на каждое из которых приходилось по 24 древка с копьями на обоих концах.²³⁶

Составляющие детали этих рогаток можно перечислить подробно. Итак, на каждое древко считалось по два копья: «верхнее» с помочами и «нижний подток», то и другое прибивались 14 гвоздями. На оба конца бруса крепилось по железной обоймице, каждую из которых прибивали четырьмя гвоздями; кроме того, на брус ставились: одна скоба, одна шворина с заклепкой (к скобе), одна «приемная» петля с четырьмя гвоздями и один «смычный» крюк с пружиной (к петле).²³⁷ В 1720-е годы допускалось делать рогатки из расчета по шесть брусьев на роту, а также рогатки с 20 древками в брусце.²³⁸

Рогатки, как и пики, были не во всех полках. Многие явно считали их лишней обузой и в случае утраты не торопились делать новые. В 1723 выяснилось, что Новгородский полк оставил свои рогатки в Смоленске в 1708, Белгородский полк сжег их на Пруте в 1711, Копорский сдал все рогаточные копья в Киевский цейхгауз в 1712, а Владимирский не получал ни брусьев, ни рогаточных копий с 1700 (то есть с самого момента формирования). В то время ожидалась новая война с Турцией, и Военная коллегия приказала завести положенные по табели рогатки во всех пехотных полках, хотя бы и без железных копий.²³⁹ В 1729 необходимое число рогаточных копий было только у 11 из 35 фузилерных полков; в шести полках (Архангелогородском, Белгородском, Белозерском, Вятском, Муромском и Пермском) рогаточных копий не имелось вовсе, а в остальных полках не хватало примерно половины.²⁴⁰

Драгунские полки одно время также, видимо, пользовались рогатками. Известно, что в 1707 по 1.000 рогаточных копий получили Астраханский,

Владимирский, Вятский, Московский, Невский, Нижегородский, Новгородский, Сибирский, Тверской и Троицкий полки.

Кроме рогаток, в полках время от времени появлялись и другие оборонительные приспособления. В течение 1705 армейские полки получили тысячи копий, и хотя их предназначение старались удержать в секрете, надолго сохранить его не удалось. По словам английского посла Чарльза Витворта, долгое время находившегося при русском войске, генерал Иоганн Паткуль *«предложил проект, в котором указал средство одержать несомненную победу над врагами. Могуущественная тайна его, по-видимому, заключалась только в изобретении больших железных гвоздей, имеющих форму штыков, которые предлагалось укрепить в доски и положить в глубокие рвы, прикрытые землею, впереди пехоты, с целью искалечить и привести в смятение неприятельскую кавалерию в случае атаки. При каждом батальоне возится фура, нагруженная этими гвоздями и запечатанная царскою печатью и печатью Менишкова, чтобы никто не открыл секрета. Как ни бесполезен, как ни мало применим этот проект сам по себе... генерал получил в подарок двадцать тысяч рублей за свои труды, что, конечно, и составит самый выдающийся результат его тайны»*.²⁴¹

Перед «Турецкой акцией» в полки поступили тысячи «тайных ножей» — видимо, нечто подобное изобретению Паткуля. Каждый солдат должен был получить пять «лезвий», гвоздь и футляр из воловьей кожи для их ношения. Десяти человекам, на 50 лезвий, выдавались также бурав и шило. Всё это дополняли веревки.²⁴² При отступлении, чтобы враг не узнал секрета, «тайные вещи» пометали в Прут.

Возможно также, что под названием «тайных вещей» скрывались небольшие железные рогатки, состоящие из четырех шипов, которые следовало разбрасывать по полю перед строем, чтобы неприятельские лошади искалечили себе копыта. Еще в середине 1730-х годов по цейхгаузам разных городов среди прочего имущества продолжали числиться железные «осыпные» рогатки, «подметные каракули», «чеснок» или «арепьи», которые «употребляются при воинских тайных вещах» — «что под конницу бросают во время баталии».²⁴³ Вережки в том и другом случае, очевидно, использовались одинаково: привязанные к ним лезвия или рогатки можно было мгновенно разбросать и столь же мгновенно убрать с земли, ведь собирать их по отдельности долго, а пока этого не сделано, идти дальше нельзя — изранятся уже не вражеские, а свои собственные ноги.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. УНТЕР-ОФИЦЕРЫ И КАПРАЛЫ

УНТЕР-ОФИЦЕРЫ (урядники) и капралы отличались от рядовых золотым или серебряным позументом на платье и головных уборах, а иногда, помимо этого, другим цветом и лучшим качеством форменных вещей. Впрочем, уже в 1700-е годы обычай выделять урядников цветом платья, существовавший в солдатских полках «нового строя» с середины XVII века, практически исчезает. Главная причина этому, вероятнее всего, заключалась в том, что многократно возросшая по численности армия испытывала постоянные трудности с изготовлением сукна как такового, а вот практика строить для унтер-офицеров мундиры из лучшего, чем у рядовых сукна, продолжала применяться вплоть до царствования Екатерины II.

Нередко при выдаче нового обмундирования, когда нижние чины получали карпузы, всем урядникам и капралам полка доставались шляпы.

В декабре 1712 унтер-офицерам и капралам пехотных полков было велено иметь мундир, во всём одинаковый с нижними чинами, а для «разделения» между собой украшать кафтаны позументом: «...сержанту около обшлагов положить позумент вдвое серебряный или золотой, около воротника в один ряд; подпрапорщикам, каптенармусам, фуриерам — вдвое же, как и сержантам, но позумент уже, понеже вычет меньше; капралам — [по вороту и обшлагам] в одноряд». Стоимость обмундирования и позумента вычиталась из жалованья.²⁴⁴

На обшлагах позумент следовало располагать по верхнему краю, однако, как это иногда случается, указание было понято не совсем верно. Летом 1714 после осмотра привезенных к армии вещей обер-штер-кригс-комиссар Лука Чириков написал в Сенат: «...в Бутырский полк послан [красный] мундир с подбоем и обшлагами желтыми, но на унтер-офицерских и капральских кафтанах, как того полку Бутырского, так и прочих, позумент нашит на рукавах не порядочно: который двойной, [тот нужно] снести вверх к концу [обшлага], с пропуском [между позументами] на четверть вершка; капральские — по верхнему концу положить, о чём надлежит объявить господам штаб-офицерам».²⁴⁵ Кроме мундира, позумент, как и прежде, мог располагаться на шляпах и карпузах.

В декабре 1717 последовал указ о запрете ношения «пряденого и волоченого золота и серебра», коснувшийся и армии. Инфантерской мундирной канцелярии было велено израсходовать наличный позумент, а в дальнейшем строить для унтер-офицеров и капралов точно такие же кафтаны, как рядовым, соответственно, больше не вычитая с них излишних денег. В 1720 Военная коллегия снова подтвердила это решение.²⁴⁶ Урядники, капралы и писари пехотных полков Финляндского корпуса в 1720 получили козлиные или шерстяные перчатки.²⁴⁷

Драгунские унтер-офицеры одевались за собственный счет. Они тоже украшали свои кафтаны позументом, но придерживались ли описанной выше схемы, сказать нельзя. Видимо, расшивка позументом не получила у них широкого распространения. Мундирный регламент 1731 года, похоже, лишь подтвердил уже сложившуюся практику: «...драгунских же всех полков унтер-офицерам... позументом воротников и обшлагов не окладывать, понеже и преж сего в тех полках на урядничьих кафтанах позументов не бывало; к тому ж кафтанные обшлага могут закрыты быть перчаточными штюльпами». Унтер-офицерам пехотных полков Воинская комиссия, напротив, указала покупать позумент «от себя».²⁴⁸

Оружием сержанта пешей мушкетерской роты была алебарда — насаженный на длинное древко фигурный топор с крюком на обухе и копейным наконечником. Капралам полагались ружья, однако часто взамен их они имели полупики или же, как они назывались по-другому, «капральские копья». В некоторых полках алебарды числились за всеми урядниками и капралами. С 1721 в армейскую и гарнизонную пехоту начали поступать утвержденные в 1719 три разновидности алебард: сержантские, каптенармусские и капральские, отличавшиеся друг от друга только формой топорща; согласно образцовому рисунку, у сержантов оно было прямое, у каптенармусов — в виде полумесяца, а у капралов — полукруглое.²⁴⁹ Подпрапорщикам с того же 1719 полагались особые «подпрапорщицьи копья» или полупики. В 1711 унтер-офицеры и капралы мушкетерских рот получили для самообороны пистолеты и патронные лядунки, отобранные у пикинеров.²⁵⁰ Кроме древкового и огнестрельного

оружия, у всех унтер-офицеров и капралов имелись шпаги; в 1-й половине 1700-х годов вместо них могли выдаваться тесаки. В пешех и конных гренадерских полках и ротах урядники и капралы были вооружены так же, как рядовые. По Табели 1720 года сержантам фузилерных полков назначались алебарды, капралам — ружья; фурьеры, каптенармусы и подпрапорщики оружия от казны не получали вовсе.²⁵¹ Указом от 11 ноября 1724 фурьерам были присвоены ружья, каптенармусам — алебарды, а пистолеты остались только у подпрапорщиков, по одному на человека.²⁵²

В линейном строю алебарды и полупики, зрительно отделявшие одно подразделение от другого (каждый начальний человек становился на строго определенное место), смотрелись красиво, но в качестве собственно оружия толку от них было мало. Точно так же, как расшивка позументом, они выступали в качестве ранговых атрибутов, указывая на чин, который имели их владельцы. Считать древковое оружие вовсе бесполезным однако не стоит — наряду со знаменами, торчащие над строем офицерские протазаны, унтер-офицерские алебарды и полупики служили ориентирами для стоящих в боевом порядке солдат; кроме того, с помощью древков своих копий и алебард урядники могли выравнивать строй. Существование этого в общем-то чисто декоративного оружия объясняется тем, что от начальных людей, собственно говоря, требовалось не лично участвовать в бою, а смотреть за солдатами и подавать им команды.

Унтер-офицер и капрал драгунского полка, согласно Табели 1712 года, имели на вооружении палаш и пистолет.²⁵³ Позднее капралам были положены еще и ружья, однако, как свидетельствуют документы, их получили капралы только Астраханского и Ямбургского полков. По Табели 1720 года драгунский унтер-офицер вооружался палашом и пистолетом, капрал — палашом, пистолетом и ружьем (то есть так же, как рядовые).²⁵⁴ Указом от 11 ноября 1724 урядникам и капралам были присвоены вторые пистолеты, а капралы лишены ружей.²⁵⁵

Каптенармус, во время сражения обязанный разносить солдатам патроны, имел для этого одну или две большие кожаные сумы. В том случае, если сум было две, одну из них, по традиции XVII века — когда еще не изобрели патроны и применялось раздельное заряжание (то есть порох, пыж и пулю помещали в ствол по отдельности), — называли «*пороховой*» или «*большой*», а другую «*пулечной*» или «*малой*». Скроенная из «*дегтярного товара*» каптенармусская сума носилась на сырмятным ремне, надетом через плечо. В 1718 крышки каптенармусских сум было велено делать из кожи, обработанной ворваньим салом.

Фурьеры (квартирмейстеры) для обозначения места стоянки своей роты в лагере использовали специальные «*фуриерские*», они же «*квартирные*» или «*ротные*» значки, представлявшие собой небольшого размера флаги из сукна, «*бурмета*» или других тканей разных цветов, украшенные надписями и изображениями, обозначавшими полковую и ротную принадлежность. Подобно знамени, фурьерский значок мог иметь металлическое копьё и чехол из сукна. В 1712 Казанская губерния отпустила для постройки значков в Троицкий и Шлиссельбургский пехотные, Московский, Нижегородский и Пермский драгунские полки красное и зеленое английское сукно, по четыре вершка того и другого на каждое полотнище. Впоследствии основным материалом для постройки значков стало китайское хлопчатобумажное полотно, чаще именуемое просто «*китайкой*». Образцовый «*инфантерский*» значок, находившийся в Мундирной канцелярии с 1713, был сделан из китайки крапивного цвета.²⁵⁶ По Ведомости 1724 года в пехотный и драгунский полк полагались китайчатые значки «*с написанием полкового звания*»; у драгун такой значок имел еще и

некий кумачный «*прапор*».²⁵⁷ Кроме значков, фурыеры могли иметь «*фурыерские ремни*» с крючками, а также веревки, служившие «*для заимки в поле летнем квартиры*» — ограждения территории, занятой под размещение палаток или растяжки вдоль домов, отведенных роте для постоя. В некоторых пехотных полках у фурыеров были верховые лошади и седла.

С 1712 в каждом пехотном полку состояло два медных капральских ночника — переносные фонари, в которых поддерживался огонь во время боя; по Табели 1720 года такие же ночники были положены и в драгунский полк. Согласно Реестру образцов вещей 1723 года, медный ночник весил 1 фунт 88 золотников. Капралы гренадерских полков имели жестяные ночники, в которых носился запасной фитиль. Их могло быть восемь — по одному на роту, или 48 — по одному на каждое капральство. По Табели 1720 года на каждый пехотный и драгунский полк полагалось 48 жестяных фитильных ночников. В 1724 и медные, и жестяные ночники были отменены.²⁵⁸

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НЕСТРОЕВЫЕ ЧИНЫ

НЕСТРОЕВЫЕ или «*неслужащие*» чины подразделялись на две категории. В первую входили те, кто во время боя становились в строй вместе с солдатами: полковые и ротные музыканты — гобоисты, трубачи, литаврщики, барабанщики и «*файфоры*» (флейтчики); а также те, кто занимали в полку административные и хозяйственные должности, — ротные писари, профосы, лекари (они же лекарские ученики или цирюльники), обозные, кузнецы, слесари, плотники, коновалы. Вторую категорию составляли извозчики (они же погонщики, фурманщики) и офицерская прислуга — денщики, хлопцы. Извозчиками и денщиками обыкновенно становились рекруты или штрафованные солдаты — самая разнузданная братия. Предоставленные в бою самим себе, они, пока солдаты находились во фрунте, не смея его покинуть, первыми успевали раздеть трупы и собрать прочую добычу...

Разница между двумя категориями чинов наглядно отражалась на их обмундировании. Платье для гобоистов, трубачей и литаврщиков шили «*особым манером*» — из лучшего, чем у рядовых, материала и, порой довольно богато, украшали золотым или серебряным позументом; барабанщики и флейтчики, как правило, отличались от нижних чинов только расшивкой из тесьмы или шнура. Характерной деталью обмундирования полковых и ротных музыкантов были суконные «*полумесяцы*» (крылья) на плечах кафтана и лопасти на спине, также выложенные позументом или тесьмой. В качестве примера отделки музыкантских мундиров можно привести ордер Петра I подполковнику Преображенского полка Марку фон Кирхену, написанный в ноябре 1706: «...гобоистам довольно петли обшить золотом, также и на плечах полмесяца сделать и искласть галунами золотыми, а у барабаничников на плечах полмесяца — шерстяными галунами».²⁵⁹ Писари и мастеровые выглядели не хуже строевых чинов, а вот извозчикам и денщикам доставалась одежда из сермяги либо вовсе обноски.

С 1712 литаврщикам, трубачам и лекарям — все они, как правило, были иноземцы, служащие на основе заключенных с ними лично «*капитуляций*», — надлежало делать себе мундир самостоятельно; а остальным, кроме извозчиков и денщиков, отныне полагался точно такой же набор форменных вещей, как у рядовых солдат своего полка. Впрочем, для нестроевых цвет одежды был не так уж важен. В 1714 неслужащим Бутырского, Киевского, Нарвского, Пермского и Черниговского полков предполагалось раздать три сотни оказавшихся излишними красных кафтанов с

васильковыми обшлагами и зеленым подбоем, *«понеже те чины могут и не под одним цветом [с солдатами] быть»*.²⁶⁰ Писарь — наиболее значимая фигура среди нестроевых чинов — имел чин капрала. В том же 1714 писари Белгородского, Киевского и Ростовского пехотных полков получили красные кафтаны с васильковыми обшлагами и серебряным позументом.

Денщики и извозчики, как и прежде, одевались в платье из абинка или сермяги, либо же донашивали старые вещи, оставшиеся после погибших и умерших солдат; короче говоря, ходили в чём придется, а точнее — в том, что удастся добыть самому. Надо полагать, одежда этих чинов не отличалась единообразием даже внутри одного полка и уж во всяком случае была не менее пестрой, чем у строевых. К примеру, после умершего в 1722 в Санкт-Петербургском госпитале погонщика Невского пехотного полка остались серый кафтан, васильковый камзол и зеленые штаны.²⁶¹

Оружия никому из неслужащих от казны не полагалось. Тем не менее, иметь его следовало. *«Сказать указ в армии, — писал в феврале 1712 глава Комиссариата князь Яков Долгорукий, — чтоб у денщиков, и у офицерских и солдатских и всякого чина у людей, також у харчевников и у торговых, которые будут в войске, чтоб имели каждый при себе огненное и студеное ружье, под великим штрафом. А извозчикам, которые при полках, и прочим неслужащим, которые не имеют ружья, впредь дать ружье из казны»*.²⁶² Как правило, нестроевые получали старое, оставшееся при полку оружие и необходимое к нему снаряжение (портупей, лядунки и проч.). Гобоистам в 1712 были положены винтовальные штуцера.²⁶³

По указу от 11 ноября 1724 гобоисты, трубачи, литаврщики, ротные писари, барабанщики и цирюльники перешли в категорию строевых чинов и в качестве таковых стали официально носить шпаги и портупей. Гобоистам, полковым барабанщикам, трубачам, ротным писарям и цирюльникам драгунских полков, кроме шпаг, было присвоено по паре пистолетов. Тот же указ предписал давать всем урядникам и нестроевым чинам водоносные флаги.²⁶⁴

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ОФИЦЕРЫ

СВЕДЕНИЙ об экипировке офицеров за 1-ю четверть XVIII столетия в документах практически нет, так как всё необходимое они приобретали за собственный счет и ни перед кем за свое имущество не отчитывались; исключение составлял разве что гренадерский убор. Сохранившиеся примеры единичны (в буквальном смысле) и делать на их основе широкие обобщения представляется затруднительным, можно указать лишь на самые общие моменты. В первую очередь, вещи *«начальных людей»* отличало качество материалов и изготовления, то и другое, главным образом, зависело от состоятельности самого заказчика. Ober-офицеры пехоты, в большинстве своем люди небогатые, а порой и *«весьма скудные»*, судя по всему, выглядели довольно скромно. Так, после подпоручика Галицкого полка Федора Костромина, умершего в июне 1720, остались: *«шпага — эфес медный, портупей юфтевый черный; кафтан — васильковый, пуговицы обшивные; камзол — зеленый ветхий, пуговицы медные; шляпа черная, штаны суконные ветхие; шуба — суконная красная, мех волчий; перчатки, галстук флеровый черный, сапоги да башмаки поношенные с пряжки железными, рубашка, войлок — обшит выбойкой крашениною»*.²⁶⁵ Одежду и амуницию, украшенные шитьем или позументом, оружие с позлотой и резьбой, по-видимому, могли позволить себе только штаб-офицеры или же офицеры кавалерии, где традиционно служили наиболее родовитые и, соответственно, зажиточные дворяне, да и у них подобного рода вещей было не так уж

много (походный быт, с естественной для него неопределенностью, сам по себе располагал обзаводиться лишь необходимым). Также обращает на себя внимание, что ни в одном из встреченных нами описаний офицерских пожитков, составленных за период с середины 1710-х по начало 1720-х годов, не упоминаются ни шарфы, ни нагрудные знаки. Кроме того, не всегда в этих описаниях бывает понятно, когда речь идет о форменном платье, строевом оружии, амуниции и конском уборе, а когда о личных вещах (кстати, большой вопрос, насколько вообще одно отделялось от другого). И еще один немаловажный момент, который следует обязательно иметь в виду. На протяжении всего XVIII века вовсе не считалось обязательным, что по своему покрою, очертаниям, расцветке и прочим внешним параметрам, офицерские форменные, оружейные и амуничные вещи должны в точности соответствовать аналогичным вещам нижних чинов.

К унификации офицерского строевого платья (кажется, впервые) приступили только в конце 1720-х годов. Осматривая полки летом 1727, генерал Петр Лесси констатировал, что в каждом из них офицеры носят мундир *«разных цветов и манеров»*, иногда вовсе несходный с униформой своих подчиненных, либо же не имеют никакого. Подобная *«неисправность»* побудила генерала предложить ввести для офицеров *«всей инфантерии... мундир одного цвету темно-зеленый хороший и одним манером, токмо б штабу с легким позументом, а обер-офицерам без позументу, понеже обер-офицеры не богатые, а другие и весьма скудны»*. Найдя предложение Лесси полезным, Военная коллегия в ноябре того же года распорядилась: *«...армейских полков, как штаб-, так и обер-офицерам, мундир иметь одноманерный, без позументов, а именно: в драгунских полках — кафтаны и штаны синие, а камзолы и у кафтанов обшлага на лосиный цвет; в пехотных полках — кафтаны и штаны зеленые, а камзолы и у кафтанов обшлага красные, из добрых сукон»*.²⁶⁶

Получив копию с этого указа в начале 1728, генерал Иоганн Вейсбах, командующий драгунскими полками Украинского корпуса, задался целым рядом вопросов: какими быть подбою и форме обшлагов у кафтана, обкладывать ли шляпы, портупей и чепраки позументом, а также из чего делать сами чепраки — из кожи или сукна? Фельдмаршал князь Михаил Голицын, непосредственный начальник Вейсбаха, разъяснил ему: *«...мундир строить: кафтаны и штаны — синие, камзолы — на лосиный цвет, без позументу; у кафтанов обшлага — того ж лосиного цвету, шведские; и к тем обшлагам, по пристойности, перчатки [с] отвороты большие лосиные. Шляпы — с позументом серебряным. Портупей лосиные — обложка позументом серебряным же. Чепраки и чушки — красного сукна, с позументом серебряным же: штаб-офицерам — в два ряда, по борту узким, а потом, уступя на полвершка, широким; обер-офицерам — токмо по борту»*. Военная коллегия согласилась с мнением Голицына, а в пехотных полках 11 марта велела *«с того ж примеру иметь у кафтанов обшлага круглые, а шляпы с золотным позументом»*.²⁶⁷

Через несколько месяцев, в июне 1728, фельдмаршал захотел поменять серебряные позументы на золотые, в унисон офицерским гренадерским шапкам, которые были расшиты золотом, но на этот раз Военная коллегия решила оставить всё как есть, *«до предбудущего указу»*.²⁶⁸ Добавим также, что подбором кафтанов у офицеров драгунских полков Украинского корпуса был лосиного цвета, пуговицы на кафтанах и камзолах, а равно *«шпаги»* — серебряные, *«мундиштуки — с оловянным прибором на серебряное дело, а у других железные полуженые»*, шпоры — из вороненого железа.²⁶⁹ В некоторых полках офицеры, подобно урядникам и нижним чинам, носили кафтаны с белым прибором и подкладкой. Так, в 1732, когда потребовалось

переделать мундиры в соответствии с требованиями нового штата, Каргопольский полк рапортовал Военной коллегии, что недавно все его штаб-, обер- и унтер-офицеры пошили себе кафтаны *«таким же маниром, как и у драгун — васильковые ж, с подбоем, обшлагами и воротниками белыми и камзолы на лосиный цвет, с пуговицы серебряными, а у урядников с медными золочеными»*.²⁷⁰

Следующий запрос пришел в апреле 1728, от столь знаменитого впоследствии Бурхарда Миниха, тогда еще генерал-майора: *«...в пехотных полках у штаб- и обер-офицерских кафтанов обшлага круглые делать большие, или малые с искосом? Також пуговицы медные ль или прицметальные,* и до подолу ль или до пояса? К тому ж чулки каким цветом? или штиблеты? И позумент на шляпах гладкий ли, или с одной стороны с городками?»* Сам Миних предлагал *«во всех полках делать у кафтанов обшлага круглые средние, а не прорезные. Пуговицы — до пояса, медные позолоченные гладкие. На шляпах позумент золотой гладкий шириною в два пальца, [чтоб] на наличную сторону выпущен бы был шире, а внутрь уже. Штивлеты — белые, чистого и тонкого полотна. А в драгунских полках [мундир] — по прежнему указу»*. И снова Военная коллегия не стала возражать. Определением от 10 апреля 1728 еще раз было предписано руководствоваться прежними указаниями, да *«в пехотных полках штаб- и обер-офицерам иметь у кафтанов обшлага круглые средние, пуговицы до пояса медные позолоченные гладкие, на шляпах позумент шириною меньше вершка, штивлеты полотняные белые»*.²⁷¹

Наконец, в мае 1728, на основании своих предыдущих определений, Военная коллегия сочинила подробный регламент для офицеров пехоты:

«Нижеподписавшиеся генералитет, слушав о бытии в полках у офицеров одноманерному мундиру присланных из Государственной Военной коллегии Его Императорского Величества указов, дабы в строении оного и в прочем промежду полками разни не происходило, предложили нижеследующее:

1. *У офицеров шляпы во всех полках были б одноманерны, а не так, чтоб у одного велики поля, а у другого малы. На оных шляпах позументу быть золотому одинакому гладкому, которым те шляпы обшиты б были по обеим сторонам поровну для того, что положенный позумент со обеих сторон поровну может удержатъ, чтоб у шляпы не опустились крылья. На оных же шляпах быть по одной пуговице с левой стороны, по такой, каким ниже сего предложено быть на кафтанах. И для оной пуговицы у тех шляп с левой же стороны быть по петле золотой двойной шнурковой.*

2. *Офицерам же, хотя у природных волос или у паруков, обвивать косы черною лентою, а не веревкою завивать, и чтоб у оных было сверху завивано равно, а именно против верхушки кафтанного воротника, а ниже и выше верхушки воротника не обвивать, и сверх оных репьев не привязывать. А унтер-офицерам, капралам, солдатам и прочим чинам волосы свои с концов подкладывать под шляпы, а кос не плестъ и кошельков не привязывать.*

3. *У офицеров кафтанам, по силе указов, быть зеленым, на оных воротникам и обшлагам красным небольшим круглым, подбоем быть красному ж, клапанам [карманов] о трех петлях. У кафтанов пуговицы положить до поясу, не меньше двенадцати, а не большие четырнадцати, разве что самый большой человек — то по*

* «Прицметалл», «принцметалл» («avrighalcum») — сплав меди с цинком и небольшим количеством олова, имеющий желтый цвет и внешне похожий на золото; назывался также «поддельным золотом» и нередко служил заменой последнему в XVIII и XIX веках.

препорции. Которым пуговицам на кафтанах быть снаружи гладким вызолоченным, и под исподом чтоб были гладкие ж и чистые.

4. У офицеров же камзолам, по силе указов, быть красным и с подбоем красным же, клапанам о трех петлях вышеписанным же манером, как и у кафтанов быть положено, точию в пропорцию меньше кафтанных. На оные камзолы положить пуговицы по пропорции против кафтана, от пятнадцати до восемнадцати пуговиц, понеже камзольным пуговицам положено быть меньше кафтанных. А тем пуговицам на камзолах быть таким же манером, как и у кафтанов — вызолоченным.

5. У офицеров же штанам, по силе указов, быть зеленым аглинским, и чтоб на оных было с сторону по три пуговицы таким, каким предложено быть на камзолах. У оных же штанов для застежки по сторонам быть и по пряжке.

6. Петли у офицерских, как у кафтанов, у камзолов, так и у штанов, обшивать сукном, а не гарусом. И для того и солдатам, когда будет строиться новый мундир, а именно кафтаны и камзолы, оные шить таким же манером, как предложено быть мундиру у офицеров, точию у офицеров бы мундир был по силе указа из добрых сукон, и, как в цветах, так и в манирах был одинакий, а не так, чтоб у одного офицера в полку цвет зеленый, а у другого темно-зеленый. По тому ж у камзолов и у штанов того весьма смотреть, дабы пестроты ни в чём не было.

7. Портупеям у офицеров быть лосиным, не прошитым ничем, на оных снаружи пряжкам и припряжкам вызолоченным гладким круглым. У оных же офицеров быть перчаткам лосиным одним манером — не прошитым ничем и с круглыми клапанами на концах.

8. Понеже ныне во многих полках имеются у офицеров шпаги не одним манером, которым надлежит быть, как и мундиру, одним манером, того ради, как впредь офицеры будут строить шпаги, то оным те шпаги строить по примеру солдатских — с медными эфесы гладкими вызолоченными. Також на оных гриф или перевивка была б медная ж, точию вызолоченные. У оных шпаг темлякам быть, как у офицеров, так и у солдат, лосиным.

9. У офицеров же и у солдат быть штибилетам холстинным белым с медными пуговицы, ко оным подвязкам ременным черным с медными ж пряжками; точию у офицеров чтоб штибилеты были из хорошего полотна, а на оных пуговицы, також и у подвязок пряжки вызолоченные, а у солдат просто медные.

10. У офицеров же башкамак быть тупоносым, а каблуки б под оными были низкие.

11. Галстукам, как у офицеров, так и у солдат быть белым, которые завязывать назад. А рубахи б у офицеров в параде были без манжет.

12. Вышеписанный мундир, а именно кафтаны, камзолы, штаны, шляпы, портупеи и перчатки, штибилеты и прочее, офицерам построить немедленно, а у которых офицеров ныне имеется новопостроенный мундир, оный вышеписанным образом переделать. И о том в полки предложить. В Москве, мая 1 дня 1728 году.

У подлинного подписались тако: генерал-майор Кампенгаузин, генерал-майор князь Борятинской, генерал-лейтенант Лефорт, генерал-лейтенант барон Шверин, генерал и кавалер Бон».²⁷²

Вопрос об офицерских шпагах и портупеях, поднятый генералом Лессеи в конце 1728, Военная коллегия решила отложить до будущего времени. Сам Лессеи хотел, чтобы у шпаг были медные позолоченные эфесы с серебряными грифами и портупеи, обложенные золотым позументом «против шляп... а пехотных полков у

офицеров на шпагах темлякам не быть, токмо у драгунских, и те б были лосиные». Фельдмаршал князь Василий Долгорукий, отвечая на запрос Военной коллегии, какие шпаги и портупей носят офицеры его «команды», написал, что по его мнению шпаги следует оставить какие есть, портупей — не обшивать, дабы не вводить офицеров в напрасные расходы, а заодно порекомендовал коллегии, чтобы та впредь запретила генералам подавать «о воинских делах своих мнений мимо генералов-фельдмаршалов», то есть через голову непосредственного начальства.²⁷³

Характерной деталью экипировки офицера любой европейской армии с середины XVII века был шарф государственных, а точнее — династических цветов той страны, на службе у которой состоял офицер. Концы такого шарфа обычно завершались кистями с бахромой. Носить шарф следовало, повязав вокруг пояса или надев через правое плечо — так, чтобы в том и другом случае кисти находились с левой стороны. Темляк к офицерской шпаге мог делаться в виде уменьшенной копии шарфа. Пехотные офицеры, кроме шарфа, надевали в строю «грудной» (нагрудный) знак — позолоченную или посеребренную металлическую пластину в форме полумесяца (рудимент доспеха, защищавшего шею и верхнюю часть груди). Обычно офицерские знаки делались из серебра, иногда, для наименее состоятельных младших офицеров, — из меди. Поле знака украшалось различными геральдическими изображениями, материал и способ изготовления которых — резьба, накладные детали, финишь — зависел от чина владельца. Носили знак при помощи надетой на шею ленты, прикрепленной к верхним концам поля. Точно так же, как кокарды на головных уборах, офицерские шарфы и нагрудные знаки являлись «знаками поля» или, как их называли на немецкий манер, «фельдцайхами» — «по которым разных государей войска разделяются».

Когда именно шарфы и знаки стали использовать офицеры российской полевой армии, нам неизвестно (у офицеров лейб-гвардии знаки были по крайней мере с 1702). Самое раннее встреченное нами документальное свидетельство датируется 1718 годом: в рапорте в Военную коллегию от 3 декабря князь Репнин написал, что во всех полках его дивизии у офицеров есть сделанные ими за собственный счет нагрудные знаки и шелковые шарфы.²⁷⁴ Подробностей об их внешнем виде не сообщается, однако документы позднейшего времени свидетельствуют, что «при жизни... государя императора Петра Великого... в полках имелись у офицеров шарфы белого, синего и красного шелков — по флагам, а у штаб-офицеров по числу [чина] — с золотом и серебром».²⁷⁵ Знаки же, вероятнее всего, как и знамена, несли изображение полкового герба или «государского имени» (вензеля).

Достоверно можно сказать лишь о том, что до ноября 1718 утвержденного образца знаков еще не существовало — тогда Военная коллегия только обещала «впредь» предоставить их «модели», что, по-видимому, вскоре и было сделано. В 1720-е годы шарфы и знаки стали непременным атрибутом снаряжения офицеров как полевой, так и гарнизонной пехоты. Например, в марте 1729 Военная коллегия приказала изготовить штаб- и обер-офицерам Санкт-Петербургских гарнизонных полков шелковые шарфы и нагрудные знаки: серебряные для первых и медные посеребренные для вторых; «за скудостью» офицеров все эти вещи целиком оплачивала казна, а потому ни вычетов, ни сроков службы им назначено не было.²⁷⁶ Что же касается офицеров кавалерии, то для них ввести шарфы впервые предложила только Воинская комиссия 1730 года.²⁷⁷

Время появления трехцветных шарфов выяснить пока также не удалось. Однако, нам кажется, его следует отнести не к самому началу XVIII века, как это принято считать сегодня, а немного позднее — к тому моменту, когда на смену венгерскому платью пришла одежда западно-европейского покроя. Именно тогда появилась практическая необходимость в эмблемах, обозначающих не только офицерское звание, но и принадлежность к вооруженным силам Российского государства. Конечно, и шарфы, и темляки офицеры русской армии носили и раньше, но расцветка их, по-видимому, была произвольной. Так, опись пожитков стольника Федора Плещеева, составленная в январе 1702, среди прочего упоминает и *«2 ленты золотные с красным шелком и с варворки и с кистями, которые бывают на шпагах»*.²⁷⁸ Нагрудные знаки с полковыми гербами и вовсе не могли появиться ранее 1708 или, что более вероятно, 1712.

Для офицеров Ингерманландского пехотного полка, считавшегося собственной гвардией князя Меншикова, полный комплект шарфов и знаков был изготовлен в 1718 (похоже, всё-таки, что именно тогда офицеры армейской пехоты впервые обзавелись этими вещами). Те и другие сделали своего вида для каждой категории чинов — штаб-офицерские, капитанские и обер-офицерские. Согласно ведомости, представленной от капитана Игнатия Орлова, *«по цене де те знаки и шарфы становились, а именно: штабских [знаков] шесть серебряные сканной работы — каждый по тринадцати рублев по восьмидесят по пяти копеек; капитанских тринадцать серебряные белые — по одиннадцати рублев по шестидесят по две копейки; поручиковых, подпоручиковых и прапорщициковых медных позолоченных, на которых слова серебряные — по пяти рублев по шестидесят по шести копеек с половиною; шарфы: полковничий один золотой с серебром, без шелку — пятьдесят два рубли четырнадцать копеек; подполковничьих и майорских пять, в которых золото с серебром и с шелком, а кисти серебряные без шелку — по тридцати по семи рублев по тридцати по восьми копеек; капитанских тринадцать шелковые, а кисти свех золотые, а варворки и бахромки и около варворок золотые ж — по тринадцати рублев по тридцати по три копейки с половиною; поручиковых, подпоручиковых и прапорщициковых сорок один шелковые, варворки обшиты золотом и бахромки около варворок золотые ж; всего за оные знаки и шарфы дано тысяча двести двадцать два рубли тридцать две копейки, и на оных знаках имелось имя бывшего князя Меншикова под короною княжескою»*. И шарфы, и знаки были сделаны *«на полковые деньги»*, поэтому служили они бессрочно и отбирались у тех, кто покидал полк. Позднее, во времена правления Петра II, помещенный на знаках вензель Меншикова был заменен *«именем»* Его Величества и *«воинской арматурой»*, причем эту переделку офицеры оплачивали уже из собственных средств. По их *«объявлению»*, к штаб-офицерским знакам *«прибавлено серебра по пятнадцати золотников и выше, а за работу давано по четыре рубли; к капитанским — по шестнадцати и восемнадцати золотников, за работу по три рубли по пятидесят копеек; к поручиковым, подпоручиковым и прапорщициковым — не выше пяти золотников с половиною, за работу по два рубли по пятидесят копеек и ниже»*.²⁷⁹ Насколько широко была распространена подобная схема чиновных отличий, сказать на основе одного единственного примера нельзя. К тому же, по своему статусу Ингерманландский полк находился на особом положении.

В строй пехотный офицер выходил с *«офицерским»* копьём либо протазаном. Офицерское копьё, судя по всему, представляло собой обычную полупику

наподобие тех, что были в то время у офицеров французской и английской армий. «Протазаном» называлось декоративное копье, наконечник которого состоял из двух основных частей: боевого острия и симметричного полулуния под ним; последнее, как правило, украшалось резными или накладными геральдическими изображениями. На протазан у основания наконечника обычно крепили кисть из золота, серебра или цветного шелка; такой же кистью могло быть украшено и копье.

В России офицерам полевой и гарнизонной пехоты с 1719 делались протазаны четырех образцов: полковничьи, подполковничьи, майорские и «одним манером» для всех обер-офицеров в чине от капитана до подпоручика. Прапорщики, главной обязанностью которых было носить знамена, древкового оружия не получали. Протазаны полковников и подполковников стоили одинаково — 1 рубль 57 копеек, майоров — 1 рубль 41 копейку, обер-офицеров — 1 рубль 26 копеек. Главным образом, разница в цене обеспечивалась за счет «отделки пильною работою»: для полковничьих и подполковничьих протазанов она составляла 23 алтына 2 деньги, для майорских — 16 алтын 4 деньги, для обер-офицерских — 11 алтын 4 деньги; остальные расходы на изготовление «портязантов» — материалы, инструмент,ковка, выточка «поперечных долов» etc. — были примерно одинаковы. Цвет и длина древков не оговаривались (подобные вопросы тогда оставляли на личное усмотрение полковых командиров).

Кисти к протазанам армейских офицеров по указу от 31 января 1721 было предписано делать такие же, как в полках лейб-гвардии: у полковников — золотые, у подполковников — серебряные, у майоров — смешанные из золота и серебра; обер-офицеры имели шелковые кисти разных цветов: белые — у капитанов, синие — у капитан-поручиков (в армейских полках этого чина не было с 1712), красные — у поручиков, зеленые — у подпоручиков (любопытно, что обер-офицерские кисти, расположенные сверху вниз по старшинству чинов, цветами соответствуют российскому флагу на зеленом грунте). Для всех офицеров гарнизонной пехоты строились шелковые кисти: полковникам — желтые, подполковникам и капитанам — белые, майорам — желто-белые, поручикам — красные. Длина готовой кисти составляла около пяти вершков.

Первоначально, однако, предполагалась несколько иная схема расцветки кистей. 16 января 1720 Военная коллегия приговорила: «...ко всем алебардам, которые готовятся пехотных полков штаб- и обер- и унтер-офицерам, сделать кисти: к полковничьим — золотные, к подполковничьим — серебряные, к майорским — пополам из золота и серебра, полосами; к обер-офицерским — шелковые, а именно: к капитанским — красные, к капитанским же поручицким — зеленые, к поручицким — синие, к подпоручицким — зеленые с синим пополам. И для того таких кистей сделать в Санкт-Петербурге при Комиссариате двоим образцы, самым добрым мастерством, и смотреть того, чтоб в цене передачи не было. А как будут сделаны, объявить их немедленно в Военной коллегии, купно с рапортом о цене, во что станут».²⁸⁰ Дальше изготовления образцовых кистей дело так и не пошло. Видимо, цена их оказалась слишком высока (к примеру, одна кисть для полковничьего протазана из русского «шестерного» золота стоила 21 рубль 12 алтын, другая, из «пятерного» золота и более короткая, — 19 рублей 19 алтын), да и с чисто эстетической точки зрения, конечный вариант выглядит гораздо лучше.²⁸¹

Штаб- и обер-офицеры гренадерских полков и рот древкового оружия не употребляли; по традиции им полагался такой же набор оружейных и амуниционных вещей, как у рядовых гренадер — ружье, шпага, подобная гренадерской сума (самых гранат

офицеры не имели) и патронный подсумок. У драгунского офицера была только шпага, в конном строю к ней прибавлялась пара пистолетов.

У всех строевых и нестроевых офицеров пехоты были собственные верховые и подъемные лошади. Ведение о получении фуража офицерами гренадерского полка Адама Вейде, составленное в феврале 1715, показывает, что подполковник мог иметь при себе 10 лошадей, премьер-майор — восемь, секунд-майор — семь, капитаны — по пять, поручики, полковые квартирмейстер и аудитор — по четыре, подпоручики, полковые адъютант, фискал, провиантмейстер, комиссар и профос — по три, полковые обозный, писарь, лекарь и поп — по две. Кроме того, по одной лошади в этом полку было у ротных фурьеров и комиссарского подьячего.²⁸²

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПОЛКОВЫЕ ВЕЩИ

Категории «*полковых вещей*» или же «*полковой арматуры*» относились предметы, не имевшие определенного владельца. В отличие от обмундирования, ручного оружия, амуниции и конского убора, выдававшихся конкретным воинским чинам, которые несли за них персональную ответственность, знамена, музыкальные, мастеровые и шанцевые инструменты, обоз, лагерные принадлежности и рогатки, как считалось, находятся в распоряжении всего полка (хотя и те, и другие, за редким исключением, равно были казенными вещами).

а. Знамена

Каждая фузилерная рота пехотного и драгунского полка имела собственное знамя. В некоторых драгунских полках во 2-й половине 1700-х годов знамена состояли по числу эскадронов (пять штук). Материалом для изготовления знамени чаще всего служила камка, реже использовалась тафта — шелковые ткани.

В 1-й роте неизменно находилось белое «*полковое*» знамя (подобная традиция существовала и в европейских армиях). Колер остальных «*ротных*» знамен в 1700-е годы, судя по всему, выбирался произвольно; в качестве примеров можно назвать красный, малиновый, брусничный, гвоздичный, вишневый, «*померанцевый*», желтый, «*рудожелтый*», песочный, васильковый, лазоревый, темно- и светло-зеленый, «*осиновый*», черный, дымчатый, «*железный*» цвета. В конце 1700-х — начале 1710-х годов (очевидно, в Оружейной палате), была создана «*Гербовая книга*» или «*Гербовник*», служивший руководством при постройке знамен до середины 1720-х годов, в котором указывались не только «*абрисы*» полковых гербов, но и расцветка полотнищ. Чаще всего знамя шили из материи одного-двух цветов, но бывали знамена, сделанные из трех и даже четырех разных «*камок*». Изображения на полотнищах «*малевались*» красками, золотом и серебром; упоминания о «*шитых*» знаменах встречаются довольно редко.

Хранящиеся в собрании Государственного Эрмитажа знамена пехотных полков, сделанные в 1710-е годы, имеют полотнища прямоугольной формы, со сторонами от трех до трех с половиной аршин; драгунские знамена несколько меньше — от аршина с четвертью до двух аршин.²⁸³ По Ведомости 1724 года на пехотное знамя отпускалось 16 аршин 4 вершка камки, на драгунское — 5 аршин 7 вершков. Края драгунских знамен, в подражание штандартам рейтарских полков, могла украшать золотая, серебряная или шелковая бахрома. Еще одна характерная (но необязательная) деталь драгунского знамени, также заимствованная у рейтар, — шнур с кистями, укрепленный на древко поверх полотнища. Иногда такие шнуры назывались «*кутасы*» или «*подвески*». В 1720-е годы бахрома и шнуры вышли из употребления.

Готовое знамя прибивалось гвоздями к древку, на верхний конец которого насаживался остроконечный медный или железный дротик, а на нижний, для предохранения дерева от повреждений при ударах об землю, — медный или железный подток. На полковых знаменах дротики обыкновенно были позолоченные, на ротных — полуженные; по Табели 1720 года золотить надлежало дротики всех знамен. На древке драгунского знамени находилась такая же, как на фузеях у рядовых драгун, погонная скоба.

Большие, яркие и красочные знамена, позволявшие распознать полк даже на значительном расстоянии, что и говорить, являли собой впечатляющее зрелище. Однако, при всей монументальности внешнего вида, прочностью они не отличались: краска легко сходила от дождя, а полотнища под собственной тяжестью так бились на ветру, что порой над рядами полка торчали лишь древки с лоскутами материи. Описания старых знамен практически всегда оканчиваются указаниями о «*побитых*» и «*изодранных*» в лоскуты края.

Во время марша свернутое вокруг древка знамя покрывалось суконным чехлом с кожаной обшивкой наверху. Как правило, знаменные чехлы шили из красного или, реже, зеленого сукна. Изредка встречались чехлы из клеенки или целиком кожаные. У дротика мог быть отдельный кожаный «*чехлик*». Прапорщики и подпрапорщики драгунских полков снабжались погонными перевязями — аналогичными тем, на которых рядовые драгуны носили свои фузеи. Перевязи эти могли обшиваться сукном, бархатом или трипом, а иногда еще вдобавок и позументом. По Ведомости 1724 года на чехол пехотного знамени было положено отпускать 1 аршин сукна, драгунского — 12 вершков.

«*Знаки*» (изображения) на знаменах заслуживают отдельного исследования. Мы лишь кратко остановимся на данной теме, отметив самые общие моменты, опираясь, главным образом, на архивные источники.

На полковом знамени мог быть либо государственный герб (двуглавый орел), либо, начиная с 1710-х годов, окруженное пальмовыми ветвями «*вензеловое имя*» правящего самодержца под императорской короной. Помещать на первых знаменах изображение двуглавого орла стало традицией еще в солдатских и драгунских полках «*нового строя*». Что же касается вензелей с коронами, трактуемых в советское время как «*персонифицирование абсолютизма*» и «*усиленное подчеркивание главенства царской, а затем императорской власти*»,²⁸⁴ то, на наш взгляд, их появление объясняется несколько проще — знакомством с обычаями иностранных и, прежде всего, шведской армии, где «*государские*» вензеля украшали не только знамена и кавалерийские штандарты, но и другие предметы обмундирования и снаряжения: офицерские знаки, гренадерские шапки, бляхи на крышках гранатных сум, литавренные и трубные завесы, барабаны, чепраки, чушки... Кстати, множество шведских знамен досталось русским после сражения под Полтавой и, похоже, именно они послужили прототипом для армейских знамен образца 1712 года (речь о них пойдет впереди). В пользу предположения о заимствовании у шведов свидетельствуют и общие принципы построения вензелей Петра I и Карла XII: у того и другого они состоят из двух перекрещенных начальных литер их имен (соответственно «*P*» — «*Pertrus*» или «*C*» — «*Carolus*»), одна из которых писалась обычным способом, а другая — как бы в зеркальном отражении (как говорили в XVIII веке, «*на обе стороны*»), а также римской цифры — личного порядкового номера.

Вообще, что касается заимствований, а в особенности — заимствований внешних, не имеющих, на первый взгляд, практического значения, в отличии, например, от производственных технологий, премудростей морского и военного дела, то, по-видимому, главным критерием для принятия того либо иного *«иноземного обычая»* (не важно, идет ли речь о символике на воинских знаменах, покрое одежды или видах досуга), была не столько прямая необходимость, сколько степень его распространенности, а точнее — частота употребления в западных странах. Таковым образом — через подражание во внешних формах — демонстрировалось восприятие европейской системы ценностей. Вхождение россиян (действительное или желаемое — вопрос другой) в семью *«просвещенных народов»* закономерным образом потребовало унификации по принятому в ней образцу целого ряда знаковых систем, государственных и общественных институтов. Армия и воинская символика не могли стать исключением. Этот «подражательский» мотив имел первостепенное значение довольно долгое время. Воинская комиссия 1730 года, предлагая оставить в пехотных полках только по четыре знамени, в качестве главного аргумента указывала, что так принято *«почти у всех европейских государей»*. Все соображения практического характера — экономия казенных средств, увеличение огневой мощи полка, уменьшение числа взятых неприятелем трофеев в случае разбития части — следовали после.²⁸⁵

Ротные знамена отличались бóльшим разнообразием, хотя и здесь вариантов было не очень много. В начальный период войны на знаменах пехотных полков изображались выходящая из облака рука с мечом, окруженная цепью ордена святого Андрея Первозванного и, под ними, две перекрещенные пальмовые ветви. Рука с мечом, широко распространенная в европейской геральдике, являла собой *«знак храбрости, мужества, охранения целостности государства»*, а также, в более традиционной для России трактовке, — божьей помощи в войне с врагом и справедливого отмщения. Надпись на одном из сохранившихся знамен прямо расшифровывает смысл этой эмблемы: *«Господи, десною твоею рукою христианское воинство защити и оружием меча нечестивые сопостаты победи»*. Пальмовые ветви были знаком *«победы, одоления, изобилия, плодородия, продолжения царств или империй»*; орден святого Андрея в Петровскую эпоху стал одним из государственных символов, наряду с двуглавым орлом и Георгием Победоносцем.²⁸⁶

На ротных знаменах драгунских полков, взамен руки с мечом и ордена святого Андрея, золотом и серебром рисовались равноконечный крест с сиянием и свиток с надписью *«сим знаком побеждаю»*. Растолковать эту эмблему не составляет особого труда: крест с сиянием — одно из символических изображений *«христианской веры»* — в сочетании с надписью говорят сами за себя.²⁸⁷ Данный образец драгунских знамен, похоже, не был единственным. В коллекции Эрмитажа есть явно драгунское, судя по размерам полотнища и шелковой бахrome, голубого цвета знамя с точно таким же набором вырезанных из камки и расписанных красками эмблем, как на пехотных знаменах, — пальмовыми ветвями, выходящей из облака рукой с мечом и орденской цепью.²⁸⁸

Порой на полотнищах знамен помещались целые аллегорические композиции с героями из античной мифологии или различные православные изображения, говорившие о заступничестве за Россию высших сил и справедливости причин, которые побудили ее начать войну. Ярким примером тому служат знамена гвардейских полков, изготовленные в конце XVII — первом десятилетии XVIII веков.²⁸⁹

После того, как в 1708 армейские полки были переименованы по названиям городов и местностей Российского государства, на ротных знаменах в обязательном порядке стал изображаться герб того города или провинции, имя которого носил полк. В 1712 для 15 драгунских полков, находившихся на Украине, было велено построить новые знамена: «...одно знамя — под гербом той провинции, под которым именем полк состоит, как о том указом определено, а на прочих знаменах — крест святого Андрея. Цвет — по полкам разные, токмо б черных не было. Оные должны быть из камки».²⁹⁰ К тому же году относится указание о знаменах пехоты: «...знаменам быть у всякой компании, а главных по два знамени в полк сделать по их именованиям с гербами».²⁹¹ На самих гербах останавливаться мы не будем, оставив эту тему специалистам по геральдике; скажем только, что изображение герба обыкновенно помещалось в верхнем углу знаменного полотнища, около древка.

Если город или провинция не имели своего герба, эмблема для знамен одноименных с ними полков выбиралась из популярной в то время книги «*Simbola et emblemata...*» (впервые она была напечатана в Амстердаме в 1705, а затем неоднократно переиздавалась в России на протяжении всего XVIII века).²⁹² Так, на знамена одного из подчиненных князю Меншикову Санкт-Петербургских полков с ее страниц перекочевало изображение пламенеющего сердца (девиз этой аллегии — «сгорая, возвышаться буду» — как нельзя лучше подходил светлейшему); на полотнища Тобольского пехотного полка — пирамида с воинскими трофеями; Луцкого пехотного — выходящая из облака рука с мечом, отрубаящая голову «ехидне» (змеи).²⁹³ Обе последних эмблемы впоследствии стали гербами Тобольска и Луцка. Еще одной альтернативой при отсутствии герба, соответствующего «*полковому званию*», был государев вензель в окружении пальмовых ветвей.²⁹⁴

На знаменах и прочих вещах Ингерманландского пехотного полка вплоть до конца 1720-х годов, вместо каких бы то ни было знаков государственной принадлежности, красовались вензеля его командира — светлейшего князя Меншикова: «...на знаменах, на каждом, по углам изображено по одной литере с короною княжескою, которые [литеры] значат имя Меншикова, а у штаб-офицеров имеются знаки серебряные, на которых наложено под короною княжескою имя его ж, Меншикова; обер-офицерские знаки медные вызолочены, а Меншикова имя наложено серебром; шапки офицерские и грандерские с медными бляхами, вызолочены, а назади изображено имя Меншикова под короною княжескою» (такого рода привелегии, конечно, больше подобают «*владельческим особам*», однако, в качестве князя Священной Римской империи, сей царский любимец имел право на некоторую исключительность). Лишь 31 октября 1729 Военная коллегия приказала «...изображенное на знаменах имя Меншикова вырезать, а вместо того вставить по углам камку приличного цвета, а с офицерских знаков наложенное его ж, Меншикова, имя снять, а вместо того изобразить Его Императорского Величества высокое имя вензелем, а на шапочных задних бляхах сделать медные гранаты с пламеном».²⁹⁵

Указ от 19 апреля 1722 вновь подтвердил запрет на использование черных знамен армейскими полками: «*черным знаменам, кроме лейб-гвардии, ни в которых полках не быть, и в которых ныне такие есть — те переменить из других цветов и впредь таких не делать*».²⁹⁶ Руководствуясь этим указом, 9 сентября 1723 Военная коллегия предписала заменить черные знамена во всех пехотных полках зелеными, поместив на них «*настоящие*» (существующие на тот момент) гербы. Черные полотнища следовало сдать в Мундирную контору или в Комиссариат и, «*разобрав по частям, ежели что из них годится, употреблять в другие знамена*» (из пехотных

полков, на тот момент стоявших под Петербургом, целиком черные знамена имели Черниговский, Вятский и Владимирский, черные с зелеными каймами — Белгородский, «*клинчатые*» красные с черным — один из батальонов Вологодского полка). В начале 1728 вопрос с черными знаменами был решен окончательно. 28 января Военная коллегия не только запретила иметь черные знамена, как в пехотных, так и в драгунских полках, но и приказала при этом убрать со знамен даже отдельные черные фрагменты и заменить их на зеленые.²⁹⁷

Последним распоряжением Петра I о знаменах стал указ от 11 ноября 1724, один из пунктов которого гласил, что полкам будут даны имена и гербы тех провинций, в которых они получают вечные квартиры; если же в провинции расположится несколько полков, «*тем имена дать всем одной той провинции, только различить нумером*».²⁹⁸

В кратковременные царствования Екатерины I (1725–1727) и Петра II (1727–1730) состоялась целая серия указов и распоряжений, касающихся знамен. Первым из них было определение Военной коллегии от 17 июня 1725, фактически дословно повторявшее приведенный выше указ: в полевых и гарнизонных полках предписывалось иметь знамена с гербами тех провинций, где находились их вечные квартиры и, если в одной провинции стояло несколько полков, их знамена следовало «*разномеровать*».²⁹⁹

16 февраля 1727, вместе с общим переименованием армейских полков, Екатерина I утвердила и описание новых знамен. Первое полковое знамя, как и прежде, следовало делать белое, с российским гербом. На ротных знаменах рисовался провинциальный герб или, если провинция не имела герба, — «*имя*» (вензель) императрицы, «*и около имени с цветами*». Если в провинции, обладающей гербом, располагалось несколько полков, в первом полку на ротных знаменах должен был помещаться провинциальный герб, а в других полках — вензель Екатерины с цветами вокруг и номером полка внизу: «*1, 2, 3 полк*». Для всех полков назначались цвета полотнищ и зубчиков у них по краям.³⁰⁰ Несколько дней спустя, 24 февраля 1727, секретарь Военной коллегии Франц Вист объявил членам ее присутствия приказ Меншикова, что императорский вензель и корону следует вышивать шелком, а окружающие их лавры и цветы на поле — писать красками.³⁰¹ Вряд ли хоть один полк успел получить такие знамена, так как 6 мая 1727 Екатерина умерла, а указом от 11 ноября того же года полкам были возвращены их прежние названия «*по знатым городам*».³⁰²

Н.Г. Николаев, ссылаясь на Гербовник, приводит следующее расписание ротных знамен армейских полков, сопровождавшее указ от 16 февраля 1727 (самого Гербовника найти нам так и не удалось).³⁰³

НАЗВАНИЕ ПОЛКА		РОТНЫЕ ЗНАМЕНА		
НОВОЕ	СТАРОЕ	ПОЛОТНИЩА	ЗУБЧИКИ	ИЗОБРАЖЕНИЯ
I. Пехотные полки				
1-й Петербургский	Ингерманландский	красные	белые	герб
2-й Петербургский	Астраханский			вензель
1-й Московский	Лефортовский	красные	желтые	герб
2-й Московский	Бутырский			вензель

НАЗВАНИЕ ПОЛКА		РОТНЫЕ ЗНАМЕНА		
НОВОЕ	СТАРОЕ	ПОЛОТНИЩА	ЗУБЧИКИ	ИЗОБРАЖЕНИЯ
3-й Московский	Сибирский			
4-й Московский	Смоленский			
5-й Московский	Воронежский			
6-й Московский	Рязанский			
7-й Московский	Ростовский			
8-й Московский	Пермский			
Тобольский	Новгородский	красные	белые	герб
1-й Пермский	Владимирский	желтые	белые и красные	герб
2-й Пермский	Санкт-Петербургский			вензель
1-й Владимирский	Нарвский	красные	желтые	герб
2-й Владимирский	Невский			вензель
1-й Рязанский	Казанский	желтые	красные и зеленые	герб
2-й Рязанский	Азовский			вензель
Тульский	Великолуцкий	красные	белые и желтые	вензель
1-й Переяславский	Ярославский	брусничные	лазоревые	вензель
2-й Переяславский	Вятский			
3-й Переяславский	Нижегородский			
1-й Костромской	Троицкий	желтые	алые	вензель
2-й Костромской	Вологодский			
Суздальский	Киевский	алые	белые и желтые	вензель
1-й Калужский	Белгородский	зеленые	лазоревые	вензель
2-й Калужский	Выборгский			
1-й Новгородский	Аларта	лазоревые	красные	герб
2-й Новгородский	Архангелогородский			вензель
3-й Новгородский	Галицкий			
Псковский	Псковский	лазоревые	белые	герб
1-й Ярославский	фон Гагена	желтые	красные	герб
2-й Ярославский	Зыкова			вензель
3-й Ярославский	Московский			
1-й Тверской	Ренцеля	зеленые	желтые	герб
2-й Тверской	Копорский			вензель
1-й Углицкий	Черниговский	померанцевые	зеленые	вензель
2-й Углицкий	Тобольский			
1-й Смоленский	Лассия	зеленые	белые	герб
2-й Смоленский	Кампенгаузена			вензель
Великолуцкий	Шлиссельбургский	зеленые	желтые	герб
II. Драгунские полки				

НАЗВАНИЕ ПОЛКА		РОТНЫЕ ЗНАМЕНА		
НОВОЕ	СТАРОЕ	ПОЛОТНИЩА	ЗУБЧИКИ	ИЗОБРАЖЕНИЯ
Рязанский	Московский	желтые	красные и зеленые	герб
Новгородский	Ярославский	лазоревые	красные	герб
1-й Казанский	Луцкий	зеленые	красные	герб
2-й Казанский	Вологодский			вензель
Смоленский	Архангелогородский	зеленый	белый	герб
Суздальский	Кропотова	алые	белые и желтые	вензель
Углицкий	Невский	померанцевые	зеленые	вензель
1-й Тульский	Петербургский	красные	белые и желтые	вензель
2-й Тульский	Каргопольский			
1-й Нижегородский	Нарвский	красные	белые	вензель
2-й Нижегородский	Олонецкий			
3-й Нижегородский	Новотроицкий			
1-й Алатырский	Троицкий	брусничные	зеленые	вензель
2-й Алатырский	Владимирский			
1-й Арзамасский	Хлопова	зеленые	красные и желтые	вензель
2-й Арзамасский	Киевский			
1-й Свияжский	Казанский	зеленые	алые	вензель
2-й Свияжский	Вятский			
3-й Свияжский	Рязанский			
Пензенский	Ростовский	желтые	лазоревые	вензель
1-й Белгородский	Новгородский	желтые	зеленые	герб
2-й Белгородский	Астраханский			вензель
3-й Белгородский	Пермский			
4-й Белгородский	Ингерманландский			
1-й Тамбовский	Симбирский	осиновые	красные	вензель
2-й Тамбовский	Тверской			
1-й Шацкий	Псковский	красные	осиновые	вензель
2-й Шацкий	Нижегородский			
3-й Шацкий	Азовский			
1-й Севский	Роппа	лазоревые	зеленые	вензель
2-й Севский	Тобольский			
Елецкий	Ямбургский	осиновые	желтые	вензель

Указом от 6 июня 1727 новый император Петр II приказал убрать со знамен вензеля Екатерины и взамен вышить свои, «под тою ж короною, которые ныне, а тех полков знаки (гербы — Авт.) подписывать на тех знаменах по углам».³⁰⁴ Год спустя, 7 июня 1728, Петр указал делать в армейские полки знамена с городскими

гербами, как было прежде: «...в полках знаменам быть с российским государственным гербом и с городовыми [гербами], по которым [городам] полки званиями состоят, и те гербы малевать, а не вышивать. А в полках же, не имеющих городских гербов, до конфирмации Гербовника быть старым знаменам, какие у них доньше были. А в которых полках знамены явятся вовсе негодны, в те сделать однажды под именем Нашего Императорского Величества, а впредь, по конфирмации Гербовника, те знамена строить по городам же».³⁰⁵

Николаев, основываясь, очевидно, на данных всё того же Гербовника, пишет, что в 1728 для полотнищ ротных знамен армейских полков были назначены следующие цвета (в большинстве случаев они совпадают с цветами полей полковых гербов).³⁰⁶

ПОЛОТНИЩА	ПЕХОТНЫЕ И ДРАГУНСКИЕ ПОЛКИ
красные	Бутырский, Великолуцкий, Владимирский, Вологодский, Воронежский, Галицкий, Московский, Невский, Пермский, Ростовский, Санкт-Петербургский, Троицкий, Углицкий пехотные, Лейб-режимент, Владимирский, Вологодский, Луцкий, Московский, Невский, Новотроицкий, Пермский Ростовский, Санкт-Петербургский, Тверской, Троицкий драгунские
лазоревые	Азовский, Астраханский, Белозерский, Выборгский, Ингерманландский, Киевский, Копорский, Ладожский, Муромский, Псковский, Тобольский, пехотные, Азовский, Астраханский, Выборгский, Ингерманландский, Каргопольский, Киевский, Псковский, Рижский, Тобольский драгунские
желтые	Архангелогородский, Рязанский, Ярославский пехотные, Архангелогородский, Вятский, Олонецкий, Ревельский, Рязанский, Ярославский драгунские
белые	Вятский, Казанский, Нарвский, Нижегородский, Новгородский, Сибирский, Смоленский, Черниговский пехотные, Казанский, Нарвский, Нижегородский, Новгородский, Сибирский драгунские
синие	Белгородский, Кексгольмский, Суздальский, Шлиссельбургский пехотные
зеленые	Ямбургский драгунский

Гренадеры, как пешие, так и конные, не имели знамен вовсе. Объясняется это тем, что гренадерские полки были сводными, то есть фактически временно созданными частями, а потому дать им название какого-либо конкретного города и, соответственно, его герб, как всем остальным армейским полкам, не представлялось возможным (по той же причине все гренадерские полки обозначались по номерам либо по именам своих командиров). Исключением стал полк Вейде — в 1715 он получил два знамени, обшитых золотой бахромой (по одному на батальон). В качестве изображения на этих знаменах, вероятнее всего, был либо государственный герб, либо царский вензель (несмотря на то, что полк имел всего два знамени, с 1716 прапорщики и подпрапорщики, за незначительным некомплектом, числились при всех восьми ротах). Двумя годами раньше, в 1713, знамена требовали конные гренадерские полки Кропотова и Рожнова: первый заказал их пять, второй — восемь, но ни тот ни другой, судя по полковым документам, не получили ни одного.³⁰⁷

В. Музыкальные инструменты

Основным музыкальным инструментом в пехоте и у драгун являлся барабан. Пехотные барабаны, как правило, по размеру были больше драгунских (судя по экземплярам из музейных собраний, в 1-й половине XVIII века высота и диаметр деревянного барабана составляли около полуметра).³⁰⁸ Полые барабанные «лукошки» или «кадки» делались из дерева либо меди; первые сплошь расписывали красками, на вторых могли находиться чеканные изображения. Деревянные барабаны, не в последнюю очередь из-за своей дешевизны, получили наибольшее распространение. Нередко в одном полку соседствовали инструменты обоих видов; лишь в 1730-е годы деревянные барабаны были окончательно вытеснены более долговечными и звонкими медными. Точно так же, как знамена, барабаны имели статус полкового имущества и украшались наподобие последних: в начальный период войны на барабанах рисовалась выходящая из облака рука с мечом в окружении пальмовых ветвей, а в 1720-е годы стало обязательным изображение полкового герба.

При помощи деревянных обручей к лукошку крепились две юфтевых козлиных или опойковых кожи: «боевая» верхняя и «подструнная», она же «исподняя». На барабанные «спуски» или «вожжи», скреплявшие собой обручи, было необходимо около восьми саженой пеньковой веревки, пропитанной ворванью; «бунты» (петли) к ним вырезались из сыромятной кожи. Двигая эти петли по веревкам, барабанщик ослаблял либо натягивал кожи, добиваясь нужного звучания. Барабанные струны (при отпуске в полки их считали пучками) посредством железного винта протягивались под нижним обручем и выполняли роль резонатора. Несколько отверстий, проделанных на тыльной стороне кадки, служили для выхода воздуха во время игры (без них барабан бы просто-напросто лопнул). Перед игрой инструмент вешался на кожаную перевязь с металлическим крюком, надетую через плечо. Иногда перевязи барабанов украшали таким же галуном или мишурным кружевом, как мундиры их владельцев. Барабан был довольно тяжелым сооружением. Так, медные драгунские барабаны (речь, по-видимому, идет только о самой кадке), строившиеся в 1720-е годы, весили по 6 фунтов 86 золотников, пехотные — все 10 фунтов).³⁰⁹ Фартуки или занавески для барабанщиков в то время еще, по-видимому, не вошли в употребление — нам во всяком случае упоминаний о них не встретилось.

Барабанные чехлы, как правило, шили из мундирного сукна. Обычно использовались сукна двух, редко трех цветов — основное и, для украшения, немного отделочного: к примеру, красное с зеленым или наоборот. Искать здесь параллели с полковой униформой вряд ли стоит — прослеживающиеся совпадения, вероятнее всего, объясняются тем, что мундирные вещи и барабанные чехлы, особенно во вновь формируемых частях, могли строиться одновременно, из одной и той же партии материалов. Общим у барабанных чехлов со строевым платьем было и то, что подкладкой тем и другим служили холст или крашенина. Иногда, в дополнение к выкладке из приборного сукна, чехлы расшивались шелковым, шерстяным или нитяным шнуром. Верх чехла могла усиливать кожаная «кровля». Так, в 1708 для новоприборного драгунского полка Ивана Давыдова Военный приказ сделал к барабанам 22 суконных чехла, на каждый из которых среди прочего было куплено по четыре аршина крашенины для подкладки, *«да к тем же чехлам, где быть завязкам, и на верхние круги на подшивку ременных завязок желтого сафьяну»*.³¹⁰ Все эти ухищрения в итоге порой приводили к тому, что пошитые и украшенные самым тщательным образом барабанные чехлы — по сути своей чисто утилитарные предметы (точно такие же, как чехлы на знамена и гренадерские шапки) — могли обходиться в сумму,

равную и даже бóльшую, чем целый кафтан.³¹¹ Изредка чехлы к барабанам и знаменным дротикам назывались «чемоданами».

Согласно Ведомости 1724 года, барабанные чехлы и в пехотные, и в драгунские полки следовало делать из красного сукна, с желтыми суконными же городками, крашенинной подкладкой и расшивкой из нитяного шнура двух разновидностей: «пестрого» и белого. На чехол пехотного барабана отпускалось 1 аршин 11 вершков красного сукна, два вершка желтого сукна, 4 аршина 14 вершков крашенины, 17 аршин пестрого и 10 с половиной аршин белого шнура; драгунского — 1 аршин 7 вершков красного сукна, полтора вершка желтого сукна, 3 аршина 14 вершков крашенины, 11 аршин пестрого и 9 аршин белого шнура.³¹² Иногда желтое сукно подменяла того же цвета каразея.³¹³

Гобоисты, состоявшие в полках по числу рот, играли на больших «басовых» и малых «шкантовых» (дискантовых) гобоях с медной оправой. В гренадерских полках гобои могли заменяться флейтами, поэтому музыкантов здесь называли то «флейтичиками», то «гобоистами». Не лишним, пожалуй, будет пояснить, что гобой — это деревянный духовой инструмент с коническим расширяющимся книзу каналом и небольшим раструбом, язычковый по способу звукообразования. Двойной язычок гобоя, именуемый тростью, состоит из двух прилегающих друг к другу пластин тростника (эта деталь требовала довольно частой замены). На корпусе инструмента находится шесть отверстий для пальцев и добавочные клапаны для увеличения диапазона звучания.

В драгунских полках, кроме гобоев и барабанов, было по две медных трубы и, почти в каждом, пара литавр (последние, кстати, вошли в число табельных предметов только в 1720). Внешний вид и размеры кавалерийских труб оставались практически неизменными на протяжении полутора столетий — с середины XVII до конца XVIII — начала XIX веков. Сгибавшийся обычно в полтора витка корпус трубы состоял из раструба, а также нескольких прямых и изогнутых фрагментов (первые сегодня называют «коленами», вторые — «кронами»). Места соединения колен с раструбом и кронами закрывали накладные трубки; ту из них, которая располагалась между раструбом и последующим коленом, благодаря ее характерной форме, именovali «яблоком». Воздух в инструмент музыкант вдвухвал через съемный мундштук. Отличительная черта труб так называемого «барочного типа» — обилие декоративных украшений, свойственное этому стилю: раструб и накладки нередко сплошь покрывались гравировкой, кроме того, на раструбе, помимо нее, могло быть еще несколько декоративных накладок.

Литавра — с виду несколько похожий на барабан ударный инструмент — представляет собой медный с округлым днищем котел, жерло (отверстие) которого закрывает «боевая кожа», натянутая на железный обруч, прикрепленный к корпусу котла с помощью нескольких шурупов. В редких случаях литавры делались из серебра, но в русской армии 1-й трети XVIII столетия такие практически не встречаются. Наверное, единственные серебряные литавры были в Лейб-шквادرоне князя Меншикова, захваченные в сражении под Полтавой (прежде они принадлежали шведскому Лейб-регенту, получившему их за победу над польско-саксонскими войсками под Клишовым в 1702).³¹⁴ В строй литавричик вывозил инструмент на собственной лошади, укрепив «литавренные горшки» по сторонам седла, около передней луки; снизу под литавры подкладывались «телятинные» подушки.

Снаружи корпус литавр закрывали камчатые, тафтяные или суконные завесы, богато украшенные позументом, «писанные» золотом и серебром (стоять такие

завесы могли не меньше, чем знамя). Необходимой принадлежностью трубы был шнур с кистями, который трубач надевал себе через плечо, чтобы случайно не уронить инструмент. Иногда, помимо шнура, трубы украшались еще и завесами. Однако, если для литавр завесы были практически неотъемлемой деталью, то упоминания о завесах к трубам довольно редки. Вероятно, как и в позднейшее время, полотнища знамен, литавренные и трубные завесы могли делаться из одного и того же материала и сходным же образом украшаться. В конце 1710-х годов некоторые драгунские полки вместо труб стали приобретать валторны.

с. Лагерь и лагерные принадлежности

К категории *«лагерных принадлежностей»* относились палатки, ружейные пирамиды, церковные и барабанные наметы — словом, всё то, что заменяло в поле жилища и хозяйственные строения. Все эти вещи шили из холста или полотна.

Одна палатка приходилась на четыре или шесть человек. В 1711 Военный приказ, отвечая на запрос Ингерманландского полка, писал, что *«в прошлых годах»* на каждую палатку *«без пол с ветреницею»* выходило 115 аршин холста, 20 сажен веревки, *«пятинка»* ниток и *«на подкладку угольников пол-юфти кож коневых урезков»*. А вот крашенину *«на расшивку»* и *«покроми»*, которые ингерманландцы требовали вместе с прочими материалами, приказ давать отказался, так как раньше их *«в полки из Москвы не посылалось»*.³¹⁵

Ружья в лагере ставились в холщовые пирамиды с деревянными *«подсошками»* (древками), кожаными *«шляпами»* наверху и вошчаными *«епанчами»* (полами). Согласно Табели 1712 года, на роту пехотного полка было положено четыре пирамиды, в каждую из которых, таким образом, помещалось 36 солдатских ружей.³¹⁶ По указу от 11 ноября 1724 количество пирамид в пехотном полку сократили наполовину — с 32 до 16 штук. В драгунских полках, как гласил этот указ, ружейных пирамид *«никогда не бывало»*.³¹⁷

Каждая палатка, сделанная для Преображенского и Семеновского полков в 1712, весила от 35–38 фунтов до пуда (примерно 14–16 килограмм), десятков ружейных пирамид — 1 пуд 19 фунтов.³¹⁸ Следует иметь в виду, что палатки и пирамиды давались от казны только на рядовых солдат и капралов; штаб-, обер- и унтер-офицеры обеспечивали себя всем необходимым самостоятельно. В 1718 Военная коллегия приказала делать *«всех штаб-офицеров палатки на один образец, капитанским всем же — на одну статью, поручиковым и подпоручиковым тож — все под одну статью, против образцов, которые пришлются впредь»*.³¹⁹

Церковный или, как его иногда называли, *«крестовый»* намет разбивался на месте богослужения. В 1719 в Ингерманландском пехотном полку был *«намет церковный яринный, с четырьмя полами, на нем и на полах пробоины есть, в иных местах и погнило. При нем два креста железных да три главы деревянных»*.³²⁰ Барабанный намет, судя по всему, отличался от церковного меньшим размером и, естественно, отсутствием православных крестов наверху. Указ от 11 ноября 1724 отметил в драгунских полках барабанные наметы, *«понеже барабаны всегда бывают при знаменах по-ротню»*.³²¹

Церковная утварь в число казенных вещей не входила. Каким будет убранство полковой церкви, судя по всему, зависело исключительно от благочестия самих военнослужащих. К примеру, в Нарвском цейхгаузе с 1714 хранилось следующее церковное имущество Шлиссельбургского и Копорского пехотных полков:

«Из Шлиссельбургского полку, по ведомости майора Фустова, принято церковной утвари:

Церковный намет яринный новый, подбой — полосатая пестрядь, полы — яринные ж, под полами подбой — полосатая ж [пестрядь]. Алтарь яринный; подбой такой же, полосатый, царские двери — по камке голубой. Местные иконы — четыре рамы и деисусы,верху образ — знамение пресвятыя Богородицы по такой же голубой камке. Образ Владимирские Богородицы в киоте, без оклада. С престола срачица холицовая. Индития выбоичатая бумажная, на ней крест камчатый голубой. На жертвеннике одежда выбоичатая бумажная, крест красный саржевый. Евангелие с евангелисты медными позлащенные. Крест деревянный в ковчеге. Ризы белые парчовые, травы золотные маленькие; оплечья голубые штофовые, травы серебряные; подбой кумачный красный. Ризы выбоичатые бумажные, оплечья парчовые желтые травчатые, подбой пестрядинный крашенинный. Стихарь рубковый белый, опушка тафтяная красная. Завеса церковная алая стамедная. Книги: одна треодь постная, одна псалтирь следованная, одна минея общая, один ахтай, один гермологий, один требник, одна минея праздничная. Потир оловянный. Звезда оловянная. Блюдечко оловянное. Лжица серебряная маленькая, другая оловянная. Копие железное. Три воздуха парчовые белые, травочки золотные маленькие; опушены штофом голубым, травы серебряные; подложены тафтою красною. Два литона камчатые голубые. Антимис. Поручи парчовые белые, травочки золотные; опушка голубая, травы серебряные. Епитрахиль камчатая голубая, опушка парчовая, травочки золотые маленькие. Пояс шелковый рудожелтый, с кистями зелеными. Кадило медное чеканное луженое. Чаша водоосвященная медная луженая. Укропник медный луженый. Колокольчик маленький весом фунт. Крест, что с церкви, железный золоченый. Яблоко деревянное золоченое. Два аналая, обиты кожею. Престол деревянный складной.

...из Копорского полку принято, по ведомости за рукою майора князя Вяземского, церковной утвари:

Палуба церковная, в ней утварь церковная ж, одна. Церковные местные иконы и деисусы, и царские двери — писаны по зеленой тафте золотом и серебром, три. Одна завеса у царских дверей тафтяная красная. Три одежды на престоле и на жертвеннике выбоичатые, нашит крест мишурою, в исподи — полотняная. Одни сосуды оловянные. Дисклос с покровцы выбоичатые, с подзоры тафтяными красными. Одно Евангелие с евангелисты медными позолоченными; под ним две пелены: одна выбоичатая, другая тафтяная. Один ящик, в нем: антимис полотняный, одна чаша водоосвященная медная луженая, один финик, один укропник медный; одни ризы зеленые тафтяные новые, оплечье — парчи шелковой; один пояс; двои поручи: одни выбоичатые, другие с позументом красные; один подризник полотняный белый, один апостол, одна треодь постная, два охтая на восемь голосов; два аналая, обиты кожею ветхою; два подсвечника деревянные, один фонарь жестяной. Одна церковь крашенинная кирпичная (кирпичного цвета — Авт.), подбой выбоичатый. На ней намет яринный зеленый и с полами».³²²

В Ведомости 1724 года подробно перечисляются все материалы, необходимые для постройки наметов, палаток и ружейных пирамид:

«Намет церковный холицовый и с полами, в который походит: холста — 500 аршин, тесем нитных — 359 аршин, на колпаки и под веревки — одна кожа яловичья, веревок пеньковых — 360 аршин, ниток — 3 пятинки... Намет барабанный же холицовый, с полами, в который походит: холста — 159 аршин $\frac{3}{4}$, тесем

нитных — $91\frac{3}{4}$ аршин, на колпаки и под веревки — пола кожи конинной, веревок пеньковых — 64 аршина, ниток — 1 пятинка... Палатка холицовая, в которую походит: холста — 120 аршин, тесем — 12 аршин, на колпаки и под веревки — пол-полы кожи яловичной, веревок пеньковых — 48 аршин, ниток — 1 пятинка... Пирамида с шляпою, из холста, обвощенная, с кольца железными, шляпа из подошвенной кожи, с пришивкою подзора из кожи яловичной, с крюки железными». ³²³

В 1729 палатки было велено шить из равендучного полотна и давать их в полки сроком на пять лет. 13 августа 1729 приказчик директора Полотняной фабрики Ивана Тамеса Иван Козмин и компанейщики Федор Подсевальщиков с товарищами «объявили, что они из равендучного полотна палатки готовые ставить будут, токмо к образцовой палатке сделали они ветреницы из русского холста шириною по двенадцати вершков, а такой ширины холста довольно числа сыскать не могут, и чтоб оные ветреницы делать им шириною в десять вершков, как и в прежних образцовых палатках ширина ветреницам поставлена. И собрание (Военной коллегии — Авт.) приказали: поставку тех палаток отдать им в подряд и ветреницы делать в десять вершков». ³²⁴ Образцовая палатка обошлась ровно в три рубля: 31 аршин 12 вершков равендука стоили 2 рубля 54 копейки, 16 аршин русского холста «на ветреницы вокруг» — 24 копейки, 12 аршин тесьмы — шесть копеек, веревки — три копейки, кожи — две копейки, нитки — копейку, шитье — 10 копеек. ³²⁵ Стоили такие палатки на рубль дороже прежних, однако прослужить они могли почти в два раза дольше и, кроме того, меньше весили — холст и обычное полотно, чтобы сделанные из них палатки не пропускали влагу, приходилось складывать вдвое, тогда как равендучное полотно этого не требовало.

«Для варенья яств» в каждой роте состоял железный или медный котел на ножках, полуженный оловом внутри. В некоторых пехотных полках небольшие медные котлы выдавались на каждые шесть человек.

При длительной остановке вблизи от неприятеля, войско разбивало лагерь. Место для него следовало выбирать недалеко от воды и леса и, по возможности, так, чтобы фланги и тыл были прикрыты естественными преградами: например, рекой или болотом. Внутри лагеря войска располагались точно таким же образом, как во время боя — в три линии. Первые две состояли из пехоты и конницы, третья отводилась артиллерии. Если лагерь разбивался на равнине и не имел позади естественных преград, часть пехоты и кавалерии становилась за третьей линией, тылом к лагерю, а лицом к полю. Вокруг всего лагеря были отводные караулы. Иногда лагерь представлял собой настоящую крепость — «в опасении от неприятеля» он ограждался ретраншементами, бруствером из фашин и земли, рвом, а иногда еще отдельными редутами и фланками.

По Воинскому уставу 1716 года между линиями следовало оставлять промежутки не менее 300 шагов, чтобы свободно расположить за линиями офицерские палатки и обозы, а перед линиями — по крайней мере 30 шагов свободного места для построений. В пределах линии на каждый эскадрон отводилось 40–60 шагов, на батальон — 70–80, на расстояние между эскадронами и батальонами — 20–30, на полковые улицы — 50. Ротные палатки ставились в два ряда, на два–три шага друг от друга, выходом в сторону к «большим» улицам (по Табели 1712 года в пехотном полку было 200 палаток, в драгунском — 160, по одной на шесть человек рядовых и капралов). В холодное время года вместо палаток в таком же порядке строили

бараки. Ружейные пирамиды, знамена и барабаны располагались «у фронта»; полковая артиллерия, патронные и гранатные ящики — «со флангов полку».

Драгуны сооружали для своих лошадей шалаши, по два ряда на каждые 100 голов. Длина одного ряда составляла 200 шагов, ширина — 10; на одну лошадь в ряду, таким образом, приходилось всего четыре шага. Располагались эти шалаши между двумя рядами палаток, «и надлежит лошадям головою к палаткам... поставить, дабы каждый [драгун] мог всегда свою лошадь смотреть». Между лошадью и палаткой был промежуток в пять шагов, между двумя рядами лошадей — 20. Отдельное место в лагере отводили для маркитантов.

Скопление массы людей на ограниченном пространстве легко приводило к возникновению разного рода эпидемий. Отхожие места, вырытые в нескольких сотнях шагов позади лагеря, регулярно, не реже, чем через четыре–пять дней, засыпались землей и заменялись новыми; оставлять в неположенных местах нечистоты, резать скотину, а также мыть и поить лошадей в источнике питьевой воды, запрещалось под угрозой «жестокое наказания».³²⁶

d. Обоз

По Табели 1712 года каждая рота пехотного и драгунского полка имела шесть четырехколесных «палубных» (крытых) телег, служивших для перевозки и хранения казенного имущества и личных вещей нижних чинов, а также два патронных или, как они назывались по-другому, «ротных» ящика. В гренадерских ротах, кроме того, полагалось содержать по два «гренадерских» ящика для гранат. На практике многие полки обходились всего одним патронным ящиком на роту (гренадеры — одним патронным и одним гранатным ящиками), что и было узаконено Табелью 1720 года.³²⁷

До 1712 казенный обоз, по-видимому, был несколько меньше. В полках также состояли патронные и гранатные ящики и «фурманные телеги», причем последних в 1707 на каждую из девяти рот пехотного полка считалось всего по три.³²⁸

Строились телеги и ящики из соснового дерева, при полках, на выданные от казны деньги. Известно об этих вещах довольно мало. В 1719 1-й гренадерский полк (Бильса) имел в восьми своих ящиках «полный комплект» патронов: 59.840 — с пулями и 23.040 — картечью; следовательно, каждый ящик этого полка вмещал 7.480 пулевых и 2.880 картечных патронов. Для предохранения ящиков от влаги к ним делали холстинные или полотняные чехлы; нередко для этого использовали старые палатки и ружейные пирамиды. Ингерманландский пехотный полк в 1719 имел ящики, покрытые шкурами.³²⁹ Красились ящики и телеги в красный цвет, колеса им оковывали железными шинами, а колесные дуги смазывали дегтем. В октябре 1718 Военная коллегия предписала, чтобы «ящики пушечные и патронные во всех полках... сделаны были на одну стать и подписаны б были в полках на тех ящиках на одной стороне герб, а на другой имена тех полков и нумер которых рот. Полковым телегам во всех же полках надлежит под одну же стать сделанным быть».³³⁰ Впрочем, приказ об изготовлении «образцового фурмана» для драгунских и пехотных полков Кригс-Комиссариат получил лишь в январе 1723.³³¹

В августе 1724, когда потребовалось установить размеры построек на вечных квартирах, Военная коллегия определила и общие размеры полковых фурманов и патронных ящиков: «...фурман мерою: в длину, без оглобелей, — 4 аршина; в ширину, с колесами, — 2 аршина с четвертью. Ящик патронный: в длину и с оглоблями — 4 аршина 3 вершка; шириною, с колесами, — 2 аршина с четвертью».³³²

Кроме палубных телег, патронных и гранатных ящиков, в каждом полку были не входившие в число табельных вещей телеги или ящики для аптеки, «*письменных дел*», церковной утвари и казенных денег. Лекарей и ящики с лекарствами давал в полки Аптекарский приказ. В 1712 в двух ящиках раскасованного Устюжского пехотного полка явилось: «...в первом большом ящике — 47 скляниц с жидким и густым лекарством, 34 скляниц порожних, 3 зеленушки с лекарством, в том числе 2 раздавлены, да 2 порожних, 19 труб, да 10 бумажек пластырей початых, 1 ком квасцов; в другом ящике — 6 узлов с разными травами, да 3 штуки пластыря черного, да ветожки на пластыри».³³³ Изготовление ящика для полковых документов, а равно приобретение к нему лошадей, было заботой самого полка. Ящик для церковной утвари, по-видимому, давал Монастырский приказ, а ящик для денежной казны — Кригс-Комиссариат.

К телеге полагалось четыре лошади, к патронным и гранатным ящикам — по две. В 1724 в каждый драгунский полк было прибавлено две лошади под полковую церковь, одна — под полковую канцелярию, четыре — под «*шведскую*» кузницу.³³⁴ На каждую подъемную лошадь отпускались: ременная узда из сыромятного товара с железными удилами русского образца, недоуздок, шоры и попона. Последняя обычно делалась из рогожи или старых палаток. К ящичным лошадям, кроме этого, выдавали еще специальные «*ящичные*» седла с пеньковыми подпругами и пристругами, стременами с путлищами, пахвями, а также потник (войлок) с кожаной крышкой. Для экономии полковых средств «*ящичные*» седла нередко заменялись обыкновенными драгунскими (старыми или негодными).

е. Шанцевые и мастерские инструменты

Помимо оружия, солдаты и драгуны постоянно носили при себе шанцевый инструмент, необходимый как для фортификационных работ, так и для хозяйственных нужд во время похода. В 1706 на Пушечном дворе в Москве делались железные лопатки, кирки и мотыги «*против шведского образца*», со стальным «*укладом*» на концах.³³⁵ Согласно Табели 1712 года, в каждом пехотном полку следовало иметь 200 топоров, 80 железных лопаток с кожаными нагалищами (чехлами), «*дабы возможно было по случаю солдатам нести на себе*»; 80 кирок и мотыг. У драгун на 1.000 строевых чинов (все унтер-офицеры, капралы и рядовые) приходилось 800 топоров, 100 железных лопаток и 100 кирок.³³⁶ Табель 1720 года еще больше увеличила количество шанцевого инструмента: на пехотный полк было положено 200 топоров, 288 лопаток, 288 кирок и мотыг; на драгунский — 1.000 топоров с наторниками, 240 лопаток (одна на четырех рядовых драгун) и 50 кирок.³³⁷

Отдельную группу вещей составляли «*мастерские*» инструменты — кузнечная, слесарская, плотничная «*снасть*» — железные наковальни, кузнечные меха, стуловые и ручные тиски, большой и малой «*рук*» (размеров) молоты, топоры, скобели, долота, пилы, клещи, винтовальные доски, струги, буравы, «*напарья*» (такой же инструмент, как бурав, но меньшего размера), сверла, «*колесные напарья*» (дрели?), терпуги и др.; по Табели 1720 года на драгунский полк была положена одна «*шведская*» кузница.³³⁸

Одни инструменты и сегодня имеют те же самые названия, что в начале XVIII века, другие — обзавелись новыми; многие из этих слов теперь забыты и встречаются только в старинных «*лексиконах*». Приведенные здесь определения взяты из «*Словаря Академии Российской*», выходившего с 1789 по 1794.

Скобель — *«орудие железное с лезвием, скобе подобное, употребляемое для глажения, для скобления шероховатых досок, брусков и проч., у которого на загнутые в одну сторону концы насажены деревянные рукоятки».*

Винтовальная доска — *«орудие стальное, на коем многие находятся дыры разной величины, с острым внутри нарезом, посредством которого делаются всякого рода винты».*

Струг, стружок — *«орудие, столярами употребляемое, состоящее из деревянной колодки, по середине коей отверстие, в которое вкладывается плоское железко с одного конца заостренное и прикрепляемое клином; служит для глажения дерева».* Сегодня этот инструмент называется «рубанком».

Бурав, буравок, буравчик — *«орудие стальное разной величины, имеющие острый конец, наподобие винта изогнутый, которым проверчивают дыры на дереве».*

Терпуг, терпужок — *«железная с рукоятью полоса, имеющая частые насечки или зубья, шипиками лежащие вкось и поперек, служащие для спиливания или сдиранья с чего неровностей».* Сегодня этот инструмент называется «напильником».

Точные очертания вышеперечисленных вещей сегодня неизвестны. Нам удалось обнаружить описание лишь одного предмета: в апреле 1719 царь приказал делать *«круглые лопатки железные, против показанного образца, без скобок, только б была трубка сварная длиннее прежних, и толщиною была б от [т]рубки с середины потолще прежних».* Старый образец *«с глухою трубкою»*, данный в 1718, был найден тяжелее и дороже нового.³³⁹

f. Полковая артиллерия

При каждом батальоне пехотного полка состояла одна трехфунтовая пушка — самое малое артиллерийское орудие по европейской классификации. В России, впрочем, незначительными партиями отливались пушки еще меньшего калибра: двух-, полутора- и однофунтовые (известно, что на Московском пушечном дворе было сделано 10 полуторафунтовых пушек в 1702, 12 однофунтовых и две двухфунтовых в 1704).³⁴⁰ В 1705 несколько полков, отправленных в Польшу на помощь Августу II, получили по две пушки на батальон, но в дальнейшем такого увеличения полковой артиллерии не практиковалось. Следует иметь в виду, что полковые пушки, их прислуга и лошади не входили в штат полка и были только прикомандированными к нему, продолжая числиться в артиллерии.

По вопросу типологической принадлежности полковой артиллерии единого взгляда на протяжении всего XVIII века, кажется, так и не сформировалось: одни авторы книг и наставлений по артиллерийскому делу, принимавшие за главный критерий вес орудия, считали ее особой разновидностью полевой артиллерии; другие, ставя во главу угла функциональное назначение, выделяли в самостоятельную категорию, наравне с артиллериями крепостной, осадной (она же — батарейная или раскатная) и полевой. Обе точки зрения выглядят достаточно обоснованными.

Пушечный ствол отливался из меди, а точнее — сплава из десяти частей меди разных сортов (красной, желтой, колокольной) и одной части олова. Этот «состав» был наиболее популярен, но вообще рецептов с разными вариантами соотношений вышеназванных материалов существовало множество. Допускалось также делать пушки из чугуна и железа, однако ни те, ни другие в полки не поступали, так как получались гораздо тяжелее медных, а железные, кроме того, были еще подвержены ржавению (в основном орудия чугунного и железного «литья» защищали города и крепости — на стационарных позициях масса не играла большой роли). Уже в

XVII веке, после ряда опытов, стало известно, что оптимальная длина трехфунтовой полковой пушки должна равняться ее 16–18 калибрам, а вес — примерно 17 пудам. Впрочем, это в теории, а на практике орудийные стволы даже одной партии могли довольно существенно разниться между собой. Так, трехфунтовые пушки *«нового образца»*, отлитые в 1706, весили по 9, 10, 13 и 17 пудов.³⁴¹

Здесь необходимо пояснить, что калибр и само название орудия определялись по весу его снаряда, то есть трехфунтовая пушка стреляла ядрами весом в три фунта, шестифунтовая — в шесть фунтов и так далее. Калибр служил и единицей измерения — это значит, что размеры ствола, лафета и всех остальных деталей орудия определялись, исходя из диаметра канала его ствола. Как было сказано в одной из книг по артиллерийскому делу, *«через слово «калибра» выразумеемся вся широта дула или величина ядровая, купно со принадлежащим ее... зазором»*.³⁴²

Образцы орудийных стволов менялись неоднократно. Крупные партии полковых пушек *«нового манеру»* были отлиты в 1701, 1706 и 1708; существенно пополнить артиллерийский парк потребовалось после неудачного Прутского похода. В 1730-е годы большинство состоявших при полках пушек было сделано по чертежу, который генерал-фельдцейхмейстер Иоганн Гинтер утвердил в 1728.

Внешний вид и пропорции орудийного ствола хорошо известны. Любой пушечный ствол состоял из трех основных колен или частей: *«донной»* (она же *«грунтовая»* или *«казенная»*); *«вертлюжной»* (или *«ушейной»*) и *«дульной»*; на донную часть приходилось $\frac{2}{7}$ всей длины ствола, на вертлюжную — $\frac{1}{7}$, на дульную — $\frac{4}{7}$. В донной части, где происходил взрыв порохового заряда, толщина стен равнялась одному калибру; в дульной, на которую давление пороховых газов действовало слабее, — $\frac{1}{2}$ калибра. Полковые пушки, впрочем, обычно делались несколько тоньше и короче *«простых»* пушек стандартной пропорции, для уменьшения массы. Иоганн Бухнер, автор книги *«Учение и практика артиллерии...»*, напечатанной в 1711, дает следующее определение: *«...полковые пушки суть те, которые токмо в 14 даже и до 16 калибров длиною бывают; и назади над запалом либо полтретья (два с половиной — Авт.) и $2\frac{1}{3}$ или токмо два калибра толщины имеют, и по иным частям утонены суть; и имеют из них многие, а особо последние, заостренные камеры, а немногие суть обыкновенною толстотою соделаны. Стреляют же из них 3-, 4- и 6-фунтовые железные ядра, жеребьи и картечи, из 6-фунтовых же — и гранаты»*.³⁴³

Но вернемся к описанию пушечного ствола. Утолщение позади донной части, или же *«зарядное дно»*, называлось *«торелью»*. Конец дульной части усиливало так называемое *«дульное возвышение»* — конусообразное утолщение стен ствола, предохранявшее дульный срез от разрушения ударами вылетающего снаряда (диаметр снаряда был меньше диаметра канала ствола, поэтому при выстреле снаряд двигался в стволе скачками, ударяясь о стены). По бокам ствола, на вертлюжной части, находились *«вертлюги»* (они же *«уши»*, *«ручки»*, *«цапы»* или *«цапфы»*) — два небольших цилиндра, которыми ствол крепился к лафету; располагались они с таким расчетом, чтобы лежа на лафете донная часть немного перевешивала дульную. Помимо цапф, на вертлюжной части, на ее верхней стороне, были две параллельные скобы, именуемые *«дельфинами»*. Эти скобы, а также расположенный на торели *«грозд»*, *«винград»* или *«яблоко»* — шарообразный или шишковидный прилив — служили опорными точками при снятии ствола с лафета. *«Запалительная дыра»* (запавочное отверстие), через которую воспламенялся заряд в стволе, высверливалась под прямым углом, в самом конце донной части. Снаружи ствол украшали

многочисленные «пояса» или «фризы», зрительно сглаживающие переход одной части ствола в другую; функционального значения они не имели. На донной части, как правило, отливались различные изображения и надписи, чаще всего — год изготовления ствола, государственный герб или императорский вензель. Майор Витвер, в 1726 представивший московской Артиллерийской конторе чертежи трехфунтовых пушек *«нового манеру»* длиной в 18–20 калибров, предложил отливать на них гербы *«по городам полков звания, дабы без конфузии можно отпускать и в магазинах знать, которого полка пушка»*.³⁴⁴

Стреляла пушка ядрами и картечью. Ядро представляло собой железный, чугунный или свинцовый шар; картечь — снаряд с дробью из тех же материалов. Существовали две разновидности картечи: «насыпная» и «обвязанная» (она же, видимо, «деревянная»). В первом случае дробь помещалась в наглухо запаянный «стакан» из «единачной» (одинарной) листовой жести с прибитым к нему деревянным поддоном (такой стакан назывался также «картуз» или «патрон»); между рядами дроби внутри стакана иногда насыпали немного деревянных опилок. Обвязанная картечь считалась наиболее эффективной, да и сделать ее в полевых условиях было гораздо проще: выточенный из дерева поддон со стержнем посередине и уложенный на нем в несколько рядов заряд дроби помещали в холстинный мешок; снаружи такая картечь плотно обвязывалась нитками, а затем обмазывалась смолой. Вес порохового заряда для обычного выстрела равнялся половине веса снаряда (для трехфунтовой полковой пушки это полтора фунта). При стрельбе на дальние дистанции или по укреплениям допускалось увеличивать количество пороха до трех четвертей веса снаряда, а при нехватке боеприпасов, наоборот, — сокращать до трети. Для скорости заряжания нужная мера пороха и ядро помещались в «скорострельный мешок» (картуз) продолговатой формы, сшитый из армяка; внутри такого картуза порох и снаряд разделял деревянный «шпигель» или «зерцало» — поддон, плоской стороной обращенный к пороху, а вогнутой к снаряду. Картуз с порохом и картечью вкладывались в ствол по отдельности. С пороховым зарядом обычного веса трехфунтовая пушка прицельно стреляла ядрами на дистанцию примерно в 100 саженей, картечью — от 50 до 100. Вообще же, гладкоствольная пушка могла выстрелить практически чем угодно: в случае нужды ядра делали из осколков камней, залитых в свинец, а дробь заменяли сеченым железом, ружейными пулями и просто черепками...

Для изготовления лафетов, передков и колес требовалось прочное дубовое дерево. Лафет состоял из нескольких основных деталей: две боковые или же «станочные» доски, между которыми располагался оружейный ствол (у трехфунтовой пушки они должны быть толщиной не менее трех дюймов), назывались «стены» или «щеки»; распорки, скреплявшие собой стены, — «связи», «брусы», «засовы» или «подушки». Последних, как правило, было три: «передняя» или «чельная», находящаяся под цапфами; «средняя», на которую ложилась донная часть ствола; и «хвостовая», соединявшая задние части стен. Нижняя часть лафета, становившаяся на землю после снятия пушки с передка, именовалась «хвостом» или «хоботом». Снизу к стенам крепилась колесная ось. Наиболее уязвимые части лафета, такие например, как выемки для цапф, места соединения стен и оси, верхние и хвостовые части станин, оковывались железными «досками» (полосами); кроме того, каждую из стен охватывали несколько железных обойм, а связи и некоторые другие места стягивались болтами. Прибитые на стенах железные кольца служили для крепления веревок от упряжи, крюки — для укладки оружейных принадлежностей (банника, шufлы). На передней связи, с наружной стороны, могла быть короткая цепь в два—

три звена с висящим на ней крепким железным крюком; уцепив веревки за этот крюк, расчет перемещал пушку во время боя.

Передок — устройство, предназначавшееся для перевозки орудия, — представлял собой ось с двумя колесами, дышлом и вертикально стоящим посередине оси стержнем-сердечником, который продевался в отверстие на хвостовой подушке лафета. Колеса передка следовало делать немного меньше пушечных, для лучшей устойчивости взятого на передок орудия — при сильном подъеме лафета ствол мог уткнуться в землю.

Конструкция колеса также была вполне стандартной. Массивная центральная часть, надевавшаяся на ось и вращавшаяся вокруг нее, называлась «*ступницей*». Колесный обод состоял из шести «*косяков*», каждый из которых соединялся со ступицей двумя спицами; общее число спиц, таким образом, равнялось 12-ти. Снаружи на обод колеса накладывали несколько, обычно три или шесть, железных «*шин*» (полос), оставляя между ними небольшие промежутки. Иногда, для бóльшей надежности, на стыки косяков набивались железные обоймицы, а на середины шин — облучки. Чтобы колесо не соскакивало с оси, в конец последней вставлялась железная чека. У трехфунтовой пушки начала XVIII века высота готового колеса составляла 16 калибров.

В России некоторое время, предположительно с 1706, использовались лафеты иной конструкции: короткий станок с прямыми стенами размещался на двухколесных дрогах с двумя длинными станинами, служившими одновременно в качестве оглобелей. Передка к такому лафету не требовалось. Впрочем, в том же 1706 на московском Пушечном дворе к трехфунтовым пушкам делали «*передние*» и «*задние*» (то есть передковые и лафетные) колеса.³⁴⁵ По артиллерийскому «*Анштальту*» (штату) 1723 года к полковым пушкам полагались стандартные лафеты с передками. Зимой пушечные станки, по-видимому, могли ставиться на сани. Так, в 1703 в Новгород было отправлено 54 саней «*под пушки, с дышлы, окованы железом*».³⁴⁶

Крытый двухколесный ящик из соснового дерева, в котором возили боеприпасы, назывался «*скорострельным*», «*зарядным*» или «*картузным*»; внутренность ящика разгораживалась досками на квадратные «*гнезда*» по числу зарядов. На одну полковую пушку приходилось два таких ящика; согласно артиллерийскому Анштальту 1723 года, каждый из них вмещал 120 зарядов с ядрами и 30 с картечью. Помимо самих зарядов, в ящики клали также палительные свечи и скорострельные трубки. По традиции еще XVII века, лафеты, передки и зарядные ящики русской артиллерии красились в красный цвет. Крышки ящиков, для предохранения зарядов от влаги, покрывали вощенным холстом, парусиной или кожей. Кроме того, отдельным жестяным «*патроном*» (футляром) был накрыт каждый заряд.³⁴⁷ Запас пороха возился в обшитых кожей бочках.

Приспособления, с помощью которых заряжали, наводили и чистили пушки и мортиры, по своей главной функции именовались «*заряжательными*», «*зарядными*» или же «*нарядными*» орудиями; позднее их стали называть «*артиллерийской принадлежностью*». Каждой пушке были необходимы банник, набойник (он же — забойник или прибойник), трещотка, пыжовник, шуфла, дубовые клинья, два ганшига и цеп. Набойник выполнял ту же функцию, что ружейный шомпол — уплотнение помещенного в ствол заряда. Банником канал ствола очищался от порохового нагара. И набойник, и банник имели форму цилиндра, равного по ширине диаметру снаряда и обычно крепились по концам одного древка; банник обивался бараньей шкурой или, что встречалось реже, усаживался щетиной на манер

бутылочного ерша. Трещотка или скребок — еще одно приспособление для чистки канала ствола — выглядела как V-образная пружинящая железная вилка с перпендикулярно укрепленными на ее концах полукруглыми пластинами; как большинство пушечных принадлежностей, трещотка крепилась на длинное древко. Если картузы заканчивались, порох в ствол вкладывали шуфлой — свернутым из листовой меди или жести совком на древке; величина шуфельной «ложки» соответствовала мере порохового заряда. Невыстреливший картуз (или, если пушка была заряжена по отдельности порохом и снарядом, то пеньковые пыжи) извлекали из ствола с помощью пыжовника — заостренного железного штопора или шурупа на древке. Клинья предназначались для вертикального наведения орудия; подложенные под заднюю часть ствола, они поднимали или опускали его до нужной высоты. «Ганшпигом» назывался деревянный рычаг, служивший для поворота орудия в горизонтальной плоскости; для применения концы ганшпигов вставляли в специальные железные скобы на хвосте лафета. Цеп представлял из себя два соединенных коротким ремнем древка, одно из которых оканчивалось банником, а другое — набойником. Подобные цепи широко применяли в корабельной артиллерии, так как ограниченное пространство орудийных палуб не позволяло свободно действовать обычными «принадлежностями». К полковым пушкам, цепи, видимо, давались в расчете на то, что орудие может быть поставлено в некоем укрытии наподобие редута или шанцев, где также не окажется достаточно свободного места.

Для выстрела в ствол орудия вкладывался «скорострельный» картуз с определенной мерой «пушечного» пороха, ядром или картечью; набойником проталкивался до дна ствольного канала и прибивался. Далее через запальное отверстие в стволе картуз протыкали железной или медной «затравной» иглой, а затем вставляли туда начиненную пороховой мякотью «скорострельную» тростниковую трубку с деревянной чашечкой на верхнем конце; когда трубки заканчивались, в запальное отверстие просто насыпали порох. По команде трубка поджигалась тлеющим фитилем, зажатым в пальнике — длинном древке с железными щипцами на конце. В дождливую и ненастную погоду пальник заменяла «палительная» свеча — бумажная гильза с горючим составом; одной такой свечи должно было хватить на семь выстрелов. После выстрела тлеющие в стволе остатки картуза гасились смоченным в уксусе банником, а затем вычищались наружу трещоткой. Если картузы заканчивались, в ствол по очереди клали порох; свернутый из пеньки, войлока или, на худой конец, соломы пыж; снаряд (ядро со шпигелем или картечь) и второй пыж сверху. При стрельбе ядрами, раскаленными на огне, вместо обычного пыжа поверх пороха клался слой дерна, либо завернутые во влажную тряпку ком глины или толстая деревянная шайба. Орудие, раскалившееся от длительной стрельбы, обкладывали тряпками, «волосяными покрывалами» или овчинами, пропитанными уксусом или человеческой мочой.³⁴⁸

Как видно, по своему устройству и принципу действия артиллерийские орудия ничем не отличались от ружей и пистолетов (собственно, все различия в конструкции между пушкой и ружьем были вызваны лишь разницей в массе ствола). Многие ружейные и артиллерийские принадлежности имели похожее устройство и даже одинаковое название, да и в основных деталях артиллерийских орудий и ручного оружия было немало общего. К примеру, «пушечный станок» (лафет) играл ту же роль, что ружейная ложа, но, в отличие от последней, служил еще для передвижения и наведения орудия.

На концы стен пушечного лафета с 1706 крепились две шестифунтовые «мортиры» на «особых» станках, предназначенные для навесной стрельбы гранатами. Сначала из таких мортир стреляли еще и начиненной мушкетными пулями картечью, но впоследствии от нее отказались.³⁴⁹ Ствол мортиры был гораздо короче пушечного и состоял из двух основных частей: в нижней, узкой части, находилась камера или камера, куда помещался пороховой заряд, а конец ствола представлял собой широкий котел, в который клали гранату или жестяной стакан с пулями. Как правило, стволы мортир делали из железа или чугуна, реже встречались мортиры со стволами из меди. Заряжалась мортира таким же образом, как пушка, только картуз заменяла мера «мушкетного» пороха и пыж. Кроме того, так как у мортиры был короткий ствол, набойника к ней не требовалось.

На марше, для защиты от дождя и пыли, орудие перевозилось в чехле из юфтовой кожи. Запальное отверстие дополнительно закрывали свинцовой пластиной, изогнутой по форме ствола, а дуло — деревянной втулкой; обе фиксировались на стволе при помощи кожаных ремней. Для предохранения от сырости пушечные чехлы и «верхи» (крышки) снаряжных ящиков смазывались дегтем, а канаты и веревки пропитывались ворванью.³⁵⁰

Сопровождавшие пушку артиллеристы — по штату расчет каждого орудия состоял из шести человек — имели при себе необходимое снаряжение: пороховые мерки, пушечные рога для ношения пороховой «засыпки», жестяные коробки для запальных трубок и палительных свеч, ночники для фитиля, картузные сумы и проч. В пушку впрягали три лошади, в пушечный ящик — две. Одна лошадь в каждой упряжке получала седло с подпругой и стременами, другая — «малую седелку» (небольшую наспинную подушку, предохранявшую холку лошади от натирания хомутом). Иногда, для экономии полковых средств, в артиллерийские команды отпускали старые или негодные драгунские седла. Всем лошадям полагались попона с подвязками, хомут, узда и недоуздок.

В начале 1730-х годов почти все пехотные полки лишились своих пушек. 21 октября 1729 Канцелярия главной артиллерии и фортификации подала в Военную коллегию мемориал с предложением в мирное время содержать приданную полкам артиллерию, кроме Низового корпуса, в нескольких пограничных городах — Санкт-Петербурге, Ревеле, Риге, Выборге, Брянске, Киеве, Павловске и, дополнительно, в запасе на пять полков в Москве. Дело в том, что с наступлением мира полковая артиллерия стала не только лишней обузой, но и источником напрасных (и притом немалых) расходов — не имея постоянных квартир, полки, порой по несколько раз в год, перевозили свои пушки и пушечные принадлежности с места на место, в результате чего те и другие, не используя по прямому назначению, приходили в негодность еще до наступления «урочных годов». Кроме того, содержание полковой артиллерии в крепостях позволяло сэкономить значительные суммы на подъемных лошадях. *«А когда для военного случая потребны будут под тою артиллерию лошади, тогда можно, хотя и не дешевою ценою, купить, однако ж прибыльнее будет того, что ныне оные содержатся при полках, из чего будет интересу Его Императорского Величества пополнение, а у полков убудет не малая тягость. А артиллерийские служители, четыреста восемьдесят человек, в вышепоказанных городах будут при арсеналах и при полевой и большого корпуса и гарнизонных артиллериях, как в караулах, так и в артиллерийских работах помогать».*³⁵¹

8 марта 1730 Сенат одобрил это предложение, предписав *«о содержании в пограничных городах в полном комплекте полковой артиллерии и о артиллерийских*

лошадях, кроме Украинского корпуса драгунских полков, учинить по представлению Канцелярии от артиллерии и фортификации и по мнению Военной коллегии». ³⁵² Через год, к марту 1731, артиллерия осталась всего при семи пехотных полках — Азовском, Белозерском, Выборгском, Кексгольмском, Муромском, Рязанском и Сибирском. ³⁵³

В 1700-е годы некоторым драгунским полкам были приданы гаубицы. При каких именно полках, в каком количестве и как долго они продолжали службу, — все эти вопросы в настоящий момент открыты. Ответить на них удалось нам лишь отчасти. Начнем с того, что орудий этого вида вообще делали очень немного. С 1700 по апрель 1708 на Московском Пушечном дворе было отлито всего 26 гаубиц: восемь пудовых и четыре полупудовых — в 1701, десять 18-фунтовых — в 1702, одна двухпудовая и две пудовых — в 1706, одна двухпудовая — в 1707. Для сравнения, пушек за тот же период здесь изготовили 651 (из них 329 — трехфунтовые), а мортир — 305. ³⁵⁴

Драгунским полкам предназначались 18-фунтовые гаубицы: «...у меня ныне в драгунских полках, — писал фельдмаршал Шереметев главе Артиллерийского приказа Якову Брюсу 3 апреля 1705, — только десять гаубиц, да к ним по 73 бомб да по 68 картечь 18-фунтовых; к гаубицы пороху — против того ж. А в солдатских в одиннадцати полках, которые у меня ведомы, по две пушки полковых в полку». ³⁵⁵ Количество 18-фунтовых гаубиц, отлитых в 1702, точно совпадает с количеством драгунских полков, в то время находившихся в «Свейском походе»: Ефима Гулица, Андрея Шневенца, Никиты Мещерского, Семена Кропотова, Ивана Львова, Александра Малины, Афанасия Остафьева, Федора Новикова, Никиты Полуэктова, Михаила Жданова. Так что, вероятнее всего, каждый из них получил по одному орудью. ³⁵⁶

Сразу же после изготовления все 10 гаубиц, вместе со сделанными к ним 1.470 бомбами и 1.470 зарядами с картечью, были отправлены во Псков, ставший одной из главных тыловых баз русской армии на время войны в Прибалтике. ³⁵⁷ Таким образом, появление артиллерии в драгунских полках следует отнести к 1702 или началу 1703. Как долго эти гаубицы продолжали службу, доподлинно неизвестно. К августу 1708, по выписке походной артиллерии, «в драгунских полках» обретались артиллерийские поручик, штык-юнкер и сержант, обслуживавшие те или иные артиллерийские системы. ³⁵⁸ В конце 1700-х годов упоминания об отпуске в драгунские полки орудийных боеприпасов и принадлежностей исчезают со страниц документов. Похоже, гаубицы снимались с вооружения по мере износа и выхода из строя (пяти-семи лет войны для этого вполне достаточно). Не пополнялся и запас снарядов для 18-фунтовых гаубиц. По данным Приказа артиллерии, 3.636 18-фунтовых бомб было сделано в 1702 и 2.055 в — 1703, что составляет почти 39 полных боекомплектов по 147 снарядов каждый, или около четырех боекомплектов на одно орудие. ³⁵⁹

Гаубица представляла собой нечто среднее между пушкой и мортирой — чуть более длинный, чем у обычной мортиры, ствол помещался на пушечного типа лафет с колесами. Как сообщала книга Эрнеста Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии...», изданная в Москве в 1710, «гоубицы... суть особый образец мортиров, токмо что до́ле суть котлом, или стволом, оных. А стреляют из них обыкновенно гранаты и зажигаательные и огненные ядра. Возят же их равно, как пушки — на учиненных с колесами станках. Выливают же [гоубицы] калибром на 15, 20, 30,

даже 50 фунтов камня. И понеже они долее мортиров суть, того ради, возможно из них гораздо дале стреляти».³⁶⁰

Сочетая возможности вести стрельбу ядрами и картечью, подобно пушкам (в России ядра для гаубиц, кажется, никогда не отпускались), и «метать» бомбы, подобно мортирам, гаубицы, однако, имели два существенных недостатка (не говоря уже о сложности заряжания ствола с каморой): вес у них был примерно в три раза больше, чем у обычных полковых пушек (вместе с лафетом — свыше 70 пудов), а дальность стрельбы — вполовину меньше.³⁶¹ Лафет гаубицы делался по образцу пушечного, но в отличие от последнего имел равную ширину сверху и в хвосте, так как вся лежащая между станин часть гаубичного ствола была одинаковой ширины. Заряжалась гаубица таким же образом, как пушка.

К середине 1710-х годов гаубицы практически вышли из употребления. В 1715 в составе полевой артиллерии их насчитывалось всего пять штук (четыре пудовых и одна полупудовая), а в полковой не было вовсе.³⁶² По Анштальту 1723 года полковая артиллерия назначалась только пехотным полкам и включала один-единственный вид орудий — трехфунтовые пушки.

Изредка в драгунские полки поступали и обычные пушки. Так, в 1707 в полк Горбова было отправлено пять медных пушек «ядром по полуфунту», необходимые к ним артиллерийские принадлежности и 500 полуфунтовых ядер; Псковский полк «по указу от генералитету» 6 декабря 1712 принял в Смоленске одну медную пушку на станке, три хомута, три узды и остатки боекомплекта: три «холостых» ядра, 3 «патрона» с ядрами и 25 с дробью, 30 скорострельных трубок, 14 палительных свеч, один пуд пороха, 25 сажен фитиля. Однако меньше чем через полгода, 18 мая 1713 (к началу кампании), всё вышеперечисленное, не исключая пороха, было «взято к артиллерии». Сколько времени находились пушки в полку Горбова, нам неизвестно.³⁶³

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЛИНЕЙНАЯ ТАКТИКА

В начале XVIII столетия во всех европейских армиях господствовала линейная тактика, позволявшая с оптимальной эффективностью использовать огнестрельное оружие, которое тогда существовало, — одновременно задействовать его максимально возможное количество, обеспечив тем самым наибольшую быстроту и непрерывность стрельбы. В задачи данной работы не входит рассмотрение военного дела как такового, однако без представления о том, что такое линейная тактика, рассказ об армии (даже если это рассказ о ее материальной части) будет неполным. В самых общих чертах мы отметим особенности данного способа ведения боя.

Перед сражением войска выстраивались в несколько линий — обыкновенно от двух до четырех. Пехота, как правило, становилась в центре, кавалерия — на флангах или, «по случаю», вперемешку с пехотой. Полковая артиллерия перемещалась вместе со своими частями, в интервалах между ними; тяжелая занимала позиции в тылу или на возвышенностях. Задние линии не могли вести огонь и служили резервом для первой, в случае необходимости усиливая ее, либо закрывая бреши, пробитые неприятелем. Наиболее уязвимым местом линейного построения были фланги. Дело в том, что сектор обстрела линейного порядка находится впереди его фронта, поэтому линия, атакованная во фланг, могла вести огонь разве что четвертью своих людей, все остальные превращались в пассивных зрителей боя. Фланги старались

защитить естественными преградами, фортификационными сооружениями, артиллерией, ставили туда отборные части, например, гренадер.

Главный недостаток линейных порядков состоял в их малой подвижности. Как правило, воинская часть до самого конца сражения оставалась на заранее выбранном для нее месте, ведь провести маневр во время боя, не поломав строй, было практически невозможно — действовать приходилось целой линией разом. По той же причине отход одного–двух полков приводил к отступлению всей линии. Для сохранения порядка во время движения войску требовалась ровная открытая местность, так как даже овраг или кустарник превращались в серьезное препятствие. Свободой маневра фактически обладала только кавалерия. Именно ей отводилась роль ударной силы, а после битвы она преследовала разгромленного противника. В целом, сражение носило характер фронтального столкновения. Успех обычно одерживала та сторона, которая имела превосходство в силах и могла охватить фланги противника.

Особенностью тактики того времени было преобладание огневого воздействия, как в пехоте, так и в кавалерии — рукопашный бой являлся скорее исключением, чем правилом. Такая ситуация характерна не только для периода Северной войны, но и для всего XVIII века в целом. Граф Александр Ланжерон, поступивший на русскую службу француз-эмигрант, участник американской Войны за независимость, войн России против шведов, турок и наполеоновской Франции, генерал от инфантерии (в общем, человек компетентный), отметил в своих записках: «...Я много воевал и, за исключением штурмов, не видал двух отрядов войск, действительно сражавшихся штыками; точно так же никогда я не видал столкновений кавалерии. Обыкновенно один из противников отступает раньше нападения другого. Два или три раза я видел, как кавалерия врубалась в пехоту».³⁶⁴ Далее в хронологическом порядке мы рассмотрим известные на сегодня строевые положения русской армии 1-й трети XVIII века.

а. Пехота

Первый строевой устав пехоты — *«Краткое обыкновенное учение с крепчайшим и лучшим растолкованием в строении пеших полков...»* — был напечатан в конце 1699, а затем, в несколько переработанном и дополненном виде, издавался еще три раза: в 1700, 1702 и 1704.³⁶⁵ Опуская ряд подробностей, мы покажем, как солдатскому полку следовало действовать во время боя.

Каждая рота строилась в шесть, реже — восемь шеренг. Положения устава предусматривали три способа стрельбы: 1) *«нидерфален или падением»*, 2) плутонгами, 3) залпом.

В первом случае передние шеренги *«падали»* на колени, задняя стреляла, затем приседала и начинала заряжать ружья. В это время вставала и открывала огонь шеренга, стоящая перед ней. То же самое, вплоть до первой, делали остальные шеренги. Недостатками этого построения были малая длина фронта и невозможность из-за глубины строя вести стрельбу всем солдатам одновременно. Зато при непосредственном столкновении с противником устойчивость такого порядка, а главное, его флангов, была выше, чем у трех- или четырехшереножного.

Для стрельбы плутонгами рота перестраивалась из шести шеренг в три (линия фронта при этом увеличивалась вдвое). Первая шеренга опускалась на колени, задние *«приступали»* к ней, после чего, по очереди, выстреливал каждый плутонг (восьмая часть роты) — так, что огонь как бы передвигался вдоль линии фронта, от одного конца к другому. Первая шеренга заряжала ружья не вставая, задние для этого

немного отступали назад, а затем вновь вплотную подходили к первой; по одному из вариантов устава вторая и третья шеренги *«набивали»* ружья, также опустившись на колени. При стрельбе залпами все три шеренги выпаливали одновременно.

Еще один маневр, который оговаривал устав, было сдваивание рядов: левая либо правая (смотря по команде) половина каждой шеренги заходила за другую половину. В результате длина фронта сокращалась вдвое, а количество рядов удваивалось. Между ротами, стоящими рядом, при этом образовывались значительные промежутки, через которые, в случае необходимости, могла проходить артиллерия или войска второй линии. Можно также предположить, что это перестроение давало боевому порядку возможность скорее передвигаться вблизи неприятеля.³⁶⁶

Места начальных людей и ротных музыкантов *«Краткое обыкновенное учение...»* не указывает. Ближайший по времени уставной документ — доклад майора Преображенского полка Адама Вейде, представленный Петру I в 1698, — гласит, что в бою и при других построениях капитан должен стоять *«перед своею ротою»*, поручик — позади роты, сержант (в роте их было несколько) — *«у капральства на правой стороне»*; капрал — *«у своего капральства, в передней шеренге на правой стороне»*; ефрейтор — *«в передней шеренге, подле капрала»*; барабанщики, а также, очевидно, прапорщик, подпрапорщик и каптенармус, — позади роты.³⁶⁷

К середине 1700-х годов пехота переходит на построение в четыре шеренги. Инструкция, разосланная в полки осенью 1706, предписывает, чтобы две передние шеренги стреляли *«на коленях»*, а две задние — стоя. Если не угрожала атака неприятельской кавалерии, следовало стрелять *«падением»* (в сидящего человека труднее попасть — уменьшались потери от огня противника).³⁶⁸

Инструкция 1708 года — *«Учреждение к бою по настоящему времени...»* — также предусматривает строй в четыре шеренги и два *«манера»* стрельбы: шеренгами и плутонгами. В первом случае три задних шеренги стреляли поочередно, начиная с последней, а первая, в которой через одного человека располагались пикинеры, держала ружья, примкнув штыки; открывать огонь *«без нужды»* ей запрещалось. Второй способ — стрельба плутонгами (теперь плутонг составлял четвертую часть роты), признавался наиболее предпочтительным — *«лучше и безопасней есть от конфузий»*; люди первой шеренги огонь без разрешения также не открывали. По видимому, как и раньше, первая и вторая шеренги садились на колени.

При стрельбе шеренгами капитан должен был находиться посередине роты, подпоручик — с правого края, прапорщик или, если его не было, сержант — с левого; все в первой или второй шеренге, *«дабы удобнее было видеть и повелевать»*. Поручик становился позади строя, *«смотреть над всей линией своей роты»*; здесь же были фурыер и каптенармус, которые ему помогали. Капралы располагались с правой стороны своего капральства, наблюдая за солдатами, *«чтобы то исправно было, что прикажет вышний офицер»*.

При стрельбе плутонгами капралы переходили на левую сторону плутонгов, а их места занимали офицеры: у первого плутонга — капитан, у второго — подпоручик, у третьего — прапорщик или сержант, у четвертого — поручик. Каптенармус и фурыер по-прежнему оставались позади строя. Если кто-либо из офицеров оказывался ранен или убит, его место *«безо всякого указа»* занимал младший офицер той же роты. Занимать убылые места в соседних ротах, *«хотя б ни одного обер-офицера [в них] не осталось»*, было запрещено. В том же порядке выбывших обер-офицеров замещали унтер-офицеры, а их, в свою очередь, — капралы и рядовые.

Роты выстраивались в линию, одна подле другой. Командир батальона (один из штабных офицеров) приводил своих подчиненных на огневой рубеж, после чего уезжал за фронт и подавал команду о начале стрельбы, а затем «*непрестанно*» перемещался вдоль задней линии своего батальона, наблюдая за порядком, «*и для того удобно всем штаб-офицерам на конях быть*».³⁶⁹

«*Книга о экзерциции...*», первый раз изданная в 1715,^{*} лишь несколько дополнила Инструкцию 1708 года. Уточнялось, что обе передние шеренги опускаются на колени, и к двум прежним видам стрельбы добавлялся еще один — залп, после которого на неприятеля следовало идти в штыки. При стрельбе шеренгами и залпами люди первой шеренги, как и прежде, «*без самой нужды*» огонь не открывали; при стрельбе плутонгами палили все четыре шеренги. Пикинеров «*Книга о экзерциции...*» не упоминает вовсе.

Существенно изменилось только местоположение офицеров и унтер-офицеров. Сержант теперь становился в первой шеренге посередине роты, остальные унтер-офицеры и капралы — позади строя, отступив на полтора шага. За ними располагались офицеры: капитан — против середины роты, поручик — на правом фланге, подпоручик — на левом. Прапорщики со знаменами, подпрапорщики, гобоисты и часть барабанщиков также уходили за полк; «*барабанщики, кроме тех, что под знамены, станут у баталионов со флангов, с правого и левого, у всякой шеренги*». Штаб-офицеры находились за фронтом: полковник — на правом фланге, подполковник — на левом (при своих батальонах); майор, отдавая команды, ездил вдоль всего строя, от одного края до другого.

Гренадеры располагались на флангах боевого порядка. Их строевая подготовка почти ничем не отличалась от остальных солдат. «*Краткое обыкновенное учение...*» разъясняет, что «*мушкетами и багинетами обходятся гранодеры, как и все солдаты, только когда идут строем, то носят они фузеи свои на левой руке*». Согласно «*Книге о экзерциции...*», гранаты метали шеренгами или плутонгами. По флангам же становилась полковая артиллерия.

Для отражения кавалерийской атаки стоящий в боевом порядке (вытянувшись линией) полк мог выстраиваться в «*баталион де-каре*» (квадратом): правое крыло поворачивалось налево, левое — направо, две средних части становились передней и задней сторонами (таким образом, обычный восьмиротный полк, построив каре, имел по две роты на каждой из четырех сторон). Полковые пушки и гренадеры, если таковые были, занимали углы.³⁷⁰

Шведы во время боя действовали прямо противоположно: после одного–двух выстрелов, солдаты, со шпагой в одной руке и ружьем с примкнутым штыком в другой, бросались в атаку (пикинеры располагались в центре строя, а гренадеры по краям). Подобная тактика имела один существенный недостаток — во многом расчет здесь делался на то, что враг испугается и побежит. Но что если противник не дрогнет, а хладнокровно и методично расстреливая наступающих, в нужный момент сам пойдет в атаку на шведов, ряды которых будут уже порядочно расстроены огнем и движением?..

^{*} Чаще всего ее называют «*Воинским уставом 1716 года*», что ошибочно. На самом деле «*Книга о экзерциции, церемониях и должностях, воинским людям надлежащих...*» — самостоятельный документ, просто в большинстве случаев он издавался под одной обложкой вместе с Воинским уставом и Воинскими артикулами. Издание 1715 года имело карманный формат и предназначалось для повседневного руководства служащими офицерами.

Во время боя от солдат требовалось соблюдать строжайшую тишину, чтобы были слышны команды. Офицер имел право заколоть того, кто поднимет крик.³⁷¹ В свою очередь, начальники, которые не могли заставить молчать своих подчиненных, рисковали быть повешенными. «*Статьи во время воинского походу*», сочиненные Меншиковым в июне 1704, за «варварский мерзкий крик» предусматривали смертную казнь для всех ротных офицеров и половины солдат, по жребии.³⁷²

Выносить из боя убитых и раненых до конца сражения запрещалось под угрозой смерти, исключения не было даже для старших офицеров. Заниматься этим могли только нестроевые чины, «*понеже — как показал опыт, — многие недобрые тем видом, будто для раненого, за одним человеком пять с бою убегают*».³⁷³ Та же кара грозила тем, кто во время боя и без разрешения после него осмеливался брать добычу, «*хотя б и под ногами было*»; или после штурма убивать женщин, детей и стариков, «*разве что инако... приказано будет*». Начинать грабеж и «*упиваться*» было можно только по команде, когда сопротивление сломлено окончательно, и враг положил оружие.³⁷⁴

Если под напором неприятеля солдаты начинали убегать из строя, части, которые находились позади, должны были стрелять в отступающих «*без всякого милосердия*».³⁷⁵ В том случае, когда поле сражения без явных причин (таких, например, как «*помешание*» строя) покидала целая воинская часть, всех ее офицеров и, по жребии, каждого десятого солдата следовало повесить. Интересно, что природная робость считалась смягчающим обстоятельством — «*боязливость*» тогда расценивали как душевную болезнь, во время приступа которой человек не в состоянии владеть собой. Если обычных, нормальных солдат за бегство перед лицом неприятеля в лучшем случае наказывали шпицрутенами, то «*несмелых*» судебные законоположения рекомендовали щадить.³⁷⁶

Навстречу врагу солдат должен был идти спокойно, помня, «*что ему без воли Божией ни влас от главы не может пропасть*».³⁷⁷ Подобный фатализм имеет под собой вполне реальные основания. Тактика того времени — действие в составе малоподвижных и плотно сомкнутых линий на открытой местности — не позволяла укрыться от огня противника. Единственным способом уцелеть было, переборов собственный страх, встать во весь рост и как можно чаще стрелять по рядам неприятеля, чтобы за наиболее короткий срок вывести из строя максимальное количество действующих точно таким же образом вражеских солдат (позднее военные историки совершенно справедливо называли линейные порядки «*машинами для стрельбы*»). Отсутствие иных способов обезопасить себя от чужих пуль, а также пушечных ядер и «*картечей*», оставляло надежду лишь на Божественное провидение... На штурмах и приступах его помощь требовалась еще сильнее. Впрочем, наряду с убеждениями существовали и более действенные методы для поднятия храбрости: офицер имел право убить того, кто отказывался встать в строй, или во время боя хотел отстать от товарищей и спрятаться. То же самое могли сделать со своим оробевшим командиром подчиненные.³⁷⁸

В этих условиях личные качества человека во многом утрачивали значение — даже очень хорошо обученный солдат сам по себе ничего не стоил. Победа, прежде всего, зависела от умения людей слаженно действовать: маршировать не ломая строй, одновременно, по команде, заряжать оружие и, почти не целясь, дружно палить по рядам врага, зачастую еле видимым сквозь завесу порохового дыма... На поле боя встречались не разрозненные группы бойцов, а извергающие огонь линии

войск, где пехотинцы и всадники стояли плечом к плечу, стремя к стремени, так близко, что, отведя руку в сторону, могли дотронуться до соседа. Строевая подготовка тех лет вообще не предусматривала изучения приемов рукопашного боя: помимо умения стрелять и делать перестроения, от солдат и драгун требовалось знание нескольких простых ружейных приемов («на плечо», «на караул», «к ноге», «на погребение»), которые, опять же, выполнялись не в одиночку, а в рамках сомкнутого строя.

Высокие качества русской пехоты отмечали почти все. Единственный недостаток, который находили на первых порах, состоял в отсутствии опыта. *«Московскую пехоту всюду очень хвалят, и полк, который при мне вступил в город два дня тому назад, — писал 30 января 1705 английский посол Чарльз Витворт, в то время находившийся при армии, — шел в отличном порядке... Имей солдаты навык к войне, будь во главе их хорошие офицеры (в которых ощущается большой недостаток), они явились бы неприятелем гораздо более опасным, чем полагают соседи, судя по их настоящему виду».*

В том же духе английский дипломат высказывался и позднее. *«Пехота вообще обучена очень хорошо, и офицеры говорили мне, что не могут надивиться рвению простых солдат к делу с тех пор, как им выяснили лежащие на них обязанности... Как бы то ни было, на всю эту армию можно смотреть покуда не иначе, как на собрание рекрут, потому что большинство полков сформировано не более двух лет тому назад. Эта слабая сторона могла бы, конечно, в значительной степени восполниться способными офицерами, но, как слышно, в них, [а] особенно в генералах, чувствуется большой недостаток».*

*«Не могу достаточно выразить, — доносил в Англию Витворт осенью того же года, — как высоко Огильви ставит свою пехоту. Он считает, что она много лучше немецкой и не уступит пехоте какой бы то ни было нации. Вчера он повез меня взглянуть на лагерь и, случайно встретив какой-то батальон, заставил его эзерцировать; все эволюции выполнены были очень отчетливо и ловко. Однако Огильви признается, что русское войско всё еще не умеет делать больших передвижений. Когда по пути из Вильны оно двигалось двумя колоннами, генерал, в виде опыта, захотел построить их в боевой порядок — правое и левое крыло смешались, и ему стоило больших хлопот восстановить порядок, хотя о неприятеле и помину не было. Особенно ощущается недостаток в хороших офицерах, их очень мало».*³⁷⁹

Впрочем, опыт — дело наживное. Всего несколько лет спустя, в 1710, датский посланник Георг Грунд отмечал в своем докладе: *«У простого солдата нет также недостатка в военном умении — он не только чрезвычайно хорош и искусен в обращении с оружием, очень хорошо выглядит и, при весьма скудном питании, состоящем из сухарей и соли, способен совершать самые длинные пешие переходы, какие только потребуются, но уже привычен и к огню, и теперь расстроить порядки русских солдат стало куда труднее, чем прежде, когда их можно было перебить или связать, словно овец».*

Офицерский корпус русской армии датчанин, так же как и Витворт, оценивал невысоко. *«И в пехоту, и в кавалерию всегда трудно найти умелых офицеров из их народа, ибо русское дворянство, хотя гордо собой и довольно-таки высокомерно, но в душе не имеет истинного честолюбия и любви к войне, предпочитая поэтому сидеть в имениях или же скорее подарками добиваться гражданской службы, нежели по собственной охоте сражаться за отечество. Потому-то царь обычно отзывается о них словами, подобными тем, какие он при мне сказал покойному Головину,*

*Шереметеву, Головкину и Апраксину, — что если из их или других родов время от времени один-единственный чем-то выделится, то это будет всё, а остальные сплошь глупцы, и примером тому их собственные братья... С иностранными же офицерами бывает по разному, так как большинство их вызывается ехать в Россию из необходимости, поскольку за границей они не могут остаться на службе. Других привлекает сюда жадность, ибо за границей им обещают много такого, чего потом могут и не выполнить. И все до сих пор требовали себе слишком высокие роли, обязанностей которых, по крайней мере поначалу, не понимали, вследствие чего было совершено много промахов, но милость Божья и счастье царя покамест предотвращали всё худое».*³⁸⁰

В конце концов, способности и навыки русской пехоты были вынуждены признать и шведы. Один из них, Ларс Юхан Эренмальм, оказавшийся в русском плену после сдачи Выборга в 1710, с сожалением констатировал, что его соотечественникам неоднократно пришлось с ущербом для себя убедиться в успехах обучения «солдатского сословия» московитов.³⁸¹

в. Драгуны

Время составления первого строевого драгунского устава относится к 1701 или 1702. Во многом его положения напоминают устав пехоты. Полк строился в три шеренги. Повороты (направо и налево) требовалось делать, не ломая фронт. Перед стрельбой шеренги становились вплотную друг к другу, первая при этом наклонялась «в пояс», а задняя вставала на стременах. Огонь, точно так же как в пехоте, можно было вести тремя способами: по шеренгам, начиная с третьей; плутонгами или залпом.

При «наступном» бое первая шеренга после выстрела оставалась на месте. Вторая, а затем третья шеренги, по очереди, заезжали перед ней, останавливались и стреляли. Далее маневр повторялся снова. В «отводном» бою каждая шеренга, выпалив, уходила в конец строя.

Для «постоянного» боя (на одном месте) полк перестраивался в шесть шеренг. После выстрела первая шеренга разделялась на две части и «спешно» уезжала за заднюю, на ходу заряжая ружья. Вторая шеренга в это время заступала место первой; выстрелив, она таким же образом перемещалась в конец строя. Затем следовала очередь остальных шеренг. Действий холодным оружием устав не предусматривает вовсе.³⁸² Впрочем, уже в 1706 драгунам предписывалось «отнюдь из ружей не стрелять прежде того, как с помощью Божию неприятеля в конфузию приведут, но с едиными ипагами наступать».³⁸³

В 1720 Военная коллегия разослала по командам новую драгунскую «экзецицию», где подробно расписывались приемы с оружием и порядок перестроений: повороты эскадрона взводами и шеренгами направо и налево, контр-марш (перевод правого крыла на левое и наоборот), перестроение из двух шеренг в три, «сочинение» каре, действия гренадер. В пешем строю драгуны должны были действовать в точном соответствии с пехотным уставом.³⁸⁴

Насколько больших похвал удостаивали пехоту, настолько же негативные оценки получала русская кавалерия. По общему заключению, первой и главной проблемой был недостаток соответствующих конских пород. «Здесь негде добыть рослых и сильных лошадей, — доносил Чарльз Витворт в марте 1705, — потому в царской армии собственно кавалерии нет, зато государь в последнее время

*сформировал 16 драгунских полков, преимущественно, из дворян и землевладельцев, которые обязаны отправлять службу как простые солдаты, но на собственный счет. Они ездят на легких татарских лошадях, и выдержали несколько удачных стычек с шведскими отрядами в Лифляндии, но сомнительно, чтобы в правильном бою они могли устоять против шведских кирасир, которые имеют значительное преимущество перед ними, так как снабжены и лучшими лошадьми, и лучшим оружием».*³⁸⁵

Георг Грунд, словно продолжая мысль своего коллеги, писал: «...все их лошади — татарской породы, и слишком горячи и дики, чтобы можно было, сидя на них, применять огнестрельное оружие, а шпагой русские всегда предпочитают рубить, а не колоть, из-за чего строй ломается, и эскадроны легко могут быть опрокинуты».³⁸⁶ Последняя фраза нуждается в пояснении: чтобы нанести рубящий удар с лошади, противника следует иметь сбоку от себя, а для этого нужно покинуть строй; именно из этих соображений вся европейская кавалерия была вооружена шпагами — колющим оружием, пригодным к действию перед собой. Впрочем, уже в XVII веке клинковое оружие играло второстепенную роль и решающим фактором при выборе того или иного его вида были не присущие оному функциональные свойства, и даже не качество, а стоимость. Последний критерий оказался наиболее важен в условиях значительного роста численности армий эпохи формирования и утверждения линейной тактики. Огнестрельное оружие, напротив, в первую очередь оценивалось по степени надежности, и здесь соображения экономии уходили на второй план.

Эренмалм также не видел в русских драгунах серьезного противника. «Я считаю весьма полезным, — рекомендовал швед на основе своих наблюдений, — при атаке на русское войско сначала, если это возможно, нападать на их кавалерию, так как ее легко обратить в бегство, и затем будет уже не столь трудно опрокинуть пехоту».³⁸⁷

Всё перечисленное выше — стойкая и выносливая пехота, посредственных качеств линейная кавалерия, недостаток способных и грамотных офицеров, а равно многое другое, вплоть до стереотипов поведения военнослужащих, — было характерно для русской армии на протяжении всего XVIII века. Подтверждением тому служит целый ряд свидетельств, оставленных как соотечественниками, так и иностранцами, многие из которых знали русскую армию изнутри. В качестве примеров можно назвать донесение австрийского капитана Парадиза, составленное им после кампании 1738 года; анонимное описание русской армии в начале Семилетней войны, известное как «Письмо вояжира из Риги»; записки фельдмаршала князя Александра Прозоровского, охватывающие период с 1756 по 1776; сделанные в 1780-е годы наблюдения Жильбера Ромма, записки графа Луи Филиппа Сегюра, «замечания» генерал-поручика Степана Ржевского и принца Шарля Жозефа де Линя; записки графа Александра Ланжерона о русской армии в конце правления Екатерины II... Список этот отнюдь не полон — здесь упомянуты лишь наиболее известные сочинения, большинство из которых было опубликовано более 100 лет тому назад.

На редкость долговечными оказались и главные нормативные документы Петровской эпохи. Строевой Устав 1715 года был заменен новым только в середине 1750-х годов, знаменитый «Устав воинский» издавался на протяжении всего XVIII века, а судебными «артикулами» руководствовались еще при Александре I.

Вряд ли станет преувеличением, если сказать, что преобразования периода 1700–1730 имели непосредственное влияние на ход всей военной истории России XVIII столетия.

Пожалуй, именно здесь будет поставлена финальная точка в нашем повествовании. Разделительной вехой и отправным пунктом на пути дальнейшего развития отечественных вооруженных сил стали реформы, начатые в 1730, при императрице Анне. Именно их результаты определяли устройство и внешний облик армии вплоть до Екатерининского царствования, но эта тема уже другой, огромной и самостоятельной работы.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВЕДЕНИЯ ПЕХОТНЫХ И ДРАГУНСКИХ ПОЛКОВ

ПОЯВЛЕНИЕ этих документов имеет целую предысторию. В 1718 новоучрежденная Военная коллегия затребовала от Военного приказа сведения о всех *«полевых конных и пехотных полках и партикулярных шкwadронах и батaлионах»*. Указ от 13 июля детально перечислял пункты, на которые следовало дать ответ: *«...в котором году и по каким указам и кем и из каких людей набраны, и кто именно с начала были в них штаб- и обер-офицеры, и сколько было урядников и рядовых и неслужащих, також и лошадей драгунских и полковых казенных и фурман-ных, и артиллерии полковой, и всякой арматуры, и ружья, и мундиру. И к тому что чего, а именно рекрут, ружья и прочего вышепомянутого, с начала тех полков по се время и в котором году порознь и откуды в дополнку присылаю и у кого принимано именно. И из того числа сколько, когда, где людей на батaлиях и акциях и на штурмах побито, и в полон побрано, и без вести пропало, и померло, а полковой артилле-рии и амуниции и ружья и всяких припасов и лошадей — что, где и каким образом убыло. И за тем что чего ныне налицо есть, в том числе кто именно штаб- и обер-офицеры, и которые русские — каким образом и чрез какие чины до тех нынешних чинов произошли, а иноземцы — каких наций и по каким капитуляциям или иным ка-ким образом приняты, а урядников и рядовых — сколько старых и что новых. И что к тому вышепомянутого всего в дополнку надобно, о чем о всём каждому полку по-рознь, надлежит, сделав, прислать именные списки и подлинные и перечневые ведомости и табели»*.³⁸⁸

В Военном приказе нужных сведений не оказалось, и спустя некоторое время запрос был переадресован самим полкам, ответы от которых стали приходить в коллегию в конце 1720 — начале 1721. Сначала поступившие ведения переплели в несколько толстых связок (точно так же, как это делалось со всей прочей регулярно приходившей полковой отчетностью), а затем разделили на отдельные книги по каждому из полков. Видимо, уже в XVIII веке все 73 ведения были сведены в особую опись, для хранения отдельно от прочих документов. Уцелевшие к настоящему времени ведения находятся во 2-й описи фонда № 490, причем бóльшая часть из них, судя по внешнему виду обложек, дошла до нас в своем первоначальном виде. Потеря, к счастью, немного — на сегодня в составе фонда не хватает ведений только семи полков: Галицкого, Невского и Тобольского пехотных, Азовского, Вологодского, Нарвского и Ростовского драгунских. Ведения некоторых полков включены в 12-ю опись фонда № 2 (Военная коллегия).

Однородные по содержанию, эти документы оказались весьма неодинаковы по структуре. Степень подробности, порядок изложения материала внутри каждого из ведений имеет свои особенности, что заставило выработать для них единую схему изложения. В каждой полковой справке, составленной на основе одного из ведений, указаны:

1) Время и обстоятельства формирования полка, информация о его структуре и численности на момент создания, перемены в структуре, или же объяснение причин, по которым эти сведения отсутствуют.

2) Имена и фамилии полковых командиров, даты их вступления и ухода с должности (все даты в справках округлены до года).

3) Перечисление, по годам, всех полученных полком мундирных вещей (сверху вниз, по фигуре человека), оружия (огнестрельное, холодное), амуниции, конского убора и полковых принадлежностей и, в ряде случаев, — утраченного.

Важный момент: начиная с 1712 — после создания общих для всех армейских и гарнизонных полков штатов и табелей, — перечисляются лишь те вещи, о которых сообщаются какие-либо подробности. Исключение сделано для головных уборов, галстуков, кафтанов, камзолов, штанов, чулок, епанеч, фурыерских значков, знамен, барабанов, знаменных и барабанных чехлов, так как об этих вещах иногда находятся дополнительные сведения в других документах, а также для предметов, не входящих в число табельных или же таких, количество которых существенно варьировалось от полка к полку — пикинерских и рогаточных копьях, пистолетах, штуцерах, мушкетонах, древковом оружии унтер-офицеров, полковой артиллерии. Постоянно происходившие колебания численности большинства табельных вещей, таких, к примеру, как ружья, штыки, палаши, патронные сумы и проч., на наш взгляд, не дают существенной информации по вопросам, рассматриваемым в данной работе. В сноску вынесены сведения, взятые из других источников.

Первый раздел посвящен пехотным, второй — драгунским полкам полевой армии. Внутри каждого раздела справки расположены по алфавиту названий — последнего на 1720–1721 или на момент существования части.

А. ПЕХОТА

АЗОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Учинен Азовский полк с 704-го году генваря 30-го числа». В 1704 в состав этого полка вошла часть полка Матвея Трейдена, набранного из вольницы в 1700 в Москве.

При формировании в 1704 полк насчитывал 10 рот, 35 офицеров, 1271 нижнего чина. К 1708 полк сократился до 9 рот. Гренадерская рота сформирована в 1704, отделена от полка в 1710.

Полковые командиры: 1704 полковник Юрий Иванович Буш (1712 «*определен в Риге бригадиром и из полку выключен*»), 1712 полковник Семен Акимович Юрлов (1719 «*из полку выключен*»), 1719 полковник Андрей Петрович Остафьев.

1704: прибыло 1004 васильковых кафтана, 1004 красных камзола, 1004 красных штанов, 1143 фузеи, 1143 штыка, 320 багинетов, 788 фузейных нагалищ, 1 чугунный котел, 4 железных уполовника, 3 формы, 1229 шпаг, 1229 портупей, 1143 патронных сумы с перевязями, 72 медвежьих гренадерских шапки, 70 гренадерских сум, 70 гренадерских подсумков, 20 алебард, 17 каптенармусских сум, 12 знамен с дротиками, 12 знаменных чехлов, 20 деревянных барабанов, 12 сиповок, 8 флейт, 2 барабанных намета, 168 палаток.

1705: прибыло 115 фузей со штыками, 1 чугунный котел, 4 формы, 115 патронных сум с перевязями, 69 шпаг с портупеями.

1706: прибыло 8 гобоев.

1707: прибыло 580 кафтанов, 398 камзолов, 398 штанов, 2 уполовника, 139 шпаг с портупеями, 50 штуцеров, 8 гобоев; «*построено в Нарве шапок суконных [красных], шитых разными шелками: гобоистам — 12, барабанищикам и флейтицкам — 26, гренодерам — 102*».

1708: прибыло 117 солдатских копий.

1709: прибыло 658 карпузов, 729 кафтанов, 598 камзолов, 608 штанов, 800 пар башмаков с чулками, 73 фузей со штыками, 1000 ранцев, 73 солдатских копья, 20 барабанов, 8 патронных ящиков, 1 аптечный ящик, 2 пушки.

1710: было 545 портищ медных пуговиц; прибыло 39 фузей со штыками, 39 патронных сум с перевязями, 95 пистолетов, 95 пистолетных подсумков, 54 палатки, 3 медных пушки.

1711: прибыло 429 фузей, 382 штыка, 113 шпаг с портупьями, 480 патронных сум с перевязями.

1712: прибыло 60 солдатских копий, 57 пистолетов, 140 мушкетенов, 8 знамен, 8 знаменных чехлов, 16 деревянных барабанов.

1713: прибыло 1304 карпуза, 1304 галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 2608 пар чулок, 1304 епанчи, 142 пистолета, 144 пистолетных лядунки, 3072 рогаточных копья, 140 мушкетонных лядунок, 8 фурыерских значков.

1714: прибыло 1017 пар чулок, 48 капральских копий.

1715: прибыло 1054 карпуза, 1054 галстука, 1054 кафтана, 1054 штанов, 3081 пара чулок, 1054 епанчи.

1716: прибыло 2084 пары чулок.

1717: прибыло 25 карпузов, 15 кафтанов, 2259 чулок, 2 знаменных чехла, 15 барабанных чехлов.

1718: прибыло 1300 карпузов, 1200 галстуков, 1213 кафтанов, 1157 штанов, 2400 пар чулок, 1136 епанеч, 636 шпаг с медными эфесами, 111 солдатских копий, 146 пистолетов, 93 пистолетных лядунки, 8 фурыерских значков, 8 барабанов, 8 барабанных чехлов.

1719: прибыло 30 кафтанов, 40 галстуков, 479 пар чулок, 5 епанеч, 104 пистолетных лядунки.

1720: было 1209 карпузов, 1232 галстука, 1161 кафтан, 1071 штаны, 479 пар чулок, 1048 епанеч; 17 шитых разными шелками гренадерских шапок, 33 гобоистских и барабанщицких шапки, 144 солдатских копья, 158 пистолетов, 104 пистолетных лядунки, 106 мушкетенов, 8 штуцеров, 16 алебард, 48 капральских копий, 8 фурыерских значков, 2 знамени с чехлами, 16 деревянных барабанов с чехлами, 1 пушка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.40.

Полковые командиры: Андрей Остафьев с 1708 был полковником Великолуцкого пехотного полка. 1720: прибыло 80 пар шерстяных перчаток для унтер-офицеров, капралов и писарей. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.996об.

1722–1723: были васильковые и сермяжные камзолы, зеленые плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.16, 17, 21об.

АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Архангелогородского полку ведомость... что было во оном полку с начала войны штаб-, обер- и унтер-офицеров, капралов, рядовых и неслужащих, и что кто с которого году служит, и каким случаем кто куда убыли, также что было ружья, мундиру и амуниции, и куда убыло... И по справке в полку, в прошлом 706-м году июня в 18 день в Санкт-Петербурге был пожар от пороховой казны, в которой линии («линиями» в столице назывались улицы — Авт.) стоял вышепомянутый полк. И в пожарное время в полковой казенной казарме всякие записки, книги и столпы, и от

рот ведомости за офицерскими руками с прошлого 700 году сгорели безостаточно. И ныне с того году справиться с 700-го по 706 год не по чему».

В 1709, «будучи под Нарвою, отдано в баталион майора Лутковского гранодерская рота».

Полковые командиры: к 1706 генерал-лейтенант и полковник Роман Виллимович Брюс; подполковники — к 1706 Тимофей Кашперович Гулц (1711 «отпущен с апиштом в Москву»), 1711 Кондратий Тимофеевич фон дер Виден (1713 «отпущен в Воронежский гарнизон»), 1713 Федор Матвеевич Бордовик (1716 умер), 1716 Иван Матвеевич Блондау, 1717 Петр Гаврилович Марселиус.

1706: было 1200 шляп, 1200 кафтанов, 1009 фузей, 827 шпаг, 28 тесаков, 896 портупей, 784 патронных сумы, 862 перевязи, 78 гренадерских сум, 66 лядунок, 30 алебард, 8 знамен с дротиками и чехлами, 16 деревянных барабанов, 16 сиповок; прибыло 149 фузей, 169 багинетов, 160 патронных сум.

1707: прибыло 184 фузей, 300 шпаг, 300 портупей, 184 патронных сумы, 84 гренадерских сумы, 116 лядунок, 116 перевязей, 8 гобоев.

1708: прибыло 153 фузей, 1000 портупей, 1000 перевязей, 892 ранца.

1709: прибыло 1285 кафтанов, 1020 камзолов, 1005 штанов, 860 нагалищ, 114 солдатских пик, 95 пистолетов, 32 капральских полупики, 2 барабана, 1 «лекарский» намет, 55 солдатских палаток; с гренадерской ротой убыло 104 фузей, 94 нагалища, 107 шпаг, 107 портупей; 96 гренадерских сум с перевязями, медными трубками и пряжками; 116 лядунок, 96 ранцев, 2 алебарды, 2 деревянных барабана.

1710: прибыло 1011 шляп, 1117 пар чулок, 45 фузей, 44 штыка, 18 нагалищ, 140 шпаг, 44 портупей, 296 патронных сум, 46 перевязей, 107 ранцев из яловичной кожи, 4 пики, 5 пистолетов, 72 лядунки, 8 каптенармусских сум из яловичной кожи, 8 патронных ящиков, 8 конских седел, 8 хомутов, 8 припряжей, 16 узд, 4 войлока, 3 яловичных кожи на крышки к патронным ящикам; «из артиллерии шпаг ломаных 300, из оных сделано 196 штыков».

1711: прибыло 1000 шляп, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 200 фузей, 200 штыков, 8 фурьерских значков, 22 телеги с колесами, 22 хомута, 22 ременных узды.

1712: прибыло 1265 шляп, 1265 холстинных галстуков, 1265 кафтанов, 2065 пар башмаков, 1304 пары башмачных пряжек, 2065 пар чулок, 1265 епанеч, 97 пистолетов, 140 мушкетонов, 16 капральских полупик, 16 полотняных пирамид, 1 медная пушка.

1713: прибыло 1254 абинковых штанов, 140 мушкетонных нагалищ, 74 шведских пики, 10 шведских пистолетов, 140 пистолетных нагалищ, 1 белое камчатое знамя «с гербом», 7 лазоревых камчатых знамен, 16 барабанных чехлов, 10 шведских палаток.

1714: прибыло 1304 галстука, 2608 пар чулок; «сделано для сохранения от пожара: крюк железный — 1, вилы железные — 1».

1715: было 1048 шпаг с железными эфесами; прибыло 1039 карпузов, 12 галстуков, 1039 кафтанов, 500 пар чулок, 1039 епанеч.

1716: прибыло 1304 карпуза, 1245 кафтанов, 1221 штанов, 1196 башмачных пряжек, 2312 пар чулок, 1227 епанеч, 860 шпаг с медными эфесами, 67 солдатских пик, 43 пистолетных лядунки, 4 мушкетона, 8 фурьерских значков, 16 барабанов, 16 «пирамид воцанок».

1717: было 1290 шпаг с медными эфесами; прибыло 59 васильковых кафтанов, 437 красных камзолов, 83 штанов, 77 красных епанеч, 340 шпаг с медными эфесами, 96 пистолетов, 3 мушкетона, 200 аршин нитяной тесьмы и 200 сажень пеньковых

веревки на церковный намет, 200 аршин нитяной тесьмы и 200 сажен пеньковых веревок на 2 барабанных намета.

1718: прибыло 1304 карпуза, 1304 галстука, 1304 кафтана, 1304 камзола, 1304 штанов, 1500 пар медных башмачных пряжек, 5216 пар чулок, 1304 епанчи, 97 пистолетных лядунок, 16 барабанных чехлов.

1719: прибыло 9 мушкетеров, 43 солдатских пики; *«отдано к обер-кригс-комиссару Квашнину-Самарину, которое числилось сверх числа, [оставшееся] от прошлых лет от шитья мундиру»*:

Из принятого в 1716:

– на 140 карпузов — 70 аршин василькового сукна, 46 аршин зеленого сукна, 70 аршин подкладочного холста, 70 портищ медных пуговиц;

– на 25 кафтанов — 100 аршин василькового сукна, 6 аршин 1 четверть красного сукна на воротники и обшлага, 18 аршин 3 четверти василькового яренка, 225 аршин подкладочного холста, 31 портище медных пуговиц;

– на 57 штанов — 57 аршин василькового сукна, 228 аршин подкладочного холста;

– на 48 епанеч — 273 аршина красного сукна, 48 аршин василькового яренка, 96 аршин подкладочного холста.

Из принятого в 1717:

– на 95 кафтанов — 300 аршин василькового сукна, 23 аршина 3 четверти красного сукна на воротники и обшлага, 85 аршин 1 четверть красного яренка, 855 аршин подкладочного холста, 142 портища медных пуговиц;

– на 70 камзолов — 157 аршин красного сукна, 420 аршин подкладочного холста, 105 портищ медных пуговиц;

– на 83 штанов — 83 аршина василькового сукна, 332 аршина подкладочного холста;

– на 77 епанеч — 420 аршин красного сукна, 77 аршин василькового яренка, 154 аршина подкладочного холста.

1720: было 1304 карпуза, 1304 кафтана, 1304 камзола, 1304 штанов, 1304 епанчи, 1185 шпак с медными эфесами, 144 солдатских копыя, 151 пистолет, 140 пистолетных лядунок, 121 мушкетон, 15 алебард, 48 капральских копий, 8 фурыерских значков, 8 знамен с дротиками и чехлами, 16 деревянных барабанов, 16 барабанных чехлов, 1 аптечный ящик, 1 медная пушка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.58.

1718: прибыло васильковые карпузы, васильковые кафтаны, красные камзолы, красные епанчи. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.110.

1720: прибыло 31 мушкетон, 96 пистолетов. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.1003.

1721: были зеленые камзолы, красные плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.15.

АСТРАХАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Ведение Астраханского полку пехотного, в котором году, где, и по какому указу, и кем, и из каких чинов оный полк был набран, и кто именно были штаб- и обер-офицеры, и в коликом числе состоялся урядников, солдат и неслужащих, и полковых лошадей, ружья, мундиру, и амуниции, и всякой полковой артиллерии, и к тому что, от кого, и где принимано рекрут, ружья, мундиру и амуниции, и из того числа где и каким случаем убыло, с начала даже по 715-й год июня по 26 число о том

справиться не по чем, понеже полковые письма, которые были до 706-го году, и оные, идучи с винтер-квартиры к Гродне, с полковым обозом неприятельские люди отбили, а с 706 году по 711-й год — все пропали на Турецкой акции, а с 711-го году по 715-й год — при Котлине острове с кораблем «Нарвою» потонули в 715-м июня 26 дня. И ныне при полку старых никаких полковых писем и записок не осталось, и справиться с начала полку по 715-й год не по чем».

Полковые командиры: к 1715 полковник (позднее — бригадир) князь Юрий Юрьевич Трубецкой, 1721 полковник Юрий Иванович Фаминцов.

1715: было 1443 шляпы, 1465 галстуков, 1434 кафтана, 1304 штанов, 2928 пар чулок, 1386 плащей, 1376 шпаг с медными эфесами, 156 гренадерских шапок, 150 гренадерских сум, 144 фитильных трубки, 141 лядунка для гренадер и капралов, 224 солдатских копья без «втоков», 197 пистолетов, 20 алебард, 8 фурьерских значков, 6 капральских ночников; «8 знамен больших камчатных старых белых пехотных, в том числе одно с гербом; 8 штандартов камчатых зеленых с желтыми бахрамами и с кутасы, в том числе с гербом одно; 2 знамя тафтяных красных больших пехотных, на которых подписано «За Веру и Христианство»; 8 знамен зеленых тафтяных расшивных, в том числе одно белое с гербом, которые даны были в Померании; 8 знамен зеленых тафтяных расшивных, в том числе одно с гербом, которые деланы в 715-м году в Кенигсберге от господина генерала-майора Дупрея»; 16 деревянных барабанов, 10 медных барабанов, 18 барабанных чехлов, 1 гранатный ящик; 989 медных пряжек, 589 медных запряжников, 839 медных наконечников и 9 железных крюков от старых драгунских перевязей; 2 медных трехфунтовых пушки; прибыло 130 козлиных штанов, 120 пар чулок, 82 епанчи, 2 деревянных барабана.

1716: прибыло 2952 пар чулок.

1717: прибыло 1310 шляп, 1466 галстуков, 1465 темно-зеленых кафтанов, 1466 козлиных штанов, 2980 пар чулок, 1466 епанеч, 166 шпаг с медными эфесами, 156 гренадерских шапок, 150 гренадерских сум, 150 фитильных трубок, 74 гренадерских лядунки с ремнями, 9 деревянных барабанов, 9 барабанных чехлов.

1718: прибыло 23 шляпы, 23 триповых галстука, 23 штанов, 2994 пары чулок, 23 епанчи, 84 шпаги с медными эфесами.

1719: прибыло 1476 галстуков, 1476 кафтанов, 1476 козлиных штанов, 2948 пар чулок, 164 гренадерских шапки.

1720: прибыло 1461 пара чулок, 1450 епанеч, 3072 рогаточных копья.

1721: прибыло 1312 шляп, 1476 пар «валяных» чулок, 1476 пар чулок «прежнего манеру», 26 епанеч, 9 барабанных чехлов.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.47.

Полковые командиры: бригадир Юрий Трубецкой в 1721 оставался при полку.

1711: прибыло 1307 шляп, 1307 зеленых кафтанов, 1307 лосиных штанов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.155-155об.

1720: прибыло 1476 красных епанеч. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.4. Д.136. Л.506.

БЕЛГОРОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Белгородский пехотный полк состоялся в регулярной службе по указу Его Царского Величества и по разбору господина генерала Автамона Михайловича Головина в прошлом 205-м (1696/97 — Авт.) году из гвардии, из Преображенского и Семеновского полков, а в дополнение придано было из новонаборных солдат,

которые шли волею в службу. И оный полк состоялся трех баталионов. А кто во оном полку был штаб- и обер-офицеры, и коликое число было во оном полку урядников и солдат и неслужащих чинов, полковой артиллерии, ружья, амуниции, и мундиру, пушечных и фурманных лошадей, и всяких полковых припасов, об оном в полку ведения и полковых писем нет, понеже оные письма в 711-м году при Турецкой акции при Пруте реке июля 11-го числа утрачены».

К 1711 полк насчитывал три батальона. В 1712 третий батальон был расформирован.

Полковые командиры: «в 205-м году оный полк был под именем господина генерала-майора Ригимона; подполковники — иноземцы старых выездов Михайло Михайлов сын фон Страусберх, Данило Купер» (206 оба подполковника «отбыли»), 206 подполковник Александр Ростворм (207 «от полку отставлен»), 207 подполковник Сава Айгустов, «и оной подполковник Айгустов по указу Царского Величества во оный же полк в полковники» (1707 бригадир, 1709 генерал-майор), 1709 полковник Василий Левашов (1710 переведен в Киевский пехотный полк), 1710 полковник Степан Лукич Вельяминов (1720 «пожалован в бригадиры и отпущен в Белгород воеводою»), 1720 полковник Андрей Вельяминов.

1711: было 604 фузеи (в том числе шведские и «астрадамские»), 604 штыка, 443 шпаги с железными эфесами, 443 портупей, 604 патронных сумы с перевязями, 72 пистолета, 8 штуцеров, 16 алебард, 8 подпрапорщичьих копий; «2 знамя камчатых, в том числе одно белое с гербом, а другое зеленое, которое прошито наперекрест черною и белою камкою»; 24 барабана, 24 барабанных перевязи с «крючьями», 2 медных пушки «на летних станках, мерою по одному аршину с четвертью, по калиберу трехфунтовые; ящиков пушечных 4; при оных пушках мортирок чугунных 4. При вышеписанных пушках припасов было, а именно: зарядов с холостыми ядры — 160, зарядов с картечи — 80, трубок запальных — 240, свеч палительных — 60, фитилю сажен — 160, цепов скоропоспешных — 2, банников — 2, шухлов медных — 2, набойников скорострельных — 2, гранат мортирных — 60, пушечных лошадей — 12»; прибыло 1207 желтых карпузов с красным суконным подбоем, 1207 красных триповых галстуков, 1207 белых рубах, 1207 пестрядинных портов, 1207 васильковых кафтанов с красными обшлагами и синим крашенинным подбоем, 1207 красных суконных штанов, 1207 пар красных чулок, 1207 пар башмаков.

1712: прибыло «гарусу черного на галстуки 12 штук и пол[штуки]», 112 пар чулок, 111 аршин белого сукна на чулки, 424 шпаги с железными эфесами, 5 пистолетов; «одно знамя, первое, белое, писано золотом имя Царского Величества латинскими литерами, с нумером, которые значат литеры «Первый Петр»; а по сторонам палма, перевита лаврою; да семь знамен цветами черной да зеленой камки наперекрест, меж ими полосы красные, прошиты желтым, писан золотом и с проблями (так в документе — Авт.) лев от орла бежит; 8 чехлов суконных красных, тесьмы пансовой (пунцовой? — Авт.) 28 аршин, гвоздей 300, дротиков золоченых 8», 16 «клинчатых» барабанов с чехлами, 4 барабана, 111 парусинных палаток, 32 парусинных пирамиды, 1 «аптекарский ящик с лекарствами».

1713: прибыло 433 белых рубахи, 1128 пар чулок (из них 702 пары белых), 4 барабана, 67 парусинных палаток; «палатки и пирамиды, которые в полк даны были парусинные в Померании в 712-м и в 713-м годах, и оные по указу от генеральства, за оскудением мундиру, употреблены солдатам на рубашки, на порты, також и на щибилеты».

1714: прибыло 1312 васильковых карпузов с красным суконным подбоем, 1304 красных триповых галстука; 1312 васильковых кафтанов с красными обшлагами, темно-зеленым суконным подбоем и медными пуговицами (из них 80 унтер-офицерских и капральских с золотым позументом, 8 красных писарских с серебряным позументом); 1304 васильковых штанов, 1266 васильковых плащей *«русской работы»*, 1200 шпаг с медными эфесами, 144 пистолета, 8 алебард, 16 барабанов, 16 барабанных чехлов; *«в полку употреблено к новым шпагам на темляки портупеев 206»*.

1715: прибыло 2608 пар чулок.

1716: прибыло 1215 пар белых чулок; 200 локтей сурового холста и 150 сажен веревок *«на подпруги лошадям, когда садились на корабли»*.

1717: прибыло 1254 зеленых карпуза с красными *«завороты»*, 1197 черных триповых галстуков, 753 белых рубахи с портами, 1197 темно-зеленых кафтанов с красным подбоем (из них 55 унтер-офицерских и капральских с золотым позументом), 1210 козлиных штанов, 408 пар серых чулок.

1718: прибыло 2608 пар чулок, 1304 васильковых епанчи с красным подбоем, 100 шпаг с медными эфесами, 1 алебарда, 8 фурыерских значков, 16 барабанов с чехлами.

1719: прибыло 1312 темно-зеленых карпузов с красными *«завороты»*, 1312 красных триповых галстуков, 1312 солдатских кафтанов (из них 982 с красным подбоем, 312 *«суским»* (синим?) подбоем, 1 с васильковым подбоем), 80 унтер-офицерских и капральских кафтанов с золотым позументом, 1152 зеленых (темно-зеленых) суконных штанов, 160 красных штанов, 2624 пары чулок.

1720: прибыло 2624 пар чулок, 8 каптенармусских алебард; *«при полку обрета-ется: пушек медных 2 на летних станках, которые даны из артиллерии, и оные окованы; 4 ящика патронных, и оные крашены и подписаны артиллерийские нумеры; 16 ящиков патронных, которые выкрашены, и подписаны на обеих сторонах герб и нумеры — которого полку и которой роты; фурманов сделано красных с крышки кожаными, и окованы колеса железом кругом — 30; колясок простых с колесы кованными — 30...»*

У штаб- и обер-офицеров оружие в полку обретаются копы; у сержантов, у каптенармусов — алебарды, у капралов — фузеи.

Строевой мундир, також знаки и шарфы, в полку у штаб- и обер-офицеров сделаны. А палатки еще не сделаны на один образец и на одну статью, понеже из Военной коллегии образца в полк не прислано».

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.59.

1709: прибыло 1207 *«обшивных»* шляп, 1207 красных триповых галстуков, 1207 темно-зеленых кафтанов, 850 козлиных штанов, 357 красных штанов, 1207 пар красных чулок. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.335.

1711: прибыло 1207 пар сапог, 1207 портупей, 974 патронных сумы с перевязями. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.335.

БУТЫРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«...о начатии полку — кто в полку был штаб- и обер-офицеры, урядники и солдаты и неслужащие, и что в полку было каких припасов, и где приниманы, и каким образом утрачены где, — и об оном подать ведомость от полку не можно, понеже ведомости и записки утрачены все на Турецкой акции».

Полковые командиры: 1709 полковник князь Иван Васильевич Солнцев-Засекин.

1711: было 988 шляп, 1130 строевых кафтанов, 848 штанов, 1131 пара сапог, 1116 епанеч, 1079 фузей, 816 штыков, 600 новых штыков без трубок, 434 полунагалища, 1 железный уполовник, 8 пулечных форм, 4 картечных формы, 1107 шпаг, 1054 портупей с пряжками, 1047 патронных сум с перевязями и склянками, 52 пистолета, 49 лядунок, 64 алебарды, 8 фурьерских значков, 16 каптенармусских сум, 2 знамени с дротиками и чехлами, 24 барабана, 23 барабанных перевязи, 2 хора гобоев, 8 флейт, 48 палаток, 21 топор, 128 железных лопат, 48 кирок и мотыг, 8 больших и малых наковальней, 14 больших и малых молотов, 2 кузнечных меха, 1 токарная снасть, 1 столярная снасть, 10 больших и малых клещей, 73 хомута, 73 узды, 80 пар подков, 46 сенокосных кос, 2 медных пушки с 4 мортирками, 4 пушечных ящика; прибыло 1207 красных карпузов, 1198 красных кафтанов, 1207 красных штанов.

1712: прибыло 97 красных карпузов, 95 шляп, 97 триповых галстуков, 275 кафтанов (из них 170 красных), 97 красных штанов, 532 пары башмаков *«немецкой работы»*, 321 пара чулок (из них 111 пар из белого абинного сукна), 8 железных пулечных форм, 74 копья без древков, 25 пистолетов, 2 барабана, 16 барабанных чехлов, 1 медная пушка с 2 чугунными мортирками.

1713: прибыло 923 пары башмаков *«немецкой работы»*, 751 пара чулок, 95 шведских фузей, 11 шведских алебард; *«по отходе от Штетина употреблено солдатам на рубашки и на порты и на циבלеты 101 палатка»*.

1714: прибыло 1290 карпузов, 1304 триповых галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 2608 пар чулок, 1304 епанчи, 112 старых красных епанеч на перешивку в камзолы, 1130 палашей с медными эфесами, 1200 ранцев из яловичной кожи, 190 пистолетов, 8 фурьерских значков.

1715: прибыло 53 фузей со штыками *«шведского калибра»*, 174 шпаги с медными эфесами, 1304 портупей с медными пряжками, 144 пикинерских копья с древками, 16 барабанов, 16 барабанных чехлов.

1716: прибыло 550 пар башмаков *«немецкой работы»*.

1717: прибыло 1300 карпузов, 682 кафтана, 644 штанов, 1611 пар чулок, 1260 епанеч; *«при Гданске принято от комиссара Камарского урядникам и солдатам сукна красного 3365 локот, итого на 622 кафтана; и на оные кафтаны принято байки, и обшлага, и подкладка холстинная»*.

1718: прибыло 1304 галстука, 23 красных кафтана, 673 козлиных штанов, 1748 пар чулок, 74 красных епанчи, 20 пикинерских копий без древков.

1719: прибыло 2182 пар чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.32.

1709: прибыло 1207 шляп, 1208 кафтанов, 1208 штанов, 1208 епанеч. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.323об.

1713: убыло *«100 шапок гронадерских суконных красных, отвороты голубые, знаки белые суконные, на них орлы медные позолочены; 3 шапки гронадерские бархатные голубые, вышиты золотом и серебром волоченым; 190 сум гронадерских кожаные черные, с кольца железными, без перевязей, на них знаки медные с корунами»*. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.6. Л.17об. Кисти на 100 шапках — черные шерстяные. Ф.2. Оп.4. Д.42. Л.551об.

1714: прибыло красные кафтаны с желтыми обшлагами и подбоем. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.10. Д.18. Л.21-21об.

1717: в Бутырский полк был дан английский мундир. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.4. Д.1. Ч.4. Л.2.

1722: были васильковые камзолы. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.19.

ВЕЛИКОЛУЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Великолуцкого полку ведение, в котором году, и по каким указам, и из каких людей полк набран, и кто именно с начала были в нем штаб- и обер-офицеры, и сколько убыло урядников и рядовых и неслужащих, такоже лошадей полковых казенных; и к тому что чего, а именно рекрут, ружья и прочего вышепомянутого, с начала полку и откуды в дополнку прислано, и у кого принято, и что из того числа, сколько, когда, где, на баталиях и акциях и на штурмах побито, и в полон побрано, и безвестно пропало, и померло, также убыло полковой артиллерии, амуниции, и ружья, и всяких припасов, лошадей, что, где, и каким образом убыло, по 711-й год по август месяц, об оном в полку справиться не по чем, понеже полковые письма от неприятеля на Турецкой акции отбиты».

Полковые командиры: к 1711 полковник Андрей Остафьев (1716 «сослан на ка-
торгу в Санкт-Петербург»), 1717 подполковник Степан Маслов, 1718 полковник
Яков Иванович Фанстралан.

1711: было 1072 фузеи со штыками, 1163 шпаги с железными эфесами, 1163
портупей с пряжками, 1062 патронных сумы с перевязями, 128 пикинерских копий,
144 пистолета, 144 пистолетных лядунки, 62 алебарды, 8 фурьерских значков, 14
каптенармусских сум, 8 знамен с дротиками и чехлами, 16 деревянных барабанов с
убором, 1 хор гобоев, 2 барабанных намета, 200 солдатских палаток, 12 патронных
и картечных ящиков, 1 медная пушка с 2 чугунными мортирками, 3 пушечных
ящика.

1712: прибыло 1304 галстука, 1304 темно-зеленых кафтана, 1304 красных шта-
нов, 2608 пар чулок, 1304 епанчи, 47 шпаг с железными эфесами, 144 пикинерских
копья, 144 пистолета, 144 пистолетных лядунки, 3072 рогаточных копья, 6 алебард,
8 фурьерских значков, 16 деревянных барабанов, 16 барабанных чехлов, 8 медных
котлов.

1713: прибыло 2608 пар чулок; убыло 127 шпаг с железными эфесами.

1714: убыло 14 шпаг с железными эфесами.

1715: прибыло 1304 карпуза, 1304 галстука, 1304 темно-зеленых кафтана, 1304
штанов, 2168 пар чулок, 1304 епанчи, 8 медных барабанов.

1716: прибыло 2219 пар чулок.

1717: прибыло 1304 карпуза, 1304 темно-зеленых кафтана, 1234 штанов, 2219
пар чулок, 1304 епанчи, 302 шпаги с медными эфесами; убыло 342 шпаги с желе-
зными эфесами, 48 алебард *«употреблены в переделку на капральские копья».*

1718: прибыло 2608 пар чулок, 72 пистолетных лядунки.

1719: прибыло 2608 пар чулок, 500 шпаг с медными эфесами, 72 пистолетных
лядунки; убыло 190 шпаг с железными эфесами, 3072 рогаточных копья.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.51.

1711: прибыло 880 темно-зеленых кафтанов, *«штанов и камзолов... и шляп — сполна».* РГВИА. Ф.2.
Оп.12. Св.23. Д.23. Л.154.

ВЛАДИМИРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

*«Учинен Владимирский пехотный полк в 700-м году из даточных. А что с
начала во оном полку было людей, знамен, ружья, мундиру и всяких полковых припа-
сов, о том в полку ведения нет, потому что оный Владимирский полк был в походе*

под Нарвою — знамена, ружье, мундир и полковые припасы, книги и ведомости неприятельские люди отобрали».

При сформировании полк насчитывал 12 рот. В 1701 полк сократился до 9 рот. Гренадерская рота сформирована в 1701, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1700 полковник Томас Балсыревич Юнгер (1703 *«от полку отставлен и отпущен к Москве»*), 1703 майор Василий Иванович Порошин (1703 подполковник, 1709 полковник, 1715 бригадир), 1715 полковник Семен Александрович Блеклой.

1701: прибыло 987 мушкетов *«тульской работы»*, 1064 багинета, 1120 багинетных портупей, 1109 патронных сум с перевязями, 94 гренадерских сумы с перевязями, 94 гренадерских лядунки, 8 протазанов, 20 алебард, 21 каптенармусская сума (из них 11 *«пулечных»*); 9 знамен с дротиками и чехлами, *«в том числе одно белое с крестом»*; 18 барабанов, 9 сиповок, 12 флейт, 1 *«полковой шатрик»*, 159 палаток.

1702: прибыло 59 мушкетов, 59 багинетов с ремнями, 59 патронных сум с перевязями.

1703: прибыло 1500 шляп, 1527 красных кафтанов, 1186 белых камзолов, 1211 белых штанов, 1 белое камчатое знамя *«под гербом»*; *«на гренадерские шапки изошла одна половинка красного сукна мерою 28 аршин, из того сукна сделано 100 шапок медвежьих»*.

1705: прибыло 500 мушкетов, 110 патронных сум с ремнями, 12 гренадерских лядунок, 14 сиповок, 10 флейт.

1705: убыло 15 шляп, 15 красных кафтанов.

1706: прибыло 709 багинетов с портупеями, 670 патронных сум с перевязями, 30 гренадерских сум, 30 гренадерских лядунок; убыло 22 шляпы, 22 красных кафтана.

1707: убыло 21 шляпа, 21 красный кафтан.

1708: убыло 36 шляп, 5 красных кафтанов.

1709: прибыло 1300 китайчатых галстуков, 1300 пар башмаков с чулками, 616 мушкетов, 1100 шпаг, 1200 портупей, 1200 перевязей; *«в Санкт-Петербург взято с солдаты в гренадерский полк: мушкетов — 100, алебард — 2, сум гренадерских — 100, лядунок — 100, багинетов с портупеи — 100, кафтанов — 110, камзолов — 110, шапок медвежьих — 110»*.

1711: прибыло 804 красных кафтана с холстиной подкладкой, обшлагами и отворотами из абинкового сукна; 883 мушкета со штыками *«амстердамского дела»*; холстинные полковой намет, пирамиды и палатки; 2 медных трехфунтовых пушки со станками, колесами и банниками, *«и на всякую пушку: по 24 ядра, по 20 картеч, по полупуду пеньки, хомутов с гужами и шлеями — 2, седел с стременами и с подпруги — 2, шор с ремни — 2, фитилю — 6 пуд, канат — 1, войлоков коровьих — 2, пороху пушечного — 2 пуда 5 фунтов, мушкетов — 4, циновок — 4, колес пушечных запасных кованых трехфунтовых — 2; топоров новых — 2, лошадей тележных — 70»*.

1712: прибыло 999 васильковых епанеч; убыло 2 пушки.

1713: прибыло 2416 аршин белого холста на галстуки.

1714: прибыло 1309 зеленых карпузов, 1304 триповых галстука, 1304 зеленых кафтанов с красными обшлагами и подбоем (из них 80 с позументом), 2608 пар чулок, 322 васильковых епанчи, 812 мушкетов со штыками *«олонецкой работы»*, 400 пикинерских копий, 144 пистолетных лядунки, 140 лядуночных перевязей, 8 алебард, 8 фурыерских значков, 16 барабанных чехлов.

1715: прибыло 1304 триповых галстука, 2608 пар чулок.

1716: прибыло 1304 васильковых карпуза, 1304 красных кафтана с васильковыми обшлагами и подбоем, 1304 козлиных штанов, 1956 пар чулок, 1304 зеленых епанеч.

1717: прибыло 1254 триповых галстука, 1254 пары башмаков «новым образом», 2508 пар чулок.

1718: прибыло 618 пар чулок, 500 шпаг с медными эфесами.

1719: прибыло 980 васильковых карпузов с красным подбоем, 980 триповых галстуков, 980 красных кафтанов с васильковым подбоем (из них 80 с позументом), 1070 козлиных штанов, 1950 пар чулок; 980 васильковых епанеч с красным каразейным подбоем, медными крючками и петлями; 560 шпаг с медными эфесами.

1720: было 400 копий, 136 пистолетов, 178 пистолетных лядунок, 55 ветхих алебард, 8 годных алебард, 8 знамен, 16 барабанов; прибыло 140 козлиных штанов, 324 васильковых епанчи, 1200 мушкетов со штыками и с ножнами «тульской работы», 140 шпаг с медными эфесами; «знамен с чехлы и с дротики камчатых черных 8, в том числе одно знамя белое камчатое с гербом».

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.28.

1721–1723: были васильковые карпузы, красные кафтаны, красные и зеленые камзолы; красные, васильковые и зеленые плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.14-14об., 17, 20об., 21об.

ВОЛОГОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Вологодского пехотного полку ведомость. В прошлом 700-м году набран был оный полк и построен, с начала штаб- и обер- и унтер-офицерами и рядовым солдатам и неслужащих. И что в котором году дано в добавку рекрут, и из каких людей, и в котором году, месяцах и числах, и что убыло и каким образом, и что от неприятеля побито и в полон побрано, и что ныне налицо, и сколько в том числе старых урядников и солдат, которые при учинении полку приверстаны, такоже де о ружье, и о мундире, и о лошадях, и о прочих полковых припасах — ныне в полку таких ведомостей не обретаются, понеже в прошлом 705-м году, как маршировал полк из местечка Агустава в Гродню, и в то число напали неприятельские люди-шведы на обоз, и во оном обозе всякие полковые книги и ведомости и записки отбили. А с прошлого 706 году по 710 год полковые книги, ведомости и записки были у майора Григорья Никитина сына Тетерина, который во время морового поветрия в прошлом 710 году июля 25 числа умре, и после одного майора таких книг, ведомостей и записок не явилось».

Полковые командиры: к 1711 полковник Матвей Матвеевич Фливерк (1714 умер), 1714 полковник Иван Федорович Барятинский (1717 переведен во 2-й гренадерский полк), 1717 бригадир и полковник Иван Алексеевич фон Менгдин.

1711: было 764 карпуза, 722 кафтана, 752 серых епанчи, 810 фузей, 784 штыка, 414 фузейных нагалищ, 798 шпаг, 643 портупей, 553 патронных сумы, 769 оливниц для мази, 65 пистолетов, 65 лядунок, 32 алебарды, 34 урядничьих (капральских) копья с подтоками, 8 фурьерских значков, 6 пороховых и 4 пулечных каптенармусских сумы, 1 красное знамя, 1 белое знамя, 16 деревянных барабанов, 16 барабанных перевязей с крюками, 16 барабанных чехлов, 1 хор гобоев, 1 церковный намет, 8 патронных ящиков, 32 ротных полушорки, 1 кузнечная снасть, 2 медные пушки, 4 пушечных ящика; прибыло 3 пулечных формы «большого и среднего калибра», 1174

портупей, 1192 портупейных пряжки, 815 патронных сум, 970 перевязей, 107 снятых с пикинерских древков копий, 1 красное знамя, 25 палаток, 1 аптечный ящик.

1712: прибыло 1304 шляпы, 1304 галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 1304 пары чулок, 1304 епанчи, 1040 затравок к ружьям, 400 пикинерских копий, 16 пистолетов, 46 лядунок со склянками, 42 лядушки с поясами, 32 алебарды, 8 урядничьих копий, 8 фурьерских значков, *«для заимки в поле летнем квартиры фурьерских тонких веревок — 2»*, 8 пороховых и 8 пулечных каптенармусских сум, 8 знамен, 16 барабанов с чехлами, 1 намет полковым и ротным писарям, 120 медных солдатских котлов, *«под полковые письма ящик с колесы — 1»*.

1713: прибыло 16 пистолетов, *«сделана от полку церковь 1»*.

1714: прибыло 1000 пар чулок.

1715: прибыло 1040 карпузов, 240 галстуков, 1040 кафтанов, 984 штанов, 2373 пар чулок, 1040 епанеч, 2 пистолета, 1 фурьерский значок, 4 медных барабана.

1716: прибыло 1982 пары чулок, 40 капральских копий, 2 деревянных барабана.

1717: было 8 винтовальных штуцеров для гобоистов, прибыло 68 карпузов (из них 8 красных), 1088 белых галстуков, 8 красных триповых галстуков, 68 кафтанов (из них 54 васильковых), 2296 пар чулок, 8 зеленых епанеч, 90 пистолетов, 16 барабанных чехлов.

1718: было 842 шпаги с железными эфесами, 263 шпаги с медными эфесами; прибыло 7 галстуков, 7 кафтанов, 2543 пары чулок, 3 епанчи, 144 пикинерских копья, 35 пистолетов.

1719: прибыло 9 солдатских копий, 1 пистолет, 10 пистолетных лядунок, 12 деревянных барабанов.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.34.

Полковые командиры: к 1703 полковник Иван Иванович Рыддер, 1708 полковник Матвей Матвеевич Фливерк РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.53. Л.57об.; Д.64. Л.31.

1709: прибыло 1212 зеленых карпузов, 1212 красных триповых галстуков, 1113 зеленых кафтанов, 1212 козлиных штанов, 1212 пар башмаков, 1212 пар чулок. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.371об.

1710: прибыло 1207 пар белых рубах с портами, 118 кафтанов, 1187 пар башмаков, 1145 пар чулок, 1207 пар сапог, 1207 серых епанеч, 25 палаток. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.371об.-372.

1717: прибыло красные карпузы, полотняные галстуки, васильковые епанчи. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.110.

1718: прибыло васильковые карпузы, васильковые и красные кафтаны, козлиные штаны, красные епанчи. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.110.

1722: были васильковые карпузы, зеленые плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.17.

ВОРОНЕЖСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«С прошлого 700-го году, от начала полку по... 714-й год, сколько было штаб-и обер-офицеров русских и иноземцев и по каким указам и от кого были пожалованы, а иноземцы — по каким капитуляциям или без капитуляций и откуда выехали и приняли российскую службу, и по чему получали денежного жалованья, и каким способом от полку отбыли; и сколько в тех годах было в полку урядников и солдат и неслужащих чинов, также полковых казенных лошадей и фурманных, и полковой артиллерии, и всякой арматуры, ружья и амуниции, и что в тех годах каких вещей принимано и от кого, и что убыло и каким способом, о том в полку справиться не по чем, того ради, что в прошлом 714-м году в плавном походе на разбитых галерах письма потонули».

Полковые командиры: к 1714 бригадир и полковник Федор Николаевич Балк (к 1719 генерал-майор).

1710: прибыло 123 шпаги с железными эфесами, 28 пистолетов, 179 пистолетных лядунок.

1712: прибыло 7 алебард.

1713: прибыло 833 шпаги с железными эфесами, 117 солдатских копий, 150 пистолетов, 129 пистолетных нагалищ, 8 алебард.

1714: было 1304 карпуза, 1304 триповых галстука, 1304 темно-зеленых кафтана, 1304 штанов, 2608 пар башмаков *«старого образца»*, 2608 пар чулок, 1304 епанчи, 299 солдатских копий, 294 пистолета, 170 лядунок, 3072 рогаточных копья, 72 урядничьих и капральских алебарды, 8 подпрапорщичьих копий, 8 фурыерских значков, 10 знамен, 10 знаменных чехлов, 16 барабанов, 16 барабанных чехлов, 2 медных пушки.

1715: прибыло 20 карпузов, 70 галстуков, 16 кафтанов, 70 штанов, 3243 пары башмаков *«старого образца»*, 3243 пары чулок, 15 епанеч.

1716: прибыло 1060 карпузов, 130 галстуков, 1060 кафтанов, 900 штанов, 200 пар чулок, 103 пары *«рукавиц перчаток»*, 1060 епанеч.

1717: прибыло 98 фузей со штыками *«тульской работы»*, 45 капральских копий, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 84 карпуза, 91 кафтан, 1200 васильковых штанов, 2586 пар чулок, 91 епанча, 683 тульских фузей со штыками, 115 шпаг с медными эфесами, 24 солдатских копья, 38 пистолетов, 16 деревянных барабанов.

1719: прибыло 1304 красных карпуза, 5 галстуков, 1177 красных кафтанов, 1704 пара чулок, 1200 епанеч, 19 тульских фузей со штыками, 24 пистолетных лядунок; убыло 24 гренадерских шапки с чехлами.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.33.

Полковые командиры: Федор Балк к 1719 был генерал-майором. РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.62. Л.305-328.

1709: прибыло 1200 рубах, 1200 пестрядинных и белых портов, 1200 красных абинных кафтанов, 1200 васильковых и белых абинных штанов, 142 палатки. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.381об.-382.

1710: прибыло 1023 шляпы, 1015 темно-зеленых кафтанов, 1031 камзол, 1050 темно-зеленых штанов, 1024 пары сапог, 1027 портупей с пряжками, 974 патронных сумы с перевязями и смазными склянками. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.154, 382.

1711: было 1023 шляпы, 1023 рубахи, 1015 красных галстуков, 1015 темно-зеленых кафтанов, 900 замшевых камзолов, 791 замшевые солдатские штаны, 97 зеленых суконных унтер-офицерских штанов, 800 пар белых чулок, 777 фузей со штыками, 1 медная форма, 1121 шпага, 45 палашей с портупеями, 777 патронных сум с замшевыми перевязями, 1000 ранцев, 96 пикинерских пик, 96 пикинерских пистолетов, 180 пистолетных лядунок, 9 винтовальных пицалей, 8 сержантских алебард, 8 каптенармусских алебард, 8 подпрапорщичьих полупик, 8 *«полупик фуриерских [с] значики»*, 48 капральских алебард, 86 унтер-офицерских пистолетов, 16 каптенармусских больших и малых сум, 2 камчатых знамени с дротиками и чехлами, 24 барабана, 24 замшевых барабанных перевязи с крюками, 13 красных суконных барабанных чехлов, 57 палаток, 8 патронных ящиков с хомутами и припряжами, 9 ротных фурманов, 9 цугов шор, 9 ротных пирамид, 20 немецких седел со стременами, 3 медных трехфунтовых пушки, 3 пушечных ящика, 1 пушечная палуба, 8 пар шор, 4 старых хомута, 11 пар старых узд, 7 немецких седел со стременами; в добавку надо: 1200 пар подвязок с пряжками, 1200 пар перчаток, 1200 бараньих шуб, 48 пистолетов с чушками и 144 железных лопатки с нагалищами для пикинеров, 2 юфти кож на чехлы для унтер-офицерских алебард и копий, 200 медных котлов (по одному на шесть человек), 1 полковой намет *«на знамены и на барабаны»*. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.378-381.

1712: от Казанской губернии в полк послано 304 копыя, 15 аршин зеленого сукна и 2 с половиной аршина красного сукна на 10 барабанных чехлов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.21-25.

1713: прибыло 1304 зеленых карпуза, 1304 галстука, 1224 темно-зеленых кафтана, 1304 замшевых штанов, 2608 пар башмаков, 2608 пар чулок, 1304 пары сапог, 1304 васильковых епанчи, 1121 лосиная портупейя. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.21. Ч.4. Л.3; от Казанской губернии в полк послано 1121 палаш с железными эфесами, 96 пикинерских копий, 144 пистолета, 8 алебард, 3072 верхних и нижних рогаточных копыя с припайными прутьями. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.21-25.

1720: прибыло 80 пар шерстяных перчаток для унтер-офицеров, капралов и писарей. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.994.

ВЫБОРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Книги Выборгского полку — в котором году полк набран и построен, и что с начала было штаб- и обер-офицеров, урядников и рядовых солдат и неслужащих, и что в котором году дано в дополнку рекрут, и из каких людей, и в котором году что убыло, и каким образом, и что от неприятеля побито, и в полон побрано, и что ныне налицо, и сколько в том числе старых урядников и солдат, которые при учинении полку приверстаны, також де о ружье, и о прочих полковых припасах, и о мундире, и о полковых лошадях, — и ныне в полку такой ведомости не по чем дать для того, что был в полку майор Иван Качеев с 701-го году по прошлый 709-й год, и оный майор за старостью из полку от службы отставлен и отпущен в дом свой, будучи при армии под Полтавою, а на его место пожалован в майоры Матвей Хитрово. А прошлых годов, до 709-го году, сын его, Василий Качеев, из Нарвы всякие полковые письма и ведомости увез с собою из Нарвы до прибытия полку в Нарву».

К 1709 полк насчитывал 1 гренадерскую и 8 мушкетерских рот. Гренадерская рота отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: к 1709 полковник Андрей Юрьевич Инглис (1713 *«выключен из полку»*), 1713 полковник Логин Логинович Шток (1719 *«выписан из полку в Киев в коменданты»*), 1719 подполковник Дмитрий Артемьевич Волков.

1709: было 777 строевых кафтанов, 1026 фузей, 140 багинетов, 47 штыков, 6 форм, 554 шпаги, 785 портупей, 735 патронных сум с перевязями, 1208 ранцев, 115 гренадерских сум, 115 гренадерских лядунок, 240 пикинерских копий, 140 пикинерских лядунок, 43 штуцера, 18 алебард, 20 каптенармусских сум, 9 знамен с дротиками, 24 барабана, 3 гобоя, 3 гобойных баса; прибыло 124 фузеи со штыками, 768 шпаг (из них 674 с железными эфесами), 205 портупей, 154 патронных суммы, 205 перевязей (из них 39 *«красных»*), 144 пистолета, 51 палатка, 1280 аршин холста на 32 солдатских палатки, 1 *«сундук с аптекою»*; 3 пуда железа на подковы, оковку патронных ящиков и колес.

1710: прибыло 133 фузеи, 128 шпаг с портупейями, 133 патронных суммы, 17 пикинерских копий, 2 пистолета, 2 лядунок, 8 алебард; 16 барабанов *«на краске и на золоте, с кожи боевыми и подструнными, да 8 лукошек барабанных на краске и на золоте»*; 9 гобоев, 3 басов, 8 *«шелмев»*, 8 *«флетдусов»* (флейт).

1711: прибыло 1000 черных шляп, 1023 козлиных штанов, 232 *«красных»* портупей, 1 хор гобоев, 8 патронных ящиков с окованными железом колесами; *«принято в Санкт-Петербурге из канцелярии Земских дел урядникам и солдатам на строевые кафтаны: зеленого сукна — 1412 аршин, абинкового сукна — 15454 аршина, на подкладку холста — 8000 аршин; из оного построено урядникам, капралам, писарям, гобоистам зеленых 103 кафтана, рядовым солдатам абинковых 898 кафтанов, карпузов 951; на вышеписанные кафтаны и карпузы на нитки и на воск денег*

30 рублей, и оные деньги на вышепомянутый мундир изошли; на оные ж кафтаны издержано ради сажения пуговиц кож сыромятных 2 юфти».

1712: прибыло 166 шляп, 15 карпузов, 170 абинковых кафтанов, 14 зеленых кафтанов, 200 абинковых штанов, 760 пар чулок, 110 шпаг «олоонецкого дела», 160 ранцев из юфтевой кожи, 44 пикинерских копья, 58 пистолетов, 23 пистолетных ля-дунки, 140 мушкетенов, 3 алебарды, 48 капральских полупик, 640 аршин холста и 10 фунтов нитей на 16 ружейных пирамид; «принято из канцелярии Земских дел на карпузы: зеленого сукна — 117 аршин 2 четверти 2 вершка, абинкового сукна — 882 аршина 2 четверти, да под карпузы 353 шляпы, нитей 20 фунтов, и оное употреблено в карпузы...

Принято из канцелярии Земских дел на епанчи: зеленого сукна — 6600 аршин, на подбор яренку — 1200 аршин, холста — 2400 аршин, денег на воск и на свечи* — 3 рубля 8 алтын 2 деньги...

Принято из канцелярии Земских дел: холста на палатки 8000 аршин, нитей 2 пуда; из оного построено 90 палаток».

1713: прибыло 31 карпуз, холст на галстуки, 26 абинковых штанов, 139 пар башмачных пряжек, 1012 пар чулок, 80 пар перчаток, 57 епанеч, 4 зеленых епанчи с яренковым и холстинным подбоем (на каждую 5 с половиной аршин сукна, 1 аршин яренка, 2 аршина холста), 200 юфтевых ранцев, 362 юфтевых полунагалища, 4 рубля 26 алтын 4 деньги «к ранцам и нагалищам на верви», 1 пика, 2 пистолета, 41 лядунка, 1 алебарда, 1 белое полковое камчатое знамя с гербом, 105 аршин камки на 7 ротных знамен; «принято из канцелярии Земских дел на палатки: холста — 12000 [аршин], нитей — 2 пуда, веревок — 720 сажень, да в наугольники и на обшивки веревок, кож юфтевых — 2; из оных построено палаток 40, в остатке холста 8010 аршин...

Принято из канцелярии Земских дел холста: на барабанный намет — 400 аршин, на церковный намет — 522 аршина... к церковному намету тесьмы — 200 аршин... под наметы веревок — 388 аршин».

1714: прибыло 1630 аршин холста на галстуки, 75 абинковых штанов с холстинной подкладкой, 660 пар башмачных пряжек, 2761 пара чулок, 39 шведских штыков, 696 фузейных нагалищ из юфтевой кожи, 200 юфтевых ранцев, 200 ремней к ним; «вервей на ранцы и полунагалища 1 пуд 6 фунтов, воску 4 фунта 40 золотников, вару 34 фунта»; 13 «негодных» шведских пистолетов с «жаграми» (фитильными замками), 100 пистолетных нагалищ из юфтевой кожи; «на 1000 кафтанов: зеленого сукна — 4000 аршин, из оного построено кафтанов 1000, в остатке сукна зеленого 112 аршин; красного [сукна] на обшлаги и воротники — 562 аршина 2 четверти, и оное употреблено в кафтаны, в остатке красного [сукна] 82 аршина; холста на подкладку под кафтаны — 9000 аршин, пуговиц медных — 20000, и оное употреблено; нитей — 1 пуд 32 фунта 88 золотников, воску — 5 фунтов...

На карпузы: зеленого сукна на 951 карпуз — 317 аршин, нитей — 32 фунта 64 золотника, воску — 2 фунта 36 золотников; из вышепомянутого построено 951 карпуз...

На чехлы барабанные: василькового сукна — 32 аршина, из оных построено 16 чехлов; на расшивку чехлов — абинкового сукна 16 аршин».

1715: было 1157 зеленых епанеч; прибыло 904 пары чулок, 594 кожаных ранца, 1568 пряжек к ранцам; 582 ремня к ранцам, «резаных надвое»; 8 медных барабанных лукошек; «сукна зеленого на 216 кафтанов — 864 аршина, красного на обшлаги и

* Свечи были необходимы портным для работы в темное время суток.

воротники — 121 аршин 2 четверти, холста на подкладку — 2560 аршин; из одного построено кафтанов 88, сукна пошло: зеленого — 352 аршина, красного на обшлаги и воротники — 44 аршина; в остатке: зеленого сукна — 512 аршин, красного — 77 аршин 2 четверти; пуговиц медных кафтанных — 357 портищ, воску — 1 фунт 21 золотник, нитей — 22 фунта 3 золотника...

— к вышеписанному [сукну], которое получено в 714-м году, — на карпузы зеленого сукна, на 951 карпуз 317 аршин, к оному [в добавок получено] василькового сукна на верхи 475 аршин 2 четверти; из одного построено карпузов 951».

1716: прибыло 1617 аршин холста на галстуки, 2500 пар башмачных пряжек, 5760 пар чулок, 976 шпаг с медными эфесами, 1446 железных портупейных пряжек, 25 пик и полупик, 122 пистолетных лядунки, 21 мушкетон; «на 10 карпузов: на верхи синего сукна — 5 аршин, на отвороты зеленого сукна — 3 аршина 1 четверть и вершок, сермяжного сукна — 5 аршин; из одного построено 10 карпузов...

На карпузные верхи красного [сукна] в добавку к 715-му году — 171 аршин 2 четверти, на отвороты василькового — 107 аршин 3 четверти, холста под карпузы — 170 аршин 2 четверти, плетешку белого нитного — 214 аршин, сермяжного сукна — 171 аршин 2 четверти; из одного построено карпузов 267; а красное сукно в остатке при полку, а вместо красного кладено из кафтанного зеленого сукна...

На камзолы: красного сукна — 1950 аршин 3 четверти, холста под камзолы — 5202 аршина, пуговиц камзольных — 1204 портища с полу[портищем]; из одного построено камзолов 867, в остатке прикройного сукна 44 аршина 2 четверти...

На штаны: василькового сукна — 1249 аршин, холста на подкладку — 4996 аршин, нитей — 26 фунтов 2 золотника, воску — 1 фунт 50 золотников; из одного построено штанов 1249...

На епанчи: зеленого сукна — 6380 аршин, вместо яренку — василькового сукна 144 аршина 1 четверть, яренку василькового — 928 аршин, холста под епанчи — 2320 аршин; из одного построено епанеч 1160...

На 101 епанчу: зеленого сукна — 555 аршин 2 четверти, яренку красного — 101 аршин; из одного построено епанеч 101...

Унтер-офицерам, капралам и писарям позументу на кафтаны — 285 аршин, и оный [позумент] на нижеписанные кафтаны весь положен...

На 88 кафтанов: зеленого сукна — 352 аршина, на обшлага и воротники красного сукна — 49 аршин 2 четверти, пуговиц кафтанных — 132 портища; из одного построено 88 кафтанов с позументом...

Под кафтаны байки васильковой унтер-офицерам, капралам и писарям — 330 аршин, и оное отдано под кафтаны...

На чехлы [барабанные]: красного сукна — 32 аршина, на расшивку чехлов зеленого — 5 аршин, на подкладку холста — 96 аршин; из одного построено чехлов 16...

Холста на церковный намет — 552 аршина, из одного построен намет; холста на барабанные наметы — 800 аршин; холста на солдатские палатки — 19400 аршин, из одного построено палаток 194... тесем на церковный намет — 200 аршин, веревок на солдатские палатки — 1164 сажени, веревок на барабанные наметы — 200 сажен, веревок на церковный намет — 200 сажен».

1717: прибыло 12 юфтевых перевязей; «на 961 карпуз: на верхи зеленого сукна — 480 аршин 2 четверти, на отвороты синего — 320 аршин 1 вершок и пол[вершка], холста подкладочного — 480 аршин 2 четверти, нитей — 35 фунтов 30 золотников с полу[золотником], воску — 2 фунта 37 золотников с

полу[золотником], плетешку белого нитного — 600 аршин 2 четверти 2 вершка, пуговиц карпузных — 480 портиц с полу[портищем]; из оногo построено карпузов 961, сукна с прикладом всё изошло. Да к тому дошито карпузов 286, а сукна пошло: из приему 715 году — кафтанного [зеленого] 143 аршина, да из приему 1716 году — василькового осталога 57 аршин; в остатке василькового 50 аршин...

На 1206 кафтанов: зеленого сукна — 4824 аршина, красного на обшлага и воротники — 301 аршин 2 четверти, яренку красного на подбой — 1809 аршин, холста на подкладку — 10854 аршина, пуговиц кафтанных — 1809 портиц, нитей — 2 пуда 7 фунтов 90 золотников, воску — 6 фунтов 25 золотников с полу[золотником]; из оногo построено кафтанов 1041, в остатке: сукна зеленого — 660 аршин, красного — 41 аршин 1 четверть...

Да построено из [сукна], осталога [от] 715 году, кафтанов 128, сукна пошло: зеленого — 512 аршин, красного — 64 аршина...

На 437 камзолов: красного сукна — 983 аршина 2 четверти, холста под камзолы — 2622 аршина, пуговиц камзольных — 874 портица, нитей — 15 фунтов 89 золотников, воску — 1 фунт 9 золотников; из оногo построено камзолов в 717-м году 385... сукна пошло 866 аршин 1 четверть, в остатке сукна 134 аршина 2 четверти».

1718: прибыло 1500 пар башмачных пряжек, 3620 пар чулок, 4 шпаги с медными эфесами; 600 юфтевых кож, «из оных построено ранцев 1200, в остатке кож 23. На оные ранцы: вару — 22 фунта 20 золотников, пряжек к ранцам — 1200, щетин — 2 фунта 43 золотника, ремней к ранцам юфтяных — 600, холста под ранцы — 2400 аршин, вервей — 1 пуд 22 фунта 48 золотников. И оные [припасы] в ранцы все изошли».

1719: прибыло 106 красных камзолов, 500 пар башмаков «нового образца», 72 аршина 3 четверти василькового яренка и 188 аршин холста на подбой к епанчам, 3 ветхих красных епанчи «вместо прикладу» на епанчи, 4 шпаги с медными эфесами.

1720: было 1057 карпузов, 1183 кафтана, 491 камзол, 95 епанеч, 974 шпаги с медными эфесами, 204 шпаги с железными эфесами, 139 солдатских копий с подтоками, 176 пистолетных нагалищ, 176 пистолетных лядунок, 140 мушкетонов, 14 штуцеров, 17 алебард, 46 капральских копий с подтоками, 8 фурыерских значков, 8 знамен с чехлами, 9 деревянных барабанов, 7 медных барабанов, 16 барабанных чехлов, 1 медная пушка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.56.

1713: прибыло 1 белое и 7 синих знамен. РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.673-673об.

1720: прибыло 40 зеленых епанеч. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.1007об.

1721: были зеленые камзолы. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.15об.

ВЯТСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«...с начала регулярной армии, от 700 году, в полку до 712 году обстоятельных ведомостей... нет, понеже письма утрачены в Турецкой акции. И в бытность в Мекленбургии [ведомости], по которым от излежания за негодностью выправиться было невозможно, брошены за неимением подвод, по выступлении из оной земли в Россию, в прибытие линбурцев» (корпуса люнебургских войск).

Полковые командиры: к 1711 полковник Иван Панин (1712 «из полку выписан»), 1712 полковник Иван Волинский.

1711: было 679 шляп, 1207 пар рубаш с портами, 849 кафтанов, 1207 пар башмаков с чулками, 766 фузей, 746 штыков, 855 шпаг с портупейми, 761 патронная сума с перевязями, 73 пистолета, 73 лядунки, 48 урядничьих алебард, 16 каптенармусских сум, 2 ветхих знамени, 18 барабанов с чехлами, 1 хор гобоев, 10 палаток, 78 лопаток, 29 кирок и мотыг, 16 патронных ящиков, 2 медных пушки с 4 железными мортирками, 6 пушечных ящиков.

1712: прибыло 218 шляп, 524 кафтана, 1151 штаны, 895 пар чулок, 111 локтей белого сукна на чулки, 42 епанчи, 8 копий, 3 пистолета, 8 лядунок, 8 фурыерских значков, 1 белое и 7 черных знамен с золочеными дротиками.

1713: прибыло 836 шляп, 482 кафтана, 200 кожаных камзолов, 1379 пар чулок, 210 плащей, 107 шведских фузей, 97 шведских штыков, 85 шведских патронных сум с перевязями; 53 палатки *«употреблено солдатам на щибелеты»*.

1714: прибыло 1304 зеленых карпуза, 1304 триповых галстука, 1304 кафтана, 1304 кожаных штанов, 268 пар чулок, 1304 васильковых плаща.

1715: прибыло 56 галстуков, 2608 пар чулок, 8 шпаг с медными эфесами, 210 пикинерских копий, 74 пистолета, 75 лядунок, 1 алебарда, 8 фурыерских значков, 16 барабанов с чехлами; убыло 144 пикинерских копыя.

1717: прибыло 15 карпузов, 1712 пар чулок, 1093 красных плаща с желтым подбоем, 2 мекленбургских знамени; убыло 48 капральских копий.

1718: прибыло 1286 карпузов, 98 шляп с позументом, 1283 васильковых кафтана, 98 камзолов, 98 штанов, 1296 пар чулок, 1 хор гобоев, 2 пары валторн, 2 *«фиолы»*, 1 хор *«флейтузов»* (флейт).

1719: прибыло 1312 пар чулок.

1720: было 1168 карпузов, 98 шляп, 98 штанов, 1070 красных плащей, 992 шпаги с железными эфесами, 145 шпаг с медными эфесами, 138 пикинерских копий, 136 пистолетов, 136 пистолетных ремней, 144 лядунки, 23 алебарды, 6 фурыерских значков, 2 знамени с дротиками *«мекленбургской дачи»*, 15 барабанов с чехлами, 1 хор гобоев, 2 пары валторн, 2 *«фиолы»*, 1 хор *«флейтузов»* (флейт).

РГВИА. Ф.490. оп.2. Д.39.

1711: прибыло 1205 шляп, 957 темно-зеленых кафтанов, 155 темно-зеленых штанов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.153об.

1722: были белые камзолы, красные плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.19.

ГАЛИЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Начался полк Галицкий быть в состоянии в 704-м году, набран в Нижнем, набору Александра Сергеева, набирал из городовых солдат, из солдатских детей, из церковных причетников, и с начала по списку во оном полку было 1000 человек».

Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 17... подполковник Яков Гаврилович Островский, 1711 подполковник граф Федор Иванович Ивах (Ivagh).

1705: прибыло 250 старых мушкетов; 7 белых знамен *«рупковых, расписаны красками, с древки и с дротики, и с чехлы суконными»*; 20 барабанов с перевязями, крюками и пряжками.

1706: прибыло 523 фузей, 200 штыков, 632 шпаги, 93 багинета, 1003 портупей, 610 сум с перевязями, 2 пушки, 1 пушечная палуба с припасами.

1707: прибыло 524 фузеи, 990 штыков, 1 железный котел, 8 железных «чумичей», 4 медных формы, 344 шпаги, 587 портупей, 448 патронных сум с перевязями; 94 гренадерских сумы с перевязями, крюками и пряжками; 94 лядунки, 9 каптенармусских сум, 1 хор гобоев, 12 флейт, 206 палаток, 9 патронных ящиков, 5 мотыг.

1709: с гренадерской ротой убыло 74 фузеи со штыками, 78 шпаг и портупей, 71 гренадерская сума с крюками и пряжками, 74 подсумка, 1 алебарда, 1 каптенармусская сума.

1710: прибыло 81 фузея, 39 штыков, 179 шпаг, 186 портупей, 11 патронных сум с перевязями, 70 подсумков, 32 алебарды.

1711: прибыло 529 фузей, 722 штыка (из них 700 шведских), 31 шпага, 26 портупей, 28 патронных сум, 27 перевязей, 96 пик, 1 алебарда, 15000 аршин белого абинкового сукна, 1000 аршин красного английского сукна, 8000 аршин холста на подкладку, 5 пудов ниток.

РГАДА. Ф.20. Оп.1. Д.16. Ч.1. Л.484-554.

Полковые командиры: 1707 Иван Стубенский, 1712 Василий Васильевич Пестриков. РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1132. Л.69об.

ПЕРВЫЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК

«Первого гренодерского полку, который состоял под именем его превосходительства господина генерала кригс-президента и кавалера Адама Адамовича Вейде, [что] состояло во оном полку штаб- и обер-офицеров, урядников, капралов, рядовых гренодеров и заротных чинов, також лошадей полковых подъемных, и всякой полковой арматуры, ружья, мундиру, и всяких полковых вещей в 715-м году апреля с 1-го числа, и что дано в добавку и откуда, и где и что убыло, значит под сим».

Полковые командиры: к 1715 полковник Дмитрий Ларионович Порецкий.

1715: было 1277 гренадерских шапок с чехлами, 1302 зеленых кафтана, 1240 зеленых абинковых штанов, 1296 пар чулок, 1228 синих епанеч, 635 красных епанеч, 788 палашей с медными эфесами, 93 палаша с железными эфесами, 1193 медных фитильных трубки, 8 фурьерских значков, 16 медных барабанов с чехлами, 8 «флей-хор» (флейт), 16 патронных и 16 гранатных ящиков, 1 «аптекарский сундук»; прибыло 1304 красных триповых галстука, 64 зеленых абинковых штанов, 1312 пар чулок, 669 красных епанеч, 661 палаш с медными эфесами, 31 портупея с железными пряжками; 31 офицерская гренадерская шапка («шитых золотом»), 31 офицерская гренадерская сума с перевязью, 2 знамени с дротиками и чехлами.

1716: прибыло 1304 гренадерских шапки с чехлами; «на гранаты учебные издержано: палатка 1».

1717: прибыло 1712 пар чулок.

1718: прибыло 1312 гренадерских шапок, 1312 черных триповых галстуков, 1312 темно-зеленых кафтанов, 1312 козлиных штанов, 2608 пар белых чулок, 1312 темно-зеленых епанеч, 1200 портупей с медными пряжками, 8 фурьерских значков.

1719: прибыло 2624 пар белых чулок, 1192 медных фитильных трубки, 16 барабанных чехлов.

1720: «Полковые телеги сделаны и выкрашены, и на одной стороне звание полку, також де и нумеры написаны, а гербов на другой стороне не поставлено для того, что моделей в полк о гербах не прислано.

Ящики патронные и гранатного (так в документе — Авт.) сделаны, и колеса окованы, по указу ж, одним манером, и выкрашены, и подписаны звание полку, а гербов на ящиках не назначено для того, что моделей в полк не прислано.

О палатках штаб- и обер-офицерских, чтоб были под одну статью, моделей из Военной коллегии в полк не прислано, и палатки еще не деланы.

У штаб- и обер-офицеров грудные знаки сделаны. А о кратком оружии офицерском и унтер-офицерском моделей в полк не прислано, каким образом быть, а без моделей не сделаны».*

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.46.

1712: от Казанской губернии в полк послано 21 аршин зеленого и 4 аршина красного сукна на 4 барабанных чехла. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.25-27.

1720: прибыло 80 пар козлиных перчаток для унтер-офицеров, капралов и писарей. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.986об.

1721: прибыло темно-зеленые кафтаны, замшевые штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.10. Д.21. Ч.8. Л.28.

1724: прибыло 64 красных епанчи с синим подбоем, 5113 аршин 14 вершков красного английского сукна и 2687 аршин синего немецкого ярена и московской каразеи на пошив 1034 епанеч. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.10. Д.21. Ч.8. Л.28об.

ПЕРВЫЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК*

«Состоялся Первый гренадерский полк в 708-м году марта 12 дня. Сведен онный полк из разных полков».

При формировании полк насчитывал 8 рот, 33 офицера и чина унтер-штаба, 1016 нижних чинов.

Полковые командиры: 1708 полковник Ефим Христианович Бук (1710 генерал-майор и полковник Бук *«отпущен с апиштом в свою землю»*), 1710 подполковник барон Леинрот (1711 умер), 1711 подполковник Александр Романович Фрезер, 1712 полковник Иван Алексеевич фон Менгден (1715 бригадир, 1717 переведен в Вологодский пехотный полк), 1717 полковник Денис Яковлевич Бильс.

1708: было 741 гренадерская шапка, 881 кафтан, 690 штанов, 871 фузея со штыками, 871 фузейный ремень, 871 полунагалище, 712 натрусок, 911 шпаг, 911 портупей с пряжками, 847 гренадерских сум, 847 перевязей с крюками, 720 фитильных трубок, 871 лядунка с ремнями, 8 фурьерских значков, 15 каптенармусских сум, 22 капральских ночника, 16 барабанов с уборами, 8 патронных ящиков, 8 гранатных ящиков, 45 телег, 109 хомутов, 109 ременных узд; прибыло 90 гренадерских шапок, 995 рубак, 995 портов, 90 кафтанов, 90 штанов, 874 пары башмаков, 995 пар сапог, 130 пар чириков, 676 пар чулок, 90 фузей со штыками, 90 шпаг, 90 гренадерских сум, 90 лядунок; *«марилагов сделано больших 96, пороху изошло по полуфунту в марилаг».*

1709: прибыло 801 гренадерская шапка, 801 триповый галстук, 801 рубаха, 801 порты, 801 кафтан, 801 штаны, 801 пара башмаков, 801 пара сапог, 801 пара чулок, 694 портупей с пряжками, 622 гренадерских суммы с перевязями и фитильными трубками, 125 железных лопаток, 48 кирок.

* *«Краткое оружие»* — прямой перевод немецкого термина *«Kurzgewehr»*; в данном случае речь идет о протазанах и алебардах.

* Еще один гренадерский полк, претендовавший на звание Первого.

1710: прибыло 83 фузеи со штыками, 83 полунагалища, 83 роговых натруски, 87 шпаг, 87 портупей с пряжки, 76 гренадерских сум, 76 фитильных трубок, 83 лядунки с ремнями, 1 фурыерский значок, 1 каптенармусская сума, 4 капральских ночника, 1 патронный ящик, 1 гранатный ящик, 8 телег, 12 хомутов, 12 узд, 272 палатки.

1711: прибыло 198 фузей, 178 штыков, 190 шпаг, 20 гренадерских сум.

1712: прибыло 1296 гренадерских шапок, 1296 галстуков, 1296 кафтанов, 1296 пар чулок, 1296 епанеч, 16 пистолетов, 8 фурыерских значков, 48 капральских ночников, 16 деревянных барабанов с чехлами, 161 медный котел.

1713: прибыло 28 офицерских шапок, 27 офицерских сум.

1714: прибыло 1165 гренадерских шапок, 1296 галстуков, 1000 кафтанов, 1800 пар чулок, 1 медный барабан.

1715: прибыло 50 кафтанов, 2592 пары чулок, 1000 епанеч, 42 мушкетерских сумы, 2 деревянных барабана с чехлами.

1716: прибыло 1110 пар чулок.

1717: прибыло 1145 гренадерских шапок, 1142 кафтана, 1126 штанов, 2212 пар башмаков *«старого образца»*, 2212 пар чулок, 31 епанча, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 102 кафтана, 1294 епанчи, 16 деревянных барабанов.

1719: прибыло 1296 галстуков, 32 кафтана, 1444 пары чулок, 29 епанеч; убыло 12 пистолетов.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.64.

ВТОРОЙ ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК

«В прошлом 710-м году, в генваре месяце, по указу его высокографского сиятельства господина генерала-адмирала и кавалера Федора Матвеевича Апраксина даны от полков гренадерские роты во оной полк.

Роты от полков: 1. Санкт-Петербургского, 2. Троицкого, 3. Владимирского, 4. Архангелогородского, [5. Выборгского], 6. господина Апраксина, [7. Пермского], 8. Юрлова... 10. Белозерского... 12. Чемесова... и оные роты сообщены в восемь рот».

В 1711 полку были приданы гренадерские роты Азовского и Ярославского полков, «а Пермского и Чемесова полков роты гренадерские и [офице]ры по указу его графского сиятельства господина генерала-адми[рала] и кавалера Федора Матвеевича Апраксина по взятии... оставлены в Выборге.

А в которых месяцах и числах вышеписанные об[ер]-офицеры отбыли от полку, и на их места кто по какому ук[азу] пожалованы во оный полк, и сколько обреталось в выше[пи]санных ротах урядников и рядовых и неслужащих, так[ож] ружья, мундиру, лошадей, и всякой арматуры, о том веде[ния] в полку нет, понеже в галерном флоте, идучи от Ваз[...] в 714-м году сентября в 24 день разбило великой погодой [...галеру] того полку, на которой был майор Вуд, и полковые вся[кие] письма все потонули».

Полковые командиры: 1710 подполковник Илья Ерофеевич Лутковский (1710 переведен в Белозерский полк с чином полковника), к 1714 полковник Денис Яковлевич Бильс (1717 переведен в 1-й гренадерский полк), 1717 бригадир и полковник князь Иван Федорович Барятинский (1719 *«отпущен от генералитету в Санкт-Петербург»*).

1714: было 930 *«солдатских»* и 18 обер-офицерских гренадерских шапок, 18 обер-офицерских гренадерских сум, 730 шпаг с железными эфесами, 4 алебарды, 7

фурьерских значков, 9 деревянных барабанов, 6 медных барабанов, 16 барабанных чехлов, 1 *«ящик с аптекою»*.

1715: прибыло 1685 пар башмаков *«старого образца»*, 1782 пары чулок.

1716: прибыло 1304 зеленых кафтана, 867 красных камзолов, 503 васильковых штанов, 2608 пар башмаков *«старого образца»*, 1304 пары башмачных пряжек, 2608 пар чулок, 1304 васильковых епанчи, 1110 шпаг с медными эфесами; 2 деревянных барабана, 8 флейт; 260 аршин золотого и 20 аршин 3 вершка серебряного позумента на кафтаны урядникам, капралам и писарям.

1717: прибыло 1304 гренадерских шапки, 437 красных камзолов, 801 васильковые штаны, 92 олонекских фузей, 192 шпаги с медными эфесами, 16 пистолетов, 8 фурьерских значков, 8 деревянных барабанов.

1718: прибыло 1265 холстинных галстуков, 2271 пара башмаков *«старого образца»*, 1304 пары башмачных пряжек, 5177 пар чулок, 1108 олонекских фузей со штыками.

1719: прибыло 909 холстинных галстуков, 744 пары башмаков *«старого образца»*, 231 пара башмаков *«нового образца»*, 1093 пары башмачных пряжек, 1155 пар чулок, 2 вил *«для охранения от пожару»*; *«сшито на... рекрут камзолов 10 из остаточного сукна и холста, которое числилось сверх комплекту от шитья кафтанов от приему 716 году»*; убыло 4 алебарды.

1720: было 1279 *«солдатских»* и 18 обер-офицерских шапок, 1271 шапочный чехол, 433 красных камзола, 801 васильковые штаны, 47 васильковых епанеч, 1248 шпаг с медными эфесами, 13 шпаг с железными эфесами, 8 фурьерских значков, 10 деревянных и 6 медных барабанов, 16 барабанных чехлов, 8 флейт.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.42.

1720: прибыло 240 зеленых кафтанов; 80 пар шерстяных перчаток для унтер-офицеров, капралов и писарей. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.987-987об.

ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК КАМПЕНГАУЗЕНА

Полковые командиры: 1712 полковник Иван Иванович Кампенгаузен (I. Camperhausen).

1713: было 548 шапок, 737 кафтанов, 8 фурьерских значков, 16 барабанов; прибыло 221 ветхая шляпа, 897 старых зеленых кафтанов, 5 старых красных кафтанов, 4 ветхих штанов, 200 старых козлиных камзолов, 1874 пары чулок (из них 680 пар серых).

1714: прибыло 1304 гренадерских шапки, 1304 галстука, 1241 кафтан, 1304 штанов, 2608 пар чулок, 279 епанеч, 1304 палаша, 255 медных пряжек к портупьям, 8 фурьерских значков, 16 барабанов с чехлами, 5600 гранатных трубок; *«рубях гнилых для делания шлаков учебных — 197, порток — 110»*.

1715: прибыло 66 зеленых кафтанов, 2608 пар чулок, 1025 епанеч, 71 старая шведская фузея со штыком.

1716: прибыло 400 пар чулок; убыло 80 шпаг с железными эфесами, 20 палашей с медными эфесами.

1717: прибыло 484 кафтана, 1123 штанов, 1611 пар чулок, 899 зеленых епанеч; *«шлаков выброшено 769, в каждом шлаке по 2 патрона»*.

1718: прибыло 1300 красных триповых галстуков, 824 красных кафтана, 193 козлиных штанов, 2087 пар чулок, 414 зеленых епанеч.

1719: прибыло 12 гренадерских шапок, 3 галстука, 12 кафтанов, 4 штанов, 2182 пары чулок, 14 епанеч.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.27.

ГРЕНАДЕРСКИЙ ПОЛК ЛЕССИ

«Сей гренадерский полк сведен из мушкетерных полков, по 1 роте из полку, а не набором набираен, а [во]зведен в звание гренадерского полку в 708 году. И с того году, которые были у полковых дел письма, оные на Турецкой акции брошены».

Полковые командиры: 1709 полковник Петр Эдмунд Лесси (Peter Edmond Lasy, 1711 бригадир, 1712 генерал-майор), 1711 полковник Андрей де Брылий (Брыл, de Brilly).

1711: было 906 гренадерских шапок, 906 галстуков, 906 пар рубах с портами, 906 кафтанов, 906 штанов, 906 пар башмаков, 906 пар чулок, 8 фурьерских значков, 18 барабанов, 16 флейт.

1712: прибыло 850 «рожков с пружинками» (натрусок), 16 барабанных чехлов; *«брошено и [на] наконечники к ножнам употреблено трубок фитильных 855».*

1713: прибыло 24 шляпы для погонщиков, 1310 пар чулок.

1714: прибыло 1304 галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 2608 пар чулок, 1304 плаща, 8 фурьерских значков; *«гранат учебных выпалено 2500, а в каждую гранату по 2 патрона».*

1715: прибыло 1304 гренадерских шапки.

1716: прибыло 400 пар синих чулок.

1717: прибыло 830 кафтанов, 1153 штанов, 1611 пар чулок.

1718: прибыло 1239 гренадерских шапок с чехлами, 1304 триповых галстука, 496 кафтанов, 473 штанов, 2087 пар чулок, 1304 плаща, 4 барабана.

1719: прибыло 2182 пары чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.50.

Полковые командиры: к 1711 полковник Андрей Францевич Брыл. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.318.

1709: прибыло 895 гренадерских шапок, 900 темно-зеленых кафтанов, 900 красных штанов, 900 пар башмаков. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.319.

ИВАНГОРОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Полковые командиры: к 1711 генерал-майор и полковник Буш, полковник Василий Иванович Шалдяев.

1711: прибыло 1207 шляп, 1207 зеленых кафтанов, 1207 красных штанов.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.153об., 311.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Ингерманландского пехотного полку ведение. В прошлом 703-м году набираен оный полк по указу Царского Величества в трех баталионах из вольницы, под именем светлейшего князя. И кто с начала были штаб- и обер-офицеры, и сколько было урядников и рядовых и неслужащих, и из каких чинов, такоже лошадей полковых и казенных, и в бытности оному полку в драгунском звании что было лошадей

драгунских, и артиллерии полковой, и всякой арматуры, ружья, мундиру, и всяких припасов, и к тому что того чего, а именно рекрут, ружья и прочего вышепомянутого с начала одного полку откуды в дополнку в котором году принимано и от кого, и что из того числа где людей на баталиях, на акциях и на штурмах побито, в полон побрано, от службы отставлено и померло, а ружья, и всяких припасов, и лошадей — что, где, каким образом убыло, и о вышепомянутом о всём подлинных ведомостей и именных списков с начала полку по 711-й год сделать не из чего, понеже полковые письма в 711-м году в Турецкой акции утрачены».

К 1711 полк насчитывал 1 гренадерскую и 12 мушкетерских рот.

Полковые командиры: 1703 генерал-фельдмаршал и полковник князь Александр Данилович Меншиков; полковник: к 1711 Иван Яковлевич Дупрей (Ду Прей, 1710 полковник, 1712 бригадир, 1713 генерал-майор); подполковники: к 1711 Андрей Иванович Ревенс (Ревенц, 1714 умер в чине полковника) и Григорий Иванович Орлов (1719 полковник), 1712 Гаврила Леонтьевич Баскаков.

1711: было 1594 фузеи, 905 штыков, 1749 полунагалищ, 906 шпаг с железными эфесами, 505 шпаг с медными эфесами, 1602 портупей с пряжками, 1594 драгунских лядунки; «знамен с дротики драгунских 8, чехлов знаменных 8; да знамен новых: пехотное 1, драгунских 2, которые даны в Турецкой акции»; 7 гобоев, 31 деревянный барабан с перевязью, 62 барабанных кожи, 31 барабанный спуск; прибыло 2100 шляп, 2100 галстуков, 2100 кафтанов, 2100 козлиных камзолов, 2100 козлиных штанов, 1170 красных плащей.

1712: прибыло 379 красных епанеч, 192 саксонских фузеи, 275 шпаг с железными эфесами, 120 гренадерских сум с перевязями и фитильными трубками, 120 гренадерских лядунок, 504 пики (из них 70 капральских), 36 алебард, 12 знамен с чехлами, 26 медных барабанов; убыло 1594 драгунских лядунки, 160 солдатских и капральских пик, 31 деревянный барабан.

1713: прибыло 1950 шляп, 2034 галстука, 2100 васильковых кафтанов, 2100 белых камзолов, 2100 белых штанов, 2034 пары башмачных пряжек, 2034 пары чулок, 198 шведских фузей, 181 шведский штык, 57 шведских патронных сум, 137 шведских перевязей к патронным сумам, 26 медных барабанов, 1 аптечный ящик.

1714: прибыло 1870 пар чулок, 2097 красных плащей.

1715: прибыло 1990 шляп, 2100 галстуков, 2100 зеленых кафтанов, 2100 козлиных штанов, 4260 пар чулок, 2257 шпаг с медными эфесами, 157 гренадерских шапок, 162 гренадерских сумы с перевязями и фитильными трубками, 162 гренадерских лядунки, 600 солдатских и капральских пик, 297 пистолетов, 12 алебард, 12 фурьерских значков.

1716: прибыло 4242 пары чулок.

1717: прибыло 2400 пар чулок, 2144 васильковых плаща, 35 мушкетонов.

1718: прибыло 711 шляп, 2146 триповых галстуков, 2145 красных кафтанов, 2146 козлиных штанов, 4256 пар чулок.

1719: прибыло 185 пистолетных лядунок с ремнями.

1720: прибыло 2109 пар «одинаких» чулок, 1480 красных епанеч, 26 патронных ящичков, 2 гранатных ящика.

1721: прибыло 1990 шляп, 2132 пары «валяных» чулок, 2132 пары «одинаких» чулок, 247 шпаг с медными эфесами.

Полковые командиры: Иван Дупрей — 1707 подполковник, 1710 полковник, 1712 бригадир, 1713 генерал-майор. РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.64.

1709: прибыло 1500 красных епанеч. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.41.

1722: были васьильковые кафтаны. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.20.

КАЗАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Ведение Казанского пехотного полку. По указу Царского Величества набран оный полк в прошлом 700-м году, набору господина генерала и кавалера Адама Адамовича Вейде в Москве в Преображенском, из людей боярских, из дворовых, которые шли в службу Царского Величества волею. И сколько во оном полку с начала было штаб- и обер-офицеров, урядников, рядовых и неслужащих, и что к тому числу дано было штаб- и обер-офицеров, в дополнку рекрут, ружья, мундиру, и лошадей, и всякой военной арматуры, и что с прошлого 700-го году по 711-й год июля по 20 число в тех прошедших годах убыло, и каким образом, описать нечего, понеже, как оный полк был в 700-м году при Нарве, и в 711-м году при Турецкой акции, полковые письма от неприятельских людей в обозе отбиты...

А помянутый полк был под именем господина генерала и кавалера барон фон Галарта с 705-го по 713-й год, и по указу Царского Величества отпущен оный генерал в отечество свое. А с 713-го по 716-й год был под именем оный же полк господина генерала-майора Бона».

Полковые командиры: к 1711 полковник Иван Ефимович Штейн (1711 переведен в Псковский пехотный полк), 1711 полковник Виллим Иванович фон Феникбир (1713 переведен в Сибирский пехотный полк), 1713 подполковник Иван Григорьевич Безобразов (1714 полковник, 1716 переведен в Московский пехотный полк), 1716 полковник Федор Ицыхелев (Ицыхилев) Буларт.

1706: прибыло 1300 кафтанов, 1299 камзолов, 1300 штанов, 1299 пар башмаков, 1300 пар чулок, 1298 пар подвязок к чулкам.

1709: прибыло 1200 шляп, 1207 триповых галстуков, 1186 кафтанов, 821 штаны, 1207 пар башмаков, 1207 пар чулок.

1710: прибыло 1207 пар рубаш с портами, 21 кафтан, 9 штанов, 1207 пар сапог, 1207 епанеч.

1711: было 847 фузей, 727 штыков, 7 фузейных форм, 799 шпаг, 799 портупей, 847 патронных сум с перевязями, 62 пистолета, 16 лядунок, 8 штуцеров, 16 алебард, 48 капральских копий, 16 каптенармусских сум, 2 знамени с чехлами, 8 деревянных барабанов, 6 гобоев, 178 железных лопаток, 62 кирки и мотыги, 8 патронных ящиков, 2 медных пушки с 4 чугунными мортирками, 2 банника, 2 шуфлы, 4 «*скорострельных*» ящика.

1712: прибыло 1310 карпузов, 1308 галстуков, 1310 кафтанов, 1309 штанов, 1304 пары чулок, 1310 епанеч, 400 пикинерских копий, 103 пистолета, 101 пистолетное нагалище, 4 пистолетных формы, 144 пистолетных лядунки, 64 алебарды, 8 фурьерских значков, 8 знамен с чехлами, 16 деревянных барабанов, 16 барабанных чехлов, 1 аптечный ящик, 1 медная пушка с 2 чугунными мортирками; убыло 10 пикинерских копий, 48 капральских копий, 1 медная пушка с 2 чугунными мортирками.

1713: прибыло 1808 пар чулок, 96 шведских копий с древками и подтоками; убыло 389 пикинерских копий.

1714: прибыло 1070 карпузов, 1065 галстуков, 1025 кафтанов, 1070 штанов, 2060 пар чулок, 1668 епанеч.

1715: прибыло 1820 пар чулок, 8 медных барабанов.

1716: прибыло 2066 пар чулок.

1717: прибыло 1227 карпузов, 1156 галстуков, 1229 кафтанов, 1043 штанов, 2312 пар чулок, 1227 епанеч, 48 переделанных из алебард капральских копий, 16 барабанных чехлов; убыло 15 алебард.

1718: прибыло 1241 пара башмаков «нового образца», 2487 пар чулок, 46 пикинерских копий, 156 пистолетов.

1719: прибыло 84 карпуза, 113 галстуков, 92 кафтана, 575 пар башмаков «нового образца», 1213 пар чулок, 5 епанеч, 3 копыя, 3 пистолета, 105 пистолетных лядунок; убыло 48 алебард.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.38.

Полковые командиры: полковник Виллим фон Феникбир в 1711 переведен из Псковского пехотного полка.

1712: от Казанской губернии в полк послано 1202 *«ремней фузейных на темляки с пряжки»*; 1104 трещотки с пыжовником *«единаких, нового образца»*; 418 копий с припайными прутьями, 63 пары пистолетов, 48 алебард, 8 пучков фурыерских веревок (160 сажень), 1 яринный церковный намет. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. 12-15об.

1718: прибыло козлиные штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.109об.

1720: прибыло 80 пар шерстяных перчаток для унтер-офицеров, капралов и писарей. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.995об.

КИЕВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«...с 700 году по... 711 год ведения в полку не обретається для того, что на помянутые годы всякие полковые письма при Турецкой акции по приказу генеральному все сожжены, и ныне выправиться не по чем».

К 1711 полк насчитывал три батальона. В 1712 третий батальон был *«выписан»* в Киево-Печерский полк.

Полковые командиры: к 1711 полковник (позднее — бригадир) Василий Яковлевич Левашов.

1711: было 1271 шляпа, 1400 красных кафтанов, 550 штанов, 1291 красная епанча, 1313 фузей, 1133 штыка, 1243 фузейных перевязи, 6 медных фузейных форм, 1268 шпаг с железными эфесами, 1347 портупей, 1191 патронная сума, 340 ранцев, 53 пистолета, 52 пистолетных лядунок, 24 алебарды, 9 каптенармусских сум, 14 барабанов, 21 барабанная перевязь, 12 патронных ящиков, 137 шор и хомутов, 90 железных лопаток, 45 кирок и мотыг, 1 наковальня, 2 молота, 1 стуловые тиски, 2 клещей, 1 мех; 3 медных пушки с 6 чугунными мортирками, при них: 6 патронных ящиков, 3 шуфлы, 3 цепа, 3 банника и забойника; прибыло 1810 пар рубах, 1810 пар портов, 1810 пар сапог, 151 фузея, 128 портупей с пряжками, 3 знамени с чехлами, 12 телег и палуб.

1712: прибыло 656 шляп, 229 кафтанов, 3 камзола, 210 штанов, 245 пар чулок, 100 епанеч, 623 шпаги с железными эфесами, 457 медных портупейных пряжек, 48 солдатских копий, 63 пистолета, 3 пистолетных лядунок с ремнями, 3 алебарды, 7 капральских копий, 24 пороховых и пулечных каптенармусских сумы, 8 знамен с чехлами, 13 барабанов, 24 барабанных чехла.

1713: прибыло 1217 шляп, 1352 черных галстука (из них 978 гарусные), 1053 кафтана, 1036 камзолов, 984 штанов, 971 пара медных башмачных пряжек, 2463 пары чулок (из них 971 пара белых), 54 епанчи.

1714: прибыло 79 красных солдатских кафтанов; из Вятского полку передано 72 васильковых кафтана, 6 белых кафтанов, 72 белых камзола, 60 белых штанов; 8 красных писарских кафтанов с серебряным позументом, 2608 пар чулок, 1 аптекарский ящик.

1715: прибыло 152 шляпы, 2 ветхих карпуза, 941 красный триповый галстук, 191 кафтан (из них 12 ветхих белых), 2608 белых и серых чулок; 1304 васильковых епанчи с красным подбоем *«русской работы, в том же числе унтер-офицерских аглицкой работы 100»*; 175 фузей со штыками *«тульской работы»*, 1200 фузейных и пистолетных ремней, 381 портупея с медной пряжкой, 144 пикинерских копья, 74 пистолета, 144 пистолетных лядунки, 40 серых ветхих *«подводческих»* кафтанов.

1716: прибыло 1304 черных шляпы, 1304 васильковых кафтана (из них 88 с позументом), 1304 васильковых штанов, 16 барабанов.

1717: прибыло 1712 пар чулок.

1718: прибыло 45 шляп, 1304 красных триповых галстука, 36 ветхих кафтанов, 36 козлиных штанов, 2608 пар чулок, 1304 васильковых епанчи с красным подбоем, 164 фузей со штыками *«тульской работы»*, 1200 фузейных и пистолетных ремней, 1312 шпаг с медными эфесами, 22 пистолета, 8 фурьерских значков, 2 барабана, 16 барабанных чехлов.

1719: прибыло 1224 васильковых карпуза с красным подбоем, 88 *«шляп унтер-офицерских и капральских вместо картузов»*, 8 черных триповых галстуков; 1348 васильковых кафтанов с медными пуговицами, красными обшлагами, красным яреновым подбоем и крашенинной подкладкой; 1312 васильковых штанов, 2624 пары чулок, 8 васильковых епанеч, 2 пикинерских копья, 1667 рогаточных копий, 16 алебард; золотой позумент: сержантам — 64 аршина; подпрапорщикам, каптенармусам и фурьерам — 96 аршин; капралам — 127 аршин 2 вершка.

1720: прибыло 1353 пары чулок, 16 медных барабанов.

«Полевых пушек станки и колеса окованы, и совсем сделаны, и выкрашены.

Ящички пушечные и патронные також де сделаны, и колеса окованы, по указу ж, одним манером, и выкрашены, и подписаны — звание полку. А гербов на ящичках не назначено для того, что модели в полк о гербах не прислано.

Полковые телеги сделаны и выкрашены, и на одной стороне звание полку, також де и нумеры написаны, а гербов на другой стороне не ставлено ж.

О палатках штаб- и обер-офицерских, чтоб были под одну стать, модели из Военной коллегии в полк не прислано, и палатки еще не деланы.

У штаб- и обер-офицеров грудные знаки сделаны. А о кратком оружии офицерском и унтер-офицерском модели в полк не прислано, каким образом быть, а без модели не деланы».

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.35.

1710: прибыло 1482 шляпы, 1810 пар рубаш и портов, 1810 красных кафтанов с желтыми обшлагами, 1810 красных каразейных и яреновых штанов, 1810 пар башмаков, 1810 пар васильковых чулок, 1810 пар сапог, 78 красных плащей. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.153, 327.

1716: кафтаны имели белый приклад и белую байковую подкладку; на солдатские кафтаны приобрели 2438 дюжин оловянных пуговиц, на унтер-офицерские кафтаны — 88 дюжин медных пуговиц. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.4. Д.1. Ч.1. Л.21об.-22.

1721: были васильковые камзолы и штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.13об., 14, 19.

КОПОРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Копорский полк набран в Казани в 703-м году из городских солдат, и из солдатских и из пушкарских, из казацких и из стрелецких и из подьяческих детей и из церковников. А набирал оный полк Александр Сергеев, а какого он чину тогда был, о том в полку не ведомо. И набрано было тысяча человек, и даны были от него восемь знамен и ружье ветхое, и определен к тому полку от него, Александра Сергеева, казанец из дворян Афанасий Скрыпицын за полковника; другой дворянин, казанец же, за подполковника, — Львов, третий, из дворян же, свияженнин, Григорий Аникиев, — за майора. А за капитанов, и за поручиков, и за прапорщиков были определены из тамошних же дворян. И привел оный Скрыпицын с помянутыми дворяны тот полк в Оршу в 706-м году, и в Орше Царское Величество изволил тот полк смотреть, и приказал быть у того полку вместо полковника Преображенского полку капитану Алексею Головину, а за майора и за подполковника Преображенского ж полку капитану Зибуруху, а помянутые дворяне, Скрыпицын и Львов, отпущены в Казань. И в том же году прибыл оный полк в Киев, и в Киеве определены из разных полков... офицеры... а достальные казанские дворяне от Киева отпущены все в Казань. И в то же время, как Чамберсов полк скасован, и по скасовании урядников и солдат, что осталось после раздачи Преображенского и Семеновского полков, даны в Копорский полк; также в добавку и в перемену знамен, и ружья, и артиллерии, и полковых лошадей, и всякой арматуры дано ж было, а сколько чего того — написать не с чего, понеже все полковые книги и письма утрачены в Турецкой акции».

Полковые командиры: 1707 полковник Алексей Головин (1708 бригадир, 1709 генерал-майор), 1710 полковник фон Зибурух (1711 переведен в гренадерский полк дивизии Адама Вейде), 1711 полковник Андрей Юрьевич Шкот (Scott).

1711: было 965 шляп, 1001 зеленый кафтан, 690 серых епанеч, 913 фузей со штыками, 1 чугунный котел, 3 железных уполовника, 6 железных пулечных форм, 944 шпаги с железными эфесами, 944 портупей с пряжками, 913 патронных сум с перевязями, 31 пистолет, 31 пистолетная лядунка, 16 алебард, 48 капральских копий, 8 каптенармусских сум, 2 знамени, 16 деревянных барабанов, 8 гобоев, 13 пирамид со шляпами, 8 патронных ящиков, 33 железных лопатки, 4 кирки и мотыги, 4 сенокосных косы, 2 медных пушки с 4 чугунными мортирками, 5 пушечных ящиков.

1712: прибыло 1304 шляпы, 1304 красных триповых галстука, 1304 белых рубахи, 1304 белых портов, 1304 темно-зеленых кафтана, 1304 красных штанов, 1304 пары чулок, 2 железных картечных формы, 88 пистолетов, 55 пистолетных лядунок, 64 урядничьих копыя, 2 деревянных барабана, 16 красных суконных барабанных чехлов, 8 медных солдатских котлов; 15 серых кафтанов и 10 крашенинных камзолов для извозчиков.

1713: прибыло 2607 пар чулок, 1304 васильковых епанчи с медными крючками и петлями, 825 шпаг с железными эфесами, 8 фурыерских значков, 8 знамен, 2 лошади под полковую аптеку.

1714: прибыло 1304 карпуза, 1304 красных триповых галстука, 2608 белых рубах, 1304 васильковых кафтана, 1304 козлиных штанов, 2608 пар чулок, 2 железных пулечных формы, 13 пистолетных лядунок, 2 барабанных чехла, 5 гобоев, 3 «басов».

1715: прибыло 5 васильковых штанов, 2592 пары чулок.

1716: прибыло 1000 зеленых карпузов, 1000 красных триповых галстуков, 1000 красных кафтанов, 900 козлиных штанов, 1000 васильковых епанеч, 31 пара

замшевых перчаток, 72 пары шерстяных перчаток; 49 белых галстуков, 49 пар башмаков, 49 пар чулок с солдатами, *«написанными»* из извозчиков.

1717: прибыло 86 карпузов (из них 69 зеленых), 219 галстуков, 86 красных кафтанов, 177 козлиных штанов, 2292 пары чулок, 88 епанеч (из них 9 васильковых), 16 красных суконных барабанных чехлов.

1718: прибыло 104 карпуза (из них 91 зеленый), 13 триповых галстуков, 101 красный кафтан, 75 васильковых штанов, 22 козлиных штанов, 5 синих штанов, 4402 пары чулок, 767 красных епанеч, 297 зеленых епанеч, 79 васильковых епанеч, 300 фузей со штыками *«тульского калиберу»*, 144 копы, 97 пистолетов, 1 алебарда, 16 деревянных барабанов.

1719: прибыло 1304 красных карпуза, 1304 черных триповых галстука, 897 васильковых кафтанов, 1304 козлиных штанов, 1304 пары башмаков *«нового образца»*, 1147 пар чулок, 14 железных фузейных форм; убыло 12 железных ножных кандалов, 1 ножные железа с цепью.

1720: было 1304 красных карпуза, 1304 черных триповых галстука, 1214 васильковых кафтанов, 1258 козлиных штанов, 1170 епанеч *«разных цветов»*, 549 шпак с медными эфесами, 755 шпак с железными эфесами, 1257 портупей с медными пряжками, 144 пикинерских копы, 216 пистолетов, 216 пистолетных лядунок, 14 алебард, 48 капральских копий, 8 фурыерских значков, 8 знамен с чехлами, 16 деревянных барабанов с чехлами; прибыло 117 васильковых кафтанов, 157 пар чулок, 117 красных епанеч, 549 шпак с медными эфесами, 7 алебард, 8 зеленых *«бурметных»* фурыерских значков; *«принято от обер-кригс-комиссара Квашина-Самарина в добавку на 200 кафтанов: сукна василькового — 788 аршин 6 вершков, байки на подбой — 120 аршин, яренку на подбой же — 98 аршин 10 вершков, сукна красного на обшлага — 50 аршин 3 четверти»*.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.45.

1710: прибыло 1207 шляп, 1207 темно-зеленых кафтанов, 1207 козлиных штанов, 1207 сермяжных епанеч. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.153.

1718: в Нарвском цейхгаузе было несколько знамен Копорского полка: 1 зеленое тафтяное с гербом и железным дротиком, 2 желтых камчатых, 2 *«рудожелтых»* камчатых, 1 красное тафтяное с медным золоченым дротиком, 1 гвоздичное камчатое, 1 белое с орлом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.7. Л.15-15об.

1722–1723: были красные камзолы, васильковые плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.19, 20об., 22об.

ЛЕФОРТОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«...с 700-го году, что состояло людей в полку, тож и полковых вещей по 712 год, и что во оных годах было в приеме и в убыли, и с такими письмами и ведомостями полковой ящик в 711-м году июля 9 дня при реке Пруте, идучи отводом, неприятельские люди отбили, и за таким неимением оных писем, справиться при полку не имеем с чем».

Полковые командиры: к 1712 бригадир и полковник Петр Богданович Лефорт.

1712: было 1286 шпак и палашей, 144 пистолета, 8 пистолетных форм, 72 пистолетных лядунок, 16 алебард, 48 капральских копий, 8 знамен, 16 барабанов с чехлами, 2 медных пушки с 4 чугунными мортирками; прибыло 1204 карпуза, 100 шляп, 1304 триповых галстука, 1304 красных кафтана, 1304 красных и козлиных штанов, 1304 пары чулок, 472 русских палаша, 87 немецких палашей, 34 пистолета.

1713: прибыло 2608 пар чулок, 1304 васильковых епанчи, 701 палаш, 64 пистолета, 8 фурыерских значков, 8 знамен; убыло 6 штуцеров, 656 шпаг с железными эфесами.

1714: прибыло 1000 красных кафтанов, 1000 штанов, 2450 пар чулок.

1715: прибыло 1304 карпуза, 1304 триповых галстука, 306 козлиных штанов, 2604 пары чулок, 17 палашей, 144 копья с древками, 168 пистолетов, 216 пистолетных лядунок, 16 алебард.

1716: прибыло 1290 епанеч, 16 деревянных барабанов; 8 знаменных и 12 барабанных чехлов, сделанных из 32 аршин красного и 8 аршин василькового сукна.

1717: прибыло 1221 шляпа, 1419 кафтанов (из них 1149 темно-зеленых), 1079 красных суконных штанов, 70 козлиных штанов, 1712 пар чулок.

1718: прибыло 137 шляп, 1304 галстука, 93 козлиных штанов, 2608 пар чулок, 1288 зеленых епанеч, 1200 шпаг с медными эфесами, 27 капральских и пикинерских копий, 18 пистолетов, 8 штуцеров, 4 барабанных чехла; убыло 900 палашей с железными эфесами.

1719: прибыло 1312 шляп, 1312 кафтанов, 2624 пары чулок, 24 епанчи, 3 палаша с медными эфесами, 3072 рогаточных копья, 12 красных барабанных чехлов.

1720: было 1283 шляпы, 1272 галстука, 1312 кафтанов, 1312 штанов, 1283 епанчи, 1271 палаш с медным эфесом, 144 пикинерских копья, 3072 рогаточных копья, 294 пистолета, 8 штуцеров, 16 алебард, 48 капральских копий, 8 знамен с чехлами, 16 деревянных барабанов с чехлами; 2 медных пушки с 4 чугунными мортирками, к ним: 2 свинцовых крышки, 2 медных шуфлы, 2 банника и забойника, 2 цепа, 2 пушечных и мортирных чехла, 100 зарядов с ядрами, 100 зарядов с дробью, 200 скорострельных трубок, 60 палительных свеч, 160 сажен фитиля, 4 «*скорострельных*» ящика, 6 седел с уборами, 6 припряжных шор, 6 хомутов, 12 узд, 57 жестяных картузов (в добавку надо 143); мортирных припасов: 44 «*патрон гранатных*», 44 шестифунтовых гранат, 12 фунтов пороховой мякоти, 1 пуд пеньки, 4 циновки и рогожи; в добавку надо 20 сажен «*оттужных*» канатов.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.37.

Полковые командиры: Петр Лефорт в 1710 стал полковником, в 1712 — бригадиром. РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.55. Л.4.

1712: прибыло 352 копья. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.11. Д.3. Л.7.

1717: «...а по справке... во оный полк кафтаны даны в 717-м году зеленые, из присланного мундира лейб-гвардии в Семеновский полк». РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.3. Д.55. Л.203об.-204.

1719: прибыло шляпы, зеленые кафтаны, красные штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.110.

1723: были красные камзолы. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.21об.

МОСКОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Московского пехотного полку ведение. Коликое число обреталось при полку в прошлом 711-м году июля 8 дня штаб-, обер- и унтер-офицеров, капралов, и рядовых, и неслужащих наличных и отлучных, и что после оногo числа каких чинов прибыло, и что в котором году убыло, и кто именно, значит ниже. А с 708-го году по 711-й год июля по 13 число при полку писем никаких нет, понеже отбиты в Турецкой акции».

К 1711 полк насчитывал три батальона. В 1712 третий батальон был расформирован.

Полковые командиры: к 1708 генерал-майор Чернышов, к 1711 полковник Степан Афанасьевич Чубаров (1714 переведен в Нижегородский полк), 1714 подполковник Яков Иванович Фонстралан, 1716 полковник Иван Григорьевич Безобразов.

1711: было 945 карпузов, 1003 кафтана, 188 штанов, 1196 фузей со штыками, 90 полунагалищ, 1230 шпаг, 1230 портупей, 1257 патронных сум с перевязями, 75 пистолетов, 75 пистолетных лядунок, 71 алебарда, 12 фурьерских значков, 5 каптенармусских сум, 3 знамени с дротиками, 24 барабана с перевязями и чехлами, 8 палаток, 12 патронных ящиков, 18 хомутов, 11 узд, 12 пирамид, 101 железная лопатка, 25 кирок и мотыг, 3 медных пушки с 6 чугунными мортирками.

1712: прибыло 1307 темно-зеленых карпузов, 1307 черных триповых галстуков, 1307 темно-зеленых кафтанов, 1307 красных штанов, 1307 пар чулок, 1307 темно-зеленых епанеч, 545 шпаг с железными эфесами, 400 пикинерских копий, 9 пистолетов, 10 пистолетных лядунок, 8 штуцеров, 8 фурьерских значков, 8 знамен, 16 деревянных барабанов с чехлами.

1713: прибыло 450 пар башмачных пряжек, 1138 пар чулок.

1714: прибыло 1000 красных кафтанов (из них 80 с позументом), 1000 козлиных штанов, 1000 пар чулок, 1000 красных епанеч.

1715: прибыло 1006 васильковых карпузов, 14 красных кафтанов, 10 козлиных штанов, 3063 пары чулок, 37 епанеч (из них 23 красных), 8 медных барабанов.

1716: прибыло 16 васильковых карпузов, 9 зеленых карпузов с васильковым подбоем, 32 галстука, 1043 темно-зеленых кафтана, 17 красных кафтанов, 2114 пар чулок, 18 красных епанеч.

1717: прибыло 1186 красных карпузов, 53 васильковых карпуза, 1119 триповых галстуков, 79 кафтанов (из них 51 темно-зеленый, 13 зеленых), 1092 васильковых штанов, 1230 епанеч (из них 1200 красных), 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 37 красных карпузов, 31 зеленый карпуз, 97 красных триповых галстуков, 12 зеленых кафтанов, 109 васильковых штанов, 1195 пар башмаков *«нового образца»*, 2522 пары чулок, 64 красных епанчи, 489 шпаг с медными эфесами, 127 пистолетов, 31 пистолетная лядунка; 48 алебард переделаны в капральские копья.

1719: прибыло 84 триповых галстука, 78 зеленых кафтанов, 500 пар башмаков *«нового образца»*, 127 пар башмаков *«старого образца»*, 430 пар чулок, 110 пистолетных лядунок.

1720: было 1169 карпузов, 84 галстука, 78 кафтанов, 1173 штанов, 1170 епанеч, 1200 фузейных и пистолетных ремней, 118 солдатских копий, 189 пистолетов, 144 пистолетных нагалища, 200 пистолетных лядунок, 16 алебард, 48 капральских копий, 8 фурьерских значков, 2 знамени с чехлами, 8 медных барабанов, 8 деревянных барабанов, 16 барабанных чехлов, 2 пушки с 4 мортирками.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.53.

1709: прибыло 1813 шляп, 1813 черных триповых галстуков, 1813 кафтанов, 1688 камзолов, 1813 красных суконных и козлиных штанов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.355.

1712: прибыло 60 аршин сукна, 150 аршин крашенины и 500 аршин шелкового шнура на 16 барабанных чехлов; 2 аршина темно-зеленого сукна, 3 аршина желтого сукна и 8 древков со скобами на фурьерские значки, 8 штуцеров для гобоистов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.11. Д.3. Л.9, 9об., 11.

1720: прибыло 47 красных карпузов, 1131 холстинный галстук. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.988об-989.

НАРВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«...которые были с начала полку до Турецкой акции всякие полковые книги и журналы и всякие полковые ведомости, и оные при Турецкой акции все утрачены, о чем рапортовано и к генеральству, а ныне в полку справиться не по чем».

К 1711 полк насчитывал три батальона. В 1712 третий батальон был расформирован.

Полковые командиры: 1709 полковник Семен Иванович Сукин.

1711: было 1365 шляп, 737 рубаш, 733 портов, 1473 кафтана, 1361 штаны, 7221 пара башмаков, 596 пар сапог, 598 пар чулок, 1453 епанчи, 1341 фузея со штыком, 12 штуцеров, 12 «медных» лядунок, 1407 шпаг, 1406 портупей, 1315 патронных сум, 1295 перевязей, 164 пистолета, 41 лядунка, 86 алебард, 12 фурыерских значков, 12 каптенармусских сум, 3 знамени, 32 барабана с чехлами и перевязями, 26 палаток, 12 патронных ящичков, 5 палуб, 22 хомута, 14 топоров, 23 кирки и мотыги, 2 бурава, 5 долот, 6 скобелей, 3 пушки с 6 мортирками, 6 ящичков с пушечной амуницией.

1712: прибыло 480 шляп, 394 зеленых кафтана, 408 красных штанов, 1938 пар чулок (из них 13 пар белых), 131 аршин белого сукна на чулки, 351 епанча (из них 271 красная), 326 шпаг с железными эфесами, 128 пикинерских копий, 55 пистолетов, 5 лядунок, 4 штуцера, 5 сержантских алебард, 9 капральских алебард, 8 знамен, 7 барабанов с чехлами.

1713: прибыло 1136 шляп (из них 33 урядничьих с позументом), 951 черный галстук (из них 351 гарусный), 956 кафтанов (из них 648 васильковых и 50 урядничьих с позументом), 956 камзолов (из них 648 белых), 1256 штанов (из них 647 белых), 728 пар медных пряжек к башмакам, 2120 пар чулок.

1714: прибыло 84 красных кафтана, 2344 пары чулок, 1304 красных епанчи, 1200 шпаг с медными эфесами, 92 пистолета, 8 алебард, 16 барабанов.

1715: прибыло 2608 пар чулок, 108 шпаг с медными эфесами, 144 копы с древками, 1 пистолет, 144 пистолетных нагалища, 16 барабанных чехлов.

1716: прибыло 1211 шляп; 1211 васильковых кафтанов с красными обшлагами, красным байковым подбоем и холстинной подкладкой.

1717: прибыло 1611 пар чулок.

1718: прибыло 101 шляпа, 1304 галстука, 101 васильковый кафтан, 101 козлиные штаны, 1564 пары чулок, 1304 красных епанчи, 28 шпаг с медными эфесами, 20 пикинерских копий, 8 алебард, 1 барабан.

1719: прибыло 2130 пар чулок.

1720: прибыло 1312 шляп, 4443 аршина 5 с третью вершков зеленого сукна на кафтаны, 410 аршин красного сукна на обшлага, 5821 аршин 13 вершков красной каразеи, 5494 аршина 5 вершков красной крашенины, 1068 с половиной портищ пуговиц.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.49.

1706: прибыло 1584 фузеи со штыками, 1808 шпаг, 1808 портупей, 1584 патронных сумы с перевязями, 121 пистолет, 32 штуцера, 96 алебард, 36 барабанов, 100 палаток, 12 ротных ящиков, 216 железных лопаток, 120 кирок и мотыг, 7920 «тайных вещей ножей», 1584 больших гвоздя, 62 больших бурава, 101 малый бурав, 152 «шильев», 3 пушки, 6 пушечных ящиков. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.340.

1710: прибыло 1800 черных валяных шляп с полями, обшитыми белым полотном; 3600 белых рубаш, 3600 пестрядинных портов, 1800 темно-зеленых кафтанов из английского сукна с красными обшлагами и оловянными пуговицами «под гербом», 1800 красных каразейных штанов, 1800 пар сапог, 1800 красных епанеч из гамбургского сукна и яреновых. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.153, 340.

НЕВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Сформирован в 1713.

При сформировании полк насчитывал 8 мушкетерских рот.

Полковые командиры: 1714 Федор Заборовский («определен к комиссарским делам»), 1715 князь Михайла Щербатов.

РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1132. Л.68; Ф.2. Оп.13. Д.1. Л.254.

1717: прибыло карпузы. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.109.

1719: прибыло темно-зеленые кафтаны, васильковые штаны, красные епанчи. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.109.

1722: были зеленые кафтаны, красные и васильковые камзолы, козлиные штаны, красные плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.16об., 17об., 19.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Нижегородского пехотного полку ведение. Как состоялся вышепомянутый полк в 700-м году по указу Царского Величества и по набору генерала Автамона Михайловича Головина, из каких людей оный полк был набран, и кто в нем были штаб-и обер-офицеры по именам и каких наций, и что было урядников, и солдат, и неслужащих, такоже де что было ружья, и мундиру, и всякой арматуры, — о том в полку подлинного ведения нет, понеже полковые письма в прошлом 711-м году в июле месяце отбиты на Турецкой акции все».

Полковые командиры: к 1711 полковник Семен Галбрехт (1711 «выписан в Саксонский полк»), 1711 Юрий Минстермон (Минстермант, 1714 умер), 1714 полковник Степан Афанасьевич Чубаров.

1711: было 796 черных шляп, 796 галстуков, 796 зеленых кафтанов, 796 козлиных штанов, 668 фузей, 504 штыка, 513 шпаг с железными эфесами, 571 портупея с пряжкой, 701 патронная сума с перевязью, 22 пистолета, 11 пистолетных лядунок, 6 штуцеров, 21 алебарда, 8 каптенармусских сум, 2 знамени с дротиками, 2 знаменных чехла, 12 деревянных барабанов, 12 барабанных перевязей, 12 барабанных чехлов, 8 флейт, 8 патронных ящиков; 2 медных пушки с 4 чугунными мортирками, к ним: 2 свинцовых крышки, 4 «скорострельных» ящика, 2 медных шуфлы, 2 банника и забойника, 2 цепа, 2 пыжовника.

1712: прибыло 1304 карпуза, 1304 галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 1304 пары чулок, 1304 епанчи, 1200 фузейных и пистолетных ремней, 1200 пыжовников и трещоток, 720 шпаг с железными эфесами, 400 пикинерских копий, 160 пистолетов, 8 медных пистолетных форм, 400 пистолетных лядунок, 50 алебард, 8

фурьерских значков, 1 белое камчатое знамя, 7 зеленых камчатых знамен, 8 знаменных чехлов, 16 деревянных барабанов с чехлами, 1 аптекарский ящик.

1713: прибыло 946 пар чулок, 97 шпаг с железными эфесами; убыло 256 копий.

1714: прибыло 1000 карпузов, 1000 галстуков, 1000 зеленых кафтанов, 1000 васьков штанов, 1700 пар чулок, 20 шпаг с железными эфесами, 7 медных барабанов.

1715: прибыло 51 карпуз, 51 кафтан, 51 штаны, 2904 пары чулок, 1155 епанеч, 23 шпаги с железными эфесами.

1716: прибыло 2122 пары чулок, 4 шпаги с железными эфесами.

1717: прибыло 1231 карпуз, 1231 триповый галстук, 1231 красный кафтан (из них 75 унтер-офицерских и капральских с серебряным позументом), 900 штанов, 2302 пары чулок, 1231 епанча, 7 шпаг с железными эфесами, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло «в добавку к 1717 году»: 56 карпузов, 61 кафтан (из них 51 красный), 339 козлиных штанов, 1062 пары башмаков «нового образца», 2456 пар чулок, 56 епанеч (из них 40 красных и 16 васьковых), 481 шпага с медным эфесом, 13 шпаг с железными эфесами, 189 пистолетов, 48 сделанных из алебард капральских копий, «епанча красная 1 на два чехла знаменных», 8 барабанов; убыло 199 пистолетных лядунок, 48 алебард.

1719: прибыло 52 карпуза, 52 галстука, 9 красных кафтанов, 500 пар башмаков «нового образца», 83 пары башмаков «старого образца», 431 пара чулок, 13 шведских фузей, 8 драгунских фузей, 30 пистолетных лядунок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.30.

Полковые командиры: полковник Юрий Минстермон в 1711 переведен из Саксонского полка.

1712: от Казанской губернии в полк послано 1104 трещотки с пыжовником, 399 копий с припайными прутьями, 66 пар пистолетов, 50 алебард, 8 немецких седел «с войлоки и с крышки» для фурьеров. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.15об.-19.

1717: прибыло красные карпузы, васьковые штаны, васьковые и красные епанчи. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.109об.

НОВГОРОДСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Сформирован в 1700 в Москве, в составе 12 рот. Одна рота была «разобрана в тот же полк» в 1702, одна — в 1703, еще одна — в 1704. Гренадерская рота отделена от полка в 1706.

«...исправных ведомостей с прошедшего 700-го году выбрать и сделать не из чего, понеже многие письма, табели, и ведомости, рекрутские дачи, ордеры, и всякие записки утеряны... небрежением полкового писаря».

Полковые командиры: 1700 полковник Николай Балк (1705 «отпущен в Москву»), 1705 полковник Геренк (1707 «переведен в драгунский полк»), 1707 бригадир и полковник Феленгейм (1709 убит под Полтавой), 1709 полковник Безобразов (1711 умер), 1711 полковник Алексей Антонович Мякинин.

1711: было 803 шляпы, 710 галстуков, 946 кафтанов, 1018 фузей, 866 багинетов, 245 фузейных нагалищ, 1 чугунный котел, 2 картечных формы, 866 шпаг, 697 портупей, 684 патронных сумы, 57 пистолетов, 41 пистолетная лядунок, 7 винтовальных пищалей, 16 алебард, 48 капральских копий, 8 фурьерских значков, 10 каптенармусских сум, 2 ветхих знамени, 24 барабана с чехлами, 28 палаток, 16 пирамид, 8 патронных ящиков, 13 ящичных хомутов, 16 ящичных узд, 24 фурманных телеги, 24 фурманных хомута, 43 топора, 96 железных лопаток, 63 кирки и мотыги, 19 кос;

прибыло 1307 карпузов, 1304 галстука, 2413 рубаш, 2504 портов, 1304 кафтана, 1304 штанов, 1304 пары башмаков, 1300 пар сапог, 1304 пары чулок, 1200 портупей с пряжками, 816 патронных сум, 965 смазных склянок, 900 перевязей, 2 пушки с 4 пушечными ящиками.

1712: прибыло 8 знамен с чехлами; из старых палаток и пирамид сделаны штиблеты.

1713: прибыло 1122 пары чулок.

1714: прибыло 1304 карпуза, 1304 галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 1304 епанчи, 354 шпаги с медными эфесами, 400 пикинерских копий, 8 алебард, 1 барабан, 16 барабанных чехлов; убыло 2 пушки.

1716: прибыло 2608 пар чулок, 118 пистолетов.

1717: прибыло 1254 карпуза, 1254 галстука, 1254 кафтана, 1254 штанов, 1254 пары чулок, 1254 епанчи.

1718: прибыло 2303 пары чулок.

1719: прибыло 1000 карпузов, 1000 галстуков; 1000 васильковых кафтанов с красными обшлагами и красным байковым подбоем, крашенинной подкладкой в рукавах и карманах; 1000 штанов, 1738 пар чулок, 776 шпаг с медными эфесами, 16 деревянных барабанов.

1720: было 1077 карпузов, 1078 галстуков, 1070 кафтанов, 1294 штанов, 2624 пары чулок, 921 епанча, 1276 шпаг с медными эфесами, 400 пикинерских копий, 72 пистолета, 3072 рогаточных копья, 16 алебард, 16 барабанов с чехлами; прибыло 230 штанов, 2624 пары чулок; 838 красных епанеч с байковым подбоем, медными крючками и петлями; 162 шпаги с медными эфесами.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.48.

Полковые командиры: Алексей Мякинин в 1707 стал полковником Чамберсова полка, *«что ныне Ростовский»*; в 1708 этот полк получил полковник Иван Михайлович Головин.

1709: прибыло 1097 шляп, 1207 галстуков, 867 кафтанов, 1127 штанов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.331.

1710: прибыло 1207 пар рубаш и портов, 367 кафтанов, 80 козлиных штанов, 1207 пар *«курп»*, 1207 пар чулок. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.331-331об.

1723: были красные карпузы, васильковые кафтаны, красные камзолы, красные и васильковые штаны, красные плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.20об.-22.

ПЕРМСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«По указу Царского Величества учинен Пермский пехотный полк в Москве в прошлом 700-м году».

При сформировании в 1700 полк насчитывал 1 гренадерскую и 8 мушкетерских рот, 31 офицера, 1073 нижних чина. Гренадерская рота отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1700 полковник Иван Иванович Англер (1701 *«убыл»*), 1701 полковник Тимофей Иванович Трейден.

1700: прибыло 1000 фузей, 841 *«багинетов и тесаков с портупей»*, 1 чугунный котел, 39 железных уполовников, 2 формы, 904 патронных сумы с перевязями, 96 гренадерских сум с перевязями, 96 фитильных трубок, 96 лядунок, 192 пики, 37 алебард, 18 каптенармусских сум, 36 *«капральских фитильных трубок»*, 2 капральских ночника, 8 знамен с дротиками и чехлами, 20 барабанов с чехлами, 17 сиповок, 1 церковный намет, 1 барабанный намет, 153 палатки, 36 крашенинных пирамид, 13 седел, 13 припряжей, 13 хомутов, 26 ременных узд, 40 топоров, 4 лома, 10 кирок, 10

заступов, 4 бурава, 6 напарей, 10 долот, 4 пазников, 1 наковальня, 2 меха, 2 клещей, 2 молота.

1703: прибыло 159 фузей, 159 багинетов с портупьями, 159 патронных сум с перевязями.

1705: прибыло 234 фузеи, 150 шпаг, 150 портупей, 234 патронных сумы с перевязями.

1707: прибыло 1000 шляп, 207 фузей, 207 багинетов, 1207 портупей, 207 патронных сум с перевязями, 1000 перевязей.

1709: прибыло 506 фузей, 686 штыков, 779 шпаг, 406 патронных сум с перевязями, 144 пистолета, 14 алебард, 4 барабана, 30 аршин холста *«на барабаны»*, 4 юфтевых кожи на ящики; с гренадерской ротой убыло: 96 фузей, 96 гренадерских сум, 96 замшевых перевязей, 96 лядунок, 96 багинетов, 10 шпаг, 11 замшевых портупей, 4 алебарды, 2 каптенармусских сумы, 2 барабана с чехлами.

1710: прибыло 218 фузей, 40 штыков, 200 нагалищ, 237 шпаг, 218 патронных сум.

1711: прибыло 97 фузей со штыками, 48 пистолетов, 10 палаток, 320 аршин холста на пирамиды, 2850 аршин холста на палатки; *«куплено на мундирные вычетные деньги в дополнку к прежним портупьям и перевязям замшенных 600 пар [портупей и перевязей]»*.

1712: прибыло 980 карпузов, 598 галстуков, 983 светло-зеленых епанчи, 56 железных форм, 51 пика; беглые *«снесли»* 2 желтых карпуза, 2 зеленых кафтана.

1713: прибыло 880 красных галстуков, 1100 белых кафтанов, 1100 белых камзолов, 8 знамен, 2 пушечных ящика; *«палатки и пирамиды, которые приняты при Риге холстом, из оных переделаны солдатам штиблеты»*.

1714: прибыло 1000 шляп, 235 карпузов, 363 белых кафтана, 87 красных солдатских кафтанов, 1304 пары чулок, 1143 палаша с железными эфесами, 62 пистолета, 16 барабанов, 8 барабанных чехлов.

1715: прибыло 1304 зеленых карпуза, 1304 красных галстука, 1304 красных кафтана (из них 88 с позументом), 1304 козлиных штанов, 2608 пар чулок, 144 пикинерских копы, 8 фурыерских значков, 8 барабанных чехлов.

1716: прибыло 83 карпуза, 83 кафтана, 11 пик, 11 пистолетов.

1717: прибыло 1611 пар чулок, 865 васильковых епанеч.

1718: прибыло 1298 шляп, 1303 кафтана (из них 80 с позументом), 1815 пар чулок, 437 красных епанеч, 1056 фузей со штыками *«тульской работы»*, 161 палаш с медным эфесом, 20 пикинерских копий.

1719: прибыло 2185 пар чулок.

1720: было 1234 шляпы, 1240 галстуков, 1238 кафтанов, 1240 штанов, 2123 пары чулок, 1228 епанеч, 1299 палашей, 144 копы, 192 пистолета, 24 алебарды, 8 знамен, 16 барабанов.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.57.

ПСКОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Псковского пехотного полку ведение, что состояло в 700-м году штаб- и обер-офицеров, урядников, солдат и неслужащих, ружья и всяких полковых припасов. И в вышеписанном 700-м году, будучи под Нарвою, во время баталии, полковой ящик с такими письмами и ведомостями пропал, и справиться об оном не по чем.

И такова ведомость подана в Новгороде в Военную канцелярию, господину генералу и губернатору князь Никите Ивановичу Репнину.

А с 700-го году состояло в полку по 711-й год июля по 9 число штаб- и обер-офицеров, урядников и солдат и неслужащих, ружья, и мундиру, и всяких полковых припасов, и лошадей, и что в котором году откуды было в приеме людей, также ружья, и мундиру, и всяких полковых припасов, и лошадей, и что из того числа куды убыло, и с такими письмами и ведомостями полковой ящик в помянутом 711-м году июля 9 дня при реке Пруте, идучи отводом, неприятельские люди отбили, и об оном також де справиться не по чем».

Полковые командиры: к 1712 полковник Иван Ефимович Штейн (1714 умер), 1715 полковник Иван Федорович Анцбук.

1711: убыло 83 карпуза, 83 кафтана (из них 41 темно-зеленый), 9 винтовальных пищалей, 3321 «ножей тайных вещей».

1712: было 48 пистолетов, 23 пистолетных лядунки, 10 винтовальных пищалей, 12 алебард, 56 урядничьих копий, 7 пороховых каптенармусских сум, 3 пулечных каптенармусских суммы, 2 знамени с дротиками и чехлами, 8 барабанов, 14 сиповок, 15 флейт, 1 аптечный ящик, 2 медных трехфунтовых пушки с 4 чугунными мортирками; прибыло 1281 карпуз, 1281 триповый галстук, 1281 кафтан, 1281 штаны, 1281 пара чулок, 1281 епанча, 1189 жестяных натрусок, 346 солдатских копий, 96 пистолетов, 92 пистолетных лядунки, 54 алебарды, 8 фурыерских значков, 1 белое камчатое знамя «с гербом», 7 лазоревых камчатых знамен, 8 темно-зеленых знаменных чехлов, 16 барабанов с чехлами, 48 «решетчатых» палуб, 8 медных котлов.

1713: было 1189 желтых карпузов, 1186 триповых галстуков, 1190 красных кафтанов, 1183 штанов, 1196 васильковых епанеч; прибыло 23 карпуза, 23 триповых галстука, 22 красных кафтана, 23 штанов, 2608 пар чулок, 23 васильковых епанчи; убыло 220 копий.

1714: прибыло 1053 карпуза, 1000 триповых галстуков, 1165 кафтанов, 1000 штанов, 1000 пар чулок, 1013 епанеч.

1717: прибыло 1270 зеленых карпузов, 1276 триповых галстуков, 1204 кафтана, 606 штанов, 2056 пар чулок, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 2570 пар чулок, 485 шпаг с медными эфесами, 67 копий, 175 пистолетов, 13 барабанов.

1719: прибыло 44 карпуза, 28 триповых галстуков, 111 кафтанов, 1238 пар башмаков «нового образца», 1175 пар чулок, 101 пистолетная лядунка; убыло 43 алебарды, 14 сиповок, 15 флейт.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.57.

Полковые командиры: Иван Анцбук с 1711 был полковником Астраханского пехотного полка.

РЕНЦЕЛЕВ (САКСОНСКИЙ) ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Дивизии его превосходительства господина генерала и кавалера и кригс-президента Адама Адамовича Вейде ведомость полку Ренцелева. С 707-го году, как из Саксонии вышли в Люблин, в коликом числе состоял полк штаб- и обер-офицеров, урядников и солдат и неслужащих чинов, також ружья, мундиру, и амуниции, и прочих полковых припасов, и оным штаб- и обер-офицерам, урядникам и солдатам и неслужащим чинам книг и ведомостей, табелей и репортов при полку не обретается, понеже по указу Его Царского Величества, как были в прошлом 711-м году на

Турецкой акции, повелено от генералитету всякие тягости бросить, а полковые книги и всякие ведомости сожжены».

Полковые командиры: 1711 полковник Семион Тубиясович Галбрехт.

1711: было 764 карпуза, 764 кафтана, 764 епанчи, 663 фузеи, 663 штыка, 764 шпаги, 764 портупей, 663 патронных сумы с перевязями, 663 смазных склянки, 10 пистолетов, 8 алебард, 8 фурыерских значков, 8 каптенармусских сум, 2 знамени, 16 барабанов, 6 гобоев, 8 патронных ящиков, 2 медных пушки, 4 пушечных ящика.

1712: прибыло 1304 карпуза и шляпы, 1304 галстука, 1304 зеленых кафтана, 1304 пары чулок, 444 шпаги с железными эфесами, 200 пистолетов, 88 пистолетных лядунок, 1 белое знамя, 7 красных знамен, 8 знаменных чехлов.

1713: прибыло 10 карпузов, 2608 пар чулок, 1304 медных крючка к епанчам, 554 шпаги с железными эфесами, 800 «полупик рогаточных верхних и исподних», 378 помочей к ним, 40 пистолетов, 8 фурыерских значков.

1714: прибыло 1304 карпуза, 1304 галстука, 1304 зеленых кафтана, 1282 штанов, 2608 пар чулок, 70 пистолетов.

1715: прибыло 2608 пар чулок, 44 шпаги с медными эфесами, 144 пики, 4 барабанных чехла.

1716: прибыло 1120 епанеч, 16 барабанов.

1717: прибыло 1304 карпуза, 705 васильковых кафтанов, 1190 штанов, 1712 пар чулок.

1718: прибыло 1304 галстука, 1120 васильковых кафтанов, 123 штанов, 2608 пар чулок, 1200 шпаг с медными эфесами, 20 пистолетов, 8 штуцеров, 12 барабанных чехлов.

1719: прибыло 1312 карпузов, 9 галстуков, 192 кафтана, 9 штанов, 2624 пары чулок, 1312 епанеч, 1 шпага с медным эфесом, 3072 рогаточных копья, 287 с половиной аршин серебряного позумента на урядничьи кафтаны.

1720: прибыло 1312 козлиных штанов, 2624 пары чулок, 16 медных барабанов, 4 «трехфунтовых» пушечных ящика.

1721: «Под полковыми пушками станки деревянные, и окованы железом, на 2 колесах, и выкрашены красною краскою, которые даны в прошлом 708-м году.

Ящики пушечные, приняты в Санкт-Петербурге из артиллерии мая 8-го дня 720-го году, а оные ящики малеваны красною краскою, одним манером.

А патронные ящики, 16, на которых приняты от Комиссариата деньги, и оные сделаны в полку одним манером, и вымалеваны красною краскою, и подписаны на них гербы и нумеры по-ротню. Також полковые палубы и телеги одним же манером.

Палатки штаб- и обер-офицерские учинены одним же манером, верхи и полы яринные зеленые...

У штаб- и обер-офицеров оружие пики, а у урядников — от сержанта и до капрала — алебарды».

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.55.

Полковые командиры: Семион Галбрехт с 1710 был полковником Нижегородского пехотного полка. 1716: прибыло 1220 епанеч с белыми воротниками и байковым подбоем. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.4. Д.1. Ч.1. Л.23об.

РОСТОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Дивизии генерала и кавалера его сиятельства князя Репнина Ростовского полку ведомость, как состоял оный Ростовский полк в прошлом 712-м году людьми, мундиром, и амунициею, и лошадьми, и кто с которого году служит, и чьего набору, и чьего приводу, из каких чинов, и что с 712 году прибыло солдат и рекрут, мундиру и амуниции, и в которых годах, до нынешнего 720-го году июля по 1 число, и что из оногo числа убыло штаб-, обер- и унтер-офицеров, урядников и солдат и неслужащих, такоже лошадей и амуниции, и в котором году, и что за оным числом ныне налицо штаб-, обер- и унтер-офицеров, урядников, солдат и неслужащих. А с прошлого 700-го году справиться невозможно, как Ростовский пехотный полк состоял, понеже в бытность в 711-м году на Турецкой акции всякие полковые книги и записки утрачены».

Полковые командиры: 1711 полковник Виллим Юрьевич Фермор.

1712: было 1304 шляпы, 1304 триповых галстука, 1304 зеленых кафтана, 1304 красных и козлиных штанов, 1304 пары чулок, 87 пистолетов, 16 алебард, 1 белое камчатое знамя «с двоеглавым орлом», 7 красных камчатых знамен; прибыло 370 шляп, 370 триповых галстуков, 370 кафтанов, 370 козлиных штанов, 370 пар чулок, 8 фурыерских значков, 1 белое камчатое знамя «с двоеглавым орлом», 7 голубых камчатых знамен, 17 барабанов, 2 медных пушки с 4 пушечными ящиками.

1713: прибыло 1372 пары чулок, 216 шведских фузей, 124 шведских штыка, 13 железных пулечных форм, 62 шведских шпаги с портупеями, 213 шведских патронных сум с перевязями.

1714: прибыло 1304 зеленых карпуза с красным подбоем, 1304 красных триповых галстука, 1296 зеленых кафтанов с красными обшлагами (из них 80 урядничьих с золотым позументом), 1304 васильковых штанов «московской работы», 1304 пары чулок, 1296 васильковых епанеч с красным подбоем, 8 красных писарских кафтанов с васильковыми обшлагами и серебряным позументом.

1715: прибыло 2608 пар чулок, 144 пикинерских копыя, 111 пистолетов.

1716: прибыло 2212 пар чулок.

1717: прибыло 1105 зеленых карпузов, 1119 триповых галстуков, 1185 зеленых кафтанов, 1115 козлиных штанов, 2110 пар чулок, 1254 васильковых плаща, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 1338 пар чулок.

1719: прибыло 159 карпузов, 220 галстуков, 275 кафтанов, 216 штанов, 1800 пар чулок, 224 плаща, 1200 фузей со штыками «тульской работы», 1200 шпаг с медными эфесами, 8 пистолетов, 8 алебард, 8 фурыерских значков.

1720: было 1188 шпаг с медными эфесами, 138 пикинерских копий, 152 пистолета, 21 алебарда, 8 фурыерских значков, 1 белое и 7 голубых камчатых знамен, 13 барабанов с чехлами; прибыло 1312 шляп, 1012 галстуков, 1037 зеленых кафтанов, 1096 козлиных штанов, 1312 пар чулок, 1088 плащей.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.36.

Полковые командиры: Виллим Фермор с 1708 по 1711 был полковником Переяславского полка.

1710: прибыло 1207 шляп, 1207 пар рубах с портами, 1207 темно-зеленых кафтанов, 1207 козлиных штанов, 1207 пар сапог, 1207 сермяжных епанеч. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.153об.

1722–1723: были васильковые камзолы. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.20–21.

РЯЗАНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Рязанского полку коликое число состояло с прошлого с 700-го году штаб- и обер-офицеров, урядников и солдат и неслужащих чинов, ружья, мундиру и всякой арматуры по 711 год, о том справиться не с чем, понеже полковые книги, ведомости и записки в прошлом 705-м году под Мур-мызою на баталии пропали, и в 711 году на Турецкой акции от тягости сожжены».

Полковые командиры: к 1711 полковник Иван Иванович фон Равонштейн (Равенштейн, 1714 убит), 1714 подполковник Кашпер Кашперович Фос, 1715 полковник Андрей Томасович Юнгер.

1711: было 849 карпузов, 1207 пар рубаш с портами, 849 кафтанов, 1207 пар башмаков с чулками, 889 фузей со штыками, 889 фузейных ремней, 889 нагалищ, 47 пыжовников и трещоток, 742 роговые натруски, 1090 шпаг и портупей, 960 патронных сум с перевязями, 81 пистолет, 8 пистолетных лядунок, 7 алебард, 47 капральских копий, 8 фурыерских значков, 8 каптенармусских сум, 2 знамени с дротиками и чехлами, 23 барабана, 23 барабанных перевязи с крюками, 13 гобоев, 8 патронных ящичков, 34 узды, 34 хомута, 2 медных пушки с 4 мортирками.

1712: прибыло 97 пар чулок.

1713: прибыло 1304 карпуза, 1304 васильковых кафтана, 1304 штанов, 2608 пар чулок, 1304 епанчи, 144 копыя, 106 пистолетных лядунок, 8 алебард, 8 фурыерских значков, 18 барабанов, 15 барабанных чехлов.

1714: прибыло 45 пистолетов.

1715: прибыло 122 триповых галстука, 103 штанов, 1958 пар чулок.

1716: прибыло 1027 карпузов, 1027 кафтанов, 2054 пар чулок, 1027 епанеч.

1717: прибыло 92 карпуза, 1141 галстук, 92 кафтана, 1098 штанов, 2256 пар чулок, 92 епанчи, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 77 карпузов, 14 галстуков, 78 кафтанов, 2530 пар чулок, 77 епанеч, 33 солдатских копыя, 89 пистолетов, 8 фурыерских значков.

1719: прибыло 60 карпузов, 126 триповых галстуков, 81 кафтан, 137 пар башмаков *«нового образца»*, 41 пара чулок, 4 епанчи, 110 пистолетных лядунок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.41.

1719: прибыло зеленые карпузы, красные кафтаны. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.109.

1720: прибыло 542 васильковые епанчи. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.999; прибыло 46 козлиных штанов. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.109.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«В прошлом 703-м году октября в последних числах по указу Царского Величества писались в вышеозначенный полк из разных полков штаб- и обер- и унтер-офицеры, капралы и рядовые и неслужащие волею. И как оный полк был набран против записных книг за рукою дьяка Анисима Щукина, вручен был подполковнику Николаю Андрееву сыну Нейтертерту». Для создания этого полка своих офицеров и нижних чинов откомандировали лейб-гвардии Преображенский, Александра Гордона, Кашпира Гулица, Алексея Дедюта, Дениса Бильса, Андрея Романовского, Ивана Англера, Павла Бернера, Ивана Риддера, Ильи Бильса, Данилы Купера, Андрея Инглиса полки.

При формировании в 1703 полк насчитывал 10 офицеров, 837 нижних чинов. Гренадерская рота сформирована в 1703, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1703 подполковник Николай Андреевич Нейтерт (1709 полковник, 1713 отставлен), 1713 генерал-майор и полковник граф Алексей Алексеевич Головин (1716 «выписан»), 1716 полковник Иван Васильевич Стрекалов.

1703: было 716 фузей, 9 штыков, 705 багинетов, 705 портупей с пряжками, 82 тесака, 12 шпаг, 514 патронных сум с перевязями, 78 гренадерских сум, 100 гренадерских лядунок, 55 алебард, 26 каптенармусских пороховых и пулечных сум, 5 знамен с чехлами, 4 барабана.

1704: прибыло 1300 кафтанов, 1300 камзолов, 1300 штанов, 211 фузей, 50 багинетов, 41 шпага, 190 патронных сум, 96 жестяных фитильных трубок.

1705: прибыло 570 фузей, 570 патронных сум с перевязями.

1706: прибыло 625 шляп, 994 шпаги, 105 медных фитильных трубок, 13 барабанов.

1707: прибыло 180 фузей, 1310 портупей, 228 патронных сум, 1000 перевязей, 100 гренадерских сум, 12 гобоев.

1708: прибыло 1000 шляп, 1000 китайчатых галстуков, 800 пар башмачных пряжек, 981 пара чулок, 339 штыков, 886 ранцев, 96 солдатских копий.

1709: прибыло 996 кафтанов, 996 камзолов, 996 штанов, 453 фузеи, 369 штыков, 379 шпаг, 314 патронных сум, 144 пистолета, 112 пистолетных лядунок, 3 барабана; с гренадерской ротой убыло: 100 фузей, 89 штыков, 100 шпаг, 2 тесака, 100 портупей, 89 гренадерских сум, 139 фитильных трубок, 100 лядунок с перевязями, 91 ранец, 1 алебарда, 3 барабана.

1710: прибыло 154 фузеи, 108 штыков, 123 шпаги, 398 портупей, 154 патронных сумы, 309 перевязей.

1711: прибыло 1000 шляп, 294 кафтана, 1000 пар башмаков, 100 пар чулок, 319 фузей, 539 штыков, 336 портупей с пряжками, 528 патронных сум, 321 перевязь, 44 солдатских копья, 3 пистолета, 43 капральских копья, 1 церковный намет, 1 барабанный намет, 8 патронных ящиков; 8 медных «заливательных» труб, 8 больших и малых вил, 4 крючьев «от пожара».

1712: прибыло 863 красных кафтана, 1157 зеленых епанеч, 85 солдатских копий, 42 пистолета, 51 пистолетная лядунка, 140 мушкетенов, 1 алебарда, 5 капральских копий; 3 ветхих знамени, «которые положены, как пошли под Ревель»; 1 медная трехфунтовая пушка с 2 мортирками, к ней: 1 станок с колесами, 2 «скорострельных» ящика, 1 ящик с гранатами, 1 медная шуфла, 1 банник с забойником, 1 цеп, 1 пыжовник, 3 пальника, 4 хомута, 4 шор.

1713: прибыло 1262 холстинных галстука, 33 кафтана, красное сукно на 72 кафтана, 1262 белых абинковых штанов, 96 пар чулок, 78 пар перчаток, 116 зеленых епанеч, 1060 фузейных и пистолетных ремней, 110 пистолетов, 1 белое камчатое знамя, 7 «рудожелтых» камчатых знамен, 8 знаменных чехлов, 3 барабана.

1714: прибыло 1095 карпузов, 1349 холстинных галстуков, 336 кафтанов, 184 штанов (из них 55 белых абинковых), 660 пар башмачных пряжек, 3634 пары чулок, 51 епанча, 60 драгунских сум; 8 принятых в 1712 зеленых епанеч «издержано на обшлагаи».

1716: прибыло 153 васильковых карпуза, 1294 галстука, 1304 красных кафтана, 867 зеленых камзолов, 1304 васильковых штанов, 2500 пар башмачных пряжек, 5000 пар чулок, 1304 зеленых епанчи, 267 шпаг с медными эфесами, 96 пистолетных лядунок, 8 алебард, 8 фурыерских значков, 16 барабанов с чехлами, 295 аршин серебряного позумента для унтер-офицеров.

1717: прибыло 1151 васильковый карпуз с красными отворотами, 976 галстуков, 437 зеленых камзолов, 3103 пары чулок, 30 пистолетов, 112 лядунок, 140 мушкетеров.

1718: прибыло 1298 холстинных галстуков, 863 красных кафтана, 1304 зеленых камзола, 1199 красных штанов, 1499 пар башмачных пряжек, 4680 пар чулок, 1157 зеленых епанеч, 8 алебард, 16 пистолетных нагалищ.

1719: прибыло 189 карпузов (из них 125 васильковых с красными отворотами), 154 холстинных галстука, 441 кафтан (из них 123 красных), 125 камзолов, 125 штанов (из них 74 красных), 267 пар башмачных пряжек, 662 пары чулок, 147 епанеч.

1720: было 1304 карпуза, 1304 кафтана, 1304 камзола, 1304 штанов, 1304 епанчи, 143 солдатских копья, 201 пистолет, 208 пистолетных лядунок, 140 мушкетеров, 16 алебард, 48 капральских копий, 8 фурьерских значков, 8 знамен с чехлами, 16 барабанов с чехлами, 2 больших медных котла, 1 аптечный ящик, 1 медная трехфунтовая пушка с 2 мортирками.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.31.

1707: прибыло 1000 портупей «лосиноного дела», 1000 перевязей «лосиноного дела». РГАДА. Ф.20. Оп.1. Д.16. Ч.1. Л.355-404.

1720: на 46 карпузов израсходовано: 8 с четвертью аршин белого абинка, оставшегося от штанов, пошитых в 1713; 21 аршин василькового сукна, оставшегося от карпузов, пошитых в 1717; 18 с половиной аршин красного сукна, оставшегося от кафтанов, пошитых в 1718; 23 аршина порточного холста, выданного в 1719; прибыло 310 с четвертью аршин зеленого «епанечного» и «камзольного» сукна, 515 портищ медных камзольных пуговиц, 230 шпаг с медными эфесами, 44 пистолета. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.989об-990.

СИБИРСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Ведение Сибирского пехотного полку. В прошлом 700-м году по указу Царского Величества набран был оный полк штаб- и обер-офицеры, урядники, солдаты и неслужащими полным комплектом. И с начала оною году по 712 год из каких чинов были в нем штаб- и обер-офицеры, урядники, солдаты и неслужащие, такоже и сколько было полковых казенных и фурманных лошадей, и артиллерии полковой, и всякой арматуры, ружья и мундиру; что чего, а именно рекрут, ружья вышеписанного, и в котором году и откуда прислано, и от кого было принимано, и из того числа сколько, когда, где людей на баталиях, на акциях и на штурмах побито, и в полон побрано, и безвестно пропало, и померло, а полковой арматуры, артиллерии, ружья, мундиру и всяких полковых припасов что, где и каким образом убыло, — о вышеявленном о всём в полку ныне записки и никакого ведения нет, понеже полковой ящик со всякими письмами отбит в обозе, будучи на Турецкой акции в 711-м году».

Полковые командиры: к 1712 полковник Крестьян Андреевич Клигенберх (Клингенберх, 1713 убит), 1713 полковник Виллим Иванович фон Феннинкбир.

1712: было 2 медных пушки с 4 чугунными мортирками; прибыло 1316 зеленых карпузов, 1316 триповых галстуков, 1316 зеленых кафтанов, 1316 суконных штанов, 1316 пар чулок, 1316 зеленых епанеч, 1104 трещотки с пыжовником, 342 солдатских копья, 93 пистолета, 48 пистолетных лядунок, 5 штуцеров, 8 алебард, 48 капральских копий, 8 фурьерских значков с чехлами, 1 белое и 7 желтых камчатых знамен, 8 знаменных чехлов, 16 деревянных барабанов с чехлами; убыло 1 медная пушка с 2 чугунными мортирками.

1713: прибыло 2608 пар чулок, 38 солдатских копий, 58 пистолетов, 144 пистолетных лядунки; убыло 236 копий.

1714: прибыло 1939 пар серых чулок.

1715: было 951 шпага с медным эфесом; прибыло 1027 зеленых карпузов, 1000 холстинных галстуков, 1027 красных кафтанов, 1025 козлиных штанов, 1593 пары чулок, 1025 васильковых епанеч, 8 фурьерских значков.

1716: прибыло 2608 пар чулок, 1 крюк и 1 вилы «для охранения от пожара».

1717: прибыло 1168 холстинных галстуков, 2340 пар чулок, 2 знаменных чехла, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 1195 карпузов, 1213 кафтанов, 984 штанов, 2438 пар чулок, 1189 епанеч, 353 фузеи со штыками «олонецкой работы», 355 шпаг с медными эфесами, 216 пистолетов, 16 барабанов.

1719: прибыло 6 карпузов, 162 триповых галстука, 9 зеленых кафтанов, 16 абинковых кафтанов, 20 серых рекрутских кафтанов, 12 пар серых чулок, 506 пар башмаков «нового образца», 123 пары башмаков «старого образца», 19 железных фузейных форм, 72 пистолетных лядунки с ремнями.

1720: было 1201 карпуз, 1240 кафтанов, 984 штанов, 1189 епанеч, 851 шпага с железным эфесом, 355 шпаг с медными эфесами, 140 солдатских копий, 8 алебард, 48 капральских копий, 216 пистолетов, 216 пистолетных лядунок, 8 фурьерских значков, 8 знамен с дротиками и чехлами, 16 барабанов с чехлами, 1 аптечный ящик, 1 медная пушка с 2 чугунными мортирками; прибыло 20 сермяжных кафтанов, 363 шпаги с медными эфесами, 5 пистолетных форм; убыло 461 шпага с железными эфесами.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.29.

Полковые командиры: Виллим Феннинкбир с 1708 был полковником Псковского полка.

1708: прибыло 1213 карпузов, 1212 черных триповых галстуков, 1207 зеленых кафтанов, 1207 желтых козлиных штанов, 1212 пар красных и белых чулок, 1200 пар курпов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.366.

1710: прибыло 1207 белых рубах, 1207 «пестрых» портов, 1207 пар тупоносых башмаков, 1207 пар сапог, 1207 пар немецких чулок, 1206 серых сермяжных епанеч. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.366об.

1711: прибыло 1107 белых рубах, 1207 белых и «пестрых» портов, 1207 пар сапог. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.366об.

1718: прибыло красные, зеленые и васильковые карпузы; красные и зеленые кафтаны, зеленые епанчи. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.111.

СМОЛЕНСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«В 700-м году по указу Царского Величества набран Смоленский пехотный полк, что наперед сего именовался Бильсов. А набрано было в солдаты даточных дому святейшего патриарха, да боярина князя Михайла Яковлевича Черкасского и иных домов, а сколько из оных домов взято было людей, и откуда принимано, такоже что было ружья, мундиру, и всяких полковых припасов, и откуда прислано в дополнку, о том известия взять нечего, понеже оный полк по указу Царского Величества в прошлом 708-м году послан был с провиантом в Азов, и как плыли рекою Доном, оный полк разбили воры-донские казаки Микитка Голой с товарищи, и какие были полковые припасы, и всякие записки, книги и ведомости, и оные взяты все, и от помянутых воров-донских казаков пожжены и в воду пометаны».

Гренадерская рота отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: к 1708 Илья Бильс (*«от воров-донских казаков посажен в Дон»*), 1709 подполковник Иван Михайлович Денисьев (1710 полковник, 1715 переведен в Питершанский полк Рижского гарнизона), 1715 полковник Томас (Фома) фон Венедиер.

1708: *«вынесено с Дону»* 209 темно-зеленых кафтанов, 236 красных камзолов, 172 красных штанов, 1 белое камчатое знамя, 4 лимонных камчатых знамени.

1709: прибыло 1090 шляп, 1121 темно-зеленый кафтан, 1121 красный камзол, 1121 красные штаны, 1094 пары башмаков с чулками, 871 фузея, 265 штыков, 871 полунагалище, 658 шпаг с железными эфесами, 1121 *«красная»* португя, 950 патронных сум с перевязями, 1200 ранцев, 120 гренадерских шапок, 120 гренадерских сум с перевязями, 120 смазных склянок, 127 фитильных трубок, 99 пикинерских копий, 99 пистолетов, 120 пистолетных лядунок, 16 алебард, 8 каптенармусских сум, 9 знамен с дротиками и чехлами, 10 барабанов, 19 барабанных чехлов, 6 гобоев, 1 церковный намет, 200 палаток, 1 наковальня, 2 клещей, 1 кузнечный мех, 2 молота, 1 тиски.

1710: прибыло 81 фузея, 19 штыков, 81 шпага, 81 португя, 81 патронная сума с перевязью; убыло 820 яловичных португей, 9 лосиных португей, 650 яловичных перевязей, 40 провиантских сум.

1711: прибыло 100 фузей, 100 старых шпаг, 30 палаток, 2 медных пушки, 2 пушечных ящика.

1712: прибыло 992 епанчи (из них 794 красных), 1200 деревянных натрусков, 8 пикинерских копий, 1 церковь с утварью; *«употреблено солдатам на щиблеты палаток — 250»*.

1713: прибыло 989 красных триповых галстуков; 1100 белых кафтанов с медными пуговицами, красными обшлагами и подбоем; 1100 красных камзолов, 1 белое камчатое знамя, 7 *«красных с желтым»* камчатых знамен, 8 знаменных чехлов.

1714: прибыло 86 красных кафтанов, 2608 пар чулок, 66 палашей с медными эфесами, 144 пистолета, 8 алебард, 16 барабанов; *«принято мундиру новоприсланным рекрутам»*: 33 красных суконных шапки, 25 белых галстуков, 33 серых кафтана, 33 выбойчатых крашенинных камзола, 33 пестрядинных рубахи, 33 *«пестрых»* пояса; извозчикам выдано 80 старых шпаг с железными эфесами, пикинерам — 144 фузейных ремня.

1715: прибыло 1304 темно-зеленых карпуза, 1304 красных триповых галстука, 1220 темно-зеленых кафтанов, 1304 козлиных штанов, 2608 пар чулок, 1208 шпаг с медными эфесами, 144 пикинерских копья; фурлейтам выдано 27 локтей серого сукна, 36 локтей холстины на подкладку и 6 пар сапог.

1716: прибыло 500 пар башмаков *«немецкой работы»*.

1717: прибыло 1611 пар чулок.

1718: прибыло 1304 шляпы, 1304 красных триповых галстука, 1294 темно-зеленых кафтана, 1304 козлиных штанов, 1828 пар чулок, 1299 красных епанеч, 52 шпаги с медными эфесами, 8 алебард, 16 барабанов.

1719: прибыло 2182 пары чулок; 33 пуда 37 с четвертью фунта пороха, *«из одного пороха учинено: фузейных патронов — из каждого фунта по 18, итого 22990½; да пистолетных патронов — из фунта по 36 патронов, итого 2880»*.

1720: было 1297 шляп, 1298 красных триповых галстуков, 1288 кафтанов, 1297 козлиных штанов, 2180 пар чулок, 1298 красных епанеч, 1290 палашей с медными эфесами, 143 копья, 143 пистолета, 24 алебарды, 8 знамен, 16 барабанов, 2 медных пушки.

ТВЕРСКОЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Полковые командиры: к 1711 полковник Федор Никитич Заборовский.

1710: прибыло 1207 шляп, 1207 пар рубаш с портами, 1207 темно-зеленых кафтанов, 1207 красных штанов, 2414 пар башмаков, 1207 пар сапог, 2414 пар чулок.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.153об., 344.

«В прошлом 712-м году ноября 14-го дня по его, Великого государя, указу Тверской пехотный полк при Гарцах скасован». РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.11. Д.13. Л.22.

ТОБОЛЬСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Полковые командиры: к 1711 полковник Петр Лукич Воейков, 1719 Михайла Бельский.

«А до 711 году кто именно были в том полку штаб-офицеры, того по ведомости от оногo полку не показано. А показано по оной ведомости, что с начала полку по 711 год кто именно были в полку штаб-офицеры, того написать невозможно, понеже полковые всякие письма и ведомости утрачены на Турецкой акции с казенным обозом».

РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1132. Л.67-67об.

1718: в Нарвском цейхгаузе хранились знамена Тобольского полка: «...знамя тафтяное, расшиты слова белою тафтою, сверху крест на золоте, без древка — 1; знамя камчатое дымчатое, на нем крест расшит песочною камкою, края обились, без древка — 1; знамя белого камчатого с орлом остаток, избит, без древка — 1; знамя ветхое камчатое красное, расшито зеленою камкою, избито всё, без древка — 1... чехол знаменный белый суконный — 1; чехлов барабанных суконных зеленых — 3». РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.7. Л.14об.

1722: были зеленые и белые камзолы, козлиные штаны, зеленые плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.16, 17, 21.

ТРОИЦКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Троицкого полку ведение. С начатка 700-го году набран был оный полк из людей боярских, из слуг монастырских».

При сформировании в 1700 полк насчитывал 12 рот, 44 офицера, 1349 нижних чинов. К 1703 полк сократился до 10 рот, к 1710 — до 8.

Полковые командиры: 1700 полковник Матвей Иванович Фливерк (1700 убит под Нарвой), 1701 полковник Данила Иванович Купер (1702 *«взят от полку»*), 1702 подполковник Иев Христофорович Абрам (1709 полковник, 1713 *«от полевой службы отставлен»*), 1713 бригадир и полковник Виллим Виллимович фон Делдин (1714 генерал-майор и полковник).

1700: было 1200 фузей, 1200 багинетов, 1200 портупей, 1200 патронных сум с перевязями, 12 протазанов, 24 алебарды, 24 каптенармусских суммы, 12 знамен, 24 деревянных барабана, 16 сиповок, 16 флейт, 2 медных пушки; убыло под Нарвой 1068 фузей, 1030 багинетов, 1030 портупей, 1092 патронных суммы с перевязями, 12 протазанов, 21 алебарда, 22 каптенармусских суммы, 9 знамен, 24 барабана, 6 сиповок, 6 флейт, 2 пушки.

1701: прибыло 961 фузея, 50 багинетов, 1 уполовник, 4 медных фузейных формы, 835 шпаг, 377 портупей, 961 патронная сума с перевязью, 436 солдатских копий, 10 алебард, 10 каптенармусских сум, 5 знамен, 4 деревянных барабана, 2 пушки.

1702: прибыло 201 фузея, 213 багинетов, 213 портупей, 201 патронная сума с перевязью, 4 алебарды, 4 каптенармусских сумы, 4 деревянных барабана, 2 пушки; убыло 120 солдатских копий.

1705: прибыло 122 фузеи, 130 багинетов, 130 портупей, 125 патронных сум с перевязями.

1706: прибыло 143 фузеи, 85 шпаг, 85 портупей, 2 деревянных барабана, 3 пушки; убыло 316 солдатских копий, 3 пушки.

1708: прибыло 659 юфтевых провиантских сум, 1 хор (8 штук) гобоев.

1709: прибыло 363 фузеи со штыками, 379 шпаг, 419 портупей, 146 патронных сум с перевязями, 125 шведских солдатских копий, 144 пистолета, 144 шведских лядунки, 10 деревянных барабанов, 85 палаток, 114 железных лопаток, 175 кирок и мотыг.

1710: прибыло 143 фузеи, 189 шпаг, 189 портупей, 143 патронных сумы с перевязями, 70 провиантских сум, 1 алебарда, 24 капральских полупики, 8 фурыерских значков из мундирного солдатского сукна, 1 пушка; *«на вычетные солдатские деньги куплено в Москве темно-зеленого сукна на кафтаны и на штаны 15001 аршин 8 вершков, да красного сукна на отвороты и на обшлаги — 375 аршин; из одного сукна сделано 1000 кафтанов, 1000 штанов, шапок гранодерских 18».*

1711: прибыло 400 фузей, 400 шпаг.

1712: прибыло 326 юфтевых полунагалищ, 9 чугунных котлов, 23 железных фузейных формы, 1700 лосиных портупей, 323 лосиных перевязи, 648 *«черных и красных»* телятинных перевязей, 101 солдатское копьё, 144 пистолета, 144 мушкетона, 24 капральских полупики, 8 знамен, 13 деревянных барабанов, 16 барабанных чехлов, 16 ружейных пирамид (на каждую 40 аршин полотна), 9 железных *«листовых»* котлов, 1 медная пушка с 2 чугунными мортирками.

1713: прибыло 1304 карпуза, 1304 галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 2608 пар чулок, 1304 епанчи, 580 лосиных портупей, 1200 лосиных перевязей, 1200 *«провиантских ранцев»*, 144 пистолетных лядунки, 3072 рогаточных копья, 8 знамен, 8 деревянных барабанов, 1 аптечный ящик, 1 медная пушка с 2 мортирками.

1715: прибыло 1080 карпузов, 900 галстуков, 1068 кафтанов, 47 штанов, 2080 пар чулок, 1005 епанеч, 4 медных барабана, 8 фурыерских значков.

1716: прибыло 1900 пар чулок.

1717: прибыло 46 карпузов, 46 кафтанов, 1063 штанов, 2364 пар чулок, 2 епанчи, 1 пика, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 1175 карпузов, 1200 галстуков, 1173 кафтана, 11 штанов, 2400 пар чулок, 1226 епанеч, 8 железных фузейных форм, 720 лосиных перевязей, 13 солдатских пик, 96 пистолетов, 11 деревянных барабанов.

1719: прибыло 76 карпузов, 57 галстуков, 65 кафтанов, 1304 пары чулок, 19 железных фузейных форм, 17 пистолетных лядунок; убыло 18 гренадерских шапок.

1712: от Казанской губернии в полк послано 527 солдатских палашей, 60 копий с припайными прутьями, 144 пистолета, 2 с четвертью аршина красного и 2 с четвертью аршина зеленого сукна на 9 фурыерских значков, 22 с половиной аршина красного и 4 с половиной аршина зеленого сукна на 18 барабанных чехлов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.27-32.

1713: от Казанской губернии в полк послано 266 палашей с железными эфесами, 3072 рогаточных копья с подтоками и припайными прутьями, 4 кузнечных меха с железными трубами. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.27-32.

1718: прибыло зеленые карпузы, зеленые кафтаны, красные епанчи. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.110об.

1720: прибыло васильковые штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Л.110об.

1723: были зеленые плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.22об.

УСТЖЮСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

1712: от раскасованного Устюжского пехотного полка остались 503 белых карпуза с зеленой «опушкой», 100 черных триповых галстуков, 540 белых кафтанов с васильковыми обшлагами и оловянными пуговицами, 540 васильковых штанов, 303 фузеи, 215 штыков, 80 трещоток с пыжовниками, 380 пороховых рожков с железной «управою», 1190 «коротких» фузейных нагалищ, 720 сум с перевязями, 389 оливниц, 894 фляжи с шурупами, 347 пикинерских копий с помочами, 58 пар пистолетов, 30 лядунок с ремнями, 16 алебард, 33 капральских копья с древками, 26 капральских копий, 6 ротных значков, 1 красное тафтяное знамя с дротиком, 1 ветхое камчатое знамя с дротиком, 12 барабанов, 11 красных суконных [барабанных] чехлов.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.6. Л.7об.-8.

ЧЕРНИГОВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«...в прошлом 712-м году мая 17-го дня из местечка Текотина вышел, в марше бежало ротных писарей три человека: Иван Крюков, Василий Попов, Федор Щуров. С собою увели лошадь с телегою и все полковые письма и всякие записки. До его сиятельства господина генерала и кавалера князя Репнина к дежурству из полку доношение подано о вышепомянутых писарях в том же году того ж числа. А ныне по ордеру господина бригадира Лефорта велено подать из полку ведение — с начала регулярной армии до сего времени что в полку было штаб-, обер-офицеров, урядников и солдат и неслужащих чинов, також и лошадей, и полковых всяких припасов, и что в котором году, месяцах и числах в полк принято людей, и лошадей, ружья, и мундиру, и полковых всяких припасов, и что куда из полку убыло, и какими мерами, и от вышепомянутых писарей в полковых делах с начала регулярной армии по 712-й год ныне в полку справиться не по чем».

Полковые командиры: 1700 полковник фон Швенден, 1704 полковник Петр Петрович Гасениус.

1712: прибыло 1478 шляп, 198 триповых галстуков, 623 зеленых кафтана, 438 белых абинковых кафтанов, 26 телятинных камзолов, 1304 красных штанов, 10 козлиных штанов, 194 пары чулок, 17 пар перчаток, 521 васильковая епанча, 489 красных епанеч, 631 палаш, 418 портупей с железными пряжками, 70 драгунских лядунок с ремнями и железными пряжками, 8 пистолетов, 3 алебарды, 6 капральских полупик, 8 камчатых знамен (из них 1 белое с орлом), 5 барабанов, 4 барабанных чехла, 111 саксонских палаток.

1713: прибыло 1110 шляп, 998 красных триповых галстуков, 1100 белых абинных кафтанов с красными обшлагами и красным байковым подбоем, 1100 белых камзолов, 475 телятинных штанов, 1575 пар чулок (из них 475 пар белых), 70 локтей белого абинного сукна на чулки, 154 аршина полотна на штиблеты, 8 железных больших и малых форм, 100 пикинерских копий; из Пермского полка передано 7 карпузов, 7 белых кафтанов, 8 камзолов, 7 желтых епанеч.

1714: прибыло 83 красных кафтана, 2608 пар чулок (из них 1304 пары серых), 230 шпаг с медными эфесами, 179 шпаг с железными эфесами, 1200 «желтых» перевязей, 100 пикинерских копий.

1715: прибыло 1304 карпуза, 1304 красных триповых галстука, 1217 красных кафтанов с васильковыми обшлагами и подбоем (из них 80 с позументом), 1303 штанов, 2608 пар чулок (из них 1310 пар белых), 58 пистолетов, 16 драгунских барабанов с красными чехлами, 17 барабанных перевязей с железными крюками.

1716: прибыло 8 фурьерских значков, 8 красных знаменных чехлов.

1717: прибыло 1611 пар чулок, 1109 васильковых епанеч с красным подбоем.

1718: прибыло 1312 шляп, 1304 васильковых кафтана с красными обшлагами и подбоем (из них 80 с позументом), 1304 козлиных штанов, 2608 пар чулок, 210 васильковых епанеч, 1200 шпаг с медными эфесами, 4 пистолета.

1719: прибыло 8 васильковых кафтанов с красными обшлагами и подбоем, 2624 пары чулок, 1 васильковая епанча, 24 пикинерских пики, 8 фурьерских значков, 16 барабанных чехлов.

1720: прибыло 1876 пар чулок; *«на епанчи сукна английского красного на 1312 епанеч, на епанчу по 4 аршина по пол 8 вершка, итого 5863 аршина; ко оным епанчам на подбой байки синей по 1 аршину по 8 вершков с четвертью вершком, итого 1988 аршин 2 четверти; плащей медных 1312; для шитья, на нитки и на воск по 2 де[ньги] на епанчу, итого денег 13 ру[блей] 4 а[лтына].*

...У штаб- и обер-офицеров грудных знаков сделано 32, шпаг новым образом — 32; не сделано: грудных знаков — 3, шпаг новым образом — 3. А о пиках штаб- и обер-офицеров в полк образцов не дано».

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.60.

1710: прибыло 849 темно-зеленых кафтанов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.154.

1722–1723: были шляпы, васильковые кафтаны, красные плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.20, 22об.

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

«Ведение полку пехотного Шлиссельбургского. Состоялся оный полк с 1700 году, а набран по указу Царского Величества из недорослей из шляхетства, такоже и из людей боярских, которые шли в вольницу.

И как оный полк набран, именовался Трейдин. А при оном были из иноземцев: полковник Матвей Иванов сын Трейдин, подполковник — Тимофей Иванов сын Трейдин, майор — Матвей Иванов сын Трейдин.

А в 702 году оный полк разделен на две части, и названы: 1 часть — Шлиссельбургский полк, 2 часть — Бушев полк.

А вышепомянутые полковник, подполковник и майор каких были наций, и кто были во оном полку обер-офицеры именно, такоже сколько состояло урядников и солдат и неслужащих чинов, лошадей полковых подъемных, артиллерии полковой, и всякой арматуры, ружья, и мундиру, онога написать подлинно неизвестны, понеже

оного полку всякие полковые записки утрачены в 711 году при Турецкой акции, а в 714 году июля 27 числа — взяты в полон на полугалере в Швецию с премьер-майором и полковым писарем».

Полковые командиры: к 1714 подполковник Александр Кондратьевич Зыков, 1715 полковник Карлус Иванович Гохмут (Hochmutch).

1714: было 1304 карпуза, 1304 триповых галстука, 1304 кафтана, 1302 штанов, 2608 пар башмаков «старого образца», 1304 пары чулок, 1282 епанчи, 1344 палаша, 122 пистолета, 94 пистолетных лядунки с ремнями, 8 алебард, 64 капральских копья, 8 фурыерских значков, 8 знамен с чехлами, 16 барабанов, 15 барабанных чехлов, 2 пушки с 4 мортирками; прибыло 8 барабанов с чехлами; убыло 205 козлиных штанов.

1715: прибыло 200 карпузов, 800 триповых галстуков, 187 васильковых кафтанов, 205 штанов, 1614 пар башмаков «старого образца», 1828 пар чулок, 1304 епанчи.

1716: прибыло 1304 карпуза, 1304 триповых галстука, 1304 кафтана, 1304 штанов, 2398 пар башмаков «старого образца», 2398 пар чулок.

1717: прибыло 2385 пар башмаков «старого образца», 2385 пар чулок, 16 барабанных чехлов.

1718: прибыло 1214 карпузов, 1214 триповых галстуков, 1214 кафтанов, 1208 штанов, 1234 пары башмаков «нового образца», 1324 пары чулок, 1213 епанеч, 463 палаша, 144 солдатских копья, 216 пистолетов, 8 фурыерских значков, 2 знаменных чехла, 14 деревянных барабанов.

1719: прибыло 92 зеленых карпуза, 67 триповых галстуков, 91 васильковый кафтан, 1 штаны, 1234 пары башмаков «нового образца», 100 пар башмаков «старого образца», 1298 пар чулок, 46 красных епанеч, 1 палаш, 144 пистолетных лядунки с ремнями.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.61.

1712: от Казанской губернии в полк прислано 550 солдатских палашей, 347 копий с припайными прутьями, 38 пар пистолетов, 2 аршина зеленого и 2 аршина красного сукна на 8 фурыерских значков, 24 аршина зеленого и 4 аршина красного сукна на 16 барабанных чехлов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.19-21.

1714: прибыло васильковые кафтаны. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.5. Д.1. Ч.5. Л.63.

1715: прибыло 1304 красных плаща. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.5. Д.1. Ч.5. Л.63.

1720: прибыло 80 пар перчаток для унтер-офицеров, капралов и писарей. РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.994.

1722: были васильковые камзолы. РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.17.

ЯМБУРГСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Полковые командиры: к 1711 полковник Яков Юрьевич Вестов.

1711: прибыло 848 шляп, 924 белых рубахи, 924 пестрядинных штанов, 924 красных триповых галстука, 924 темно-зеленых кафтана с красными обшлагами, 924 красных штанов, 1848 пар башмаков, 924 пары красных чулок, 924 портупей с медными пряжками и петлями, 802 патронных сумы с перевязями, 76 медвежьих гренадерских шапок, 74 гренадерских сумы со смазными склянками и фитильными трубками, 74 лядунки с поясками, 90 широких перевязей с железными крюками, 16 медных перевязных пряжек с наконечниками и запряжниками.

1711: было: 592 фузеи, 72 «целых» фузеи, 61 «худая» фузея; 28 фузей «худых» ломаных, к стрельбе негодных; 597 штыков, 66 «худых» штыков, 3 медных формы, 624 шпаги, 107 «худых» шпаг, 624 портупей, 534 старых «худых» портупей, 552 патронных сумы с ремнями и «оливницами», 465 старых «худых» патронных сум, 74 гренадерских сумы с перевязями и трубками, 90 старых гренадерских сум с перевязями и трубками, 74 подсумка с ремнями и «оливницами», 82 старых подсумка с ремнями, 4 старых подсумка с перевязями, 16 алебард, 8 камчатых знамен дымчатого цвета с дротиками и чехлами, 40 железных лопаток, 50 мотыг, 1 двухфунтовая пушка, 1 медная трехфунтовая пушка на четырех колесах, 1 шуфла, 1 банник.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.401-408.

ЯРОСЛАВСКИЙ ПЕХОТНЫЙ ПОЛК

Сформирован в 1700 из *«урядников и солдат старых города Симбирска, из солдатских детей и братьев, 1007 человек»*.

В 1703 полк насчитывал 1 гренадерскую и 9 мушкетерских рот, 33 офицера, 1007 нижних чинов. Гренадерская рота отделена от полка в 1710.

Полковые командиры: 1700 полковник Филипп Гаврилович Кар, 1703 подполковник Алексей Болобонов (1715 бригадир Болобонов *«написан в Перновский гарнизон»*), 1715 полковник Иван Панин (1717 переведен на службу в Комиссариат), 1717 подполковник Андрей Ригеман.

1703: было 519 фузей, 280 самопалов, 96 багинетов с портупеями, 5 медных форм, 96 гренадерских сум с перевязями, 839 патронных сум с перевязями, 10 алебард, 10 знамен, 14 барабанов; прибыло 501 фузея, 117 патронных сум с перевязями, 500 топоров.

1704: прибыло 248 фузей, 248 штыков, 248 шпаг, 56 портупей, 248 патронных сум, 9 знамен, 9 знаменных чехлов, 340 лопаток, 40 кирок; *«из Санкт-Петербурга привезено 4550 аршин сукна зеленого, 2427 аршин сукна красного, 11400 аршин холсту. Из того вышеписанного сукна сделано 1100 кафтанов, 1140 штанов, 20 шапок барабанищичьих, 96 шапок гренодерских, 20 чехлов барабанных, 9 чехлов знаменных»*.

1705: прибыло 149 фузей, 59 штыков, 943 шпаги, 556 портупей, 59 патронных сум, 20 барабанов.

1706: прибыло 30 алебард, 50 топоров.

1707: прибыло 56 штыков, 1000 замшевых портупей, 1020 перевязей, 110 патронных сум.

1708: прибыло 9 каптенармусских сум, 10 юфтей барабанных кож, 10 пучков струн, 20 палаток, 1 полковая пушка с припасами.

1709: прибыло 958 карпузов, 987 кафтанов, 887 камзолов, 887 штанов, 1060 пар «курп», 769 пар чулок, 220 фузей, 770 штыков, 118 нагалищ, 90 шпаг, 100 портупей, 1002 патронных сумы, 100 перевязей, 1112 солдатских ранцев, 88 гренадерских сум, 105 лядунок, 46 пик, 20 юфтей барабанных кож, 29 палаток.

1710: прибыло 62 фузеи, 22 штыка, 64 шпаги, 124 патронных сумы, 1 пушка с припасами.

1711: прибыло 536 фузей, 60 штыков, 293 шпаги, 243 «дубленых» портупей, 120 патронных сум, 169 «дубленых» перевязей, 41 копьё, 1 барабан, 2 пушки с припасами и 7 лошадьми, 1 пушечный пыжовник, 2 ведра коломази.

1712: прибыло 999 зеленых епанеч, 12 копий, 20 пистолетов, 12 лядунок, 1 алебарда; 1 белое знамя с орлом и 7 зеленых знамен из раскасованного Тверского пехотного полка; 4 барабана.

1713: прибыло 1177 черных шляп, 1121 белый кафтан, 1120 белых камзолов, 521 замшевых штанов, 523 пары чулок, 152 старых палатки *«на штиблеты»*.

1714: прибыло 87 красных кафтанов, 2608 пар чулок, 705 палашей с медными эфесами, 1 копье, 134 пистолета, 50 русских седел, 126 мундштучных оголовий, 50 старых войлоков, 68 калмыцких узд, 40 пристужных ремней, 1 медная пушка; с 60 рядовыми и 3 капрами, отданными *«в морские служители»*, убыло 48 шляп, 63 красных кафтана, 48 белых камзолов.

1715: прибыло 1304 васильковых карпуза, 1304 красных триповых галстука, 1216 васильковых кафтанов (из них 32 унтер-офицерских — *«на обилагах позумент серебряный в два ряда; капральских 48 — позумент в один ряд»*), 1303 козлиных штанов, 2608 пар чулок, 599 шпаг с медными эфесами.

1717: прибыло 1611 пар серых чулок, 1235 красных епанеч с желтым подбоем.

1718: прибыло 1160 карпузов, 77 унтер-офицерских шляп с позументом, 1292 кафтана, 109 камзолов, 117 штанов, 1020 пар чулок, 2 знамени.

1719: прибыло 1312 пар чулок, 8 старых знамен без дротиков; убыло церковной утвари: 4 книги, 4 медных подсвечника, 1 медное кадило, 2 старых медных лампы, 1 серебряный потир, 1 серебряный *«дароносец»*, 2 оловянных тарелки, 1 бархатные поручи *«на золоте»*, 1 парчовые поручи *«на серебре»*, 1 воздухи, 2 пелены, 200 локтей церковных *«покромей»*.

1720: было *«данного в Мекленбургши мундиру василькового: кафтанов унтер-офицерских 88, солдатских 1063, штанов 76, шляп 84, карпузов 1078, камзолов 84, епанеч красных ветхих 1066; при Риге из гранодерского полку на малорослых солдатах дано кафтанов красных ветхих 77»*, 1250 пар чулок, 144 копы, 144 пистолета, 24 алебарды, 8 фурыерских значков, 8 знамен с чехлами, 16 барабанов, 6 барабанных чехлов, 8 гобоев, 2 валторны, 1 хор *«флейтузов»* (флейт), 1 церковь с утварью, 2 медных пушки, 2 чугунных мортирки; прибыло 144 копы, 106 пистолетов, 7 алебард, 8 барабанных кадок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.43.

В. ДРАГУНЫ

АЗОВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1706.

Полковые командиры: к 1721 Василий Кондратьевич Павлов.

РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1132. Л.23.

АРХАНГЕЛОГОРОДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Полк драгунский Архангелогородский указом Царского Величества определил генерал-майор фон Ренцель из шквдрону генерала-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева в 708-м году в апреле месяце».

При формировании полк насчитывал 1 гренадерскую и 10 драгунских рот, 36 офицеров, 1112 нижних чинов, 778 лошадей. Гренадерская рота отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1708 полковник Яков Сергеевич Шамордин.

1708: было 580 фузей, 328 пар пистолетов с ольстрами, 991 палаш с медным и железным эфесом, 5 белых знамен, 12 барабанов; прибыло 1100 шляп, 1100 галстуков, 1100 кафтанов, 1100 камзолов, 1100 штанов, 1100 пар сапог, 1100 пар шпор с клапанами, 1100 епанеч, 604 фузей, 360 пар пистолетов, 850 палашей с железными эфесами, 1100 портупей, 1100 перевязей, 1700 погонных крюков, 1100 лядунок, 1100 лядуночных ремней, 1100 немецких седел, 1310 пар подпруг, 1100 паперстей, 942 пахвей, 1094 пары стремян, 1091 пара путлиц, 1798 кожаных чепраков, 1062 переметных сумы, 589 пар ольстр, 2600 бушматов, 876 узд с удилами, 113 оголовий без удил, 1100 удил, 400 палаток.

1709: прибыло 332 фузеи (из них 206 шведских), 188 пар пистолетов (из них 124 пары шведских), 467 шпаг (из них 337 шведских), 82 портупей, 149 лядунок (из них 60 шведских), 203 немецких седла, 92 переметных сумы, 1 *«церковь с утварью и с наметом»*; с гренадерской ротой убыло 102 *«шляпы»* (у гренадер!), 102 галстука, 102 кафтана, 102 камзола, 102 штанов, 102 пары сапог, 102 епанчи, 92 фузеи с перевязями и крюками, 54 с половиной пары пистолетов с ольстрами, 102 палаша с портупеями, 102 лядунки с ремнями, 102 седла, 102 кожаных чепрака, 156 пар переметных сум, 92 бушмата, 2 барабана, 16 палаток.

1710: прибыло 1000 зеленых карпузов, 1000 красных триповых галстуков, 2000 пар рубаш с портами, 1000 зеленых кафтанов, 1000 козлиных штанов, 2100 пар сапог, 1400 пар шпор, 1100 пар клапанов, 2500 пар башмаков с чулками, 1000 пар перчаток, 1000 васильковых епанеч, 13 фузей, 13 палашей, 60 портупей, 70 перевязей с крюками, 1000 немецких седел, 1000 козлиных наметов на седла, 1000 переметных сум, 800 суконных чехлов *«на епанчи»*.

1711: прибыло 653 фузеи со штыками, 300 пыжовников, 1 завесы к литаврам, 17 барабанов, 10 патронных ящиков.

1712: прибыло 71 епанча, 2 железных формы, 80 шпаг, 30 немецких седел, 10 гобоев, 1 пара литавр, 2 медных трубы, 4 валторны, 2 барабана.

1713: прибыло 384 медных пряжки к башмакам, 699 пар чулок, 113 шведских фузей, 66 пар шведских пистолетов, 130 шведских перевязей, 130 шведских седел, 10 знамен с чехлами.

1714: прибыло 1060 шляп, 1060 триповых галстуков, 1060 белых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 182 фузеи со штыками, 1000 палашей с медными эфесами, 734 кожаных чепрака.

1715: прибыло 2 шляпы, 4 козлиных камзола, 1060 пар *«ледр»*, 1060 пар чулок, 93 палаша с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 21 барабан, 20 барабанных чехлов.

1716: прибыло 20 железных форм.

1717: прибыло 1060 карпузов (из них 752 белых с васильковым прикладом), 752 васильковых кафтана с белым прикладом, 308 белых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1368 пар чулок, 308 красных епанеч с зеленым подбоем.

1718: прибыло 1060 пар чулок, 752 красных епанчи с зеленым прикладом.

1719: прибыло 1059 козлиных камзолов, 1060 штанов, 1060 пар «ледр», 1056 пар белых чулок, 86 палашей с медными эфесами, 60 портупей с медными пряжками.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.6.

1711: прибыло 100 карпузов, 100 триповых галстуков, 200 пар рубаш с портами, 100 темно-зеленых кафтанов, 1000 козлиных камзолов, 100 козлиных штанов; 100 пар сапог со шпорами, клапанами и подвоями; 100 пар башмаков, 100 пар чулок, 100 пар яловичных перчаток, 100 синих епанеч, 100 портупей, 100 перевязей с погонными крюками, 100 лядунок с ремнями, 100 седел. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.233об.-234.

АСТРАХАНСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Ведение от кавалерии полку Астраханского. С начала сего полку, в каком в то время был состоянии офицеров и рядовых, по 705 год июля по 15 число, ведомости учинить невозможно, потому что в прошлом 705-м году июля 15-го дня, во время баталии [с] шведы в Курляндии под Мур-мызою, всякие полковые письма в обозе пропали».

Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: к 1705 полковник Иван Артемьевич Игнатъев (1705 убит), 1717 полковник барон де Вигуру (de Vigourogous).

1705: было 1006 кафтанов, 1016 фузей, 1030 пар пистолетов, 1015 палашей, 1015 портупей, 1027 перевязей, 1000 лядунок, 1002 русских седла, 1044 переметных сумы, 15 мортирок, 15 мортирных сум, 15 мортирных седел, 20 каптенармусских сум, 10 знамен с дротиками, 14 барабанов; прибыло 95 пар шпор, 95 фузей, 95 портупей, 95 перевязей, 95 лядунок, 95 немецких седел с прибором, 95 переметных сум; убыло 7 мортирок.

1706: прибыло 1000 триповых галстуков, 1000 темно-зеленых кафтанов, 1000 красных камзолов, 1000 красных штанов, 1061 пара сапог, 82 фузеи, 1 медная форма, 25 шпаг, 30 немецких седел, 3 яловичных чепрака, 62 переметных сумы, 100 рогаточных копий, 1 каптенармусская сума, 2 пары литавр с завесами, 2 барабанных спуска; в Псковский (драгунский?) полк отдано 700 красных кафтанов.

1707: прибыло 1000 шляп, 198 зеленых кафтанов, 900 пар сапог, 348 пар шпор, 95 пар клапанов, 25 фузей, 99 палашей без эфесов, 25 шпаг, 90 лядунок, 24 солдатских сумы, 1100 седел, 99 кожаных чепраков, 100 пар ольстр, 99 бушматов, 100 гренадерских шапок, 100 гренадерских сум, 1050 рогаточных копий; убыло 1391 старый красный кафтан.

1708: прибыло 1177 зеленых кафтанов, 1177 козлиных штанов, 1177 красных епанеч, 110 штыков, 400 палашей без эфесов, 1000 портупей, 1000 перевязей, 1000 ремней к лядункам, 10 белых кафтанов для цирюльников.

1709: прибыло 168 кафтанов, 68 камзолов, 115 штанов, 81 пара сапог, 66 пар шпор, 32 епанчи, 244 фузеи, 190 пар пистолетов, 2 железных формы, 1 медная форма, 51 палаш, 2 шпаги, 206 портупей, 211 перевязей, 219 лядунок, 28 солдатских сум, 341 немецкое седло, 135 русских седел, 149 переметных сум, 3 офицерских гренадерских шапки, 49 гренадерских шапок, 5 тафтяных знамен, 10 палаток, 22 сенокосных косы, 2 пилы, 3 скобеля, 3 буравца, 1 резец, 1 безмен.

1710: прибыло 1020 шляп, 1000 пар сапог, 32 пары шпор, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 117 фузей, 113 пар пистолетов, 85 палашей, 56 шпаг; убыло 8 мортирок.

1711: прибыло 1027 шляп, 1027 галстуков, 2054 рубах, 2054 портов, 1027 темно-зеленых кафтанов, 1027 темно-зеленых камзолов, 1027 штанов, 1027 пар сапог, 1027 пар шпор, 1027 клапанов, 1027 пар башмаков, 1027 пар башмачных пряжек, 1027 пар чулок, 1027 пар перчаток, 1027 красных епанеч, 652 фузей, 600 штыков, 395 пар пистолетов, 36 палашей, 21 шпага, 1027 портупей, 1027 перевязей, 1027 лядунок, 1027 немецких седел, 1027 переметных сум, 1027 мундштуков.

1712: 1027 пар «фальшивадов».

1713: прибыло 112 шведских фузей, 66 пар шведских пистолетов, 1 полотняная церковь.

1714: прибыло 1060 пар чулок, 329 немецких седел; для нестроевых чинов — 11 шапок, 11 рубах, 11 портов, 11 сермяжных кафтанов, 11 крашенинных камзолов, 11 поясов.

1715: прибыло 1060 красных карпузов, 1060 васильковых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 пар чулок, 920 фузей со штыками «тульского дела», 20 барабанных чехлов.

1716: прибыло 1060 красных епанеч с синим прикладом, 20 железных форм, 920 перевязей с медной «оправой».

1717: прибыло 330 немецких седел с прибором.

1718: прибыло 253 карпуза.

1719: прибыло 807 васильковых карпузов с красными отворотами; 1060 темно-зеленых кафтанов с медными пуговицами, красными воротниками, обшлагами и оторочкой петель, красным каразейным подбоем, крашенинной подкладкой в фалдах, холстинной подкладкой в рукавах и карманах; 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 темно-зеленых епанеч с красным подбоем, 1060 портупей с медными пряжками, 10 квартирмейстерских значков из белой китайки, 20 барабанных чехлов.

1720: прибыло 162 перевязи без пряжек и запряжников, с железными наконечниками.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д. 7; Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.5.

1712: было 912 шляп, 962 кафтана, 706 пар «острог», 890 красных епанеч, 829 палашей, 144 шпаги, 5 знамен, 1 пара литавр с завесами, 17 барабанов с чехлами, 1 полотняная церковь. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.2. Ч.3. Л.3об.-4.

ВЛАДИМИРСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Владимирского драгунского полку ведомость, колико с начала полку, а именно с 701 году, по 709-й год было штаб-, обер- и унтер-офицеров, капралов и драгун и нестроевых, ружья и мундирту и амуниции и арматурии, и драгунских и подъемных лошадей, и что к тому в котором году прибывало и из полку убывало — о том выписать не по чему, понеже в записке у полковых дел явствует, что помянутых годов полковые и ротные письма и всякие ведомости и записные книги во время наступления неприятельских шведских людей в помянутом 709-м году в январе месяце в малороссийских пределах в местечке Грунях при команде полковника Камбела отбиты».

Гренадерская рота отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: к 1709 полковник князь Петр Федорович Мещерский (1714 умер), 1714 полковник Петр Тимофеевич Савелов.

1709: было 254 шляпы, 925 кафтанов, 300 пар шпор с клапанами, 860 епанеч, 1098 фузей, 6 карабинов, 89 штыков, 804 нагалища, 646 пар пистолетов, 1 котел, 10 форм, 1320 палашей и шпаг, 1015 портупей, 1228 перевязей, 1170 лядунок и солдатских сум, 1097 седел с уборами, 1215 переметных сум, 1361 с половиной пара ольстр, 1191 бушмат, 1314 узд, 97 гренадерских шапок, 96 гренадерских сум, 6 «конных» мортирок, 6 мортирных сум, 6 мортирных седел, 959 копий, 1 алебарда, 21 каптенармусская сума, 6 знамен, 1 пара литавр, 10 барабанов, 151 топор, 75 железных лопат, 75 кирок, 191 коса, 98 серпов; прибыло 1000 шляп, 1000 белых абинных кафтанов, 1000 штанов, 1000 пар сапог, 1000 пар шпор, 1000 пар клапанов, 1000 пар подвой, 241 фузея (из них 121 шведская), 199 пар пистолетов (из них 153 пары шведских), 455 шпаг (из них 334 шведских), 2 палаша, 1083 портупей, 1108 перевязей (из них 28 шведских), 1082 лядунки, 40 солдатских сум, 211 седел с уборами (из них 130 шведских), 46 пар ольстр, 81 узда, 500 пар подков, 5 знаменных чехлов; убыло 371 копье.

1710: прибыло 61 шляпа, 996 галстуков, 1992 пары рубак с портами, 996 пар сапог с клапанами, 996 пар шпор, 996 пар подвой, 1496 пар башмаков, 1496 пар чулок, 996 васильковых епанеч, 172 лядунки, 370 седел, 438 переметных сум, 320 пар ольстр, 370 бушматов, 420 мундштуков; убыло 171 копье.

1711: прибыло 996 карпузов, 108 шляп, 137 галстуков, 48 рубак, 2000 порток, 1000 зеленых кафтанов, 53 абинных кафтана, 882 камзола, 1413 штанов, 20 пар сапог, 100 пар башмаков, 495 пар чулок, 77 портупей, 47 перевязей с крюками, 122 переметных сумы, 10 барабанов, 1 кашеварный котел, 167 железных лопат, 97 кирок, 2 косы, 20000 «тайных вещей ножей»; убыло 3 мортирки, 410 копий.

1712: прибыло 32 аршина 3 четверти красного сукна и 64 больших медных пуговицы на постройку 64 карпузов; 470 красных триповых галстуков, 60 зеленых кафтанов, 15 старых красных кафтанов на подбой к ним, 851 козлиный камзол, 64 красных штанов, 237 васильковых епанеч, 369 палашей (из них 4 с медными эфесами), 407 солдатских сум, 100 белых абинных извозщичьих кафтанов, 1 белое знамя с золоченым дротиком, 9 знамен «разной камки» с золочеными дротиками, 10 красных знаменных чехлов, 10 аршин зеленого сукна на 10 знаменных чехлов, 1 пара литавр, 1 барабан, 60 аршин василькового сукна на 20 барабанных чехлов, 20 аршин белого сукна «на расшивку к тем чехлам».

1713: прибыло 590 красных триповых галстуков, 209 козлиных камзолов, 1060 пар чулок, 2 хора полковых гобоев, 6 патронных ящиков с кожаными чехлами.

1714: прибыло 1060 пар чулок, 21 камзол.

1715: прибыло 1060 шляп, 1060 васильковых кафтанов с красным прикладом, 22 козлиных камзола, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч с голубым и светло-васильковым прикладом, 20 железных форм, 1000 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанных чехлов, 1 белый церковный намет с полами.

1716: прибыло 1060 триповых галстуков, 1038 козлиных камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 920 фузей со штыками, 20 железных форм, 1060 портупей с железной «приправою»; 920 перевязей с медными пряжками, запряжниками и железными крюками.

1717: прибыло 1060 пар чулок, 7 шпаг.

1718: прибыло 965 зеленых карпузов с красным прикладом, 60 светло-зеленых кафтанов с красным подбоем, 2 медных барабана.

1719: прибыло 1060 шляп, 1014 васильковых кафтанов с красными обшлагами и красным карзеевым подбоем, 1060 замшевых козлиных камзолов, 1060 лосиных и оленьих штанов, 291 пара чулок, 1014 красных епанеч с васильковыми суконными воротниками и синим карзеевым подбоем, 208 палашей, 18 барабанов.

1720: было 1054 шляпы, 1061 кафтан, 1043 камзола, 1042 штанов, 199 пар чулок, 1056 епанеч, 914 фузей, 10 квартирмейстерских значков, 10 знамен с чехлами, 1 пара литавр, 2 валторны, 20 барабанов с чехлами; прибыло 12 палашей, 854 портупей с медными пряжками и петлями; 918 *«перевязей с крюки, с пряжки, с запряжки медными»*; убыло 3 мортирки.

1721: убыло 65 красных триповых галстуков.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.10.

1710: прибыло синие епанчи с красным прикладом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

1711: прибыло красные карпузы, черные шляпы, черные триповые галстуки, темно-зеленые кафтаны из английского сукна с красным прикладом, лосиные и козлиные штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

1714: на дезертирах Владимирского драгунского полка были шляпы; белые *«однорядочные»* кафтаны с деревянными, обшитыми сукном пуговицами, подбоем и отворотами василькового сукна; козлиные штаны. РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.141. Л.905об.

ВОЛОГОДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1705. При формировании полк насчитывал 1 гренадерскую и 10 драгунских рот, 1064 нижних чина; в 1706 прибыло 976 лошадей. Гренадерская рота отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1705 подполковник Федор Селиверстович Хрушов, 1706 полковник Василий Иванович Монастырев (1708 умер от ран), 1708 подполковник Матвей Афонасьевич Дубасов (1709 убыл), 1709 подполковник Иван Григорьевич Детковский (1710 полковник).

1705: прибыло 724 старых русских фузей, 10 барабанов.

1706: прибыло 755 шляп, 755 серых кафтанов из *«простого»* сукна, 956 пар шпор, 945 фузей, 3 медных формы, 1354 шпаги, 41 тесак, 1020 юфтевых портупей, 1133 юфтевых перевязи с крюками, 1229 лядунок с ремнями, 963 седла с убором, чепраками и мундштуками, 19 седел без чепраков и мундштуков, 200 смыков, 1000 бушматов с ремнями, 22 каптенармусских пороховых и пулечных сумы, 10 знамен с чехлами, 131 палатка (на каждую 120 аршин холста, 60 аршин *«покромей»*), 3 фунта *«вервей»*), 100 топоров, 22 железных лопаты, 44 косы; убыло 41 тесак.

1707: прибыло 1060 пар сапог с клапанами, 250 пар пистолетов, 391 смыков с кольцами, 1 пара литавр с завесами, 62 топора, 60 кос.

1708: прибыло 1050 белых абинковых кафтанов, 1000 пар сапог, 800 пар шпор, 150 пар пистолетов, 1000 лосиных портупей, 1000 лосиных перевязей, 384 немецких седла без чепраков и мундштуков, 319 немецких седел без убора; 70 немецких седел без паперстей, пахвей, чепраков и мундштуков; 210 русских седел с войлоками, 210 смычных узд, 270 переметных сум, 300 пар ольстр, 210 бушматов, 106 гренадерских шапок, 100 гренадерских сум с ремнями и трубками, 11 барабанов с чехлами; убыло 5 знамен.

1709: прибыло 967 шляп, 120 пар шпор, 283 русских фузей, 574 пары пистолетов, 337 палашей, 1124 лядунки с ремнями, 278 немецких седел, 967 паперстей и

пахвей, 967 чепраков, 967 мундштуков, 162 мундштука со смыками и кольцами, 967 оголовий с удилами, 848 пар ольстр, 299 бушматов, 791 переметная сума, 300 скребниц; убыло 492 «худых» суконных чепрака.

1710: прибыло 1000 пар сапог, 10 шпаг, 257 бушматов, 883 натопорника.

1711: прибыло 950 карпузов, 951 темно-зеленый кафтан, 1000 пар сапог с накладками и «*фальшвадами*», 159 пар шпор, 951 епанча, 345 седел с чепраками, 347 узд, 100 гренадерских шапок.

1712: прибыло 1030 козлиных штанов, 1131 пара сапог с «*фальшвадами*», 1131 переметная сума, 257 бушматов.

РГАДА. Ф.20. Оп.1. Д.16. Ч.1. Л.209-245.

1714: прибыло зеленые карпузы, зеленые кафтаны, красные плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.5. Д.1. Ч.5. Л.70.

ВЯТСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1702 по разбору ближнего окольного и воеводы Петра Матвеевича Апраксина из шляхетства Новгородского, Тверского и Новоторжского уездов, новгородских конных казаков и кормовых новгородских жителей.

При сформировании в 1702 полк насчитывал 10 рот, 34 офицера и чина унтерштаба, 861 нижний чин, 950 лошадей. Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1702 полковник Денис Девгерин (1703 «*взят к Москве*»), 1704 полковник Филипп Суvas (1705 «*взят к Москве*»), 1705 полковник князь Александр Волконский (1707 бригадир, 1709 генерал-майор), 1709 полковник Иван Михайлович Греков.

1703: прибыло 1000 кафтанов, 1000 фузей, 1000 фузейных нагалищ, 1000 шпаг, 1000 портупей, 1000 перевязей с крюками, 1000 лядунок с ремнями, 1000 седел с убором, 20 каптенармусских сум, 10 знамен, 10 барабанов.

1704: прибыло 604 шляпы, 830 пар сапог, 725 пар шпор, 760 переметных сум, 1 крестовый намет, 162 палатки, 160 топоров, 50 железных лопат.

1705: прибыло 281 фузея, 281 палаш, 987 портупей, 914 перевязей, 282 лядунки, 283 седла с уборами, 249 переметных сум.

1706: прибыло 1000 триповых галстуков, 1000 зеленых кафтанов, 1000 красных камзолов, 1000 красных штанов, 677 пар сапог, 252 фузеи, 100 палашей и шпаг, 100 портупей, 81 перевязь, 84 лядунки, 90 седел с убором, 62 переметных суммы, 187 копий.

1707: прибыло 100 шляп, 38 барабанщицких кафтанов, 300 пар сапог, 300 пар шпор, красное сукно на 1000 епанеч, 71 карабин, 110 штыков для гренадер, 1010 палашей и шпаг, 300 портупей, 70 перевязей, 70 лядунок, 100 седел, 1000 копий, 5 знамен, 1 пара литавр, 88 палаток; на гренадерскую роту: «*офицерских шапок с гербы — 3, гренадерских шапок с гербы — 100, обшивных сум с гербы — 100*».

1708: прибыло 70 шляп, 310 штанов, 20 барабанщицких кафтанов, 600 пар сапог, 197 епанеч, 182 фузеи, 250 пар пистолетов с ольстрами, 200 палашей и шпаг, 300 портупей, 1000 седел, 380 переметных сум, 100 медных фитильных трубок, 50 железных лопат.

1709: прибыло: 1000 шляп, 1000 абинковых кафтанов, 1000 штанов, 1000 пар сапог с клапанами, 1000 пар шпор, 229 фузей (из них 150 шведских), 209 пар

пистолетов (из них 179 пар шведских), 85 палашей и шпаг, 1000 портупей, 534 перевязи, 1000 лядунок, 80 седел с уборами.

1710: прибыло 1000 пар сапог с клапанами, 12 барабанов.

1711: прибыло 20 карпузов, 1000 галстуков, 2000 рубах с портами, 1000 козлиных камзолов, 1000 штанов, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 1000 пар перчаток, 1000 епанеч, 1000 седел с уборами, 1000 переметных сум, 1000 пар ольстр, 1000 узд и мундштуков.

1713: прибыло 1040 карпузов, 60 триповых галстуков, 1060 кафтанов, 60 козлиных камзолов, 60 штанов, 1060 пар чулок, 60 епанеч, 1000 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов с чехлами.

1714: прибыло 20 карпузов, 1000 галстуков, 999 козлиных камзолов, 999 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1000 зеленых епанеч, 37 шпаг с железными эфесами, 1 барабан.

1715: прибыло 991 красный карпуз, 991 красный кафтан, 65 палашей с медными эфесами.

1716: прибыло: 49 карпузов, 60 галстуков, 68 красных кафтанов, 60 камзолов, 60 штанов, 1212 пар чулок, 54 епанчи, 10 квартирмейстерских значков.

1717: прибыло: 923 козлиных камзола, 923 штанов, 1000 пар чулок, 1060 зеленых епанеч.

1718: прибыло 1000 карпузов, 1000 триповых галстуков, 1000 васильковых кафтанов, 1000 камзолов, 1000 штанов, 1000 пар чулок, 920 фузей со штыками, 1000 палашей с медными эфесами, 10 знамен с чехлами; убыло 9 красных кафтанов, 2 белых кафтана, 3 козлиных камзола, 10 козлиных штанов, 32 пары серых чулок, 90 зеленых епанеч.

1719: прибыло 60 карпузов, 60 кафтанов, 1060 пар чулок.

1720: прибыло 754 пары чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.17.

ГРЕНАДЕРСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК КРОПОТОВА

Сформирован в 1709 из гренадерских рот Азовского, Белозерского, Ингерманландского, Казанского, Нижегородского, Рязанского, Санкт-Петербургского, Тверского, Троицкого и Ямбургского драгунских полков.

При сформировании полк насчитывал 10 рот, 32 офицера и чина унтер-штаба, 1108 нижних чинов, 969 строевых лошадей.

Полковые командиры: 1709 Гаврила Семенович Кропотов (1709 бригадир, 1719 генерал-майор), 1720 полковник князь Осип Иванович Щербатов.

1709: было 795 гренадерских шапок, 479 пар сапог, 722 пары шпор, 565 епанеч, 808 фузей, 158 штыков, 702 пары пистолетов, 751 палаш, 877 портупей, 825 перевязей с крюками, 712 гренадерских сум, 867 лядунок, 4 мортирки, 845 русских седел, 525 переметных сум, 890 узд, 17 барабанов, 39 палаток; прибыло 1000 галстуков, 999 темно-зеленых гренадерских кафтанов, 8 темно-зеленых унтер-офицерских кафтанов с позументом, 13 темно-зеленых барабанщичьих кафтанов со шнурами, 1008 камзолов, 1008 штанов, 1020 пар сапог со шпорами и клапанами, 1000 епанеч, 1000 фузей, 467 пар пистолетов, 166 шпаг, 156 портупей, 332 перевязи с крюками, 277 лядунок, 997 седел с убором, 173 седла, 1000 переметных сум, 296 пар ольстр, 40 мундштуков.

1710: прибыло 999 гренадерских шапок, 1000 галстуков, 2000 пар рубаш с портами, 1000 штанов, 1000 пар сапог, 31 пара шпор, 995 пар клапанов, 500 пар башмаков с чулками, 489 пар пряжек к башмакам, 47 фузей, 19 пар пистолетов, 48 палашей, 1048 портупей, 1000 перевязей, 1000 лядуночных ремней.

1711: прибыло 1156 козлиных штанов, 1316 пар сапог, 670 пар шпор, 695 пар клапанов, 680 «подвоек», 97 пар башмаков, 305 пар чулок, 42 фузей, 217 портупей, 139 юфтевых перевязей, 100 гренадерских сум, 125 лядунок, 123 лядуночных ремня, 40 пар ольстр.

1712: было 1 пара литавр; прибыло 235 гренадерских шапок, 3 офицерских шапки, 1060 галстуков, 1060 темно-зеленых кафтанов, 1060 камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 920 фузей со штыками, 3 железных формы, 400 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанных чехлов, 100 извозчичьих кафтанов, 100 извозчичьих штанов.

1713: прибыло 1060 пар чулок.

1714: прибыло 1060 пар чулок.

1715: прибыло 1060 васильковых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 610 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 10 железных форм, 608 палашей с медными эфесами, 20 барабанных чехлов.

1716: прибыло 1060 красных триповых галстуков, 2 темно-зеленых кафтана, 450 козлиных штанов, 1060 красных епанеч с зеленым подбоем; из Рязанского драгунского полка прибыло 2 офицерских шапки, 2 офицерских суммы, 88 «гербов шапочных», 158 «слов шапочных», 4 «конных» мортирки.

1717: прибыло 1060 пар чулок.

1718: прибыло 657 гренадерских шапок, 1060 козлиных камзолов, 1060 красных штанов, 26 фузей со штыками.

1719: прибыло 1031 васильковый кафтан с медными пуговицами, красными воротниками, обшлагами и оторочкой петель, красным стамедным подбоем, красной крашенной подкладкой в фалдах, холстинной подкладкой в рукавах и карманах; 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч с синим подбоем, 18 палашей, 10 квартирмейстерских значков.

1720: было «излишнего»: 23 ветхих зеленых кафтана, 13 козлиных камзолов, 12 зеленых камзолов, 30 козлиных штанов; прибыло 985 пар чулок.

1721: прибыло 1060 пар чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.9, Д.63.

ГРЕНАДЕРСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК ФОН ДЕР РОППА

«Ведомость от кавалерии гренадерского фон дер Роппова полку. Состоялся полк в прошлом 1709-м году, а каких чинов были штабс- и обер-офицеры и кто именно, такоже что было унтер-офицер, капралов и гранодер, неслужащих, что было гранодерских и подъемных лошадей, ружья, и мундирту, и всякой арматуры, и что к тому числу прибыло и убыло в 709-м, и в 710-м, и в 711-м годах июля по 9 число, до Турецкой акции, и о таких вышеписанных годах описать не из чего, понеже такие ведомости, именные списки и всякие полковые дела отбиты в Турецкой акции».

Полковые командиры: 1709 полковник Кристофор Кристофорович (Христофор Христофорович) фон дер Ропп (С. v.d. Ropp, 1716 бригадир, 1719 генерал-майор), 1720 полковник фон Манштейн (Manstein).

1709: прибыло 445 пар pistols, 60 фузей для извозчиков.

1710: прибыло 1 пара литавр с завесами.

1711: было 947 грендерских шапок, 444 галстука, 900 кафтанов, 898 камзолов, 900 штанов, 1060 пар сапог, 659 пар шпор, 89 пар башмаков, 296 пар чулок, 862 пары перчаток, 829 епанеч, 796 фузей, 92 штыка, 522 пары pistols, 713 палашей и шпаг, 1060 портупей, 920 перевязей, 540 грендерских сум, 1000 лядунок, 850 седел, 850 чепраков, 797 пар ольстр, 74 переметных сумы, 841 мундштук, 14 барабанов; убыло 706 козлиных штанов.

1712: прибыло 295 карпузов из раскасованного Санкт-Петербургского драгунского полка, 530 галстуков, 1020 зеленых кафтанов, 411 козлиных штанов, 1281 фузея, 920 штыков; 1067 погонных ремней, сделанных из старых юфтевых перевязей от грендерских сум; 18 железных форм, 4 медных формы, 365 палашей и шпаг (из них 64 палаша с медными эфесами), 346 перевязей с медными пряжками, 10 квартирмейстерских значков, 9 барабанов; убыло 295 карпузов.

1713: прибыло 26 зеленых кафтанов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 360 портупей с железными пряжками, 138 портупей с медными пряжками и запряжниками, 590 перевязей с медными пряжками и запряжниками.

1714: прибыло 1060 триповых галстуков, 1060 зеленых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1072 пары чулок, 1055 красных епанеч, 2 железных формы, 936 палашей с медными эфесами, 325 лосиных портупей с медной *«оправою»*, 620 перевязей с медными пряжками, 360 перевязей с железными крюками и пряжками, 402 перевязи к грендерским суммам с медными пряжками и запряжниками, 1000 медных фитильных трубок, 1000 сермяжных попон, 20 барабанов с чехлами.

1715: прибыло 1060 грендерских шапок с чехлами, 230 галстуков, 200 зеленых кафтанов, 206 козлиных камзолов, 230 козлиных штанов, 435 красных епанеч, 215 фузей со штыками, 224 палаша с медными эфесами, 224 портупей с медными пряжками, 200 юфтевых перевязей.

1717: прибыло 1560 пар чулок.

1718: прибыло 1060 грендерских шапок, 1060 козлиных камзолов, 1057 красных епанеч.

1719: было 30 офицерских шапок, 30 офицерских сум; прибыло 1060 зеленых кафтанов, 1060 козлиных штанов, 1058 пар чулок, 20 железных форм, 1060 портупей с медными пряжками, 600 лядуночных ремней с медными пряжками, 256 серых войлоков; в добавку требуется 1060 кистей к грендерским шапкам, 257 замшевых штанов, 3 офицерских шапки, 3 офицерских сумы.

1720: прибыло 2092 пары чулок.

1721: было 1050 грендерских шапок, 1052 кафтана, 983 камзола, 980 штанов, 1060 пар чулок, 1041 епанча, 986 палашей с медными эфесами, 1045 портупей с медной оправой, 916 перевязей с медными пряжками и наконечниками; 999 грендерских сум с перевязями, железными крюками, медными фитильными трубками, пряжками, запряжниками и наконечниками; 996 пар ольстр, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов с чехлами; прибыло 6 гобоев, 2 валторны.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.8, Д.63; Ф.2. Оп.12. Св.15. Д.20.

ГРЕНАДЕРСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК ХЛОПОВА

Сформирован в 1709 из гренадерских рот Архангелогородского, Владимирского, Вятского, Киевского, Московского, Новотроицкого, Ростовского, Сибирского, Смоленского и Ярославского драгунских полков.

При формировании полк насчитывал 10 рот, 30 офицеров, 1088 нижних чинов, 968 гренадерских и 37 подъемных лошадей, 5 верблюдов.

Полковые командиры: 1709 полковник Андрей Семенович Кропотов (1709 убит), 1709 полковник Семен Тимофеевич Хлопов.

1709: было 682 гренадерских шапки, 895 кафтанов, 700 камзолов, 700 штанов, 614 пар сапог со шпорами, 780 епанеч, 891 фузея, 483 штыка, 689 пар пистолетов, 979 палашей и шпаг, 930 портупей, 1006 перевязей, 784 гренадерских сумы, 827 лядунок, 980 седел с убором, 792 переметных сумы, 709 пар ольстр, 771 мундштук с *«прибором»*, 12 мортирок, 12 мортирных сум, 17 барабанов, 33 палатки; прибыло 1000 галстуков, 1000 зеленых кафтанов, 1000 красных камзолов, 1000 красных штанов, 1000 пар сапог со шпорами, 1000 красных епанеч, 587 шведских фузей, 625 штыков, 644 пары шведских пистолетов, 1 чугунный котел, 1 уполовник, 3 медных формы, 579 шведских шпаг, 150 шведских портупей, 226 шведских перевязей, 405 шведских лядунок, 1131 седло с убором, 1000 войлочных крышек, 1000 переметных сум, 1065 пар ольстр, 1030 мундштуков, 3 скребницы, 1 пара литавр с завесами, 1 барабан, 188 палаток, 10 топоров, 9 лопаток, 1 долото, 3 бурава, 11 шил, 11 сенокосных кос, 15 серпов.

1710: прибыло 1000 гренадерских шапок, 1000 триповых галстуков, 2000 пар рубаш с портами, 140 кафтанов, 142 камзола, 142 штанов, 1000 пар сапог со шпорами, 1000 пар подверток, 1000 пар башмаков с чулками, 1000 пар перчаток, 152 епанчи, 413 портупей, 1000 перевязей с крюками, 1000 лядунок с ремнями, 100 седел с убором, 100 войлоков с крышками, 230 переметных сум, 505 пар ольстр, 1000 бушматов.

1711: прибыло 1000 пар сапог, 700 пар шпор, 7 штыков, 20000 *«тайных вещей ножевых лезвий»*, 2 большие и 20 малых связок веревок.

1712: прибыло 253 шапки, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 кожаных штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 988 фузей со штыками, 221 палаш с железным эфесом, 60 палашей с медными эфесами, 18 гобоев с басами, 2 барабана.

1713: прибыло 1060 пар чулок.

1714: прибыло 1060 пар чулок.

1715: прибыло 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 611 *«кожаных»* штанов, 447 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 96 палашей с медными эфесами.

1716: прибыло 700 гренадерских шапок, 1060 триповых галстуков, 904 палаша с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов.

1717: прибыло 1060 пар чулок.

1718: прибыло 257 гренадерских шапок, 54 кафтана, 1060 козлиных камзолов, 930 суконных штанов, 130 козлиных штанов.

1719: прибыло 980 васильковых кафтанов с медными пуговицами, белыми воротниками и обшлагами, белым стамедным подбоем, полотняной подкладкой в фалдах, рукавах и карманах; 1060 пар чулок.

1720: прибыло 1060 пар чулок.

Полковые командиры: приказом фельдмаршала Бориса Шереметьева от 14 августа 1713 на место Григория Рожнова в конный гренадерский полк был назначен генерал-адъютант князь Иван Борятинский. РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.1. Л.218. Высочайшим указом от 18 декабря 1713 «у полку *гранодирского*, у которого был прежде полковник *Рожнов*», отданный под суд, велено быть полковнику Хлопову. РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.1. Л.221.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Полк набран в Москве, набору боярина Тихона Никитича Стрешнева, из шляхетства и из одноквцов, и отправлен в армию июля 22-го дня [в] 1704-м году».

При сформировании полк насчитывал 10 рот, 30 обер-офицеров, 1010 нижних чинов, 993 лошади. Гренадерская рота сформирована в 1705, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1704 премьер-майор Николай Унгор (1705 умер), 1705 премьер-майор Симон Дедют (1710 умер), 1706 подполковник Яков Полонский (1707 взят к князю Александру Меншикову), 1709 подполковник Кашпер Ор (1710 взял «*апшит*»), 1710 полковник Иван Меер (1712 взял «*апшит*»), 1712 полковник Иван Нениц (1713 взял «*апшит*»), 1713 полковник Василий Петрович Шереметьев.

1704: было 1000 фузей, 1000 пар пистолетов, 1000 шпаг, 1000 портупей, 1000 перевязей, 1000 лядунок, 1000 седел с уборами, 1000 переметных сум, 1000 мундштуков, 10 знамен, 10 барабанов, 1 церковный намет, 167 палаток; прибыло 947 фузей.

1705: прибыло 1000 шляп, 1000 (аршин?) «*тесмы шерстяной белой шляпной*», 1000 креповых галстуков, 950 кафтанов, 950 штанов, 998 пар сапог, 1000 пар шпор, 1000 пар накладок, 629 пар пистолетов, 1077 портупей, 1077 перевязей, 1100 лядунок с ремнями, 1000 попон, 1000 недоуздов, 160 скребниц, 160 щеток, 11 барабанов; «*на гранодерскую роту: офицерского: шапок — 3, лядунок золоченых — 3, к сумам гранодерским накрышек бархатных — 3, к лядункам бархатных ремней — 3, сум гранатных сафьянных — 3; унтер-офицерского и гранодерского: шапок — 100, лядунок золоченых — 100, накрышек к сумам суконных — 100, сум гранатных с трубки — 100*».

1706: прибыло 1000 пар перчаток, 950 палашей, 300 седел с уборами, 1 пара литавр.

1707: прибыло 1000 седел с уборами, 650 мундштуков.

1708: прибыло 1100 шляп, 1100 кафтанов, 1100 штанов, 1065 пар сапог, 330 пар шпор с накладками, 1100 епанеч, 200 шведских фузей.

1709: прибыло 923 пары сапог, 298 шведских фузей, 287 пар шведских пистолетов, 263 шведских шпаги, 123 палаша, 123 портупей, 206 перевязей (из них 180 шведских), 923 лядунки с ремнями, 100 шведских седел с уборами, 923 переметных сумы, 923 узды, 150 скребниц, 160 палаток.

1710: прибыло 1000 триповых галстуков, 600 пар рубах с портами, 1000 пар сапог, 500 пар башмаков с чулками.

1711: прибыло 1000 пар сапог, 600 пар шпор с клапанами, 627 фузей, 157 штывков.

1712: прибыло 1040 кафтанов, 800 камзолов, 1149 штанов, 649 пар чулок, 998 епанеч, 104 шпаги.

1714: прибыло 1060 шляп, 1060 галстуков, 184 пары «*фальшвад*», 1060 пар чулок, 1000 палашей, 300 рогож «*вместо попон*».

1715: прибыло 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 666 саксонских фузей, 240 саксонских штыков, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов с чехлами.

1716: прибыло 2120 пар чулок, 1060 епанеч, 1 шпага, 10 знамен с чехлами.

1718: прибыло 1060 карпузов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар «фальшвад», 1 пара чулок, 1060 епанеч.

1719: прибыло 1060 кафтанов, 2195 пар чулок.

1720: прибыло 923 фузеи со штыками, 16 палашей.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.11; Ф.2. Оп.12. Св.13. Д.24.

1708: на 1100 человек прибыло шерстяные шляпы, васильковые кафтаны с красными обшлагами и подбоем, козлиные штаны, красные епанчи с васильковым яренковым подбоем. РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.113. Ч.2. Л.19-19 об.

1712: прибыло шляпы, красные триповые галстуки, темно-зеленые кафтаны из английского сукна с красным прикладом, темно-зеленые яренковые камзолы, лосиные штаны, темно-зеленые епанчи с красным прикладом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

КАЗАНСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1701 в Москве князем Борисом Алексеевичем Голицыным, из шляхетства.

«...ведение с начатку полку людям и лошадям, ружью, и мундирту, и амуниции... подать невозможно — выправиться не по чем, понеже в 711 году, в Турецкой акции, обоз отбит, и в тех обозах списки и табели и всякие полковые и ротные записки отбиты ж без остатку».

Полковые командиры: к 1712 полковник Гурбанус Францышкус Голант (1718 умер), 1719 полковник Иван Иванович Пиц (Johan Pitts).

1712: было 513 шляп, 557 кафтанов, 545 епанеч, 717 палашей и шпаг с железными эфесами, 5 знамен, 1 пара литавр, 20 барабанов; прибыло 1060 шляп, 1060 галстуков, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 455 палашей (из них 248 с медными эфесами), 10 знамен.

1713: прибыло 1060 пар чулок.

1714: прибыло 20 барабанных чехлов.

1715: прибыло 1060 карпузов, 1060 галстуков, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 607 фузей со штыками, 20 картечных форм, 796 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов.

1716: прибыло 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 58 фузей со штыками.

1717: прибыло 1060 карпузов, 1060 галстуков, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 10 знамен.

1718: прибыло 160 фузей со штыками.

1719: прибыло 1060 камзолов, 1060 штанов, 2120 пар чулок, 1029 епанеч, 65 палашей с медными эфесами, 20 барабанных чехлов.

1720: прибыло 1049 пар чулок.

1721: прибыло 1060 шляп, 1060 кафтанов, 1060 пар чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.12.

Полковые командиры: полковником Казанского полка с 1707 был Христиан Людвиг фон Гейденрейх, позже отставленный по болезни. РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.20. Л.62-62об.

1712: от Казанской губернии в полк послано 400 палашей с медными эфесами, 2 с половиной аршина красного и 2 с половиной аршина зеленого сукна на 10 квартирмейстерских значков. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.2-5.

КАРГОПОЛЬСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Драгунский Каргопольский полк сочинен в полном комплекте в 707-м году в мае месяце, набору людей, лошадей, ружьем и всякою амунициею из Монастырского приказа, [под] командою боярина Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина.

Да к нему из армии прислан подполковник Иван Васильев сын Болтин, и управлял за полковника по 708 год февраля по 8 число, а с того числа был прислан полковник иноземец Марель Декаргер, а был по 709-й год апреля по 11 число, и отпущен во отечество свое. А после его и доньне во оном же полку полковник Иван Болтин.

Да с ним же, подполковником, прислано из армии в Москву майор и обер-офицеры... Унтер-офицеры, драгуны и нестроевые домов патриарша и митрополых и монастырских слуг и конюхов и из крестьянства помянутых властей, и есть некоторая малая часть и из недорослей из шляхетства».

При сформировании полк насчитывал 10 рот, 16 офицеров, 1111 нижних чинов, 1068 драгунских и 113 подъемных лошадей.

1707: было 965 фузей с нагалищами и погонами, 1071 пара пистолетов с ольстрами, 1 чугунный котел, 2 уполовника, 4 медных фузейных формы, 3 железных пистолетных формы, 1080 палашей, 1077 лосиных и яловичных портупей; 983 лосиных перевязи с железными погонами, *«в том числе 10 перевязей подпрапорщицких с крюки медными двойными»*; 1071 лядунка с ремнями (в том числе 960 лядуночных ремней с медными пряжками); 1027 седел *«с чепраки зелеными яренковыми, с войлоки, с крышки, с муштуками, с пахви и с паперси и смычными ремни»*; 1068 переметных сум, 1089 зеленых яренковых чушек с бахромой; 97 русских седел с пахвьями, паперстями, кожаными чепраками, уздами и войлоками с крышками для денщиков, мастеровых людей и подводчиков; 171 скребница, 10 каптенармусских пороховых сум; *«10 знамен с чехлы, с погоны и со втоки, к ним 10 перевязей прапорщицких — бархатные, с позументом золотым и с крюки»*; 13 барабанов с суконными чехлами, 1 крестовый намет, 125 палаток, 46 палубных телег, 48 хомутов с дугами, 46 припряжей, 46 вожжей и привязных веревок, 46 узд, 250 топоров, 10 буравов, 10 долот, 10 скобелей, 1 кузнечная снасть, 250 кос, 250 серпов; *«на наличное число»* приняты шляпы, красные кумачные галстуки, темно-зеленые кафтаны, красные камзолы, красные штаны, сапоги со шпорами и клапанами, чулки; прибыло 11 фузей, 11 яловичных портупей, 11 яловичных перевязей с крюками, 11 лядунок с ремнями.

1708: прибыло 46 фузей, 18 палашей с портупеями, 43 перевязи, 43 лядунки с ремнями, 22 седла с войлоками, крышками, паперстями, пахвьями и чепраками; 11 переметных сум.

1709: *«на наличное число»* приняты шляпы, красные кумачные галстуки, темно-зеленые кафтаны, красные камзолы, красные штаны, сапоги со шпорами и клапанами, чулки, темно-зеленые епанчи; прибыло 421 с половиной пара шпор, 992 попоны, 101 скребница, 13 барабанов с чехлами, 39 боевых барабанных кож, 26 подструнных кож, 26 пучков струн, 246 топоров.

1710: прибыло 20 фузей, 118 лядунок с ремнями, 300 немецких седел, 300 войлоков с крышками, 300 пахвей и паперстей, 100 переметных сум, 300 мундштуков.

1712: прибыло 1060 белых кафтанов с васильковыми обшлагами и подбоем, 81 палаш с медным эфесом, 1 белое камчатое знамя, 9 «рудожелтых» камчатых знамен, 14 барабанов.

1713: прибыло 1060 красных епанеч с зеленым подбоем, 10 квартирмейстерских значков, 1 пара литавр, 20 барабанных чехлов.

1714: прибыло 1060 васильковых карпузов с красным подбоем, 1060 белых кафтанов с красными обшлагами и подбоем.

1715: прибыло 1060 красных триповых галстуков, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 20 железных форм, 1000 серых попон.

1716: прибыло 1060 пар чулок, 1000 зеленых епанеч, 60 красных епанеч.

1717: прибыло 1060 белых карпузов с васильковым подбоем, 1060 васильковых кафтанов с белыми обшлагами и подбоем, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1059 пар чулок.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.2.

1712: прибыло 1060 шляп. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.11. Ч.2.

КИЕВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«В прошлом 207 (1698 — Авт.) году сентября с 1-го числа, по именному Царского Величества указу, по набору его высокородия господина генерала Автамона Михайловича Головина, оный драгунский Киевский полк, который [тогда] назывался Преображенским драгунским полком, учинен из недорослей. А что в нем было с начатку, с 207 году, оного описать не можно, понеже по разбитию полку в Польше под местечком Пыздрах, документов никаких при полку не осталось. А что по разбитию полку с 712 году июня 1-го числа осталось, и что к тому прибыло и убыло, значит ниже сего».

Полковые командиры: к 1712 полковник Федор Петрович Гордон (1712 «отрешен» от полка по кригс-рехту), 1712 полковник Артемий Григорьевич Загряжский.

1712: было 355 шляп, 391 кафтан, 222 епанчи, 462 палаша с железными эфесами, 378 портупей с железными пряжками, 266 перевязей с железными пряжками, 2 барабана с чехлами; прибыло 1275 шляп, 1269 кафтанов, 1226 камзолов, 1260 штанов, 1263 епанчи, 1000 портупей с железными пряжками, 1000 перевязей с железными пряжками, 1000 лядуночных ремней с железными пряжками.

1713: прибыло 346 шляп, 223 галстука, 336 кафтанов, 338 камзолов, 339 штанов, 343 епанчи, 342 палаша с железными эфесами, 302 портупей с железными пряжками, 323 перевязи с железными пряжками, 316 лядуночных ремней с железными пряжками.

1714: прибыло 1060 шляп, 1060 галстуков, 1010 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 991 палаш с медным эфесом, 1040 портупей с медными пряжками, 926 перевязей с медными пряжками, 990 лядуночных ремней с медными пряжками, 10 знамен с чехлами, 20 барабанов.

1715: прибыло 200 шляп, 200 галстуков, 200 кафтанов, 200 камзолов, 200 штанов, 1060 пар чулок, 200 епанеч, 131 палаш с медным эфесом, 68 палашей с железными эфесами, 200 портупей с медными пряжками, 200 перевязей с медными пряжками.

1717: прибыло 978 кафтанов, 1019 камзолов, 1278 штанов, 1560 пар чулок, 1170 епанеч.

1718: прибыло 1060 пар чулок.

1719: прибыло 1060 карпузов, 1060 пар чулок, 516 перевязей с медными пряжками и без крюков, 533 лядуночных ремня с медными пряжками, 10 квартирмейстерских значков.

1720: прибыло 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар сапог, 1060 пар «*фальшвад*», 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 145 палашей с медными эфесами.

1721: было 1055 карпузов, 1011 зеленых кафтанов, 1055 камзолов, 1054 штанов, 1050 пар сапог, 1051 пара «*фальшвад*», 1036 пар «*шпор ледер*», 1156 пар чулок, 1058 епанеч, 902 фузеи, 901 штык, 998 палашей с медными эфесами, 6 квартирмейстерских значков.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.23. Ч.1-2; Д.63.

ЛЕЙБ-ШКВАДРОН

Эскадронные командиры: к 1719 подполковник Петр Бутурлин.

1719: было 355 карпузов, 455 китайчатых галстуков, 960 пар рубаш с портами, 440 капральских и драгунских кафтанов, 455 суконных камзолов, 455 суконных штанов, 448 пар сапог со шпорами, 480 пар «*ветхих*» шпор, 448 пар башмаков, 473 пары чулок, 455 епанеч, 394 фузеи, 396 штыков, 460 фузейных нагалищ, 459 пар пистолетов, 477 роговых натрусок, 53 натруски «*прежней дачи*», 5 железных котлов, 5 форм, 458 палашей с серебряной «*перевитью*» рукоятей, 292 палаша с медной «*перевитью*» рукоятей, 480 портупей, 50 портупей «*прежней дачи*», 479 лосиных перевязей с крюками, 474 лядунки с жестянками, 56 лядунок «*прежней дачи*», 423 лосиных лядуночных перевязи, 495 седел с убором и ольстрами, 495 войлочных кровель, 495 переметных сум, 445 пар чушек, 444 суконных попон, 495 мундштучных оголовий, 484 мундштука, 49 скребниц, 100 гренадерских шапок, 93 ветхих гренадерских шапки, 78 гренадерских сум с триповыми крышками, 90 триповых лядуночных перевязей, 80 триповых перевязей с крюками, 90 триповых портупей, 5 квартирмейстерских значков, 5 каптенармусских сум, 5 знамен с чехлами, 5 литавр с завесами, 4 трубы с кистями, 1 церковь с утварью и наметом, 85 палаток, 6 патронных ящиков, 75 пар шор, 497 топоров, 22 железных лопатки, 24 кирки, 50 кос, 15 трубаческих кафтанов, 6 трубаческих попон, 25 кафтанов, 25 козлиных камзолов, 25 козлиных штанов и 15 епанеч для нестроевых.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.63.

Сформирован в 1706. К 1719 насчитывал 1 гренадерскую и 4 драгунских роты. По штату в шквдроне должны были состоять: 1 подполковник, 1 майор, 6 ротмистров, 5 поручиков, 1 шквдронный квартирмейстер, 1 адъютант, 1 подпоручик (в гренадерской роте), 4 прапорщика, 5 вахмистров, 1 вице-вахмистр (в гренадерской роте), 5 квартирмейстеров, 5 каптенармусов, 4 подпрапорщика, 407 капралов и драгун, 4 литавщика, 1 аудитор, 1 провиантмейстер, 1 комиссар, 1 шквдронный обозный, 1 шквдронный лекарь, 1 фискал, 1 шквдронный писарь, 1 шквдронный каптенармус, 1 шквдронный поп, 1 шквдронный профос, 5 ротных писарей, 9 трубачей, 4 цирюльника, 2 кузнеца, 4 ротных профоса, 1 седельник, 4 плотника, 24 денщика, 36 извозчиков.

ЛУЦКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1706 в Копорье, из шляхетства и казаков Новгородского разряда.

При формировании полк насчитывал 10 рот, 28 офицеров и чинов унтер-штаба, 897 нижних чинов, 743 драгунских лошади. Гренадерская рота сформирована в 1707 и состояла при полку по крайней мере до середины 1720.

Полковые командиры: 1706 подполковник князь Тимофей Путятин (1708 определен к Выборному шквадру), 1706 бригадир граф Рудольф фон Шамбург (1707 генерал-майор), 1708 бригадир Федор Гаврилович Чекин (1713 генерал-майор), 1708 подполковник Арист Манштейн (1710 переведен в Нарвский драгунский полк с чином полковника), 1710 подполковник Сава Алексеевич Тимашев, 1712 полковник Григорий Данилович Есипов.

1706: прибыло 834 сермяжных кафтана с красными суконными отворотами, 740 фузей, 934 нагалища, 1000 палашей с портупьями, 858 перевязей, 1000 лядунок, 833 русских седла с убором, 300 немецких седел, 280 переметных сум, 51 бушмат, 305 мундштуков, 633 узды, 20 каптенармусских сум, 10 знамен, 10 барабанов, 94 палатки.

1707: прибыло 500 шляп, 1000 васильковых кафтанов с яреновыми отворотами, 999 камзолов, 1000 штанов, 600 пар сапог, 200 фузей, 404 пары пистолетов с ольстрами, 491 переметная сума, 749 бушматов, 100 гренадерских шапок, 100 гренадерских сум, 90 мортирок, 90 мортирных седел, 90 мундштуков, 1 пара литавр, 1 барабан, 50 топоров, 50 железных лопаток, 100 кос.

1708: прибыло 498 пар шпор, 696 пар перчаток, 200 русских седел с уборами, 70 узд.

1709: прибыло 1000 пар сапог, 1000 пар шпор, 271 фузея, 215 пар пистолетов, 308 палашей, 1000 портупей, 1000 перевязей, 1000 лядуночных ремней, 1000 немецких седел с чепраками, 100 русских пахвей, 100 узд, 71 копьё.

1710: прибыло 16 васильковых кафтанов, 15 камзолов, 8 штанов, 591 пара сапог, 15 фузей, 67 пар пистолетов, 16 палашей, 993 лядунки, 1000 паперстей, 1000 пахвей, 535 пар ольстр, 981 узда, 881 кожаный натопорник.

1711: прибыло 900 карпузов, 1013 темно-зеленых кафтанов, 1013 красных епанеч, 1000 пар сапог, 100 гренадерских шапок, 6 фузей, 2 хора гобоев, 2 пары труб.

1712: прибыло 350 палашей, 403 замшевых портупей, 48 замшевых перевязей; убыло 71 копьё.

1713: прибыло 1061 галстук, 10 знамен с чехлами, 20 барабанов с чехлами.

1714: прибыло 919 карпузов, 786 темно-зеленых кафтанов, 37 абинных кафтанов, 1015 васильковых штанов, 3173 пары чулок, 896 епанеч (из них 835 красных), 37 палашей, 96 гренадерских шапок, 100 гренадерских сум, 10 квартирмейстерских значков, 1 барабан; 92 шубы и 92 сермяжных кафтана для денщиков.

1715: прибыло 53 карпуза, 7 шляп, 60 кафтанов, 60 камзолов, 60 штанов, 60 епанеч, 50 штыков, 60 палашей.

1716: прибыло 24 карпуза, 83 кафтана, 1940 пар чулок, 21 епанча; с четырьмя драгунами, поступившими в полк из Санкт-Петербургской канцелярской роты, прибыло 4 васильковых карпуза, 4 галстука, 4 зеленых кафтана, 4 козлиных камзола, 4 козлиных штанов, 4 пары чулок, 4 красных епанчи.

1718: прибыло 1063 карпуза, 1063 галстука, 1063 кафтана, 1061 красный камзол, 1063 штанов, 3183 пары башмаков с пряжками, 3185 пар чулок, 1063 епанчи, 920 фузей со штыками, 383 палаша с медными эфесами, 100 гренадерских сум, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов с чехлами.

1720: было 1039 карпузов, 1041 галстук, 1039 кафтанов, 1036 камзолов, 1038 штанов, 1060 пар башмаков с пряжками, 2120 пар чулок, 1051 епанча, 917 фузей со

штыками, 100 гренадерских сум, 10 квартирмейстерских значков, 10 знамен с дротиками, 1 пара литавр с завесами, 2 трубы, 20 барабанов с чехлами; прибыло 3180 пар чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.2; РГАДА. Ф.20. Оп.1. Д.16. Ч.1.

МОСКОВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Полковые документы погибли в 1706.

Гренадерская рота сформирована в 1706, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: полковник Ефим Андреевич Гулиц, полковник Николай Григорьевич фон Вердин (Фонвердин), генерал Карл фон Рен (Ренне, 1704 генерал-майор); 1703 подполковник Федор Иванович Фасман, *«который в бытность господина генерала и кавалера фон Рена управлял за полковника»* (1705 *«пожалован в полковники в новоприверстанный драгунский полк»*); 1707 полковник Григорий Селиверстович Рожнов (1707 переведен в Тверской драгунский полк), 1708 полковник Повиш (*«числился в полку два месяца»*), 1708 полковник Петр Иванович Яковлев (1709 бригадир), 1709 полковник Андрей Яковлевич Лицкий.

1706: было 883 фузей, 754 пары пистолетов с ольстрами, 899 палашей, 940 портупей, 958 перевязей, 899 лядунок, 886 седел, 818 чепраков, 804 переметных сумы, 864 мундштука, 6 каптенармусских сум; в гренадерской роте — 98 гренадерских сум с гербами, 14 гренадерских сум без гербов, 111 *«красных»* перевязей от гренадерских сум, 8 мортирок, 11 мортирных сум, 9 мортирных седел, 61 красная чушка; прибыло 119 фузей, 57 лядунок, 1010 седел, 48 чепраков, 62 переметных сумы, 31 пара ольстр, 100 мундштуков, 926 рогаточных копий с древками, 1 каптенармусская сума.

1707: прибыло 1025 шляп, 1000 красных триповых галстуков, 1010 кафтанов, 1007 камзолов, 1007 штанов, 2064 пары сапог, 1082 епанчи, 70 фузей, 234 палаша, 1050 портупей (из них 1000 лосиных), 1050 перевязей, 1082 лядунок, 110 немецких седел, 55 русских седел, 50 пар ольстр, 124 гренадерских шапки, 125 *«клееных»* чехлов к ним, 124 гренадерских сумы, 109 вызолоченных гербов на гренадерские сумы, 124 пары пряжек и наконечников, 124 красных суконных чепрака.

1708: прибыло 30 фузей, 180 палашей, 1072 седла, 1054 *«подклееных»* чепрака, 385 переметных сум, 366 пар ольстр, 212 мундштуков, 55 узд.

1709: прибыло 1000 шляп, 1000 галстуков, 1000 кафтанов, 1000 камзолов, 1000 штанов, 1000 пар сапог с клапанами и подвоями, 1000 пар шпор, 1000 пар башмаков с чулками, 1000 красных епанеч, 310 фузей (из них 102 шведских), 183 пары пистолетов (из них 123 пары шведских), 41 палаш и шпага, 329 портупей, 229 перевязей, 315 лядунок, 105 седел, 40 чепраков, 76 переметных сум, 62 пары ольстр, 93 мундштука; убыло 50 копий.

1710: прибыло 1000 пар сапог, 500 пар башмаков с пряжками, 500 пар чулок, 43 фузей, 44 палаша и шпаги, 43 портупей, 2 перевязи, 43 лядунок.

1711: прибыло 1060 шляп, 1060 галстуков, 2120 пар рубаш с портами, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар сапог, 900 пар шпор, 1060 пар башмаков с чулками, 1060 епанеч, 168 фузей, 6 пар пистолетов, 7 палашей, 7 портупей, 7 перевязей, 7 лядунок, 7 седел, 7 чепраков, 7 пар ольстр, 7 мундштуков; убыло 643 копы с древками.

1712: прибыло 1060 кафтанов, 920 фузей со штыками, 240 палашей с медными эфесами.

1713: прибыло 1060 пар чулок, 282 палаша с медными эфесами.

1714: прибыло 1060 карпузов, 1060 пар чулок.

1715: прибыло 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 1 палаш, 1 шпага.

1716: прибыло 1060 галстуков, 1060 штанов, 1060 пар чулок.

1717: прибыло 1366 пар чулок.

1718: прибыло 1060 карпузов, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч.

1719: прибыло 1060 пар чулок, 1000 палашей с медными эфесами.

1720: было 1000 палашей с медными эфесами, 255 палашей и шпаг для нестроевых чинов.

«В 706-м году было знамен луданных зеленых 9, на них расписано серебром, дротики железные луженые, с древки и с чехлы; да знамя белое луданное, на нем герб расписан золотом. И в 706-м году по указу его князей светлости (Александра Меншикова — Авт.) отданы в цейхгауз ветхие знамена в Киеве.

Дано из Киевского драгунского полку ветхих же знамен пять, цветом зеленых, на них расписано серебром. Да в 707-м году, будучи в Польше, в Варшаве, сделано пять знамен цветом зеленых луданных с гербами черными, в том числе одно знамя белое. И в 711-м году, будучи в Турецкой акции, дано было от генерала Рена одно знамя красное тафтяное с дротиком медным и с древком, на нем расписано белою фарбою. И оные вышеписанные ветхие знамена отданы по указу в Смоленску в цейхгауз.

В 712-м году присланы с Москвы из Сенату привозу поручика Анненкова девять знамен красных камчатных, с дротики медными и с чехлы, на них расписано золотом; да знамя белое камчатное, расписано золотом же. И оные вышеписанные ветхие знамена содержатся и ныне (в 1720 — Авт.) при полку».

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.3.

Полк сформирован в 1700 по разбору генерала Адама Адамовича Вейде из дворян и дворянских недорослей. При формировании полк насчитывал 10 рот.

1711: прибыло шляпы, черные триповые галстуки, козлиные камзолы, лосиные штаны, красные епанчи с синим прикладом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.; Св.2. Д.11. Ч.3. Л.10.

1712: прибыло белые кафтаны из английского сукна с синим прикладом (в том же году убыли в Каргопольский полк), 2 с половиной аршина красного и 2 с половиной аршина зеленого сукна на 10 квартирмейстерских значков. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.; Св.3. Д.17. Л.4об.

НАРВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Ведомость драгунского Нарвского полку, как оный полк по указу Царского Величества, по набору стольника Юрьи Неледенского, в прошлом 705-м году июля с 13-го числа состоялся, и что в вышепомянутом полку было офицеров, и унтер-офицеров, и драгун, и лошадей, и ружья, и мундиру, и полковых припасов, и что к тому числу прибыло и убыло, и что ныне налицо обретається при оном полку, и то писано ниже сего».

При формировании полк насчитывал 1 гренадерскую и 10 драгунских рот, 10 офицеров, 1298 нижних чинов; в 1706 прибыло 1090 лошадей.

Полковые командиры: 1705 подполковник Иван Пестов (1705 «за болезнью от полку отставлен»), 1705 подполковник Иван Паур (1706 переведен в Вологодский драгунский полк), 1707 полковник барон Иван фон Фелзин (1710 «от полку отставлен»), 1710 полковник Арист Христофорович Манштейн.

1705: было 1148 фузей, 998 шпаг, 997 патронных сум.

1706: прибыло 1000 шляп, 1200 сермяжных кафтанов, 460 пар сапог, 1000 пар шпор, 344 фузей, 1000 пар пистолетов, 12 фузейных форм, 150 шпаг, 1040 портупей, 1170 *«товарных»* (яловичных) перевязей, 100 лосиных перевязей, 1225 лядунок, 1000 седел с уборами, 1000 попон, 846 бушматов, 1000 мундштуков, 22 каптенармусских сумы, 10 знамен со *«втоками»* и чехлами, 10 барабанов, 89 палаток, 50 топоров, 40 кос; в Вологодский драгунский полк отдано 142 аршина серого и 104 аршина красного сукна.

1707: прибыло 1 пара литавр, 3 барабана, 14 топоров; *«строевые кафтаны и сапоги и шляпы поносились, конские попоны все подрались, палатки все погнили и задрались, шпоры все поломались»*.

1708: прибыло 1070 кафтанов, 500 пар сапог, 125 фузей, 109 шпаг, 314 портупей, 247 перевязей, 300 седел с уборами, 707 бушматов, 683 узды, 107 гренадерских шапок, 100 гренадерских сум, 2 барабана.

1709: прибыло 128 кафтанов, 435 пар сапог, 209 фузей, 9 пар пистолетов, 333 палаша, 5 шпаг, 1000 портупей, 1000 перевязей, 4 лядунок, 1000 лядуночных ремней, 731 седло, 731 войлок, 997 паперстей, 990 пахвей, 1000 чепраков, 998 переметных сум, 1000 пар ольстр.

1710: прибыло 588 пар сапог, 790 натопорников; *«куплено трубачам на трубы кронбурхи, дано один рубль»*.

1711: прибыло 900 карпузов, 998 кафтанов, 998 епанеч, 1000 пар сапог с *«фальшвадами»*, 1000 пар шпор с накладками, 100 гренадерских шапок; куплены гобои, кузнечная снасть.

РГАДА. Ф.20. Оп.1. Д.16. Ч.1. Л.80-208.

Полковые командиры: к 1720 полковником был Дмитрий Федорович Еропкин. РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1132. Л.27-29.

1714: прибыло зеленые карпузы, васильковые кафтаны, красные плащи. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.5. Д.1. Ч.5. Л.70.

НЕВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Полк набран в Москве, в прошлом 704-м году, по указу Царского Величества и по разбору боярина Тихона Никитича Стрешнева».

При формировании полк насчитывал 10 рот, 29 офицеров, 1001 нижний чин, 1002 лошади. Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1704 полковник Ян Партесес (1705 отставлен), 1705 полковник Антоний фон Штольц (1707 бригадир и полковник Штольц получил звание генерал-майора), 1707 полковник Калина Канбель (Кампель, 1709 *«был за арестом при гоубт-квартире и в полк не явился»*), 1709 полковник Михайла Иванович Леонтьев (1720 бригадир), 1720 полковник Владимир Семенович Борзово.

1705: было 1000 кафтанов, 1000 камзолов, 1000 штанов, 1000 фузей, 998 пар пистолетов с ольстрами, 1000 шпаг с портупеями, 1000 перевязей, 1000 лядунок, 999 седел с убором, 1000 переметных сум, 10 знамен, 10 барабанов, 1 церковный намет, 160 палаток.

1706: прибыло 20 шляп, 135 триповых галстуков, 776 пар сапог, 79 палашей, 149 седел, 62 переметных сумы, 159 мундштуков, 183 копыя, 1 каптенармусская сума, 1 пара литавр, 3 барабана.

1707: прибыло 300 шляп, 1000 кафтанов, 933 епанеч, 988 фузей, 150 палашей, 400 портупей, 900 лосиных перевязей, 907 лядунок с лосиными ремнями, 100 гренадерских шапок, 93 гранатных сумы, 1000 копий, 5 знамен.

1708: прибыло 263 шляпы, 1023 пары шпор, 200 фузей, 200 палашей без эфесов, 1023 седла с войлоками, 916 стремян, 234 чепрака, 535 переметных сум, 474 пар ольстр, 1018 мундштуков с русскими удилами.

1709: прибыло 1000 шляп, 1000 «*новых*» кафтанов, 50 «*старых*» кафтанов, 1000 штанов, 1000 пар сапог, 1000 пар шпор, 57 епанеч, 173 фузеи (из них 82 шведских), 70 пар пистолетов (из них 60 пар шведских), 285 шпаг (из них 193 шведских), 208 перевязей (из них 107 шведских), 28 лядунок, 240 седел (из них 53 шведских), 29 переметных сум.

1710: прибыло 25 кафтанов, 30 камзолов, 32 портупей, 38 перевязей, 224 седла с мундштуками и переметными сумами.

1711: прибыло 2000 пар рубах и порток, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 999 васильковых епанеч, 1010 фузей, 375 пар пистолетов, 371 шпага с железным эфесом, 61 портупея с железной пряжкой, 200 перевязей с железными пряжками, 223 седла с убором, 140 чепраков, 61 переметная сума, 12 барабанов, 60 палаток, 60 сенокосных кос.

1712: прибыло 1000 шляп, 995 темно-зеленых кафтанов, 984 козлиных камзола, 978 козлиных штанов, 10 квартирмейстерских значков.

1713: прибыло 146 шпаг с железными эфесами, 146 портупей с железными пряжками.

1714: прибыло 1060 шляп, 1060 триповых галстуков, 1058 белых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1058 красных епанеч, 173 палаша с медными эфесами, 553 портупей с железными пряжками, 920 перевязей с железными пряжками, 318 серых суконных попон.

1715: прибыло 827 палашей с медными эфесами, 134 портупей с железными пряжками, 10 триповых знаменных перевязей, 20 барабанных перевязей с железными пряжками, 19 барабанов, 20 барабанных чехлов.

1716: прибыло 380 пар суконных чулок, 198 солдатских лядунок.

1717: прибыло 1112 пар чулок.

1718: прибыло 1060 епанеч, 920 фузей со штыками.

1719: прибыло 1060 темно-зеленых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар сапог с клапанами и «*фальшвадами*», 1060 пар чулок, 40 палашей с медными эфесами, 1000 портупей с железными пряжками, 932 перевязи с медными запряжниками.

1720: прибыло 1060 карпузов, 185 палашей с медными эфесами.

1721: прибыло 979 пар чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.16, Д.63; Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.21.

НИЖЕГОРОДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1702 по разбору ближнего окольного и воеводы Петра Матвеевича Апраксина.

Впервые полковые документы погибли в августе 1704, еще часть — «*при полковом обозе во время Турецкой акции при реке Пруте в 711-м году*».

Полковые командиры: 1708 полковник Иван Шишков, 1709 полковник Андрей Иванович Чернышев.

1704: было 848 фузей, 768 нагалищ, 86 пар пистолетов, 1 чугунный котел, 1 железный уполовник, 5 медных форм, 890 шпаг, 868 портупей, 904 перевязи, 933 лядунки с ремнями, 760 русских седел, 711 переметных сум, 760 пар ольстр, 20 каптенармусских сум, 5 знамен, 9 барабанов, 1 церковный намет, 159 палаток, 23 железных лопатки, 23 кирки; прибыло 100 русских седел, 440 переметных сум.

1705: прибыло 302 фузеи (из них 100 шведских), 100 нагалищ, 102 палаша, 23 шпаги, 102 портупей, 102 перевязи, 102 лядунки с ремнями, 102 немецких седла с уздами и мундштуками, 17 русских седел, 157 переметных сум.

1706: прибыло 1000 галстуков, 540 кафтанов, 540 камзолов, 540 штанов, 1006 пар сапог, 103 фузеи, 1 чугунный котел, 1 железный уполовник, 17 палашей, 17 портупей, 17 перевязей, 32 лядунки с ремнями, 163 немецких седла, 63 переметных сумы, 35 пар ольстр, 100 узд и мундштуков, 186 копий с древками, 1 пара литавр с завесами, 10 барабанов, 146 лопаток, 20 кирок.

1707: прибыло 300 шляп, 300 пар шпор, 42 фузеи, 813 палашей без эфесов, 240 перевязей, 90 лядунок с ремнями, 100 пар ольстр, 1010 рогаточных копий.

1708: прибыло 1000 пар сапог, 250 «старых» кафтанов от Смоленского полка, 110 фузей, 8 палашей, 460 портупей, 318 перевязей, 470 лядунок с ремнями, 1000 немецких седел, 1000 переметных сум, 1000 узд и мундштуков, 2 мортирки; убыло 186 копий с древками, 851 рогаточное копье.

1709: прибыло 1000 шляп, 1000 кафтанов, 1000 штанов, 1000 пар сапог со шпорами, 1000 епанеч, 197 фузей, 329 пар пистолетов, 455 шпаг, 1000 портупей, 1000 перевязей, 1000 лядунок с ремнями, 50 немецких седел, 80 пар ольстр, 48 узд и мундштуков, 107 палаток.

1710: прибыло 1000 пар сапог, 45 пар шпор, 500 пар башмаков, 500 пар чулок, 46 фузей, 48 шпаг.

1711: прибыло 991 карпуз, 1000 пар сапог со шпорами, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 50 старых фузей с замками и без замков, 901 немецкое седло с убором, 901 переметная сума, 500 пар ольстр, 860 узд и мундштуков; убыло 2 мортирки.

1712: прибыло 261 палаш и шпага, 149 юфтевых перевязей, 4 аршина сукна на квартирмейстерские значки, 11 знамен, 2 трубы, 4 барабана.

1713: прибыло 1060 красных карпузов с темно-зеленым прикладом, 1060 черных триповых галстуков, 1060 белых кафтанов с красным прикладом, 1060 козлиных камзолов, 1060 лосиных штанов, 2120 пар чулок, 1060 красных епанеч с зеленым прикладом.

1715: прибыло 1020 шляп, 802 темно-зеленых кафтана, 1054 козлиных камзола, 802 штанов, 1060 пар чулок, 756 фузей со штыками.

1716: прибыло 917 красных триповых галстуков, 115 темно-зеленых кафтанов, 115 штанов, 917 пар чулок, 988 красных епанеч.

1717: прибыло 803 пары чулок.

1718: прибыло 120 черных валяных шляп, 954 пары чулок, 112 фузей со штыками.

1719: прибыло 1060 зеленых карпузов с красным прикладом, 1060 черных триповых галстуков, 1047 красных кафтанов с васильковым подбоем, 1060 козлиных камзолов, 1060 оленьих и лосиных штанов, 1060 пар чулок; 1060 васильковых епанеч с красными воротниками, красным стамедным подбоем и медными «плащами»; 171 фузея со штыком, 175 палашей и шпаг.

1721: прибыло 2120 пар чулок, 7 красных знаменных чехлов, 20 барабанов.

1712: от Казанской губернии в полк послано 61 палаш с медным эфесом, 2 аршина красного и 2 аршина зеленого сукна на квартирмейстерские значки. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.5об.-6об.

НОВГОРОДСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Драгунский Новгородский полк сочинен в 701-м году в июне месяце 13-го числа, набору боярина князя Бориса Алексеевича Голицына».

При формировании полк насчитывал 10 рот, 31 офицера, 1018 нижних чинов, 1093 лошади. Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709.

«...прошлых годов с 701-го по 706-й год письма полковые... приемные и расходные книги... положены были в казенной телеге, и в прошлом... 705-м году июля в 15 день, под Мур-мызою с шведским генералом Левенгоптом на несчастливой баталии, те книги и ведомости приемные и расходные все отбиты». Еще раз документы были утрачены два года спустя: *«в прошлом... 708-м году бежал, пократчи (украд — Авт.) всякие полковые ведомости, приемные и расходные книги, також и полковые деньги, полковой писарь Василий Пенков».*

Полковые командиры: 1701 полковник князь Никита Федорович Мещерский, 1712 полковник Иван Григорьевич Чернцов.

1701: прибыло 999 фузей, 1011 русских седел, 1011 войлоков с крышками, 1011 узд, 10 знамен, 10 барабанов; *«а мундир[у] вышеписанным урядникам и драгунам с 701-го году по 706 год дачи никакой не было, а делали мундирт от себя».*

1705: прибыло 99 фузей, 99 шпаг с портупьями, 99 перевязей, 99 лядунок, 99 немецких седел; убыло 81 палаш, 1 сабля, 3 *«конных»* мортирки, 3 мортирных сумы.

1706: прибыло 250 шляп, 380 фузей, 8 карабинов, 2 пищали, 198 пар пистолетов, 288 шпаг, 2 сабли, 266 портупей, 99 лядунок, 49 солдатских сум, 100 седел с убором, 156 переметных сум, 32 пары ольстр, 40 гренадерских сум, 187 копий, 10 знамен, 1 пара литавр с завесами, 1 кожа *«на кровлю к литаврам»*, 3 барабана, 2 скобеля; убыло 12 палашей с железными эфесами.

1707: прибыло 1100 васильковых кафтанов, 2186 портищ медных пуговиц на строевые кафтаны, 7205 локтей красного сукна на епанчи, 100 фузей, 996 портупей с железными пряжками, 1100 перевязей, 1000 перевязных крюков, 1000 медных перевязных пряжек, 100 лядунок, 1000 лядуночных ремней без пряжек, 40 гренадерских сум, 100 копий, 936 рогаточных копий, 67 палаток.

1708: прибыло 850 шляп, 800 пар сапог, 232 палаша без эфеса, 30 портупей, 82 перевязи, 75 лядунок, 192 немецких и русских седла, 10 белых сермяжных кафтанов для цирюльников, 75 лопат, 8 кирок, 2 бочки пороха, 1 бочка картечи.

1709: прибыло 25 шведских фузей, 44 пары шведских пистолетов, 241 шведская шпага, 74 *«ломаных»* шведских лядунки, 1 пара шведских литавр; в Пермский драгунский полк отдано 600 портищ медных кафтанных пуговиц.

1710: прибыло 1030 карпузов, 1030 триповых галстуков, 2000 пар рубак с портами, 1030 белых кафтанов из *«доброго»* сукна, 1030 козлиных камзолов, 1030 козлиных штанов, 1030 пар сапог с *«фальшивадами»* и шпорами, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 1030 красных епанеч, 1030 перевязей с крюками, 1030 лядунок с ремнями, 1030 седел с убором, 1030 чепраков, 1030 переметных сум, 1030 пар пистолетных ольстр, 1030 мундштуков.

1711: прибыло 178 белых абинных кафтанов, 27 козлиных штанов, 615 пар сапог, 900 пар клапанов, 98 пар башмаков, 48 пар чулок, 242 фузеи с погонами, 230

палашей, 153 портупей, 152 перевязи, 140 перевязных крюков, 10 лядунок, 19 лядуночных ремней, 30 пар ольстр, 170 железных лопаток, 130 кирок и мотыг.

1712: прибыло 20 медных и железных форм, 103 палаша с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков; 1 белое камчатое знамя, 9 «*рудожелтых*» камчатых знамен, к ним: 10 древок с погонами и дротиками, 400 медных гвоздей, 20 медных золоченых гвоздей, 10 красных знаменных чехлов, 20 «*зеленых*» ремней, 20 аршин красной шелковой тесьмы; 4 «*басовых*» гобоя, 6 «*малых*» гобоев, 40 пар пистолетов нестроевым чинам.

1713: прибыло 1060 зеленых карпузов, 1060 черных триповых галстуков, 1060 белых кафтанов из «*доброто*» сукна, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч.

1714: прибыло 1060 пар сапог с «*фальшвадами*» и шпорами, 1060 пар чулок.

1715: прибыло 860 шляп, 8 зеленых карпузов, 16 черных триповых галстуков, 4 белых кафтана, 875 козлиных камзолов, 456 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 4 красных епанчи, 1109 фузей со штыками, 898 палашей с медными эфесами, 1590 аршин серого сермяжного сукна под войлоки, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов с чехлами, 54 палаша с медными эфесами для нестроевых чинов.

1716: прибыло 1056 белых кафтанов с васильковыми подбоями и обшлагами, 1060 пар сапог с «*фальшвадами*», 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч с зеленым подбоем, 60 лядунок для извозчиков.

1717: прибыло 1060 галстуков, 183 кафтана, 602 штанов, 996 пар сапог, 1060 пар шпор, 860 пар клапанов, 860 пар «*фальшвад*», 1048 пар чулок, 181 фузея со штыком, 395 палашей с медными эфесами.

1718: прибыло 682 карпуза; 426 кафтанов из белого английского сукна с медными пуговицами, васильковыми воротниками, обшлагами и оторочкой петель, синим каразейным подбоем, крашенинной подкладкой в фалдах и под обшлагами, холстинной подкладкой в рукавах и карманах; 862 камзола, 630 штанов, 241 фузея со штыком.

1719: прибыло 115 козлиных камзолов, 420 оленьих и козлиных штанов, 1060 пар «*фальшвад*», 759 пар чулок, 1060 зеленых епанеч с красным подбоем, 10 знамен с чехлами, 13 аршин 3 четверти красного сукна на знаменные чехлы, 20 барабанных чехлов.

1720: было 963 карпуза, 25 галстуков, 922 кафтана, 992 камзола, 991 штыны, 1058 пар чулок, 1060 зеленых епанеч, 920 фузей со штыками, 20 железных форм, 1000 палашей с медными эфесами, 10 знамен с чехлами, 1 пара литавр, 20 барабанных чехлов; «*за полным комплектом прежних дач*» — 53 козлиных камзола, 69 красных «*малоношенных*» епанеч; у извозчиков — 60 фузей, 60 лядунок с ремнями; у нестроевых — 40 пар пистолетов, 54 палаша; прибыло 36 палашей с медными эфесами, 1 шпага.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.14, Д.15.

Полковые командиры: Иван Чернецов в 1709 был пожалован подполковником в новоприборный драгунский полк Хонева. В сентябре 1710, после смерти Хонева, получил звание полковника. В 1712 этот полк был раскасован.

НОВОТРОИЦКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1708 для участия в *«Донском походе»* из людей Азовского, Астраханского, Белгородского, Владимирского, Вятского, Казанского, Московского, Невского, Нижегородского, Новгородского, Псковского, Ростовского, Рязанского, Санкт-Петербургского, Сибирского, Тверского, Троицкого, Ярославского драгунских полков и Лейб-регимента.

При формировании полк насчитывал 10 рот, 33 офицера и чина унтер-штаба, 1037 нижних чинов, 1350 лошадей.

Полковые командиры: 1708 полковник Гаврила Семенович Кропотов (1709 переведен в гренадерский драгунский полк), 1709 князь Семен Федорович Мещерский.

1721: было 1029 карпузов, 27 шляп, 1026 васьковских кафтанов, 30 белых кафтанов, 973 козлиных камзола, 973 козлиных штанов, 1024 васьковских епанеч, 26 красных епанеч, 920 фузей со штыками, 1 пара литавр, 10 знамен, 20 барабанов с чехлами; у нестроевых чинов — 100 пар пистолетов, 59 палашей и шпаг, 59 лядунок, 20 перевязей, 50 седел с уборами, 60 переметных сум, 60 пар ольстр, 60 узд.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.5.

ОЛОНЕЦКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«В прошлом 707-м году генваря в 16 день по именному Царского Величества указу ... присланному к господину обер-коменданту Пскова и Нарвы Кириллу Алексеевичу Нарышкину, оный драгунский Олонецкий полк учинен из рейтарского Мурзенкова полку и прочих [полков]».

При формировании полк насчитывал 10 рот, 20 офицеров, 610 нижних чинов, 904 лошади.

Полковые командиры: 1707 полковник Моисей Егупович Мурзенко (1710 умер), 1712 полковник Рене Детегилляк (1717 умер), 1718 полковник Юрий Федорович Лесли.

1707: было 142 карабина, 124 фузей, 268 пар пистолетов, 55 шпаг, 26 замшевых портупей, 38 перевязей с крюками, 9 лядунок; 10 знамен *«камчатых ветхих, которые переделаны драгунским [образцом]»*; 1 пара литавр, 1 пара труб, 20 барабанов; прибыло 894 шляпы, 800 триповых галстуков, 1099 пар сапог, 160 пар *«фальшивадов»*, 465 фузей; 450 погонов, *«которые приделаны к фузеям»*; 200 погонных колец, *«которые положены на фузеи»*; 13 багинетов, 1086 нагалищ, 333 шпаги, 100 шведских шпаг с портупеями без пряжек, 90 лосиных портупей, 1200 юфтевых перевязей с крюками, 200 новых замшевых перевязей, 100 старых замшевых перевязей без пряжек, 950 медных пряжек к перевязям, 945 лядунок, 800 юфтевых перевязей к лядункам; 522 русских седла, *«на которых служили в рейтарах»*; 180 *«худых»* русских седел, 845 войлоков *«с кровли»* к русским седлам, 180 старых немецких седел, 600 русских паперстей, 55 русских пахвей, 786 бушматов, 300 узд, 96 гренадерских сум с медными трубками, 96 копий, 20 каптенармусских сум, 7 гобоев.

1708: прибыло 976 пар шпор, 711 фузей, 600 *«обушковых»* шпаг с юфтевыми портупеями, 700 погонных крюков к перевязям, 480 русских пахвей, 379 пар стремян, 200 бушматов, 1000 мундштучных удил, 1000 смычных ремней к мундштукам, 480 узд.

1709: прибыло шляпы, 1021 темно-зеленый кафтан, 350 пар сапог, 1090 васьковских епанеч, 69 шведских шпаг, 1054 замшевых портупей, 800 замшевых

перевязей, 420 погонных крюков к перевязям, 171 лядунка, 1040 юфтевых лядуночных ремней, 1061 немецкое седло, 1061 паперстей, 1061 пахвей, 499 пар стремян, 1061 чепрак, 1096 переметных сум, 251 войлок «с кровли» к седлам, 253 пары ольстр, 1061 мундштук, 10 карпузов для барабанщиков, 5 камчатых знамен, 5 медных знаменных «втоков», 1 завеса к литаврам, 1 завеса к трубам, 10 барабанов с чехлами.

1710: прибыло 130 пар пистолетов, 500 топоров, 200 сенокосных кос.

1711: прибыло 692 пары сапог.

1712: прибыло 1000 карпузов, 1020 черных креповых галстуков, 1000 васильковых кафтанов, 1000 темно-зеленых яреновых камзолов, 1000 замшевых штанов, 1000 васильковых епанеч, 1000 замшевых портупей, 1000 замшевых перевязей, 40 унтер-офицерских карпузов «с позументом», 40 унтер-офицерских васильковых кафтанов «с позументом», 1 пара труб.

1713: прибыло 761 пара чулок, 920 юфтевых нагалищ, 115 замшевых портупей, 10 квартирмейстерских значков, 5 барабанов, 10 камчатых знамен.

1714: прибыло 103 пары чулок; вместе с драгунами раскасованного «Дубасовашкадрона» поступило 37 белых кафтанов, 36 красных епанеч, 36 палашей и шпаг, 1 барабан.

1715: прибыло 946 васильковых карпузов, 1060 красных триповых галстуков, 1060 темно-зеленых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 862 васильковых епанчи, 920 фузей, 920 штыков без ножен, 1000 палашей с медными эфесами, 1060 замшевых портупей, 920 замшевых перевязей, 1000 серых суконных попон, 20 барабанных чехлов.

1716: прибыло 1057 пар чулок, 20 барабанов.

1717: прибыло 1368 пар чулок.

1718: прибыло 1060 красных карпузов, 1060 васильковых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 синих суконных штанов, 26 тульских фузей со штыками.

1719: прибыло 1060 пар чулок, 1060 васильковых епанеч, 1000 портупей с медными пряжками; 920 «перевезей с крюки, с пряжки и с запряжники медными»; 227 войлоков с холстинным подбоем, 10 квартирмейстерских значков.

1720: прибыло 1060 пар чулок, 30 палашей с медными эфесами.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.6; Ф.2. Оп.12. Св.16 Д.24; Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.25.

ПЕРМСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1703 в Москве. При формировании полк насчитывал 10 рот, 32 офицера, 1005 урядников и драгун, 968 лошадей.

Полковые командиры: 1703 полковник Иван Горбов (1707 умер в чине генерал-майора, «а на его место пожалован в генералы» Антон Адамович Штольц (1708 «отпущен в свою землю»), 1707 полковник Федор Иванович Бромз (1710 «отпущен в отечество свое»), 1710 полковник Андрей Яковлевич Ветеряни (Н. Weterang, 1720 бригадир), 1720 полковник Петр Васильевич Чебышев.

1703: прибыло 1023 фузей, 1023 нагалища, 1023 шпаги с ножнами, 1023 портупей, 1023 перевязи, 1023 лядунки с ремнями, 1005 седел; 1023 узды с пахвями, паперстями и смычными ремнями; 1023 войлока с крышками, 1023 бушмата; «знамен камчатых красных 10, в том числе знамя белое 1. Изображения на них — кресты кавалерские. Кисти — шелковые, а на белом знаме — кисть с золотом; и с дротики и с древки и с [в]токи. Из того числа у господина генерала-поручика Рена знамен 5»; 10 барабанов, 69 сенокосных кос.

1704: прибыло 189 лядунок, 140 сенокосных кос; *«прибыло в походе драгунского полку у майора Алексея Челищева копий 83. И те вышеписанные [копья] того ж году мая 30 дня отданы в Григорьев полк Семенова сына Титова, майору Василью Титову отданы».*

1705: прибыло 57 фузей, 67 пар пистолетов с ольстрами, 57 шпаг, 57 портупей, 57 перевязей, 88 лядунок, 57 седел, 57 войлоков, 910 переметных сум, 57 бушматов, 57 мундштуков.

1706: прибыло 83 фузей, 294 пары пистолетов, 77 палашей, 39 шпаг, 39 портупей, 37 перевязей, 37 лядунок, 29 седел, 27 войлоков, 37 бушматов, 68 мундштуков, 180 холстинных палаток.

1707: прибыло 17 фузей, 947 пар пистолетов с ольстрами.

1708: прибыло 800 пар сапог, 12 фузей.

1709: прибыло 1000 красных абинных кафтанов, 1000 белых абинных штанов, 172 фузей, 113 пар пистолетов с ольстрами, 125 шпаг, 52 палаша, 177 портупей, 123 перевязи, 122 лядунки, 52 патронных суммы, 887 седел (из них 770 немецких и голландских), 153 мундштука.

1710: было 1 чугунный котел, 2 железных уполовника, 5 медных фузейных форм, 5 медных пистолетных форм, 20 каптенармусских пороховых и пулечных сум; прибыло 1000 пар сапог с клапанами, 32 пары шпор, 500 пар башмаков с пряжками, 500 пар чулок, 100 перевязей с крюками.

1711: прибыло 1000 карпузов, 2000 пар рубаш с портами, 1000 кафтанов, 500 лосиных штанов, 500 козлиных штанов, 1000 пар сапог с *«подвойками»*, 1000 пар шпор с ремнями, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 1000 епанеч, 60 шпаг, 1282 портупей, 1288 перевязей с крюками, 1321 лядунка с ремнем, 1000 седел с убором, 226 седел с чепраками, 205 немецких седел, 1000 потников с крышками, 1000 паперстей, 1000 пахвей, 1000 пар стремян с путлищами, 1200 переметных сум, 1000 пар ольстр, 1000 мундштуков.

1712: прибыло 114 шляп, 153 старых темно-зеленых кафтана, 37 старых красных кафтанов *«на подбой»*, 920 фузей со штыками, 799 палашей и шпаг, 10 квартирмейстерских значков, 100 сермяжных кафтанов для извозчиков.

1713: прибыло 1060 белых кафтанов, 19 козлиных камзолов, 1060 штанов, 1060 епанеч.

1714: прибыло 1060 карпузов.

1715: прибыло 1060 триповых галстуков, 9 кафтанов, 1031 козлийный камзол, 1060 пар чулок, 7 епанеч.

1716: прибыло 1202 кафтана, 1202 суконных штанов.

1717: прибыло 625 желтых байковых камзолов *«без подкладок»*, 20 желтых суконных камзолов *«с подбоем»*, 1460 пар чулок.

1718: прибыло 295 темно-зеленых кафтанов, 11 фузей со штыками.

1719: было 1037 темно-зеленых кафтанов; прибыло 964 карпуза, 103 темно-зеленых кафтана, 417 козлиных камзолов, 1369 пар чулок; 780 красных епанеч с зеленым *«немецким»* яреновым подбоем, зелеными суконными воротниками и медными *«плащами»*; 750 палашей с медными эфесами, 7 квартирмейстерских значков.

1720: прибыло 643 козлиных камзола, 946 пар чулок, 925 фузей со штыками, 251 палаш с медным эфесом.

1712: от Казанской губернии в полк послано 82 палаша с медными эфесами, 2 аршина красного и 2 аршина зеленого сукна на 8 квартирмейстерских значков. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.17. Л.6об.-8. 1716: прибыло 1202 белых кафтана с красными обшлагами, красным байковым подбоем и белой полотняной подкладкой; 1202 суконных штанов. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.4. Д.1. Ч.1. Л.21.

ПСКОВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Сочинен Псковский полк в Москве, по набору боярина князя Бориса Алексеевича Голицына в 701-м году, а набран от унтер-офицеров и до последнего чина из рейтар и из рейтарских детей».

При сформировании полк насчитывал 10 рот, 32 офицера и чина унтер-штаба, 1013 нижних чинов, 1014 лошадей. Гренадерская рота сформирована в 1707, «взята в Астраханский полк» в 1709.

Полковые командиры: 1701 полковник Федор Аристович Новиков (1702 «за болезнь отпущен к Москве»), 1702 полковник князь Василий Алексеевич Вадбольский (1703 убит), полковник Николай Юстрович Ифлант (1706 бригадир, 1707 генерал-майор, 1709 умер), 1703 полковник князь Никита Федорович Мещерский (1703 «отпущен к Москве»), 1709 бригадир Антон Антонович Ешхов (1709 генерал-майор, 1713 «вычислен из полку для того, что откомандирован в Померанию в 711 году и с того время при полку уже не был»), 1710 полковник Эртман Бозон (1711 «отпущен во отечество свое»), 1711 полковник Петр Иванович Лачинов (1713 переведен в Сибирский драгунский полк), 1713 полковник Осип Иванович Роланд (Josive Rolland).

1701: было 909 фузей, 212 багинетов, 904 пары пистолетов, 1 чугунный котел, 5 уполовников, 8 фузейных форм, 1 медная пистолетная форма, 48 сабель, 950 перевязей с крюками, 950 лядунок, 963 седла, 945 переметных сум, 4 «конных» мортирки, 10 знамен, 10 барабанов.

1702: прибыло 35 фузей, 29 пар пистолетов, 12 лядунок.

1703: прибыло 1010 кафтанов, 938 шпаг, 22 перевязи с крюками, 7 седел с войлоками и уздами, 708 пар ольстр, 5 мортирок.

1704: прибыло 30 фузей, 830 палашей.

1705: прибыло 39 фузей, 38 пар пистолетов, 100 палашей, 33 шпаги, 6 мортирок с седлами.

1706: прибыло 415 пар сапог, 204 фузеи, 56 фузейных нагалищ, 20 карабинов, 95 пар пистолетов, 1 медная фузейная форма, 94 шпаги, 2 тесака, 99 лядунок, 181 седло, 63 переметных суммы, 31 пара ольстр, 200 копий с древками, 11 каптенармусских сум, 2 пары литавр с завесами, 3 барабана.

1707: прибыло 1153 темно-зеленых кафтана с оловянными пуговицами, красным прикладом, красным и белым байковым подбоем; 600 пар сапог, 253 пары шпор, 284 красных епанчи, 114 пар пистолетов, 200 шпаг, 126 палашей без эфесов, 374 портупей, 236 перевязей, 45 лядунок, 356 седел, 96 локтей плетеных подпруг, 699 переметных сум, 110 пар ольстр, 289 бушматов, 94 гренадерских шапки, 94 гренадерских суммы, 109 палаток.

1708: прибыло 500 шляп, 10 белых сермяжных кафтанов, 229 фузей, 113 палашей без эфесов, 300 лядунок, 200 лядуночных ремней с пряжками, 5 знамен.

1709: прибыло 1073 зеленых абинных кафтана, 1074 белых абинных штанов, 154 фузеи, 121 пара пистолетов, 144 шпаги, 12 палашей, 97 перевязей, 155 лядунок, 343 седла, 125 переметных сум.

1710: прибыло 100 галстуков, 1000 рубак, 990 порток, 5 кафтанов, 1005 пар сапог, 1000 пар лаптанов, 500 пар башмаков, 500 пар чулок, 5 епанеч, 5 фузей, 2 пары пистолетов, 5 палашей, 5 седел, 20 барабанов, 300 топоров.

1711: прибыло 1000 немецких седел, 1000 чепраков, 1000 переметных сум, 1000 пар ольстр, 1000 мундштуков, 1 красное знамя.

1712: прибыло 1060 шляп, 1060 васильковых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар башмаков с пряжками, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 920 фузей со штыками, 21 железная фузейная форма, 654 палаша с железными эфесами, 1000 портупей с медным «убором», 8 квартирмейстерских значков, 100 аршин белого абинного и 10 аршин василькового сукна на 20 барабанных чехлов, 100 белых и зеленых абинных кафтанов для извозчиков, 20 кованых железных котлов, 1 медная пушка на станке.

1713: прибыло 1060 пар чулок; убыло 1 пушка.

1714: прибыло 1060 пар чулок.

1715: прибыло 1272 шляпы, 1060 красных триповых галстуков, 1055 темно-зеленых кафтанов, 263 зеленых кафтана, 1279 козлиных камзолов, 1068 замшевых штанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 335 палашей с медными эфесами, 21 палаш с железным эфесом, 1060 портупей с медной «оправой», 1 белое знамя.

1716: прибыло 48 красных триповых галстуков, 94 темно-зеленых кафтана, 37 козлиных штанов, 894 пары чулок, 351 красная епанча.

1717: прибыло 2 шляпы, 2 зеленых кафтана, 1060 козлиных камзолов, 1060 замшевых штанов, 1060 пар чулок, 2 красных епанчи, 3 фузеи со штыками, 2 палаша с железными эфесами, 1 палаш с медным эфесом.

1718: прибыло 1060 красных карпузов, 1060 красных триповых галстуков, 1060 васильковых кафтанов, 150 штанов, 1060 красных епанеч, 148 штыков, 233 палаша с медными эфесами, 111 палашей с железными эфесами, 214 портупей с медной оправой, 201 перевязь с железным крюком и наконечником.

1719: прибыло 878 козлиных камзолов, 880 козлиных штанов, 818 пар чулок, 9 фузей со штыками, 6 палашей с медными эфесами, 3 палаша с железными эфесами.

1720: прибыло 971 пара чулок, 19 палашей с медными эфесами, 1 палаш с железным эфесом; 9 «знамен темно-лимонных цветом, и с дротики, и с гербом барсовым»; 3 «басовых» гобоя, 7 «малых» гобоев.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.27; Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.13.

1712: у кафтанов приклад красный, у епанеч — синий. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

1720: было 1049 красных карпузов, 1049 красных триповых галстуков, 1050 васильковых кафтанов, 878 козлиных камзолов, 880 козлиных штанов, 970 пар чулок, 1053 красных епанчи, 867 штыков, 508 палашей с медными эфесами, 492 палаша с железными эфесами, 214 портупей с медной оправой, 201 перевязь с железным крюком и наконечником, 10 квартирмейстерских значков; 1 «знамя белое, впереди герб государев на золоте, дачи 715 году»; 9 «знамен темно-лимонных с гербом на серебре барс, дачи 720 году»; 1 пара литавр, «куплены в 709-м году»; 1 пара валторн, «куплены в 717-м году»; 19 барабанов, 20 барабанных чехлов. РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.14. Л.436-440.

РОСТОВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1706.

Полковые командиры: 1707 Крус, 1710 Михайла Иванович Нащокин.

РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1132. Л.20-20об; Ф.490. Оп.2. Д.56. Л.14.

1710–1712 (вероятнее всего, в 1712) прибыло: шляпы, красные триповые галстуки, темно-зеленые кафтаны с красным прикладом, темно-зеленые яреновые камзолы, лосиные штаны, синие епанчи с красным прикладом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

1712: было 913 шляп, 952 черных триповых галстука (прибыли в 1710), 935 темно-зеленых кафтанов, 924 красных камзола, 870 козлиных штанов, 951 пара сапог, 470 пар башмаков, 903 красных епанчи, 1012 лядунок «с гербы», 922 палашей и шпаг, 10 квартирмейстерских значков, 592 рогаточных копья, 5 знамен, 1 пара литавр, 20 барабанов, 1 церковь с утварью. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.19. Л.1об.-2.

РЯЗАНСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1705 в Смоленске, из Смоленского рейтарского полка.

При формировании полк насчитывал 12 рот, 30 офицеров и чинов унтер-штаба, 1215 нижних чинов, 1184 драгунских лошади. Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709. К 1712 полк сократился до 10 рот.

Полковые командиры: 1705 генерал-майор Геин (1708 *«отпущен в свою землю»*), 1705 полковник Николай Андреевич Герин (Геринок, в 1705 году *«определен к пехотным полкам»*), 1707 бригадир Алексей Григорьевич Чернецов (1717 умер), 1712 полковник (имя не указано), 1717 бригадир Владимир Шереметьев (1718 *«в полку числить не велено»*), 1717 полковник граф Иван Гаврилович Головкин.

1705: прибыло 1184 фузеи с перевязями, 700 пар pistols с ольстрами, 1175 палашей с портупьями, 9 шпаг с портупьями, 1175 патронных сум с ремнями, 24 каптенармусских сумы; 12 знамен с дротиками, медными *«втоками»* и знаменными чехлами; 12 подпрапорщичьих перевязей, 12 барабанов с перевязями, 450 седел с бушматами и мундштуками.

1706: прибыло 1000 шляп, 755 галстуков, 755 кафтанов, 755 камзолов, 755 штанов, 1068 пар сапог, 415 пар шпор, 102 фузеи, 1 медная форма, 73 палаша, 73 лядунок, 959 седел с уборами, 63 переметных сумы, 31 пара ольстр, 128 фузейных бушматов, 2 каптенармусских сумы, 1 пара литавр с завесами, 2 барабана, 3 барабанных кожи.

1707: прибыло 300 пар сапог со шпорами, 95 палашей, 835 портупей, 75 перевязей с крюками, 190 пар ольстр.

1708: прибыло 1000 шляп, 190 *«ветхих»* голубых кафтанов, 10 белых сермяжных кафтанов, 1100 пар сапог, 157 фузей, 45 пар pistols, 125 палашей, 205 портупей, 200 перевязей, 1017 лядунок, 5 переметных сум, 600 пар ольстр, 110 палаток.

1709: прибыло 1000 шляп, 1000 кафтанов, 1000 штанов, 1000 пар сапог со шпорами, 106 фузей, 80 пар pistols, 288 палашей и шпаг, 198 перевязей с крюками, 1000 седел с уборами, 500 пар ольстр, 1000 бушматов.

1710: прибыло 1000 галстуков, 2000 пар рубаш с портами, 1000 плащей, 1000 пар сапог со шпорами, 1000 пар башмаков, 1000 пар чулок, 1000 пар перчаток, 194 портупей, 1000 переметных сум.

1711: прибыло 1028 карпузов, 2000 пар рубаш с портами, 1026 кафтанов, 1030 штанов, 1021 пара сапог, 1030 пар шпор, 1024 пары башмаков с чулками, 40 фузей, 60 седел с уборами, 1 знамя, 149 палаток, 41 кирка, 166 лопаток.

1712: прибыло 35 карпузов, 206 галстуков, 33 кафтана, 153 камзола, 30 штанов, 36 пар чулок, 139 плащей, 10 знамен, 10 барабанов, 8 красных кафтанов на барабанные чехлы.

1713: прибыло 855 триповых галстуков, 907 козлиных камзолов.

1714: прибыло 1060 карпузов, 1000 кафтанов, 1006 камзолов, 944 штанов, 1155 пар чулок, 1060 плащей.

1715: прибыло 54 козлиных камзола, 106 штанов, 1060 пар чулок, 920 фузей со штыками.

1716: прибыло 1060 триповых галстуков, 60 белых кафтанов, 117 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 169 аршин сермяжного сукна под войлоки, 20 барабанных чехлов.

1717: прибыло 1060 шляп, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1369 пар чулок, 1060 плащей.

1718: прибыло 1060 пар чулок.

1719: прибыло 1060 пар чулок, 867 аршин сермяжного сукна под войлоки.

1720: было 1059 шляп, 1052 галстука, 1057 кафтанов, 1007 камзолов, 1009 штанов, 1060 пар чулок, 1056 плащей, 917 фузей со штыками, 1338 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 10 знамен с чехлами, 1 пара литавр с завесами, 2 трубы с кистями, 20 барабанов с чехлами.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.1.

1710: прибыло красные триповые галстуки, красные епанчи с синим прикладом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

1711: прибыло синие карпузы, темно-зеленые кафтаны с красным прикладом, лосиные штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

1712: «в полный комплект» к отпуску 1711 года требовалось выдать 30 синих карпузов, 206 галстуков, 60 пар рубаш с портами, 30 темно-зеленых кафтанов, 30 лосиных штанов, 30 пар сапог с клапанами, шпорами и подвоями, 30 пар башмаков, 30 пар чулок, 139 красных епанеч, 806 портупей, 920 перевязей с крюками, 920 лядуночных ремней, 96 ольстр. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.11. Л.6.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК (ДО 1719 — ЛЕЙБ-РЕГИМЕНТ)

Сформирован в 1707 из людей, отчисленных от Лейб-шквадрона, драгунских полков Апраксина, Головкина, Гулица, Зыбина, Киевского, Московского и Шамбурга, пехотных полков Айгустова, Алларта, Беленка, Бутлера, Бутырского, Гасениуса, Геренка, Голицына, Головина, Головкина, Дедюта, Ингерманландского, Ланга, Ностица, князя Репнина, графа Фризина и фон Швендина, а также из рекрут.

При формировании полк насчитывал 12 рот, 43 офицера и чина унтер-штаба, 1369 нижних чинов, 1427 строевых и 154 подъемных лошади. По-видимому, уже в 1707 полк сократился до 11 рот. Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1707 полковник Антон Антонович Ешов (1709 бригадир и полковник Ешов получил звание генерал-майора), 1718 полковник Василий Федорович Салтыков.

1707: прибыло 2000 шляп, 1100 васильковых кафтанов, 1100 красных камзолов, 1100 красных штанов, 734 пары сапог, 1100 красных епанеч, 700 фузей «амстердамской работы», 300 фузей «тульской работы», 425 фузей и карабинов из полка Зыбина, 999 фузей «олонецкой работы», 999 пар пистолетов, 1019 палашей, 1100 лосиных портупей, 1100 перевязей, 1095 лядунок с ремнями, 1209 седел, 951 чепрак с чушками из василькового сукна, 1085 мундштуков, 957 узд, 5 знамен с дротиками, 10 барабанов, 254 палатки; убыло 1000 шляп.

1708: прибыло 1100 шляп, 174 фузей, 1100 палашей, 1100 седел.

1709: прибыло 1000 драгунских шляп, 8 урядничьих шляп с серебряным позументом, 857 зеленых драгунских кафтанов, 8 зеленых урядничьих кафтанов с серебряным позументом, 6 зеленых барабанщичьих кафтанов «с позументом серебряным и с трипом», 871 красный камзол, 871 красные штаны, 1000 пар сапог, 1000 пар шпор, 1000 пар перчаток, 1000 красных епанеч, 624 фузеи (из них 300 шведских), 445 пар пистолетов (из них 300 пар шведских), 327 палашей, 300 шведских шпаг, 146 портупей (из них 124 шведских), 300 шведских перевязей, 22 лосиных перевязи, 99 лядунок (из них 74 шведских), 729 седел (из них 200 шведских), 160 мундштуков, 225 узд, 160 палаток.

1710: прибыло 143 зеленых кафтана, 143 красных камзола, 143 красных штанов, 1000 пар сапог, 33 пары шпор, 500 пар башмаков, 500 пар чулок, 998 портупей, 997 перевязей, 1 пара литавр, 10 барабанов.

1711: прибыло 48 седел.

1712: прибыло 1000 шляп, 1000 галстуков; 1000 белых кафтанов с медными пуговицами, красными суконными обшлагами и красным подбоем; 1000 желтых суконных камзолов с медными камзольными пуговицами и полотняной подкладкой; 1000 козлиных штанов, 1000 красных епанеч, 125 палашей.

1713: прибыло 192 пары чулок, 220 шведских фузей, 200 шведских пистолетов, 100 шведских перевязей, 5 медных труб.

1714: прибыло 1060 пар чулок, 1000 палашей с медными эфесами, 10 барабанов.

1715: прибыло 1060 шляп, 1060 красных триповых галстуков, 1060 васильковых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 920 фузей со штыками «тульской работы», 60 палашей с медными эфесами.

1716: прибыло 1060 пар чулок, 10 знамен.

1717: прибыло 309 козлиных камзолов, 309 козлиных штанов, 1060 пар чулок.

1718: прибыло 751 козлий камзол, 751 козлиные штаны, 2 фузеи со штыками.

1719: прибыло 1060 белых карпузов с синим прикладом; 1060 васильковых кафтанов с медными пуговицами, белыми воротниками, обшлагами и белым подбоем; 1060 пар «фальшвад», 304 пары чулок; 1060 васильковых епанеч с красными воротниками, красным каразейным подбоем и медными «плащами».

1721: прибыло 1060 пар чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.19, Д.63.

СИБИРСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Оный Сибирский полк набирал из недорослей по указу Его Царского Величества боярин князь Борис Алексеев сын Голицын в 701 году. И с Москвы оный полк того ж году июня 8 дня отправлен».

При сформировании полк насчитывал 10 рот, 32 офицера, 1018 нижних чинов, 1000 лошадей.

Полковые командиры: 1713 полковник Петр Иванович Лачинов.

1701: было 1000 фузей, 400 пар пистолетов, 1000 перевязей, 20 каптенармусских сум, 1022 русских седла, 1022 узды, 10 знамен, 1 пара литавр; прибыло 400 багинетов, 400 портупей.

1702: прибыло 548 пистолетов, 1000 лядунок, 1000 переметных сум, 10 барабанов.

1703: прибыло 1000 портупей.

1704: прибыло 1000 шляп, 1040 васильковых кафтанов с красными отворотами, 1040 красных камзолов, 1040 красных штанов, 1000 пар сапог со шпорами, 236 фузей, 200 пар пистолетов.

1705: прибыло 1033 перевязи, 1000 седел, 1000 мундштуков.

1706: прибыло 1026 пар сапог, 204 фузей, 2 чугунных котла, 8 железных форм, 446 палашей, 84 лопатки, 8 кирок, 1 мортирка.

1707: прибыло 1040 шляп, 1000 темно-зеленых кафтанов, 1000 красных камзолов, 601 пара сапог, 1000 красных епанеч, 35 фузей, 35 лядунок, 260 копий с древками, 1000 рогаточных копий.

1708: прибыло 1000 козлиных штанов, 595 пар сапог, 266 красных епанеч, 587 перевязей с крюками, 1000 лядунок, 1000 седел, 924 переметных суммы, 1000 мундштуков, 5 знамен.

1709: прибыло 1000 пар сапог, 452 фузей, 325 пар пистолетов, 238 шпаг, 200 перевязей, 166 седел, 106 переметных сум, 77 мундштуков.

1710: прибыло 1008 карпузов, 1008 галстуков, 2016 пар рубах с портами, 1018 кафтанов, 1008 штанов, 2008 пар сапог, 1508 пар башмаков, 1508 пар чулок, 1008 епанеч, 10 фузей, 5 пар пистолетов, 10 палашей, 1010 портупей, 1000 перевязей, 270 лядунок, 422 седла, 1018 переметных сум, 495 мундштуков, 1 белое знамя, 114 палаток, 44 железных лопатки.

1711: прибыло 12 фузей, 6 пар пистолетов, 12 палашей, 12 перевязей, 12 лядунок с ремнями, 12 седел, 12 переметных сум, 12 мундштуков, 1 красное знамя.

1712: прибыло 1060 карпузов, 1060 галстуков, 1060 кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 3 медных фузейных формы, 10 квартирмейстерских значков, 1 белое знамя, 9 желтых знамен, 22 барабана, 20 васильковых барабанных чехлов с «расшивкой» из белого сукна.

1714: прибыло 1060 пар чулок, 1 пара литавр.

1715: прибыло 1060 шляп, 1060 камзолов, 1060 пар чулок, 10 квартирмейстерских значков.

1716: прибыло 1060 галстуков, 1039 кафтанов, 1054 штанов, 1060 пар чулок, 1031 епанча, 920 штыков.

1717: прибыло 1060 пар чулок.

1718: прибыло 738 красных карпузов с синим прикладом, 1060 васильковых штанов, 308 пар чулок.

1719: прибыло 1030 васильковых кафтанов с красным прикладом и синим подбоем, 1018 камзолов, 1060 пар чулок, 1039 красных епанеч с синим подбоем, 286 палашей с медными эфесами.

1720: прибыло 235 пистолетных крышек.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.26; Ф.412. Оп.1. Д.59.

Полковые командиры: в 1711 полковником Сибирского драгунского полка стал Осип Ролант. РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.1. Л.9об.

1714: на дезертире Сибирского драгунского полка были зеленый кафтан с 18 медными пуговицами, красным подбоем и отворотами; красный камзол, козлиные штаны, красный плащ. РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.141. Л.90б.

1725: Сибирский драгунский полк требовал в добавку и на перемену старым вещам васильковые карпузы с красными прикладом, васильковые кафтаны с белым прикладом и подбоем, васильковые епанчи с красным подбоем. РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.13. Л.436.

ТВЕРСКОЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1703 в Москве. При формировании полк насчитывал 10 рот, 37 офицеров и чинов унтер-штаба, 721 нижнего чина, 801 строевую лошадь. Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1708.

Полковые командиры: 1703 полковник Григорий Андреевич Сухотин (1705 убит на баталии под Мур-мызой), 1705 Иуда Васильевич Болтин (1705 *«взят по указу из полку»*), 1705 Дюмант (du Mont, 1706 умер), 1706 Михайла Иванович Шульц (1708 *«взят под караул»*), 1708 Григорий Селиверстович Рожнов (1711 переведен в гренадерский драгунский полк), 1711 Богдан Яковлевич Савелов (1715 умер), 1716 Леонтей Герасимович Ларионов (1716 *«велено быть на вакансии»*), 1717 князь Александр Лукич Долгорукий.

1703: прибыло 620 фузей, 865 нагалищ, 151 пара пистолетов, 1 чугунный котел, 2 уполовника, 10 фузейных форм, 700 шпаг, 865 портупей (из них 700 юфтевых), 875 перевязей с крюками (из них 700 юфтевых), 865 лядунок с ремнями, 760 русских седел, 328 переметных сум, 760 мундштуков и узд, 10 мортирок *«с кольца»*, 10 мортирных седел, 100 копий, 20 каптенармусских сум, 10 знамен, 10 барабанов с чехлами, 10 барабанных кож, 20 пучков барабанных струн, 11 палаток, 10 хомутов, 100 кос, 100 топоров.

1704: прибыло 100 фузей с нагалищами, 316 пар пистолетов с ольстрами, 100 перевязей с крюками, 520 переметных сум, 3 знамени с чехлами, 3 барабана, 20 барабанных кож, 20 пучков барабанных струн, убыло 11 копий, 4 мортирки.

1705: прибыло 347 фузей, 413 шпаг, 420 портупей, 403 перевязи с крюками, 427 лядунок; убыло 4 мортирки.

1706: прибыло 57 фузей, 6 фузейных форм, 5 пистолетных форм, 2 железных уполовника, 400 немецких седел, 41 переметная сума, 113 мундштуков, 187 копий с древками, 13 каптенармусских сум, 12 барабанов, 30 барабанных кож, 100 железных лопаток, 5 долот, 5 скобелей.

1707: прибыло 1000 палашей, 818 немецких седел, 51 узда, 1000 копий, *«марта 8-го дня взяты в Польше при местечке Карнове от неприятельского войска литавры 1»*; убыло 2 копыя.

1708: прибыло 1107 шляп, 1292 белых сермяжных кафтана, 1100 козлиных штанов, 1100 красных епанеч, 18 фузей, 80 штыков, 220 пар пистолетов, 400 палашей, 1200 портупей (из них 200 лосиных), 1000 перевязей с крюками, 1123 лядунок с ремнями, 366 седел с убором, 1100 переметных сум, 366 узд и мундштуков; убыло 732 копыя, 5 мортирок.

1709: прибыло 1000 зеленых карпузов с красным прикладом, 300 шляп, 1000 черных триповых галстуков, 367 шведских фузей; убыло 8 копий.

1710: прибыло 1000 карпузов, 300 шляп, 1000 темно-зеленых кафтанов, 1000 козлиных штанов, 300 седел с убором, 300 узд и мундштуков; убыло 1 копые.

1711: прибыло 209 козлиных камзолов, 57 красных штанов, 500 пар красных чулок, 150 красных епанеч, 200 портупей, 200 перевязей с крюками, 700 седел с уборами, 1000 пар ольстр, 700 узд, 3 мортирки, 10 знамен, 42 кирки, 9742 «тайных вещей лезовых ножей», 258 гвоздей, 35 мотков веревок; убыло 533 копья.

1712: прибыло 180 карпузов, 170 зеленых кафтанов, 312 красных штанов, 604 пары чулок, 283 палаша с железными эфесами, 13 барабанов; нестроевым чинам выдано 96 фузей, 219 палашей и шпаг, 127 портупей, 123 перевязи, 174 лядунки.

1713: прибыло 1060 васильковых карпузов, 1060 черных триповых галстуков, 1060 белых кафтанов из английского сукна, 1060 козлиных камзолов, 1060 лосиных штанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч, 920 фузей со штыками, 1000 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 7 барабанов.

1715: прибыло 1060 васильковых карпузов, 1060 черных триповых галстуков, 1060 зеленых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 13 барабанов, 19 барабанных чехлов.

1716: прибыло 1059 пар чулок, 987 епанеч.

1717: прибыло 1060 красных карпузов, 1060 красных кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 лосиных штанов, 1369 пар чулок.

1718: прибыло 309 пар чулок, 8 фузей со штыками.

1719: прибыло 856 пар чулок, 126 палашей с медными эфесами.

1720: прибыло 1060 васильковых карпузов с красным прикладом, 1060 васильковых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1000 красных епанеч; 550 перевязей с железными пряжками, запряжниками и наконечниками; 450 лядуночных ремней с железными пряжками, запряжниками и наконечниками; 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанных чехлов.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.4; Ф.2. Оп.12. Св.12. Д.5; Ф.412. Оп.1. Д.59.

1710: прибыло темно-зеленые карпузы, шляпы, красные триповые галстуки, темно-зеленые кафтаны из английского сукна с красным прикладом, козлиные камзолы, козлиные штаны, красные епанчи с синим прикладом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

ТОБОЛЬСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Сформирован в 1707. При формировании полк насчитывал 10 рот, 18 офицеров, 973 нижних чина, 966 лошадей. Гренадерская рота сформирована в 1709, отделена от полка в 1712.

Полковые командиры: 1707 подполковник (1711 полковник) Василий Степанович Аракчеев, 1716 генерал-майор и полковник граф Фома Матвеевич Кантакузин.

1707: было 968 шляп, 968 галстуков, 968 кафтанов, 968 камзолов, 968 штанов, 968 пар сапог со шпорами, 968 епанеч, 894 фузеи с нагалищами, 967 пар пистолетов с ольстрами и чушками, 3 чугунных котла, 2 железных уполовника, 6 фузейных форм, 6 пистолетных форм, 968 палашей с портупеями, 924 перевязи, 968 лядунок; 968 седел с пахвями, паперстями, войлоками и крышками; 968 чепраков, 968 переметных сум, 894 бушмата, 968 мундштуков со смычными ремнями, 10 каптенармусских сум, 6 знамен с чехлами, 10 «втоков» с ремнями, 20 барабанов с чехлами, 1 крестовый намет, 141 палатка, 31 казенная телега, 111 топоров, 2 кузнечных меха, 2 больших топора, 2 больших и 12 меньших долот, 2 больших и 12 меньших сверл, 2 больших и 12 меньших буравов, 12 молотков, 111 кос, 111 серпов.

1708: прибыло 29 пар сапог, 29 фузей, 29 нагалищ, 29 шпаг, 29 перевязей, 29 лядунок, 29 седел с пахвями и паперстями, 27 войлоков с крышками, 28 чепраков, 29 переметных сум, 28 мундштуков.

1709: прибыло 681 кафтан, 565 камзолов, 560 штанов, 195 фузей, 33 нагалища, 264 палаша (из них 230 с железными эфесами), 6 шпаг, 263 портупей (из них 228 юфтевых с железными крюками и пряжками), 34 перевязи, 34 лядунки, 121 седло, 20 войлоков, 2 чепрака, 14 бушматов; с гренадерской ротой прибыло 102 гренадерских шапки, 96 фузей, 94 нагалища, 101 палаш с портупеей, 94 перевязи, 94 лядунки, 102 гренадерских сумы, 94 «гренадерских» (фитильных) трубки.

1710: прибыло 319 кафтанов, 435 камзолов, 440 штанов, 6 фузей, 224 пары пистолетов, 98 лядунок, 33 седла, 218 пар ольстр, 112 пар чушек.

1711: прибыло 1000 шляп, 1000 пар сапог со шпорами, 1000 портупей, 1000 перевязей, 1000 лядунок с ремнями, 7 гобоев, 1 пара литавр, 3 трубы, 11 барабанов с чехлами.

1712: прибыло 354 шляпы, 305 кафтанов, 1060 галстуков, 305 камзолов, 392 штанов, 1060 пар чулок, 576 епанеч, 10 знамен, 100 извозчицких кафтанов; убыло 101 гренадерская шапка, 96 гренадерских сум, 93 фитильных трубки.

1713: прибыло 1060 карпузов, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 879 штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 920 фузей со штыками, 10 квартирмейстерских значков, 20 барабанов.

1714: прибыло 1060 пар чулок, 35 шпаг, 1 барабан.

1715: прибыло 1060 карпузов, 1060 галстуков, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 170 штыков, 14 шпаг, 20 барабанных чехлов.

1716: прибыло 1060 пар «фальшивад», 1060 пар чулок, 762 красных епанчи.

1717: прибыло 309 карпузов, 309 камзолов, 309 штанов.

1718: прибыло 751 карпуз, 1060 темно-зеленых кафтанов, 751 камзол, 751 штаны, 1060 пар чулок.

1719: прибыло 1060 козлиных камзолов, 13 палашей с медными эфесами.

1720: прибыло 1060 васильковых кафтанов, 1060 пар чулок, 1060 красных епанеч.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.25; Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.17.

ТРОИЦКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Полк Троицкий набран с низовых городов, из дворянских детей, в 701-м году: из Казани, Свияжска, Симбирска, Чебоксар, Уржум, Кокшайск-Царево, Санчурск, Яранск, Козьма-Демьянск, Ядрин, итого с десяти городов. А разбирал князь Борис Алексеевич Голицын ... которые и пошли с Москвы в 701-м году апреля 30 дня».

При формировании полк насчитывал 10 рот, 31 офицер, 1008 нижних чинов, 1047 лошадей. Гренадерская рота сформирована в 1707, отделена от полка в 1709.

Полковые командиры: 1701 полковник Семен Иванович Кропотов, к 1719 полковник Христиан Людвиг фон Гейденрейх (de Haydenreich).

1701: прибыло 998 фузей, 1001 пара пистолетов с ольстрами, 953 сабли и тесака с поясами, 998 перевязей, 1000 патронных сум, 1001 русское седло, 1000 переметных сум.

1702: прибыло 8 ручных мортирок, 8 мортирных седел, 10 белых знамен.

1703: прибыло 80 фузей, 82 пары пистолетов с ольстрами, 80 перевязей, 73 лядунки с ремнями, 23 русских седла, 20 барабанов.

1705: прибыло 749 палашей с портупьями.

1706: прибыло 326 пар сапог, 239 фузей, 12 карабинов, 83 пары пистолетов, 159 шпаг с портупьями, 170 лядунок с ремнями, 209 седел с мундштуками и уздами, 1 пара литавр с камчатыми завесами.

1707: прибыло 200 шляп, 1100 красных камзолов, 1100 штанов, 600 пар сапог с клапанами, 532 пары шпор, 1065 красных епанеч, 150 фузей, 30 пар пистолетов, 300 палашей без эфесов, 129 шпаг, 111 портупей, 100 перевязей с крюками, 100 лядунок, 99 патронных сум, 966 лосиных лядуночных ремней с пряжками, 170 седел, 347 пар стремян, 100 пар ольстр, 104 гренадерских шапки, 104 гренадерских суммы, 1000 копий без древков.

1708: прибыло 1099 шляп, 1015 темно-зеленых кафтанов, 1214 пар сапог, 550 пар шпор, 177 фузей, 6 шпаг, 881 портупея, 863 перевязи, 1100 лядунок, 5 патронных сум, 1100 седел с убором, 1100 переметных сум, 1100 мундштуков, 60 палаток.

1709: прибыло 87 шведских фузей, 5 «колесных» (с колесцовыми замками) фузей, 66 с половиной пар пистолетов, 14 пар «колесных» пистолетов, 211 шпаг, 194 перевязи.

1710: прибыло 993 шляпы, 1000 козлиных штанов, 993 пары сапог с «фальшвадами», 700 пар «нашпорников» (клапанов), 280 портупей, 269 перевязей с крюками.

1711: прибыло 20 барабанов.

1712: прибыло 1000 шляп, 20 карпузов, 1000 черных триповых галстуков, 1000 темно-зеленых кафтанов, 1000 камзолов, 1000 штанов, 1000 пар сапог с «фальшвадами», 1000 пар шпор с клапанами, 1000 зеленых епанеч с желтым подбоем, 1 белое и 9 красных камчатых знамен.

1713: прибыло 159 палашей и шпаг с портупьями.

1714: прибыло 1060 шляп, 1060 красных триповых галстуков, 1060 белых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 1060 васильковых епанеч, 80 фузей со штыками, 205 палашей с медными эфесами, 44 серых попоны.

1715: прибыло 1060 пар чулок, 795 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 20 красных барабанных чехлов.

1716: прибыло 1060 пар чулок, 5 железных фузейных форм, 92 перевязи с железными крюками и запряжниками, 2 трубы.

1717: прибыло 759 красных карпузов, 759 васильковых кафтанов, 759 козлиных камзолов, 759 козлиных штанов, 1060 пар чулок, 270 красных епанеч.

1718: прибыло 301 васильковый кафтан, 301 козлиный камзол, 301 козлиные штаны, 377 фузей со штыками.

1719: прибыло 1365 с половиной пар чулок, 790 красных епанеч.

1720: прибыло 302 карпуза, 1060 васильковых кафтанов, 920 козлиных камзолов, 789 пар чулок, 15 палашей.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.20, Д.63.

ЯМБУРГСКИЙ (ДО 1712 — УСТЮЖСКИЙ) ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

«Набран полк по указу Царского Величества, а по разбору Юрья Нелединского, из одноворцов и из солдатских детей в 705-м году, а состоялся полком в 707-м году».

При сформировании полк насчитывал 10 рот, 31 офицера и чина унтер-штаба, 1080 нижних чинов, 1000 лошадей.

Полковые командиры: 1707 подполковник Роман Семенович Волконский, 1709 полковник Андрей Андреевич Грот (Grott).

1707: прибыло 1000 шляп, 1000 полотняных галстуков, 1000 кафтанов, 1000 камзолов, 1000 штанов, 1000 пар сапог со шпорами, 950 фузей с нагалищами, 1000 трещоток с трубками и пыжовниками, 1000 пар пистолетов, 1000 деревянных натрусок, 1 чугунный котел, 2 железных уполовника, 2 фузейных и пистолетных формы, 999 палашей, 1000 портупей, 950 перевязей, 950 лядунок с ремнями, 1000 седел с уборами, 50 выучных седел, 10 квартирмейстерских значков, 20 каптенармусских сум, 5 знамен с чехлами, 10 барабанов, 1 церковный намет, 9 железных лопат, 5 долот с кольцами, 13 буравов, 1 «*тесла*», 1 пазник, 1 «*свертель*», 5 скобелей.

1708: прибыло 10 фузей, 10 палашей с портупеями, 10 лядунок с ремнями.

1709: прибыло 160 пар шпор, 139 фузей, 156 пар пистолетов, 162 шпаги, 11 палашей, 173 портупей, 128 перевязей с крюками, 11 лядунок, 162 русских седла, 11 немецких седел, 10 каптенармусских сум, 1 пара литавр, 1 аптечный ящик с лекарствами.

1710: прибыло 1042 шляпы, 1000 черных триповых галстуков, 1042 зеленых кафтана, 967 козлиных камзолов, 75 суконных камзолов, 967 козлиных штанов, 75 суконных штанов, 1042 пары сапог, 1000 епанеч, 1042 портупей, 1042 перевязи с крюками, 1042 лядуночных ремня.

1711: прибыло 500 пар башмаков, 363 саксонских фузей со штыками.

1713: прибыло 550 пар чулок, 2 барабана.

1714: прибыло 1060 шляп, 1060 галстуков, 1060 белых кафтанов, 1060 козлиных камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 960 фузей со штыками «*тульской работы*», 500 палашей с медными эфесами.

1715: прибыло 11 шляп, 4 камзола, 11 штанов, 1060 пар чулок, 98 фузей со штыками, 501 палаш с медным эфесом.

1716: прибыло 1057 пар чулок, 20 барабанов с чехлами.

1717: прибыло 309 карпузов, 309 галстуков, 309 камзолов, 309 штанов, 1060 пар чулок.

1718: прибыло 751 карпуз, 1060 кафтанов (из них 187 зеленых), 751 камзол, 751 штаны, 301 пара чулок, 1060 епанеч, 3 фузей со штыками.

1719: прибыло 939 пар чулок.

1720: прибыло 1060 кафтанов, 580 камзолов, 911 пар чулок.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.18.

1710: прибыло шляпы, черные триповые галстуки, темно-зеленые кафтаны с красным прикладом, козлиные камзолы, лосиные штаны, темно-зеленые епанчи с желтым прикладом. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

ЯРОСЛАВСКИЙ ДРАГУНСКИЙ ПОЛК

Полковой архив погиб в сентябре 1710.

Полковые командиры: к 1710 полковник Иван Иванович Дефулин (1711 «*дан апишит*»), 1711 полковник Леонтей Максимович Стогов.

1710: было 677 шляп, 700 кафтанов, 679 камзолов, 677 штанов, 675 пар сапог, 426 пар башмаков, 426 пар чулок, 684 епанчи, 610 фузей, 374 пары пистолетов с ольстрами, 686 палашей с портупеями, 632 перевязи, 633 лядунки, 686 седел с уборами, 611 переметных сум, 681 мундштук, 46 скребниц, 5 знамен, 1 пара литавр с завесами,

15 барабанов, 160 палаток, 502 топора, 87 кос, 95 серпов, 40 ножниц; прибыло 3 шляпы, 3 кафтана, 3 камзола, 3 штанов, 3 пары сапог, 3 епанчи, 3 фузеи, 3 пистолета, 3 палаша с портупьями, 3 перевязи, 3 лядунки, 3 седла, 3 переметных сумы, 3 мундштука.

1711: прибыло 235 шляп, 243 кафтана, 230 камзолов, 241 штаны, 1196 пар сапог, 235 епанеч, 844 фузеи, 600 штыков, 143 с половиной пары пистолетов, 248 палашей с портупьями, 246 перевязей, 244 лядунки, 1238 седел, 1202 переметных сумы, 500 пар ольстр, 1239 мундштуков.

1712: прибыло 37 шляп, 117 кафтанов, 59 камзолов, 46 штанов, 900 голубых епанеч, 104 палаша.

1713: прибыло 919 шляп, 1000 галстуков, 2 кафтана, 919 камзолов, 918 штанов, 1535 пар чулок, 1 епанча, 1 палаш, 900 жестяных фляг, 10 знамен.

1714: прибыло 1060 шляп, 1060 галстуков, 1053 кафтана, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 500 фузей со штыками.

1715: прибыло 1060 пар чулок, 1000 палашей с медными эфесами, 10 квартирмейстерских значков, 21 барабан с чехлами.

1716: прибыло 1060 пар чулок.

1717: прибыло 1060 карпузов, 1060 галстуков, 1060 кафтанов, 1060 камзолов, 1060 штанов, 1060 пар чулок, 1060 епанеч, 7 палашей.

1718: прибыло 524 фузеи со штыками.

1719: прибыло 816 камзолов, 1060 штанов, 2120 пар чулок.

1720: было 1047 карпузов, 1041 галстук, 1048 кафтанов, 816 камзолов, 1060 штанов, 1059 пар чулок, 1043 епанчи, 1010 фузей с погонами, 1006 штыков, 987 палашей, 10 квартирных значков, 10 знамен, 10 больших и малых гобоев, 1 пара литавр с завесами, 20 барабанов с чехлами, 1 *«церковь с утварью»*, 1 церковный намет.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.24.

Полковые командиры: в 1706 полковником Ярославского драгунского полка стал Алексей Чернецов. РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.17. Л.56об.

1710–1712: прибыло шляпы, красные триповые галстуки, темно-зеленые яреновые камзолы, лосиные штаны. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Л.3об.-4об.

1713: прибыло 362 шляпы, 442 аршина холста на галстуки, 362 белых кафтана, 362 замшевых штанов, 1901 аршин красного сукна на епанчи, 362 аршина зеленого сукна и 720 аршин холста на подкладку к епанчам. РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.4. Д.7. Ч.2. Л.18.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ЗАНИМАЯСЬ исследованиями по истории России XVIII века, необходимо четко понимать ту роль, которую играла армия в системе ее государственного устройства. Если обратиться к цифрам, только на полевую армию и гарнизонные войска в мирные 1720-е годы расходовалась примерно половина бюджета, а ведь помимо них были еще лейб-гвардия, артиллерия, инженерный корпус, ландмилиция, многочисленные иррегулярные войска, затраты на содержание крепостей и флот, в последние годы жизни Петра Великого становившийся одним из самых мощных на Балтике. Кроме того, на обеспечении армии и флота были построены и долгое время функционировали как тяжелая, так и легкая промышленность, поэтому расходы на их содержание также можно смело причислить к военной части бюджета, поглощавшей, в итоге, свыше двух третей (!) всех государственных доходов. Наконец, служба в армии и на флоте стала обязательной для единственного образованного сословия — дворянства. Всё это сделало армию одним из доминирующих факторов и важнейшей составляющей жизни страны, в ущерб, правда, всем остальным отраслям ее хозяйства. Причина столь запредельной милитаризации Российского государства заключается не столько в агрессивности набиравшей силу империи, сколько в несоответственности подконтрольных ей территорий с имеющимися в наличии людскими, финансовыми и производственными ресурсами (в наши дни положение ничуть не изменилось).

Говоря о военных преобразованиях 1-й трети XVIII века, прежде всего следует отметить, что заимствование опыта западно-европейских государств активно происходило и раньше. В этом отношении Петровская эпоха отличается от предшествующих ей времен только масштабом данного процесса: сын «*Тишайшего*» царя Алексея Михайловича, учредителя регулярного войска, копирует не только образцы вооружения и приемы тактики, но и нормы военного законодательства, и даже покрой форменной одежды передовых европейских армий. Охарактеризовать это явление в настоящий момент представляется затруднительным — выводы, сделанные в условиях нехватки фактической информации о русской армии XVII века, не могут быть достаточно обоснованы. Но если судить по достигнутым результатам, общее направление было выбрано верно: армия, созданная усилиями Петра I, несмотря на все экономические сложности и политические перипетии в жизни страны, не проиграла ни одного из многочисленных конфликтов XVIII столетия, в которых ей довелось принять участие. Исходя из имеющейся на сегодняшний день суммы знаний об истории России Нового времени, военные преобразования Петровской эпохи представляются закономерным завершением процесса, начатого еще в 1-й половине XVII века.

В ходе эволюции полевой армии и ее материальной части за 1700–1730 можно выделить два основных этапа:

Первый из них охватывает период от начала Северной войны до середины 1700-х годов. В устройстве армии еще сохраняются многие особенности предшествующей эпохи: сословный характер комплектования войск (представители податных сословий идут в пехоту, служилых — в кавалерию), традиционная система финансирования, приемы стратегии и тактики. Воинские части создаются и распускаются исходя из потребностей и возможностей момента (сама идея создания постоянной армии окончательно сформировалась, по-видимому, только к концу 1700-х годов). Так называемое «*венгерское платье*», введенное в 1700 в качестве форменной одежды, по сути представляет собой модификацию русского национального

костюма, а вооружение, как это было и прежде, практически целиком закупается за границей, в основном в Голландии.

На втором этапе, начавшемся примерно в середине 1700-х годов, происходит окончательный переход отечественных вооруженных сил на западно-европейский путь развития. Основным источником заимствований в этот период стала армия противника. У шведов копируются организационная структура пехоты, отдельные виды вооружения (пики), элементы обмундирования (карпузы), принципы построения знаменной символики, образцы оружия, шанцевого инструмента и проч. Позднее, в 1720-е годы, образцом для подражания стала Пруссия. В конце 1700-х — начале 1710-х годов армия получает постоянный состав, складываются централизованные системы ее финансового и материального обеспечения; всё это позволило в значительной степени унифицировать ее обмундирование, вооружение и снаряжение. На протяжении 1710-х годов происходят упрощение покроя форменной одежды и унификация ее расцветки, стандартизация образцов вооружения и амуниции, выработка четкой системы расцветки знамен и помещаемой на них символики. Примерно к середине 1720-х годов эти процессы достигли своего завершения.

Что касается внешнего вида и конструктивных особенностей униформы, оружия и необходимого к нему снаряжения, конского убора и полкового имущества, существовавших в данный период, остается лишь констатировать их соответствие западно-европейским образцам. Переоценивать степень уникальности российской армии в этом отношении, а равно во всём остальном, стоит вряд ли — армии Австрии, Англии, Пруссии, Франции, Швеции имели ничуть не меньше своеобразных черт. И вещи, и тактика в войсках европейских *«патентатов»* могли быть настолько похожи, что противника порой принимали за своих. Наверное, даже те, кто лишь в общих чертах знаком с историей Северной войны, без труда вспомнят, как в 1704 выманил из Нарвы шведский гарнизон царь Петр, приказавший несколькими пешим и конным полкам в синих кафтанах и епанчах сыграть роль отряда генерал-майора Шлиппенбаха, якобы подошедшего на помощь осажденной крепости. Перепутать собственные и вражеские части во время полевого сражения, несмотря на разницу в цветах мундиров, было и вовсе обычным делом. Иногда доходило до форменных курьезов, вот только заканчивались они печально. Так, под Полтавой, после одной из многочисленных кавалерийских стычек у редутов, несколько русских драгун по ошибке встали в строй шведского эскадрона. Поплатиться за этот промах им пришлось собственной жизнью...

Не все преобразования 1-й трети XVIII века оказались удачны. В первую очередь, это касается кавалерии. Перевод ратных людей рейтарского, гусарского и копейного строя в состав новых драгунских полков в начале войны изначально был вызван, видимо, особенностями театра военных действий — пересеченная местность Прибалтийских провинций давала много преимуществ этому виду войск, способному успешно действовать как в пешем, так и в конном строю. Однако, эффективность конного боя поддерживалась в значительной степени за счет прежних навыков служивых людей. После распространения на драгун общей с пехотой рекрутской системы комплектования эти навыки оказались довольно скоро утрачены. В итоге, к концу правления Петра Великого, Россия, по сути, лишилась линейной кавалерии: уже в кампаниях русско-турецкой войны 1735–1739, по отзывам современников, драгуны представляли собой не более, чем ездящую пехоту, которая предпочитала спешиваться при приближении татарских всадников.

Однако в целом, к началу 1730-х годов Российская империя обладала одной из сильнейших армий на Европейском континенте, способной успешно противостоять как западным, так и восточным противникам, а неизменная поддержка со стороны государства обеспечивала ей возможность использовать лучшие научные и промышленные достижения эпохи.

¹ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.136. Д.1403. Л.22об.-23об., 25-32.

² Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.3–4. Прил. СПб., 1912.

³ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.8. Ч.3. Л.2-11об; Св.23. Д.23. Л.196-199.

⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.196-199, 222, 223об.

⁵ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.19. Л.26-28, 370; Оп.6. Д.2. Л.245, 734об.; Оп.14. Д.12. Л.50-51 и др.

⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПиБ). Т.7. Вып.1. № 2306. С.106-107.

⁷ Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т.2. СПб., 1899. Выноски. С.4-7.

⁸ РГВИА. Ф.2. Оп.9. Д.1. Л.356-358об.

⁹ РГАДА. Ф.210. Оп.7а. Д.90. Л.88об.-103об.; Ф.1209. Оп.73. Д.18660. Л.318; Д.18686. Л.127-128; РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.57. Л.2об.-3 и др.

¹⁰ РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.48. Л.4об., 5, 6.

¹¹ РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.28. Л.15.

¹² Васильев А.А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. № 1. Л., 1992. С.18-27.

¹³ ПиБ. Т.3. № 626. С.33-34; № 797. С.302-303.

¹⁴ ПиБ. Т.3. № 721. С.157, 689-693.

¹⁵ Масловский Д.Ф. Северная война. Документы 1705–1708 гг. СПб., 1892. С.3.

¹⁶ ПиБ. Т.3. № 982. С.503-505.

¹⁷ Масловский Д.Ф. Северная война. Документы 1705–1708 гг. СПб., 1892. Прил. С.6-7.; Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. СПб., 1893. Л.334-335; ПиБ. Т.5. № 1675. С.183.

¹⁸ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.136. Д.1403. Л.43об.-44.

¹⁹ РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.7. Л.237-237об.

²⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.32. Л.182-182об.

²¹ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.2. Л.245.

²² Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.3. Прил. СПб., 1912. С.350-362.

²³ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.136. Д.1403. Л.42об.-43.

²⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.7. Л.237-237об.

²⁵ ПиБ. Т.3. № 721. С.689-693.

²⁶ Воинский устав, составленный и посвященный Петру Первому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С.39.

²⁷ Экзерциции, приуготовление к маршу, звание и должности полковых чинов. СПб., 1795. С.132.

²⁸ Экзерциции, приуготовление к маршу, звание и должности полковых чинов. СПб., 1795. С.132-133.

²⁹ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.

³⁰ Воинский устав, составленный и посвященный Петру Первому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С.43.

³¹ Экзерциции, приуготовление к маршу, звание и должности полковых чинов. СПб., 1795. С.133-136.

³² Воинский устав, составленный и посвященный Петру Первому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С.25.

³³ РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Л.211-212.

³⁴ Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 года. СПб., 1894. С.48.

³⁵ Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 года. СПб., 1894. С.49-50; Экзерциции, приуготовление к маршу, звание и должности полковых чинов. СПб., 1795. С.133-136.

³⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.

³⁷ Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. СПб., 1893. С.340-343, 346.

³⁸ Донесения и другие бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. Императорского русского исторического общества (далее — РИО). Т.39. СПб., 1884. С.54.

³⁹ РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Л.210об.-212.

⁴⁰ Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.3. Прил. СПб., 1912. С.350-362.

- ⁴¹ РГВИА. Ф.2. Оп.1 Д.4. Л.1042-1042об.
- ⁴² РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18660. Л.318; Д.18686. Л.127-128.
- ⁴³ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.136. Д.1403. Л.43об.-44.
- ⁴⁴ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.136. Д.1403. Л.42об.-43.
- ⁴⁵ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.20. Л.721-723об., 750.
- ⁴⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.3. Л.381-382; Оп.3. Д.20. Л.721-723об., 750; Оп.12. Св.7. Д.8. Ч.2. Л.35-37об.; Св.10. Д.18. Л.23-24об.; Св.23. Д.23. Л.139-139об. и др.
- ⁴⁷ Востоков А.А. О делах Генерального двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.5. Отд. II. М., 1888. С.1-41.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18664. Л.38-40.
- ⁴⁹ РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5031. Л.1-340.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18671. Л.203.
- ⁵¹ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18662. Л.97.; Д.18729. Л.235-238.
- ⁵² РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18661. Л.244, 245.
- ⁵³ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18660. Ч.1. Л.274.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18729. Л.228.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18660. Ч.1. Л.67, 84 и др.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18659. Л.268.
- ⁵⁷ Из бумаг князя Александра Даниловича Меншикова // Щукинский сборник. Кн.4. М., 1905. С.401-406.
- ⁵⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18679. Л.350-351.
- ⁵⁹ Корнелий де Бруин. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С.91.
- ⁶⁰ ПСЗ. Т.4. № 1741. С.1.
- ⁶¹ От войны к миру. Россия—Швеция. XVIII век. Каталог. Вып.2. Военные противостояния. СПб., 1999. С.71; Воинский устав, составленный и посвященный Петру Первому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С.79, 81, 86 и др.
- ⁶² Летин С.А. Русский военный мундир XVIII века. Краткий исторический очерк. М., 1996. С.9.
- ⁶³ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18686. Л.127-128.
- ⁶⁴ РГАДА. Ф.396. Оп.2. Д.986. Л.70-72.
- ⁶⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5032. Л.1-378.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18660. Ч.1. Л.77-83.
- ⁶⁷ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18729. Л.61.
- ⁶⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18686. Л.129-130.
- ⁶⁹ РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18664. Л.230.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф.396. Оп.1. Д.34624. Л.1-25.
- ⁷¹ Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.-М., 1966. С.233-235.
- ⁷² РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18660. Ч.1. Л.148-149.
- ⁷³ РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.44. Л.3об.
- ⁷⁴ РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.1. Ч.2. Л.177.
- ⁷⁵ Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865. Прил. С.89.
- ⁷⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.1. Л.18об.
- ⁷⁷ ПиБ. Т.2. № 408. С.11.
- ⁷⁸ Волинский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.3. Прил. СПб., 1912. С.420.
- ⁷⁹ РГАДА. Ф.396. Оп.1. Д.35410. Л.7-8.
- ⁸⁰ РГАДА. Ф.396. Оп.1. Д.34612. Л.1-5.
- ⁸¹ Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.-М., 1966. С.237-238.
- ⁸² Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865. Прил. С.89-90.
- ⁸³ ПиБ. Т.2. Прим. к № 478. С.445.
- ⁸⁴ Корнелий де Бруин. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С.96-97.
- ⁸⁵ ПСЗ. Т.4. № 1887. С.182.
- ⁸⁶ Волинский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.4. Прил. СПб., 1912. С.65.
- ⁸⁷ ПСЗ. Т.4. № 1999. С.272.
- ⁸⁸ Донесения и бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. РИО. Т.39. СПб., 1884. С.19, 29.
- ⁸⁹ Малышев В.Н. Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX веков // Сб. исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. VIII. СПб., 2006. С.232-255; Моисеенко Е.Ю. Опись гардероба А.Д.Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России // Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С.88-110; Моисеенко Е.Ю. Платье рубежа XVII и XVIII веков из «Гардероба Петра I» // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования. Сб. статей. Л., 1981. С.59-73.

- ⁹⁰ Записки капитана Перри о бытности его в России с 1698 по 1713 год. С.311-312; Корнелий де Бруин. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С.91; Георг Грунд. Доклад о России в 1705–1710 годах. М.–СПб., 1992. С.83.
- ⁹¹ РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.14. Д.57. Л.169.
- ⁹² РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.26. Л.21-25; Св.11. Д.1. Л.9-10.
- ⁹³ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.1. Л.235-236.
- ⁹⁴ Белокуров С.А. О цветах кафтанов московских стрельцов в XVII веке // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн.4. М., 1901. С.31-32.
- ⁹⁵ Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.3. Прил. СПб., 1912. С.415.
- ⁹⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.7. Л.64-68об.
- ⁹⁷ ПиБ. Т.7. Вып.1. № 2267. С.74-75.
- ⁹⁸ ПиБ. Т.5. № 1531. С.39-41.
- ⁹⁹ ПиБ. Т.5. № 1582. С.81.
- ¹⁰⁰ ПиБ. Т.8. Вып.1. № 2530. С.65-67; РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.2. Л.476-477об.
- ¹⁰¹ РГАДА. Ф.9. Отд.2. Оп.8. Кн.2. Д.43. Л.829-835.
- ¹⁰² РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.104. Л.371-371об.
- ¹⁰³ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.2. Л.159-160об.
- ¹⁰⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.237-237об.
- ¹⁰⁵ Летин С.А. Русский военный мундир XVIII века. Краткий исторический очерк. М., 1996. С.11; Из бумаг князя Александра Даниловича Меншикова // Шукинский сборник. Кн.4. М., 1905. С.405-406.
- ¹⁰⁶ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.1. Л.168-172, 188-189.
- ¹⁰⁷ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.1. Л.188.
- ¹⁰⁸ Кололевский фасад. Карл XII в Оружейной палате. Стокгольм, 1998. С.26-27.
- ¹⁰⁹ Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 гг.) // Сб. РИО. Т.25. СПб, 1878. С.72.
- ¹¹⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.279об.
- ¹¹¹ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.248-256об.; РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.4. Д.26. Л.216-219об.
- ¹¹² РГВИА. Ф.456. Оп.1. Д.13. Л.225-226об., 228-228об.
- ¹¹³ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.239-246об.
- ¹¹⁴ РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.1. Л.85; Д.113. Л.1-1об.
- ¹¹⁵ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.259-269.
- ¹¹⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.21. Ч.3. Л.25-26.
- ¹¹⁷ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.11. Ч.3. Л.24об.
- ¹¹⁸ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.6. Л.32об.
- ¹¹⁹ РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.458об.
- ¹²⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.14об.
- ¹²¹ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.3. Д.64. Л.406.
- ¹²² РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.3. Д.89. Л.571-572; Св.4. Д.127. Л.338-339об.
- ¹²³ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.37. Л.12-16.
- ¹²⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.27. Л.588-590.
- ¹²⁵ РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.22. Л.235-241; Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- ¹²⁶ РГВИА. Ф.146. Оп.1. Д.1. Л.53об.-75.
- ¹²⁷ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.37. Л.12-16.
- ¹²⁸ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.37. Л.12-16; Оп.5. Д.25. Л.457-457об.; Оп.6. Д.27. Л.554-554об.
- ¹²⁹ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.138. Д.1405. Л.7об.
- ¹³⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.24. Л.252.
- ¹³¹ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.27. Л.588-590; Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- ¹³² РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.434об.
- ¹³³ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.33-37об.
- ¹³⁴ РГВИА. Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- ¹³⁵ РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.47. Л.286-286об.; Оп.5. Д.25. Л.435-437, 466; Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- ¹³⁶ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1249. Л.302.
- ¹³⁷ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.20. Л.168-169об.
- ¹³⁸ РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.22. Л.141-147, 167, 171; Ф.12. Оп.1. Св.123. Д.1385. Л.10-10об., 14-16, 33.
- ¹³⁹ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.67-69.
- ¹⁴⁰ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.71-92.
- ¹⁴¹ РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.42. Л.267.
- ¹⁴² РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.26. Л.832-832об.
- ¹⁴³ РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.26. Л.834-834об.
- ¹⁴⁴ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.12. Д.311. Л.471-471об., 472-472об.
- ¹⁴⁵ РГВИА. Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- ¹⁴⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.26. Л.367-368, 414.
- ¹⁴⁷ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.24-27об.

- 148 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.37. Д.678. Л.36об.
- 149 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.440-440об.
- 150 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.12. Д.311. Л.487-487об.
- 151 РГВИА. Ф.15. Оп.1. Св.1. Д.1. Л.17-20.
- 152 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.441-443, 458-463об.
- 153 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.227. Л.1258об.
- 154 РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.1. Л.397об., 537.
- 155 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.10. Д.260. Л.383-383об., 402об.
- 156 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.27. Л.588-590.
- 157 РГВИА. Ф.3. Оп.1. Св.10. Д.511. Л.1-3об.
- 158 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.13.
- 159 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.761-780.
- 160 РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.33-37об.
- 161 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.437об.-439, 445-446, 467; Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- 162 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.20. Л.168-169об.
- 163 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.123. Д.1385. Л.10-10об., 14-16, 33.
- 164 РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.22. Л.97-97об.
- 165 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.26. Л.720-721.
- 166 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.431-488.
- 167 См., напр: Мышковский Е.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны 1700–1721 гг. // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып.4. С.57-73; Шокарев Ю.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII века // Исторический музей. Труды. Вып.59. М., 1987. С.18-50; Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Каталог. М., 1990; Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992.
- 168 Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С.186.
- 169 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22, 29-31об.
- 170 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.483об.
- 171 РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Л.206об.-207.
- 172 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.14. Л.558.
- 173 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.486об.
- 174 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.31. Л.61об.
- 175 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22.
- 176 Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1710 гг. // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн.1. СПб., 1890. С.15, 114.
- 177 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.27. Л.462.
- 178 РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.38. Л.33-33об.
- 179 РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.22. Л.295-304об.
- 180 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.6. Л.53-53об.
- 181 РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.27. Л.81об.-82.
- 182 В.Н. Захаров. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С.230.
- 183 РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.29. Л.226об.
- 184 Денисова М.М. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953. С.23-27; Кулинский А.Н. Русское холодное оружие XVIII–XX веков. Определитель. Т.1. СПб., 2001. С.30-31, 51-53; Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005. С.20, 34, 35, 53; Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004. С.30-39, 70-80; Опись Московской Оружейной палаты. Ч.4. Кн.3. Холодное оружие. М., 1885. С.102-105, 116-127, 139-148.
- 185 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22, 29-31об.
- 186 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.449; Оп.6. Д.27. Л.567-576.
- 187 РГВИА. Ф.3. Оп.1. Св.1. Д.25. Л.52.
- 188 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.47. Д.779. Л.47об.
- 189 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22, 29-31об.
- 190 Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С.225.
- 191 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.1. Л.507-509.
- 192 РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.36. Л.234.
- 193 Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992. С.32-33, 37, 54.
- 194 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.12. Д.50. Л.486-490об.
- 195 РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.28. Л.811-813.
- 196 РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.43. Л.449-450.
- 197 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.280; Оп.5. Д.25. Л.476-476об; Оп.4. Д.41. Л.669-679об.
- 198 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.7. Л.10.
- 199 РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.41. Л.669-669об.

- 200 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.278об.
- 201 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.6. Л.7-8.
- 202 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22.
- 203 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- 204 РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.1. Л.85об-86, 113об, 126об, 135.
- 205 РГАДА. Ф.248. Оп.3. Кн.100. Д.56. Л.1173-1216об.
- 206 ПиБ. Т.11. Вып.2. № 4942. С.295.
- 207 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.215-220об.; Оп.13. Д.8. Л.19об.-22.
- 208 АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.37. Л.167; РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.7. Л.2об. и др.
- 209 РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.27. Л.81об.-82.
- 210 РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.44. Л.2-7.
- 211 РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Л.246-248.
- 212 РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.64.
- 213 РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.56. Л.550об.
- 214 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.1. Л.255-255об.
- 215 Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске, 1682 года. М., 1710. С.120.
- 216 Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекции. СПб., 2004. С.68; Летин С.А. Русский военный мундир XVIII века. Краткий исторический очерк. М., 1996. С.12.
- 217 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.6. Л.109.
- 218 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.6. Л.6.
- 219 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.7. Ч.1. Л.5-6.
- 220 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.135. Д.1402. Л.1088-1089об.
- 221 РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.23. Л.294-295об.
- 222 Рубинштейн Н.Л. Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С.52.
- 223 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.158. Л.213.
- 224 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.183. Л.761-762.
- 225 РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Л.201об.-203.
- 226 Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С.73.
- 227 ПиБ. Т.8. Вып.1. № 2529. С.62.
- 228 РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.44. Л.5об.; Д.57. Л.2об.-3.
- 229 ПиБ. Т.11. Вып.1. Прим. к № 4386. С.465.
- 230 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.1. Л.255-255об.
- 231 РГВИА. Ф.2. Оп.5 Д.1. Л.483об., 484, 490об.
- 232 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.91. Д.2763. Л.64-64об.
- 233 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.1. Л.473.
- 234 РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Л.3об-4.
- 235 ПиБ. Т.11. Вып.1. Прим. к № 4198. С.345.
- 236 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.215-220об.
- 237 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.91. Д.2763. Л.52-54.
- 238 РГВИА. Ф.2. Оп.8. Д.20. Л.110.
- 239 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.1. Л.100-101.
- 240 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.91. Д.2763. Л.64-64об.
- 241 Донесения и другие бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. РИО. Т.39. СПб., 1884. С.184.
- 242 ПиБ. Т.11. Вып.1. Прим. к № 4386. С.465.
- 243 РГВИА. Ф.5. Оп.6. Д.2. Л.1-77.
- 244 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.11. Ч.3. Л.24об.
- 245 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.10. Д.18. Л.21-22.
- 246 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.255. Л.1219-1220, 1224.
- 247 РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Л.986-995.
- 248 РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1249. Л.309об.
- 249 РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.24. Л.99.
- 250 ПиБ. Т.11. Вып.1. Прим. к № 4386. С.465.
- 251 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.29-31об.
- 252 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- 253 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.215-220об.
- 254 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22.
- 255 РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- 256 РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.485.
- 257 РГВИА. Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- 258 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.215-220об.; Оп.13. Д.8. Л.19об.-22, 29-31об.; Оп.6. Д.1. Л.298-307об.

- ²⁵⁹ Тетради записные всяким письмам и делам, кому что приказано и в котором числе от Его Императорского Величества Петра Великого, 1704, 1705 и 1706 годов. СПб., 1774. С.243.
- ²⁶⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.10. Д.18. Л.17.
- ²⁶¹ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Л.17.
- ²⁶² РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.1. Ч.1. Л.3об.
- ²⁶³ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.279об.
- ²⁶⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- ²⁶⁵ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.189. Л.812.
- ²⁶⁶ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.33-33об.
- ²⁶⁷ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.33об-34.
- ²⁶⁸ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.34об.-35.
- ²⁶⁹ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.19. Д.462. Л.887об.
- ²⁷⁰ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.46. Д.762. Л.146-146об.
- ²⁷¹ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.34-34об.
- ²⁷² РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.36-37об.
- ²⁷³ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Л.35-35об.
- ²⁷⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.43об.
- ²⁷⁵ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.104. Д.1321. Л.10.
- ²⁷⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.12. Л.34-34об.
- ²⁷⁷ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1249. Л.324.
- ²⁷⁸ РГАДА. Ф.9. Отд.2. Оп.8. Кн.2. Д.70. Л.348.
- ²⁷⁹ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.40. Д.708. Л.668-669.
- ²⁸⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.24. Л.37.
- ²⁸¹ РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.24. Л.2, 4, 5, 15, 18-21, 60, 100-107об.; Ф.5. Оп.1. Св.2. Ч.2. Д.24. Л.1116-1121об.; Егоров В.И. Протазаны и алебарды русской пехоты. 1719–1730 // Цейхгауз. № 3. М., 1994. С.14-18.
- ²⁸² РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.6. Л.24.
- ²⁸³ Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.-М., 1966. С.236-237.
- ²⁸⁴ Мамаев К.К. Символика знамен Петровского времени // Труды Государственного Эрмитажа. Т.11. Вып.2. Л., 1970. С.35.
- ²⁸⁵ РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1249. Л.402об.-403.
- ²⁸⁶ Эмблемы и символы. М., 2000. С.53, 59.
- ²⁸⁷ Эмблемы и символы. М., 2000. С.31.
- ²⁸⁸ Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.-М., 1966. С.237.
- ²⁸⁹ Вилинбахов Г.В. Эмблематика барокко на русских знаменах первой четверти XVIII века // Русское искусство эпохи барокко. Новые материалы и исследования. Сб. статей. Государственный Эрмитаж. СПб., 1998. С.176-190.
- ²⁹⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.11. Ч.2. Л.21-21об.
- ²⁹¹ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.1. Ч.1. Л.7.
- ²⁹² Эмблемы и символы. М., 2000. С.17-20.
- ²⁹³ Мамаев К.К. Символика знамен Петровского времени // Труды Государственного Эрмитажа. Т.11. Вып.2. Л., 1970. С.25-35; Вилинбахов Г.В. Отражение идей абсолютизма в символике петровских знамен // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования. Сб. статей. Государственный Эрмитаж. Л., 1981. С.7-25; Эмблемы и символы. М., 2000. С.75, 126, 205 и др.
- ²⁹⁴ Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.-М., 1966. С.238.
- ²⁹⁵ РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.82. Л.416-416об.
- ²⁹⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.674.
- ²⁹⁷ РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.26. Л.484-496об.
- ²⁹⁸ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- ²⁹⁹ РГВИА. Ф.2 Оп.7. Д.2. Л.669.
- ³⁰⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.10. Л.28.
- ³⁰¹ РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.46. Л.63об.
- ³⁰² РГВИА. Ф.2. Оп.9. Д.1. Л.356.
- ³⁰³ Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т.2. СПб., 1899. Выноски. С.4-7.
- ³⁰⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.10. Л.110.
- ³⁰⁵ РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.11. Л.108.
- ³⁰⁶ Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т.2. СПб., 1899. Выноски. С.7-9.
- ³⁰⁷ РГАДА. Ф.248. Оп.2. Кн.20. Д.13. Л.101об.-102.

- ³⁰⁸ Гром победы раздавайся. Каталог выставки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи к 250-летию создания Достояния зала. СПб., 2006. Л.10-13.
- ³⁰⁹ РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.22. Л.1об.
- ³¹⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.3. Л.52-52об.
- ³¹¹ РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.31. Л.62об.
- ³¹² РГВИА. Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- ³¹³ РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.37. Л.12-16.
- ³¹⁴ Никитин А. Полтавская регалия (из неопубликованной работы «Жалованные литавры») // Орел. № 1. Л., 1992. С.15-17.
- ³¹⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные императорской Академией наук. Т.1. СПб., 1880. № 24. С.12.
- ³¹⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.215-220об.
- ³¹⁷ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- ³¹⁸ ПиБ. Т.12. Вып.1. Прим. к № 5046. С.321.
- ³¹⁹ РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.50.
- ³²⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.11. Л.325.
- ³²¹ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- ³²² РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.11. Л.287-288, 289об.-290.
- ³²³ РГВИА. Ф.47. Оп.1. Д.1. Л.16-29.
- ³²⁴ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.37. Д.678. Л.46.
- ³²⁵ РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.37. Д.678. Л.47-47об.
- ³²⁶ Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведениях, что каждому чинить должно. СПб., 1795. С.70-73; ПиБ. Т.10. Вып.1. № 3627. С.64-67.
- ³²⁷ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.258-258об.; Оп.13. Д.8. Л.29-31об.
- ³²⁸ РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Л.3об.-4.
- ³²⁹ РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.11. Л.325. Л.324об.
- ³³⁰ РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.50.
- ³³¹ РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Л.86, 87.
- ³³² РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.14. Л.533а.
- ³³³ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.6. Л.7об-8.
- ³³⁴ РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Л.298-307об.
- ³³⁵ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.2. Письма Я.В. Брюса (1705–1706 гг.). СПб., 2005. С.116.
- ³³⁶ РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Л.215-220об.
- ³³⁷ РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22, 29-31об.
- ³³⁸ РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Л.19об.-22.
- ³³⁹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.36. Л.247.
- ³⁴⁰ АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.37. Л.165.
- ³⁴¹ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.2. Письма Я.В. Брюса (1705–1706 гг.). СПб., 2005. С.24.
- ³⁴² Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске, 1682 года. М., 1710. С.92.
- ³⁴³ Учение и практика артиллерии, или внятное описание в нынешнем времени употребляющиеся артиллерии, купно со иными новыми и во практике основанными манеры; ко вящему научению всё предложено надобнейших чертежей; изъяснено курфирста Саксонского артиллерии поручиком Иоганном Зигмундом Бухнером. М., 1711. С.37.
- ³⁴⁴ Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Часть II. XVIII век. СПб., 1883. С.54.
- ³⁴⁵ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.2. Письма Я.В. Брюса (1705–1706 гг.). СПб., 2005. С.88.
- ³⁴⁶ АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.48. Л.472.
- ³⁴⁷ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.1. Письма Я.В. Брюса (1704–1705 гг.). СПб., 2004. С.37.
- ³⁴⁸ Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске, 1682 года. М., 1710; Описание артиллерии, в ней же сокращенно написана всё, еже к начинанию артиллерийского ведомства и основания ее, хотящему у сего дела быти ведати подобает... чрез Тимофея Бринка, артиллерийного дела капитана. М., 1710; Учение и практика артиллерии, или внятное описание в нынешнем времени употребляющиеся артиллерии, купно со иными новыми и во практике основанными манеры; ко вящему научению всё предложено надобнейших чертежей; изъяснено курфирста Саксонского артиллерии поручиком Иоганном Зигмундом Бухнером. М., 1711.
- ³⁴⁹ Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.2. Письма Я.В. Брюса (1705–1706 гг.). СПб., 2005. С.133.

- 350 РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.43. Л.263.
- 351 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.22. Д.447. Л.452а-452а об.
- 352 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.22. Д.447. Л.459.
- 353 РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.22. Д.447. Л.488-489.
- 354 АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.37. Л.165-165об.
- 355 Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 гг.) // Сб. РИО. Т.25. СПб., 1878. С.4.
- 356 РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.8. Ч.2. Л.2-7.
- 357 АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.48. Л.600об.-601.
- 358 АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.37. Л.839-840.
- 359 АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.37. Л.166об.
- 360 Новейшее основание и практика артиллерии Эрнеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске, 1682 года. М., 1710. С.119.
- 361 Барбасов А.П. Оформление артиллерии как рода войск русской регулярной армии (первая четверть XVIII в.) // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. IV. Л., 1959. С.103.
- 362 РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.1. Л.252-254об.
- 363 АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.48. Л.559-559об.; РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.27. Л.48об., 100об.
- 364 Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. Т.134. СПб., 1908. № 4. С.235.
- 365 Колосов Е.Е. Русская военная книга Петровского времени // Книга: исследования и материалы. Сб. № XVI. М., 1968. С.113.
- 366 Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С.45-52; ПиБ. Т.1. № 304. С.353.
- 367 Воинский устав, составленный и посвященный Петру Первому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841. С.20-34.
- 368 Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч.2. СПб., 1788. С.358-361.
- 369 Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С.60-63.
- 370 Экзерциции, приуготовление к маршу, звание и должности полковых чинов. СПб., 1795. С.98-126.
- 371 Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч.2. СПб., 1788. С.358-361.
- 372 ПиБ. Т.3. № 662. С.77-79.
- 373 ПиБ. Т.3. № 662. С.77-79.
- 374 Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч.2. СПб., 1788. С.358-361; Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 года. СПб., 1894. С.24, 38.
- 375 ПиБ. Т.3. № 662. С.77-79.
- 376 Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. СПб., 1795. С.28.
- 377 Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 года. СПб., 1894. С.66.
- 378 Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С.276.
- 379 Донесения и другие бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. РИО. Т.39. СПб., 1884. С.18-19, 55, 162.
- 380 Георг Грунд. Доклад о России в 1705–1710 годах. М.–СПб., 1992. С.104-105.
- 381 Беспярых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII века. СПб., 1998. С.305.
- 382 Военные уставы Петра Великого. М., 1946. С.53-59.
- 383 Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч.2. СПб., 1788. С.358-361.
- 384 РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.44. Л.2-7.
- 385 Донесения и другие бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. РИО. Т.39. СПб., 1884. С.55-56.
- 386 Георг Грунд. Доклад о России в 1705–1710 годах. М.–СПб., 1992. С.104.
- 387 Беспярых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII века. СПб., 1998. С.310.
- 388 РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.12-12об.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

А. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

Военная коллегия

РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.1. Пункты, по коим требовались из разных мест сведения при учреждении Военной коллегии. 1718.

РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.3. Столп состоявшимся приговорам в Военной коллегии. 1719.

РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.5. Столп вершенным делам об отпуске штаб- и обер-офицерам и рядовым в дома, для домовых нужд и для лечения болезней. 1719.

РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.9. Столп: присылка рекрутам из губерний в разные наряды для комплекту полевых и гарнизонных полков. 1719.

РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.11. Столп разных дел. 1719.

РГВИА. Ф.2. Оп.1. Д.24. Наряд о протазанах, и притом подлинные определения и отпуски черные. 1719.

РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.1. Столп вершенным делам, состоявшимся в Военной коллегии указам. 1720.

РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.2. Столп: в нем сенатских указов копии и по ним определение. 1720.

РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.3. Столп состоявшимся в Военной коллегии приговорам. 1720.

РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.9. Столп о даче провианта и соли унтер-офицерам, и рядовым драгунам и солдатам, и неслужащим. 1720.

РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.28. Столп вершенным делам Артиллерийского поветья, бытности канцеляриста Пешкова. 1720.

РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.29. То же. 1720.

РГВИА. Ф.2. Оп.2. Д.38. Книга, а в ней отправление генералитета для свидетельства и переписи мужеска полу душ, и о раскладке на полки. 1720.

РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.19. Реестр вершенным делам о наряде полков в Низовой корпус, 721 и 722 годов. 1721–1723.

РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.20. Столп вершенным делам о квартирах, и на тех квартирах о даче людям провианта, а лошадям — фуража. 1721.

РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.21. Книга, а в ней касающиеся дела по Санкт-Петербургскому генеральному сухопутному гошпиталю. 1721.

РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.37. Реестр вершенным делам Комиссариатского поветья, бытности Петра Жданова. 1721.

РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.38. То же. 1721.

РГВИА. Ф.2. Оп.3. Д.44. Книга с именными списки от князя Меншикова, бытности его на Украине в 720-м году, о повышении штаб- и обер-офицеров и рядовых, с реестром. 1721.

РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.1. Столп состоявшимся в Военной коллегии указам и приговорам. 1722.

РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.27. Столп о наряде в Низовой корпус артиллерийских припасов, пушек, мортир, ружья и прочего. 1722.

- РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.41. Реестр вершенным делам Комиссариатского повытья, бытности Петра Жданова. 1722.
- РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.42. Столп Комиссариатского повытья с разными делами. 1722.
- РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.43. Столп вершенным делам Артиллерийского повытья, бытности Пешкова. 1722.
- РГВИА. Ф.2. Оп.4. Д.47. Столп присланным ведомостям от команд по посланным из Военной коллегии указам на 7 пунктов: о состоянии полков людьми, мундиром, ружьем и прочими вещьми. 1722.
- РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.1. Столп генеральным приговорам и протокольным запискам 723 году. 1723.
- РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.25. Реестр вершенным делам по Комиссариатскому повытью Петра Жданова. 1723.
- РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.26. [Столп] по Комиссариатскому повытью. 1723.
- РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.27. Столп о разных делах того ж 723 года. 1723.
- РГВИА. Ф.2. Оп.5. Д.31. По нижеписанным реестрам в одной книге переплетены наряды 723 года, а именно: об отпуске в армейские и гарнизонные полки ружья, пороху, свинца и мундира; о принятии галер, и о приготовлении в Санкт-Петербурге сухарей, и о пересмотре генералу Бутурлину с доктором больных солдат 2412 человек; об отпуске в Низовой корпус для комплекту полков рекрут и артиллерийских припасов; об отсылке в лазарет для лечения больных солдат; о вестях с турецкой стороны; о высылке сысканных великанов; по присланным рапортам из разных мест о денежной казне; об отсылке в Сенат присяг, присланных от разных команд; об отпуске в артиллерию из Штатс-конторы денежной казны; об отправлении из Санкт-Петербурга полковых тягостей к полкам и на квартиры, и о покупке лошадей подъемных, и о даче при оных командированным провианта; об отправлении четырех баталионов пехотных из Пошехонской провинции в Белгород. 1723.
- РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.1. Столп состоявшимся именным указам и Военной коллегии генеральным приговорам 724 года. 1724.
- РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.2. Столп сенатским и синодским и из вышнего суда с указов копии о разных делах 1724 года. 1724.
- РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.14. 724 года книга с разными вступившими в коллегия делами. 1724.
- РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.20. Столп о подряде сукон и о выдаче за сукна денег иноземцам 724 года. 1724.
- РГВИА. Ф.2. Оп.6. Д.27. Столп вершенным делам по Комиссариатскому повытью, бытности нотариуса Петра Жданова и канцеляриста Степана Лаврова, о розни. 1724.
- РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.2. Столп состоявшимся в Военной коллегии приговорам 1725 года. 1725.
- РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.13. Столп от отпуске из артиллерии в полки пороху, свинцу и ружья и прочих припасов. 1725.
- РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.22. Столп о даче в полки мундира и амуниции, и в гвардию — сукон. 1725.
- РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.24. Столп об отправлении мундира и прочего на рекрутов, которые укомплектованы в 20 баталионов, в оставшие[ся] от Низового корпуса. 1725.
- РГВИА. Ф.2. Оп.7. Д.25. Столп по Комиссариатскому повытью о присылке с вечных квартир о сборе денежной казны с душ в Военную коллегия, и об отправлении книг к полкам на приход и расход. 1725.

- РГВИА. Ф.2. Оп.8. Д.3. Опись вершенным делам, в ней копии с приговоров Военной коллегии и протокольные записки, и по них отправления 726 года, и по них наряды. 1726.
- РГВИА. Ф.2. Оп.8. Д.14. Реестр вершенным делам по Актуариусскому повытью, бытности Евдокима Ададунова, Данилы Астафьева 1726 году. 1726.
- РГВИА. Ф.2. Оп.8. Д.20. Реестр вершенным делам 726-го году об отпуске в полки ружья [и] пороху. 1726.
- РГВИА. Ф.2. Оп.9. Д.1. Реестр копиям с именных указов и по них отправление 727 года. 1727.
- РГВИА. Ф.2. Оп.9. Д.17. Реестр вершенным делам по Артиллерийскому повытью: об отпуске из артиллерии ружья, пороху и свинцу и прочих артиллерийских припасов; и о произвождении из кондукторов в прапорщики. 1727.
- РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.1. Журналы и определения Военной коллегии. 1722.
- РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.32. Определения Военной коллегии. Февраль 1726.
- РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.46. Журналы Военной коллегии. 1727.
- РГВИА. Ф.2. Оп.10. Д.82. Определения Военной коллегии. Октябрь 1729.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.1. Опись дел походной канцелярии генерал-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева за 1700–1705.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.1. Д.17. Ч.12. Переписка Кригс-Комиссариата с Военной канцелярией о расположении полков по губерниям, назначении полкам квартир; изготовлении обмундирования для драгунских полков; отпращивании офицеров в Санкт-Петербургскую губернию для сыска воров и разбойников и др. 18 мая 1711 — 7 августа 1712.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.7. Ч.1. Приходно-расходная книга Военной канцелярии за 1715–1717.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.11. Ч.2. Доношения и письма обер-штер-кригс-комиссара Луки Чирикова генерал-пленипотенциар-кригс-комиссару князю Якову Федоровичу Долгорукову о разборе полков; обеспечении армии рекрутами, лошадьми, денежным жалованием, обмундированием и снаряжением; постройке новых знамен, отпуске в полки медикаментов и др. 15 апреля — 15 ноября 1712.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.11. Ч.3. То же. 21 сентября — 10 декабря 1712.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.21. Ч.1. Ведение о состоянии Мундирной канцелярии от кавалерии к концу 1711; ведение о составе и содержании чинов генералитета. 18 ноября 1711 — 30 мая 1712.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.2. Д.21. Ч.3. Великого государя указы из Военной канцелярии. 24 апреля 1712 — 8 мая 1713.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.1. Ч.1. Записная книга писем генерал-пленипотенциар-кригс-комиссара князя Якова Федоровича Долгорукова к обер-штер-кригс-комиссару Луке Чирикову. 12 февраля — 20 марта 1712.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.7. Ведомость Нарвской артиллерии и амуниции, мая с 1-го сентября по 1-е число 718 году, — что обретається налицо в Нарве [артиллерии] и артиллерийских служителей. 1 сентября 1718.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.14. Справка Военной канцелярии о сборе рекрут с 1700 по 1713.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.3. Д.27. Ведение гренадерского полка Ивана Кампенгаузена. 1720.
- РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.4. Д.1. Ч.1. Переписка об оставлении Вятского и Ярославского пехотных полков при герцоге Мекленбургском; высылке денег на содержание

Померанского корпуса; выписки Комиссариата о деньгах, мундире и обуви, отпущенных в полки, находящиеся за границей и др. 7 марта — 22 октября 1717.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.5. Д.1. Ч.5. Именные списки солдат, переведенных из полевых полков в гарнизоны, уволенных в отпуски и отставку; сведения о наказании нижних чинов; сроках отпуска в полки мундирных вещей и др. 16 февраля — 19 октября 1716.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.3. Справка Военной канцелярии о наборе вольницы с 1700 по 1718.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.6. Ведение о приходе и расходе обмундирования, оружия и амуниции, состоящих в ведении Военной канцелярии и в полках Московского гарнизона. 15 мая 1712.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.8. Ч.2. Дело об определении источников содержания драгунских полков. 10 августа 1706.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.6. Д.8. Ч.3. Дело об определении статей дохода Военного приказа. 19 августа 1706.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.3. Расходная книга Военного приказа. 18 марта — 25 мая 1708.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.6. Копии исходящих документов походной канцелярии генерала Адама Адамовича Вейде. 2 марта 1715 — 10 января 1716.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.8. Ч.2. Переписка об устройстве Военной канцелярии в Санкт-Петербурге; отпуске обмундирования и амуниции в полки Финляндского корпуса; списки полков и др. 1 сентября 1715 — 16 июня 1716.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.7. Д.15. Ч.1. Дело о продаже пожитков и раздаче долгов полковника Рязанского пехотного полка Ивана Равенштейна. 7 марта 1715 — 7 февраля 1717.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.10. Д.18. Сведения о числе копейщиков и рейтар Московской губернии; отправке в полки провианта, оружия, амуниции и обмундирования; списки новонаборных драгун; роспись полков и др. 19 марта — 23 августа 1714.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.12. Д.5. Ведение Тверского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.15. Д.20. Ведение конного гренадерского полка Христофора фон дер Роппа.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.2. Ведение Каргопольского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.5. Ведение Астраханского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.6. Ведение Архангелогородского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.13. Ведение Псковского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.17. Ведение Тобольского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.21. Ведение Невского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.23. Ведение Санкт-Петербургского драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.24. Ведение Олонецкого драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.16. Д.25. Ведение Олонецкого драгунского полка.

РГВИА. Ф.2. Оп.12. Св.23. Д.23. Регламент Кригс-Комиссариата, Артикулы фискальские, Артикулы провиантские; мемориалы обер-штер-кригс-комиссара Луки Чирикова по вопросам комплектования и обеспечения армии; нормы выдачи порционных и рационов; расписание полков по губерниям; штаты и табели генералитета, полевых и гарнизонных пехотных и драгунских полков; ведения о состоянии мундирных канцелярий к концу 1711; исчисления стоимости заготовления мундирных и амуничных вещей для солдат и драгун полевых полков; ведомости о состоянии пехотных полков к концу 1711 и др. 18 августа 1711 — 28 декабря 1712.

- РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.1. Подлинные именные указы и письма Петра Великого, данные генерал-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву. 1710–1717.
- РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.2. Подлинные именные указы и письма Петра Великого, данные генерал-фельдмаршалу князю Михаилу Михайловичу Голицыну. 1710–1731.
- РГВИА. Ф.2. Оп.13. Д.8. Предложение о содержании армии и гарнизонов жалованием и указ по сему делу Петра Великого. 9 февраля — 22 июня 1720.
- РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.7. Указы, полученные Военной коллегией из Правительствующего Сената и Синода за 1725.
- РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.9. Указы, полученные Военной коллегией из Верховного Тайного совета, Правительствующего Сената и Синода за 1726.
- РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.10. Указы, полученные Военной коллегией из Верховного Тайного совета, Правительствующего Сената и Синода за 1727.
- РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.11. Указы, полученные Военной коллегией из Верховного Тайного совета, Правительствующего Сената и Синода за 1728.
- РГВИА. Ф.2. Оп.14. Д.12. Указы, полученные Военной коллегией из Верховного Тайного совета, Правительствующего Сената и Синода за 1729.

Контора Военной коллегии (Военная контора)

- РГВИА. Ф.3. Оп.1. Св.9. Д.511. Дело по доношению из Комиссариатской конторы о посылке в Москву в Военную коллегию ведомости — сколько отпущено в Москву сукон и шпажных клинков, и по чему дано за провоз. 23–24 декабря 1730.

Артиллерийское повытье Военной коллегии

- РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.2. Ч.2. Д.24. Дело по доношениям Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии об отпущенных в Санкт-Петербургские гарнизонные полки на штаб- и обер-офицеров протазанов и алебард и кистей. 13 декабря 1726 — 24 ноября 1730.
- РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.12. Д.40. Дело по мемориалу из артиллерии о содержании в полках пушек и прочей артиллерии в полном комплекте, по положенному анштальту, и об отпуске ж в полки пороху. 27 апреля 1726 — 30 сентября 1733.
- РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.12. Д.50. Дело по указу из Верховного Тайного совета и по промемории из Адмиралтейской коллегии о приеме в Военную коллегию сделанного олонекского ружья — 10.872 фузей, и об отпуске за то ружье денег от Высокого Сената. 22 августа 1726 — 7 января 1735.
- РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.14. Д.57. Л.169. По ведению из Армейского повытья о немедленной подаче из артиллерии ведомости — в назначенных в помощь цесарскую полках пушки и к ним принадлежащая амуниция во всякой ли исправности, також в тех полках ружье однокалиберное ль. 31 января 1727 — 23 мая 1729.
- РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.21. Д.382. Дело по доношению главной артиллерии об отпуске в полки для обучения драгун и солдат стрельбе в цель свинцу: старых солдат — по три, а новоприверстанных рекрут — по шести пуль. 16 мая — 19 августа 1729.
- РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.22. Д.447. Дело по мемориалу из Канцелярии от артиллерии и фортификации о подаче в Верховный Тайный совет доношения о требовании указу о содержании в мирное время в пограничных городах полковых артиллерии и лошадей. 28 октября 1729 — 7 марта 1732.
- РГВИА. Ф.5. Оп.1. Св.91. Д.2763. Ведомости, присланные от команд и полков в 729 и 730 годах, о имеющихся при оных рогаточных и пикинерских копьях — что оных за расходом налицо состояло. 29 июля 1729 — 11 сентября 1730.

РГВИА. Ф.5. Оп.6. Д.2. Инвентариум, сочиненный в Канцелярии главной артиллерии и фортификации из разборных ведомостей, присланных из губерний и из городов, которые сочинены по разбору и описанию посланными нарочно офицерами... колик в которой губернии городов, и в коем городе сколько артиллерии, пушек, мортир и прочего огнестрельного оружия, амуниции и артиллерийских припасов... 29 ноября 1735.

Комиссариатское повытье Военной коллегии

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.3. Д.55. Дело по доношению обер-штер-кригс-комиссара Новосильцева о выдаче Лефортовского полку урядникам и капралам за покупной ими на мундир позумент денег. 20 июня — 13 июля 1719.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.3. Д.64. Дело по доношению обер-кригс-комиссара Новосильцева о заготовлении на всю армию шляп, а карпузам не быть, и о делании вместо карпузов париков из украинских овчин. 16–17 июля 1719.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.3. Д.89. Дело по доношению обер-штер-кригс-комиссара Новосильцева, чтоб на кавалерию и инфантерию делать одни только штаны лосиные, и не об отпуске за море кож лосиных. 8 октября 1719 — 14 марта 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.4. Д.127. Дело о поставке лосиных камзолов и штанов на драгунские полки москвичами Федором Петровым и Максимом Поповым. 6 мая 1720 — 12 марта 1723.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.158. Дело по письму от генерала-адмирала Апраксина о прибавке на гранодеров Финляндского корпуса против мушкаторов в кафтан сукна по 2 вершка. 2–15 марта 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.163. Дело по доношению торгового иноземца Пелютя о привозном, строенном в Берлине, солдатском мундире, который он вывез по приказу князя Меншикова, и во что он стал ценою. 29 марта — 18 августа 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.183. Дело по доношению генерала и кавалера князя Репнина об отправлении дивизии его на полки к кафтанам на подбой каразеи и прочих припасов из Комиссариата. 3 июня — 19 сентября 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.189. Дело по доношению полковника Грибоедова о принятии в Комиссариат после умершего Галицкого полку подпоручика Костромина пожитков для сохранения. 2–6 июля 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.206. Дело по письму генерала и кавалера князя Голицына и по доношению Главного Комиссариата об отправлении в Финляндской корпус на полки денежной казны и мундира и амуниции от оного Комиссариата. 15 сентября — 22 ноября 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.225. Дело по доношению Главного Комиссариата о неделании в мундирных канцеляриях унтер-офицерам мундира с позументом. 14–31 декабря 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.5. Д.227. Рапорт из Главного Комиссариата о денежной казне, которая во оном Комиссариате за расходом в остатке от ноября месяца, и что в приходе и в расходе. Декабрь 1720.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.10. Д.260. Дело о подряде и поставке на армию башмаков красносельца Ивана Симонова, 722 и 723 годов. 11 июля 1722 — 4 марта 1723.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.12. Д.311. Дело по доношению Военной конторы об отправлении в драгунские полки камзолов и штанов козлиных по подряду купца Ивана Симонова. 30 декабря 1723 — 28 января 1724.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.12. Д.314. Дело по доношению Мундирной конторы о выдаче отставным разных полков капралам, драгунам и солдатам, 180 человекам, вместо отобранного у них мундира из Мундирной конторы по кафтану, камзолу и штанам из каразеи. 16–17 января 1723.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.19. Д.462. Дело о даче штаб- и обер-офицерам заимообразно на строение мундира денег, и каким образом тот мундир иметь; тут же о и сделании шарфа. 31 января — 20 марта 1732.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.46. Д.762. Дело по доношению генерал-фельдмаршала и кавалера князя Трубецкого о делании Каргопольского драгунского полку штаб- и обер- и унтер-офицерам и прочим чинам мундира по новому маниру. 7 июня — 13 октября 1732.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.37. Д.678. Дело по доношению директора Томаса служителей Затрапезного и Подсевальщикова о поставке ими на камзолы и штаны каламенка и палаток из равендуку. 15 января 1729 — 26 ноября 1730.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.40. Д.708. Дело о возвращении офицерам Ингерманландского пехотного полка истраченных ими денег за переделку знаков, и отдаче оставшихся сверх комплекта шарфов и знаков кригс-комиссару подполковнику Хвостову. 13 ноября 1731 — 13 мая 1732.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.47. Д.779. Дело по доношению Военной конторы о присылке в коллегия образцовых прусского и русского дела палашей, шпаг, клинков и эфесов и гранодерской шапки. 17 октября 1732 — 20 февраля 1733.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.104. Д.1321. Дело об утверждении единого образца шарфов для офицеров полевой армии, гарнизонных войск и ландмилиции. 15 декабря 1746 — 27 октября 1748.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.123. Д.1385. По запросу из Сената присланные из разных мест ведомости — коликое число на содержание Низового корпуса полков от 722 года по годам денег, мундира, амуниции и прочих воинских припасов отправлено было. 22 апреля 1731 — 25 августа 1732.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.136. Д.1402. Дело о представленных в Правительствующий Сенат гранодерских шапках. 19 февраля — 2 сентября 1743.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.136. Д.1403. Сведения о составе и устройстве полевой армии, поданные из Военной канцелярии в Военную коллегия: именной список генералов и воинских чинов, служащих в их штабах и канцеляриях; расписание армейских полков по губерниям; штаты и вещевые табели пехотных и драгунских полков; ведомости о стоимости мундирных вещей; именные списки служащих мундирных канцелярий и др. 23 ноября 1718.

РГВИА. Ф.12. Оп.1. Св.138. Д.405. Книга 724-го году с табелями о прибавке в полевые и гарнизонные полки людей и лошадей и амуниции против Табели ж 720 году, и о прочем. 17 июля 1724 — 1 февраля 1725.

Мундирное повытье Военной коллегии

РГВИА. Ф.15. Оп.1. Св.1. Д.1. Дело о подряде на армейские драгунские полки лосиных камзолов и штанов, також на армейские и гарнизонные полки портупей,

перевязей и лягуночных ремней на лосиное дело московским фабрикантом Афонасием Гребенщиковым. 16 января 1727 — 26 ноября 1731.

Воинские комиссии Военной коллегии

РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.136. Ведомости Воинской комиссии на 5-й пункт «О мундире». 30 июня 1730 — 26 июля 1731.

РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1132. Ведомость, учиненная из присланных в 720-м и 721-м годах от полевых драгунских и пехотных полков ведомостей же, — в котором году который полк набран и состоит, и кто в тех полках до 720 и 721 годов были штаб-офицеры. 26 мая — 28 июля 1730.

РГВИА. Ф.23. Оп.1. Д.1249. Рассуждения Воинской комиссии на 1-й — 10-й пункты, сенатские «мнения» (замечания) на них; копии высочайших и сенатских указов, касающихся работы комиссии; предложения генерал-фельдцейхмейстера графа Бурхарда Миниха. 8 февраля 1731 — 1 июня 1732.

Кабинетские дела

РГВИА. Ф.24. Оп.1. Д.62. Рапорты, списки, ведомости и табели о состоянии армейских пехотных и драгунских полков, росписи недостающих чинов и вещей; копии указов Петра I; ведомости о запасах провианта в Литве; доклад Ефима Бука о учреждении гренадерских полков и др. 1707–1708.

Канцелярия генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Миниха

РГВИА. Ф.47. Оп.1. Д.1. Копии высочайших указов и указов Военной коллегии; ордера генерала барона фон Галларта; дела по Кадетскому корпусу; манифесты, реляции, следственные дела; журнал входящих и исходящих документов за 1734 и др. 21 сентября 1723 — 20 декабря 1736.

Канцелярия генерал-лейтенанта барона Филиппа фон Шверина

РГВИА. Ф.146. Оп.1. Д.1. Входящие генералитетские ордера, рапорты и представления от разных лиц за 1728.

Северная война 1700–1721

РГВИА. Ф.456. Оп.1. Д.13. Журнал походов фельдмаршала Б.П. Шереметева в 1711 и 1712 гг. (черновой). Январь 1711 — 23 февраля 1712.

Ведения армейских пехотных и драгунских полков 1720–1721

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.1. Ведение Рязанского драгунского полка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.2. Ведение Луцкого драгунского полка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.3. Ведение Московского драгунского полка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.4. Ведение Тверского драгунского полка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.5. Ведение Новотроицкого драгунского полка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.6. Ведение Олонецкого драгунского полка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.7. Ведение Астраханского драгунского полка.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.8. Ведение конного гренадерского полка Христофора фон дер Роппа.

РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.9. Ведение конного гренадерского полка Гаврилы Кропотова.

- РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.10. Ведение Владимирского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.11. Ведение Ингерманладского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.12. Ведение Казанского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.13. Ведение Пермского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.14. Ведение Новгородского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.15. Ведение Новгородского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.16. Ведение Невского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.17. Ведение Вятского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.18. Ведение Ямбургского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.19. Ведение Санкт-Петербургского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.20. Ведение Троицкого драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.21. Ведение Нижегородского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.22. Ведение конного гренадерского полка Семена Хлопова.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.23. Ведение Киевского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.24. Ведение Ярославского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.25. Ведение Тобольского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.26. Ведение Сибирского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.27. Ведение Псковского драгунского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.28. Ведение Владимирского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.29. Ведение Сибирского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.30. Ведение Нижегородского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.31. Ведение Санкт-Петербургского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.32. Ведение Бутырского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.33. Ведение Воронежского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.34. Ведение Вологодского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.35. Ведение Киевского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.36. Ведение Ростовского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.37. Ведение Лефортовского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.38. Ведение Казанского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.39. Ведение Вятского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.40. Ведение Азовского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.41. Ведение Рязанского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.42. Ведение 2-го гренадерского полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.43. Ведение Ярославского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.44. Ведение Троицкого пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.45. Ведение Копорского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.46. Ведение 1-го гренадерского полка (Адама Вейде).
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.47. Ведение Астраханского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.48. Ведение Новгородского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.49. Ведение Нарвского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.50. Ведение гренадерского полка Петра Лесси.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.51. Ведение Великолуцкого пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.52. Ведение Смоленского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.53. Ведение Московского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.54. Ведение Ингерманландского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.55. Ведение Ренцелева (Саксонского) пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.56. Ведение Выборгского пехотного полка.
РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.57. Ведение Пермского и Псковского пехотных полков.

- РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.58. Ведение Архангелогородского пехотного полка.
 РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.59. Ведение Белгородского пехотного полка.
 РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.60. Ведение Черниговского пехотного полка.
 РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.61. Ведение Шлиссельбургского пехотного полка.
 РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.63. Смотровые списки драгунских полков Украинского корпуса за 1719.
 РГВИА. Ф.490. Оп.2. Д.64. Ведение 1-го гренадерского полка (Дениса Бильса).

Военно-ученый архив

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.36. Указы и доклады, утвержденные императором Петром I; тут же собственноручные его письма, или копии с них, к разным правительственным лицам, по части военной и гражданской. В этой же книге находятся многие бумаги за подписью: царевича Алексея Петровича, князя Якова Долгорукова, генерала Брюса, думного дьяка Зотова и других лиц эпохи царствований Петра I, Екатерины I и Петра II. 1700-е — 1720-е годы.

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

Кабинет Петра I

- РГАДА. Ф.9. Отд.2. Оп.8. Кн.2. Д.43. Доношения кригс-цалмейстера Михаила Самарина о заготовлении и отправке в пехотные полки обмундирования и амуниции. 1708–1709.
 РГАДА. Ф.9. Отд.2. Оп.8. Кн.2. Д.70. Опись пожитков стольника Федора Плещеева. 1702.

Финансы

РГАДА. Ф.19. Оп.1. Д.1. Ч.2. Приходно-расходные книги государственных учреждений за 1700–1702.

Дела военные

РГАДА. Ф.20. Оп.1. Д.16. Ч.1. Ведения армейских и гарнизонных полков Санкт-Петербургской губернии. 1711.

Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I

- РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.7. Дело об обеспечении войск денежным жалованьем, провиантом, обмундированием, вооружением, амуницией и боеприпасами; содержании Шляпного, Кожевенного и Портупейного заводов; покупке сукон и конского убора и др. 1704–1707.
 РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.1. Дело об обеспечении войск денежным жалованьем, обмундированием и амуницией; содержании Суконного двора, Шляпного, Кожевенного и Портупейного заводов и др. 1708–1711.
 РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.103. Ч.2. Дело об обеспечении войск денежным жалованьем, обмундированием и амуницией; содержании Суконного двора, Шляпного, Кожевенного и Портупейного заводов и др. 1708–1711.
 РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.104. Ведомости о приходе и расходе денежной казны и имущества Ижорской канцелярии; расходе денег на изготовление обмундирования,

амунииции и конского убора для драгунских полков; ведомости готовых вещей и материалов Шляпного, Кожевенного и Портупейного заводов и др. 1708–1709.

РГАДА. Ф.26. Оп.2. Д.113. Дело о преобразовании «мундирного дела» при Ижорской канцелярии в Мундирную канцелярию от кавалерии, отводе ей помещений на Потешном дворе и передаче мундирных и амуничных вещей и материалов обер-комиссару Ершову. 1709.

Разрядный приказ

РГАДА. Ф.210. Оп.7а. Д.90. Высельные книги; росписи помещиков, вотчинников и служилых людей; сказки подьячих; списки начальных людей, нижних чинов и нетчиков солдатских и стрелецких полков; смотровые списки и разборные книги дворян, боярских детей и недорослей; сборные книги денег и др. 1700–1703.

Сенат

РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.4. Д.26. Дело о сборе с губерний рекрут, лошадей, денег, провианта и фуража; изготовлении обмундирования и амунииции для приписанных к губерниям армейских полков. 1711.

РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.23. Дело об обеспечении армейских полков обмундированием, амуницией, оружием и боеприпасами. 1714.

РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.56. Дело о снабжении обмундированием, амуницией, оружием и боеприпасами полков Рижского гарнизона. 1714.

РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.106. Дело о покупке судов для отправки в Финляндский корпус выздоровевших солдат, обмундирования и амунииции. 1714.

РГАДА. Ф.248. Оп.1. Кн.16. Д.141. Дело о сыске и отправлении в Военную канцелярию беглых драгун и солдат. 1714.

РГАДА. Ф.248. Оп.2. Кн.20. Д.13. Дело об отправке амунииции в корпус фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. 1713.

РГАДА. Ф.248. Оп.3. Кн.100. Д.56. Дело о сборе с Казанской и Нижегородской губерний строевых и подъемных лошадей и отправке их в армейские полки. 1714.

Оружейная палата

РГАДА. Ф.396. Оп.1. Д.34612. Дело об изготовлении в Оружейной палате знамен для драгунского Адама Вейде полка. 1700.

РГАДА. Ф.396. Оп.1. Д.34624. Дело об изготовлении в Оружейной палате знамен для 15-ти новоприборных солдатских полков. 1700.

РГАДА. Ф.396. Оп.1. Д.35410. Дело об изготовлении в Оружейной палате знамен для восьми драгунских полков, отправленных в «Свейский поход». 1701.

РГАДА. Ф.396. Оп.2. Д.986. Приходно-расходная книга Оружейной палаты за 1700.

Поместный приказ

РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5031. Именные списки даточных людей, расписанных по учебным отрядам. 1699–1700.

РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5032. Именные списки даточных людей, расписанных по новоприборным солдатским полкам. 1700.

РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5114. Приходно-расходная книга Генерального двора в Преображенском за 1699–1700.

РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18659. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.

РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18660. Ч.1. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.
 РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18661. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.
 РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18662. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.
 РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18664. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.
 РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18671. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.
 РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18686. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.
 РГАДА. Ф.1209. Оп.73. Д.18729. Столбцы Генерального двора. 1699–1700.

АРХИВ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ АРТИЛЛЕРИИ, ИНЖЕНЕРНЫХ ВОЙСК И ВОЙСК СВЯЗИ

Приказ артиллерии

АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.37. Сборник документов (указы, ведомости, челобитные, доношения, росписи, списки и др.) о заготовлении орудий, снарядов и пороха и о движении разных запасов материальной части артиллерии; о восстании на Дону (Булавинское); об учебных школах военного ведомства; о личном составе артиллерии и др. войск; о разных мастерах и мастеровых; о центральном управлении артиллерийской администрации по финансовым, медицинским, судебным и др. вопросам. 1708.

АВИМАИВиВС. Ф.2. Оп.1. Д.48. Сборник документов (ведомости, списки, росписи, таблицы, наказы, выписки и др.), связанных с Рижским походом, по вопросам личного состава, артиллерийского снабжения и денежной отчетности. 1710.

В. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Опубликованные источники

Артикул воинский с кратким толкованием и с процессами. СПб., 1795.
 Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.1. Письма Я.В. Брюса (1704–1705 гг.). СПб., 2004.
 Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.2. Письма Я.В. Брюса (1705–1706 гг.). СПб., 2005.
 Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Виллимовича Брюса. Т.3. Письма Я.В. Брюса (1707 г.). СПб., 2006.
 Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: История и коллекции. СПб., 2004.
 Воинский устав, составленный и посвященный Петру Первому генералом Вейде в 1698 году. СПб., 1841.
 Георг Грунд. Доклад о России в 1705–1710 годах. М.–СПб., 1992.
 Гром победы раздавайся. Каталог выставки Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи к 250-летию создания Достоянного зала. СПб., 2006.
 Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные императорской Академией наук. Т.1. СПб., 1880.
 Донесения и другие бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. Императорского русского исторического общества. Т.39. СПб., 1884.

- Донесения и другие бумаги чрезвычайного посла английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 по 1708 гг. // Сб. Императорского русского исторического общества. Т.50. СПб., 1886.
- Из бумаг князя Александра Даниловича Меншикова // Щукинский сборник. Кн.4. М., 1905. С.366-545.
- Кололевский фасад. Карл XII в Оружейной палате. Стокгольм, 1998.
- Московский Кремль. Императорская Рюст-камера. СПб., 2004.
- Новейшее основание и практика артиллерии Ернеста Брауна, капитана артиллерии во Гданске, 1682 года. М., 1710.
- Описание артиллерии, в ней же сокращенно написана всё, еже к начинанию артиллерийского ведомства и основания ее, хотящему у сего дела быти ведати подобает... чрез Тимофея Бринка, артиллерийного дела капитана. М., 1710.
- Опись Московской Оружейной палаты. Ч.4. Кн.3. Холодное оружие. М., 1885.
- От войны к миру. Россия–Швеция. XVIII век. Каталог. Вып.2. Военные противостояния. СПб., 1999.
- Памятники русской культуры первой четверти XVIII века в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.-М., 1966. С.230-238.
- Переписка и бумаги графа Бориса Петровича Шереметева (1704–1722 гг.) // Сб. Императорского русского исторического общества. Т.25. СПб., 1878.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.1. (1688–1701 гг.) СПб., 1887.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.2. (1702–1703 гг.) СПб., 1889.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.3. (1704–1705 гг.) СПб., 1893.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.5. (январь–июнь 1707 г.) СПб., 1907.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.7. Вып.1. (январь–июнь 1708 г.) Пг., 1918.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.8. Вып.1. (январь–июнь 1708 г.) М.-Л., 1948.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.8. Вып.2. (июль–декабрь 1708 г.) М., 1951.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.10. (1710 г.). М., 1956.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.11. Вып.1. (январь–июль 1711 г.) М., 1962.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.11. Вып.2. (июль–декабрь 1711 г.) М., 1964.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.12. Вып.1. (январь–июнь 1712 г.) М., 1975.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.12. Вып.2. (июль–декабрь 1712 г.) М.-Л., 1977.
- Полное собрание законов Российской империи. Т.4. СПб., 1830.
- Тетради записные всяким письмам и делам, кому что приказано и в котором числе от Его Императорского Величества Петра Великого, 1704, 1705 и 1706 годов. СПб., 1774.
- Устав воинский о должности генералов-фельдмаршалов и всего генералитета и прочих чинов, которые при войске надлежат быть, и оных воинских делах и поведеньях, что каждому чинить должно. СПб., 1795.
- Учение и практика артиллерии, или внятное описание в нынешнем времени употребляющиеся артиллерии купно со иными новыми и во практике основанными манеры;

ко вящему научению всё предложено надобнейших чертежей; изъяснено курфирста Саксонского артиллерии поручиком Иоанном Зигмунтом Бухнером. М., 1711.
 Экзерции, приуготовление к маршу, звание и должности полковых чинов. СПб., 1795.
 Эмблемы и Символы. М., 2000.

Мемуары

Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина. 1705–1710 гг. // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн.1. СПб., 1890. С.101-240.
 Записки графа Ланжерона. Война с Турцией 1806–1812 гг. // Русская старина. Т.134. СПб., 1908. С.225-240.
 Записки капитана Пери о бытности его в России с 1698 по 1713 год. Б.м. Б.г.
 Корнелий де Бруин. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С.17-188.
 Юст Юль. Записки датского посланника в России при Петре Великом // Лавры Полтавы. М., 2001. С.9-396.

Монографии и статьи

Барбасов А.П. Оформление артиллерии как рода войск русской регулярной армии (первая четверть XVIII в.) // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. IV. Л., 1959. С.95-111.
 Белокуров С.А. О цветах кафтанов московских стрельцов в XVII веке // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн.4. М., 1901. С.31-32.
 Беспярых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII века. СПб., 1998.
 Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Часть II. XVIII век. СПб., 1883.
 Васильев А.А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. № 1. Л., 1992. С.18-27.
 Вилинбахов Г.В. Отражение идей абсолютизма в символике петровских знамен // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования. Сб. статей. Государственный Эрмитаж. Л., 1981. С.7-25.
 Вилинбахов Г.В. Эмблематика барокко на русских знаменах первой четверти XVIII века // Русское искусство эпохи барокко. Новые материалы и исследования. Сб. статей. Государственный Эрмитаж. СПб., 1998. С.176-190.
 Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. Ч.2. СПб., 1899.
 Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.3. Прил. СПб., 1912.
 Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне. Вып.1. 1698–1706 гг. Кн.4. Прил. СПб., 1912.
 Востоков А.А. О делах Генерального двора // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн.5. Отд. II. М., 1888. С.1-41.
 Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Ч.2. СПб., 1788.

- Денисова М.М. Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX веков. М., 1953.
- Егоров В.И. Протазаны и алебарды русской пехоты. 1719–1730 // Цейхгауз. № 3. М., 1994. С.14-18.
- Егоров В.И. Армия Петра I? История одной мистификации // Цейхгауз. № 4. М., 1995. С.2-6.
- Егоров В.И. Капитан Первого конногренадерского полка. 1717–1720 // Цейхгауз. № 4. М., 1995. С.6-7.
- Егоров В.И. Солдаты смоленских полков. 1-я четв. XVIII в. // Цейхгауз. № 4. М., 1995. С.8-9.
- Егоров В.И. Армия Петра I? История одной мистификации (продолжение) // Цейхгауз. № 5. М., 1996. С.8-11.
- Егоров В.И. Русские драбанты // Цейхгауз. № 5. М., 1998. С.12.
- Егоров В.И. Армия Петра I? История одной мистификации (окончание) // Цейхгауз. № 6. М., 1997. С.12-15.
- Егоров В.И. Русские великаны прусского короля. «Большие мужики» в иноземной службе. 1712–1746 // Военная иллюстрация. № 1. М., 1998. С.8-17.
- Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996.
- Карпущенко С.В. О мундирном довольствии русских артиллеристов в Северной войне 1700–1721 гг. // Сб. исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. V. Л., 1990. С.90-108.
- Колосов Е.Е. Русская военная книга Петровского времени // Книга: исследования и материалы. Сб. № XVI. М., 1968. С.112-131.
- Кулинский А.Н. Русское холодное оружие XVIII–XX веков. Определитель. Т.1. СПб., 2001.
- Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб., 2005.
- Кулинский А.Н. Штыки мира. Определитель. Т.1. СПб., 2002.
- Леонов О.Г., Ульянов И.Э. Регулярная пехота: 1698–1801 / История Российских войск. М., 1995.
- Летин С.А. Гвардия Петра Великого 1702–1725 годов // Орел. №1. Л., 1992. С.5-14.
- Летин С.А. Русский военный мундир XVIII века. Краткий исторический очерк. М., 1996.
- Летин С.А. Служилое платье от Петра Великого. Гвардейские мундиры преображенцев и семеновцев // Родина. № 11. М., 2000. С.18-23.
- Летин С.А. Война камзолов и телогреек // Империя истории. № 3. СПб., 2006. С.17-23.
- Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Каталог. М., 1990.
- Маковская Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV–XVIII веков. Определитель. М., 1992.
- Малышев В.Н. Общие принципы построения военного костюма XVIII–XIX веков // Сб. исследований и материалов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вып. VIII. СПб., 2006. С.232-255.
- Мамаев К.К. Символика знамен Петровского времени // Труды Государственного Эрмитажа. Т.11. Вып.2. Л., 1970. С.25-35.
- Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России. Вып.1. 1683–1762 год. СПб., 1891.
- Масловский Д.Ф. Северная война. Документы 1705–1708 гг. СПб., 1892.

- Моисеенко Е.Ю. Опись гардероба А.Д. Меншикова. К истории мужского костюма первой четверти XVIII века в России // Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С.88-110.
- Моисеенко Е.Ю. Платье рубежа XVII и XVIII веков из «Гардероба Петра I» // Культура и искусство России XVIII века. Новые материалы и исследования. Сб. статей. Л., 1981. С.59-73.
- Мышковский Е.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии периода Северной войны 1700–1721 гг. // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып.4. С.57-73.
- Мышлаевский А.З. Петр Великий. Военные законы и инструкции, изданные до 1715 года. СПб., 1894.
- Мышлаевский А.З. Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 годах. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896.
- Мышлаевский А.З. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 годах. СПб., 1893.
- Николаев Н.Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т.2. СПб., 1899.
- Описи знаменам, штандартам, прапорам, прапорцам, значкам, трубам за отличие, грамотам, скобам и прочим войсковым регалиям, хранящимся в Артиллерийской историческом музее, с указанием принадлежности таковых частям войск. СПб., 1903.
- Рабинович М.Д. Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977.
- Рабинович М.Д. Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX веков. М., 1969. С.221-232.
- Розенбецкая З.В. Каталог архивных документов по Северной войне 1700–1721 гг. / КATALOGИ Артиллерийского исторического музея. Л., 1959.
- Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878.
- Рубинштейн Н.Л. Военные уставы Петра Великого. М., 1946.
- Шокарев Ю.В. Ручное огнестрельное оружие русской армии XVIII века // Исторический музей. Труды. Вып.59. М., 1987. С.18-50.
- Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.
- Юхт А.И. Русская промышленность и снабжение армии обмундированием и амуницией // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С.210-227.
- Яковлев Л. Русские старинные знамена. М., 1865.

ВВЕДЕНИЕ	2
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСТОРИОГРАФИЯ ТЕМЫ	3
ГЛАВА ВТОРАЯ. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО, ОБМУНДИРОВАНИЕ, СНАРЯЖЕНИЕ И ТАКТИКА ПОЛЕВОЙ АРМИИ	11
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. УСТРОЙСТВО ПОЛЕВОЙ АРМИИ	11
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕНГЕРСКОЕ ПЛАТЬЕ	22
а. Обмундирование и снаряжение пехоты в начале 1700-х годов	22
б. Обмундирование и снаряжение драгун в начале 1700-х годов	27
ГЛАВА ПЯТАЯ. ОБМУНДИРОВАНИЕ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗЦА	28
а. Обмундирование 2-й половины 1700-х годов	33
б. Обмундирование 1711 — начала 1712 года	37
с. Обмундирование 1712–1720 годов	42
д. Обмундирование 1720–1730 годов	45
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВООРУЖЕНИЕ И АМУНИЦИЯ	53
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. КОНСКИЙ УБОР	62
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ГРЕНАДЕРЫ	64
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПИКИНЕРЫ	68
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. УНТЕР-ОФИЦЕРЫ И КАПРАЛЫ	71
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. НЕСТРОЕВЫЕ ЧИНЫ	74
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ОФИЦЕРЫ	75
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. ПОЛКОВЫЕ ВЕЩИ	82
а. Знамена	82
б. Музыкальные инструменты	90
с. Лагерь и лагерные принадлежности	92
д. Обоз	95
е. Шанцевые и мастеровые инструменты	96
ф. Полковая артиллерия	97
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. ЛИНЕЙНАЯ ТАКТИКА	104
а. Пехота	105
б. Драгуны	110
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВЕДЕНИЯ ПЕХОТНЫХ И ДРАГУНСКИХ ПОЛКОВ	113
А. ПЕХОТА	114
Азовский пехотный полк	114
Архангелогородский пехотный полк	115
Астраханский пехотный полк	117
Белгородский пехотный полк	118
Бутырский пехотный полк	120
Великолуцкий пехотный полк	122
Владимирский пехотный полк	122
Вологодский пехотный полк	124
Воронежский пехотный полк	125
Выборгский пехотный полк	127
Вятский пехотный полк	130
Галицкий пехотный полк	131
Первый гренадерский полк	132
Первый гренадерский полк*	133
Второй гренадерский полк	134
Гренадерский полк Кампенгаузена	135
Гренадерский полк Лесси	136
Ивангородский пехотный полк	136
Ингерманландский пехотный полк	136
Казанский пехотный полк	138
Киевский пехотный полк	139
Копорский пехотный полк	141
Лефортовский пехотный полк	142
Московский пехотный полк	143
Нарвский пехотный полк	145
Невский пехотный полк	146
Нижегородский пехотный полк	146
Новгородский пехотный полк	147

Пермский пехотный полк	148
Псковский пехотный полк	149
Ренцелев (Саксонский) пехотный полк	150
Ростовский пехотный полк	152
Рязанский пехотный полк	153
Санкт-Петербургский пехотный полк	153
Сибирский пехотный полк	155
Смоленский пехотный полк	156
Тверской пехотный полк	158
Тобольский пехотный полк	158
Троицкий пехотный полк	158
Устюжский пехотный полк	160
Черниговский пехотный полк	160
Шлиссельбургский пехотный полк	161
Ямбургский пехотный полк	162
Ярославский пехотный полк	163
В. ДРАГУНЫ	164
Азовский драгунский полк	164
Архангелогородский драгунский полк	164
Астраханский драгунский полк	166
Владимирский драгунский полк	167
Вологодский драгунский полк	169
Вятский драгунский полк	170
Гренадерский драгунский полк Кропотова	171
Гренадерский драгунский полк фон дер Роппа	172
Гренадерский драгунский полк Хлопова	174
Ингерманландский драгунский полк	175
Казанский драгунский полк	176
Каргопольский драгунский полк	177
Киевский драгунский полк	178
Лейб-шквудрон	179
Луцкий драгунский полк	179
Московский драгунский полк	181
Нарвский драгунский полк	182
Невский драгунский полк	183
Нижегородский драгунский полк	184
Новгородский драгунский полк	186
Новотроицкий драгунский полк	188
Олонецкий драгунский полк	188
Пермский драгунский полк	189
Псковский драгунский полк	191
Ростовский драгунский полк	192
Рязанский драгунский полк	193
Санкт-Петербургский драгунский полк (до 1719 — Лейб-регимент)	194
Сибирский драгунский полк	195
Тверской драгунский полк	197
Тобольский драгунский полк	198
Троицкий драгунский полк	199
Ямбургский (до 1712 — Устюжский) драгунский полк	200
Ярославский драгунский полк	201
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	203
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	213
А. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	213
Российский государственный военно-исторический архив	213
Военная коллегия	213
Канцелярия Военной коллегии (Военная канцелярия)	217
Артиллерийское правление Военной коллегии	217
Комиссариатское правление Военной коллегии	218
Мундирное правление Военной коллегии	219
Воинские комиссии Военной коллегии	220
Канцелярия дел	220
Канцелярия генерал-фельдмаршала графа Бурхарда Миниха	220
Канцелярия генерал-лейтенанта барона Филиппа фон Шверина	220

Северная война 1700–1721	220
Ведения армейских пехотных и драгунских полков 1720–1721	220
Военно-ученый архив.....	222
Российский государственный архив Древних актов	222
Кабинет Петра I	222
Финансы	222
Дела военные	222
Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I.....	222
Разрядный приказ	223
Сенат.....	223
Оружейная палата.....	223
Поместный приказ.....	223
Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи	224
Приказ артиллерии	224
В. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	224
Опубликованные источники.....	224
Мемуары.....	226
Монографии и статьи	226